

Квинтэссенция
КФЮ

bellaurora_pepperwinters
ПЭППЕР ВИНТЕРС

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Пэппер Винтерс
«Квинтэссенция Кью»
«Монстры в темноте» #2

Название: Квинтэссенция Кью

Автор: Пэппер Винтерс

Серия: Монстры в темноте #2

Переводчик: betty_page

Редактор: Matreshka, Марина (24-25 главы)

Вычитка и оформление: Matreshka
Обложка: avis rara

Переведено для группы: https://vk.com/bellaaurora_pepperwinters
18+

**Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!**
Пожалуйста, уважайте чужой труд!

*«Всю свою жизнь я боролся с осознанием того, что испорчен...
развращен и хочу чего-то темного и во многих смыслах неправильного.
Но потом рабыня номер пятьдесят восемь ворвалась в мою жизнь.
Возмущаясь, борясь, имея стальной стержень внутри, она показала
мне существование, где два недоразумения могут создать что-то
правильное».*

*Тесс полностью принадлежит Кью. А Кью безвозвратно принадлежит
Тесс. Но сейчас они должны изучить границы своих нетрадиционных
отношений, пока Тесс ищет мести мужчинам, которые продали ее.
Кью клянется, что бросит их тела к ногам Тесс, и это он и сделает.*

Он, возможно, и монстр, но он монстр Тесс.

*Это чувственная история, наполненная ужасом и сладкой трагедией.
Содержит сцены секса и насилия, но как всегда во тьме присутствует
свет.*

Содержание

Пролог

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Пролог

Кью

Я изнываю от желания видеть твою кровоточащую плоть,
вознагради меня криками, подари мне желаемое.

Позволь рекам стремительно нестись, монстру внутри одержать
победу.

Я полагал, что буду ее кошмаром — ее ужасом и тьмой. Я хотел быть им. Я нуждался в ней больше, чем в пище или солнечном свете. Только когда она вошла в мою жизнь, я начал жить, опьяненный ее вкусом, криками и счастьем.

Но у нашей извращенной сказки не было счастливого конца.

Тесс.

Моя Тесс.

Моя эсклава — такая отважная, неудержимая и страстная — не была достаточно сильной, чтобы вынести то, что произошло.

Я больше не был ее клеткой.

Ею стали они.

Глава 1

Кью

Обнаженная и распятая, эта темнота не может больше сдерживаться.

Ты, моя эсклава, была заклеймлена...

Все, о чем я мог думать, — она умерла. Она должна была быть мертва. Из-за всей крови медно-красного цвета с резким, почти сладковатым запахом.

Ее снежного цвета кожа была ледяной, сизо-серые глаза закрылись навечно для меня.

Ярость и отчаянный страх душили меня, когда я упал на колени в теплую красную лужу крови. Кнут в моих руках стал скользким от пота, и я незамедлительно отбросил его в отвращении. Я совершил это! Я выпустил себя на свободу и показал истинную сущность. Монстр, который таился внутри меня, уничтожил единственный свет, что присутствовал в моей жизни.

— Тесс? — я сгреб ее в свои объятия, притягивая холодное, безжизненное тело ближе к себе. Мы были полностью измазаны кровью. Ее истерзанное кнутом тело источало неподдельные муки.

— Очнись, эсклава, — я издал сердитый рык, тайно уповая на то, что приказ заставит сизо-серые глаза распахнуться.

Никаких признаков жизни.

Я склонился, прижимаясь щекой к ее рту, ожидая на протяжении долгого времени, хотя бы легкого вздоха, знака, что я не зашел слишком далеко.

Ничего!

Страх сковал мое сердце, и все, чего я желал, повернуть время вспять. Вернуться к более простому образу жизни и миру, где проживал свою жизнь снедаемый собственными нуждами и стремлениями, но, никогда не позволяя себе даже мысли, что я могу

быть свободен. Я постоянно мысленно возвращаюсь к тому дню, когда Тесс вернулась ко мне, мне нужно было незамедлительно отослать ее обратно к ее недалекому парню Брэксу. По крайней мере, если бы я это сделал, она бы сейчас была в безопасности, а моя жизнь не была кончена

По крайней мере, Тесс бы сейчас была жива.

Мои демоны уничтожили ее.

Я убил ее.

Я откинул голову назад и истошно закричал.

— Кью. Кью!

Что-то острое вонзилось в мое плечо, и я дернулся всем телом. Отталкивая это, я пытался игнорировать предупреждение. Я заслужил остаться в этом кошмарном аду. Чертов ад, созданный моими собственными руками для убийства той единственной, которая смогла украсть мою жизнь и показать мне эмоции, о которых я не смел даже мечтать. Мечта, о которой я никогда и не помышлял до того момента, пока Тесс не появилась в моей жизни.

Щека вспыхнула, как будто кто-то с силой ударил меня по ней, озаряя тьму яркой вспышкой вместе с обжигающей болью.

Я мучительно медленно распахнул глаза, обнаружив белокурую богиню с обеспокоенными глазами, сидящую на мне. Изнуряющий страх не собирался покидать меня так просто, даже несмотря на то, что она оказалась жива и смотрела на меня со всей страстью, которую я научился так хорошо распознавать к этому времени.

— Что происходит, Кью? Это уже третий раз за неделю. Ты вообще собираешься мне рассказать, что тебе снится, и почему ты воешь во сне словно оборотень? — Тесс пригвоздила мои плечи к матрасу, но мне было не под силу побороть напряжение, что царило во всем теле. Мне нравилось, когда она была сверху, но абсолютно претило то, что она удерживала меня, словно вся власть была сосредоточена в ее руках. Так это не работало.

— Не твое дело. — Я быстро перекатился, хватая ее за бедра и подминая под себя. Я решился слабо улыбнуться. С ощущением ее тела подо мной, мой мир вернулся в прежнее положение. Я провел ладонями

по ее талии, устремляясь ими к горлу, затем прикоснулся к ее губам. Дыхание Тесс затрепетало, участилось; остаток состояния паники постепенно сошел на нет.

Боже. Она все еще дышала.

Я не убил ее.

Пока.

Тесс нежно провела рукой по моей щеке, принуждая меня к действию.

— Тебе нужно рассказать, что тебя так огорчает. Брэкс раньше постоянно...

Я замер, стискивая зубы.

— Если ты знаешь, что для тебя будет лучше, я бы на твоём месте не заканчивал предложение. — Черт возьми, какого долбаного хрена, она притащила призрак своего бывшего идиота парня, который обращался с ней словно с хрупкой принцессой, в нашу постель?

Тесс прикрыла глаза.

— Прости меня. Я совершенно не хотела... это просто... я предположила. Если тебе снятся кошмары из-за меня, то дай мне шанс сделать все, чтобы они исчезли.

Было слишком рано, чтобы начинать утро с истязания пытками.

Прошло четыре дня с того момента, как Тесс появилась на моем пороге и не дала мне выбора, кроме как принять ее обратно. Принять ее пылающее пламя, негнимоый дух и поразительную стойкость. Может, большее количество времени я и был властным подонком, но в тот момент, когда Тесс вошла в мою жизнь, я растерялся.

Я надеялся, что она не догадывалась, как влияет на меня, потому что я был напуган до чертиков, размышляя над тем, чем это могло грозить нам в будущем.

Обещания, которые она дала мне, по поводу того, что будет достаточно стойкой для меня; клятва на крови, которая связывала нас до тех пор, пока в наших венах текла кровь.

Прошло четыре дня с того момента, как моя жизнь бесповоротно изменилась, и с этого времени я испытывал постоянную, мучительную боль.

— Оставь это, — пробубнил я. Женщина была айсбергом для моей нерушимой клятвы. Моей торжественной клятвы, что я никогда не приму гребаную тьму или же не стану садистским ублюдком, как мой

отец. Та же самая клятва, что останавливала меня от издевательств над беспомощными женщинами, как делал он. Но айсберг выигрывал — миллиметр за миллиметром, сантиметр за сантиметром. Его острые льдистые края протискивались между микротрещинами моей силы воли, делая их больше, делая менее возможным контроль над ними.

На протяжении четырех дней я успешно игнорировал все ее намеки в сторону секса. Воспоминания, как я брал ее на поверхности барной стойки в комнате отдыха, были все еще свежи в памяти. Тесс не могла даже сесть, не поморщившись от боли. Я знал, что ей больно, но она ни разу не пожаловалась. Я наблюдал за ней каждую секунду, как стервятник, что изучал слабости своей жертвы. Она думала, что смогла обхитрить меня, сказав, что ушибы нисколько не тревожат ее. Но они тревожили меня. Мужчину, который мог чувствовать аромат боли так, как будто это был опьяняющий запах духов — я знал правду.

Она сказала мне, что я не причинил ей боли, когда хлестал ремнем. Она лгала. Я истерзал ее до крови, ради всего святого. И я жил в неизменном состоянии борьбы, сражаясь с восхитительным удовлетворением от ее боли и нормами морали и ужасом от того, что я причиняю ей боль.

Я никогда не знал, откуда темные желания пришли ко мне. Мне кажется, что они были неизменной частью меня, заложены в моем ДНК.

Тесс не заслуживала того, чтобы ей причиняли боль — ни одна женщина этого не заслуживала. Но она по собственному желанию хотела преподнести мне свои крики. В надежде на то, что я совершенно не был уверен, могу ей дать.

Я, бл*дь, не должен был испытывать желание хлестать ее на протяжении всего дня, но я хотел. О, мать вашу, как же я этого хотел.

— Кью. Ты не можешь держать в себе все мысли, ты впустил меня в свою жизнь. Я вижу страдание в твоем взгляде. Ты же клялся, что будешь пытаться разговаривать со мной и вступишь меня в свои мысли. — Ее голос был переполнен болью, пока крошечные кулачки стискивали простынь в раздражении.

Мы оба дали обещания, и на данный момент, никто из нас не соответствовал им. Не то чтобы меня это волновало, я в свою очередь принял твердое решение положить конец нашей сделке. Она не была достаточно сильной. Я не обладал достаточной силой.

Ce sont les premiers jours, idiot. Détends toi (прим.пер. фр. Еще

ничего толком не ясно, идиот. Просто расслабься).

Но, гребаный боже, я не мог расслабиться. Я не был достаточно силен, чтобы бороться с потребностью вести себя как больной ублюдок. Стоит только посмотреть, что я наделал, когда Тесс стала моей рабыней. У меня не было выбора, кроме как охотиться на нее, причинять ей боль, терзать ее.

Если бы я был более достойным мужчиной, я бы поднялся по лестнице наверх и приказал Франко немедленно убрать ее из дома. Теперь я находился в шаге от ожившей мечты — женщины, которая видела меня настоящего, принимала меня и хотела совместного будущего со мной, а все, на что я был способен, — это утопать в кошмарах о том, как я лишаю ее жизни.

— Я устал, — приглушенно пробормотал я. Смогла ли она распознать завуалированное признание в этих словах? Не прошло еще и недели с того момента, как я признал наши отношения, а я уже чувствовал себя чертовски усталым и измученным. Мне даже не нужно было спрашивать у нее — естественно, Тесс видела правду. Она видела все чертовски ясно.

— Тогда прекрати сопротивляться. Ты не прикасался ко мне с момента, как я вернулась к тебе. Может, мы и делим постель, но ты едва смотришь на меня, за исключением моментов, когда я сажусь на отшлепанную задницу, вздрагивая. Ты сейчас еще больше отстранился от меня, чем тогда, когда меня только продали тебе

Я издал рычащий звук в груди от комментария про продажу. Я ненавидел тех мудаков, что похитили и продали ее. Каждый раз, когда задумываюсь, что могло бы произойти с Тесс, если бы ее отдали другому, я так желаю разразиться гневом — сорвать с себя маску добропорядочного бизнесмена и окрасить свои стены их кровью. Я хотел послать в задницу все культурные деловые встречи с уголовниками. Я устал от этого дерьма.

Образы связанной, избитой, изнасилованной и убитой Тесс беспрерывно преследовали меня. Но ирония заключалась в том, что сейчас, я был тем мудаком, который был ответственен за ее ушибы. Но, разрешая себе использовать ее, я осознавал, что желаю предложить ей все, что у меня было, в обмен на страх и стоны от боли. Я не чувствовал себя достойным ее, я считал, что никогда не смогу расплатиться с ней за подарок, который она преподнесла мне.

Мои кулаки сжались, я задрожал от скрытого гнева. Гнев этот был направлен на меня самого.

Я чертов больной ублюдок.

Я глубоко вдохнул, впитывая в себя храбрость дать Тесс то, в чем она так нуждается — приоткрыть ей крошечную частичку моей испорченной души.

— Я не могу быть нежным с тобой. Я презираю ощущение того, что у меня сносит крышу, когда я наказываю тебя.

Все? Она удовлетворена? Я признался ей в тех вещах, от которых бы хотел очистить свою внутреннюю суть. Вырвать когтями тьму, что живет в глубине моей души; исцелить и очистить мое сердце, чтобы я мог стать милым и нежным, идеальным мужчиной, для нее. А не диким, изголодавшимся по сексу животным.

У нее перехватило дыхание, и она нежным прикосновением пальца очертила мое предплечье.

— Благодарю тебя. Ты не представляешь, насколько огромно облегчение, потому что ты говоришь со мной. А теперь, ты можешь рассказать мне о своем кошмаре?

Я сердито посмотрел на нее и сел, выпрямив спину. Настырная женщина. У нее получается весьма успешно выводить меня из себя и злить надоедливymi вопросами.

Перебираясь на другую сторону огромной кровати, я уселся на край, опуская голову на ладони. Я не хотел быть трусом и убегать, но это все было так ново для меня. Комната в башне с огромным камином и гигантским белым ковром выглядела все так же, внешне ничего не претерпело изменений, но внутренне Тесс привнесла состояние хаоса в мою душу. Я не знал, смогу ли выжить, если позволю ей проникнуть чуть глубже в мой темный порочный мир.

Кошмар вновь во всех красках предстал перед глазами. Вся та кровь, такая яркая с резким медным запахом, практически сладковатым.

Нет. Я не смог бы сделать этого. Я был недостаточно сильным. Каким-то образом порочность моего отца заставила бы меня в конце концов сделать одну единственную вещь, от которой я бежал всю жизнь. Я проживал свою жизнь, ограничиваясь правилами, заковывая себя в кандалы. Я не был готов к тому, чтобы позволить хрупкой и нежной маленькой птичке поддразнивать меня, и тем самым заставляя меня подчиниться ее прихоти и преследовать ее.

Я одержу победу.

Но я проиграю, когда отниму у нее жизнь.

On dirait une fille, putain, mercer (прим.пер. фр. Мерсер, ты говоришь, словно гребаная девчонка)!

Я вздрогнул, когда Тесс устремилась ко мне по легкому постельному покрывалу и прижала свое тело к моей обнаженной спине. Она нежно проследила подушечками пальцев мою татуировку: взмывающих ввысь воробьев и колючей проволоки. Я с силой стиснул челюсти, в то время как ее невесомые прикосновения опускались все ниже и ниже, обводя рельеф пресса и устремляясь вниз к моему члену.

Я намеревался остановить ее. Я правда этого хотел, но она стиснула мою твердую плоть через материал боксеров; я издал мучительный стон. Одно единственное прикосновение это все, что было нужно, чтобы сделать меня невероятно твердым и затопить темным вождением.

Тесс убеждала меня, чтобы я был жестоким с ней, нашептывая мне на ухо:

— Если ты боишься причинить мне боль, Кью... не стоит. Я всецело доверяю тебе, что ты не позволишь себе зайти далеко.

Я огрызнулся:

— Но я не доверяю тебе пока еще. Я не хочу сломать тебя.

А про себя я подумал, что совершенно не доверяю себе, что могу в нужный момент остановиться.

Она прекратила поглаживать член и отстранилась от меня. Ее тепло покинуло меня, и я вздрогнул всем телом.

— Я обещала тебе, что буду бороться с тобой. Я сплю с тобой в одной постели уже на протяжении четырех дней, а большее из того, что ты делаешь, так это даришь мне поцелуй в щеку, когда желаешь спокойной ночи. Ты не используешь свой ремень или цепи, или же игрушки, которые я видела в зеркальном комод.

Ее глаза устремились к изножью кровати, где располагался комод. Я не желал, чтобы она совала свой нос туда.

Я издал стон, с силой впиваясь пальцами в кожу головы. Какой монстр желает видеть кровь женщины, которой он готов посвятить свою жизнь? Что за животное могло желать вырывать ее крики снова и снова, чтобы они звучали как прекрасный хор.

Я действовал правильно, пока удерживал себя на некотором

расстоянии, занимаясь работой. Пребывая в состоянии постоянного переутомления, у меня не оставалось времени на другие потребности.

Я не появлялся на работе уже четыре дня. Новые эмоции завладели мной, удерживая дома, чтобы я находился рядом с Тесс. Весь ужас был в том, что она могла проснуться одним утром и понять, что допустила огромную ошибку, оставшись со мной, из-за этого я чувствовал злость и волнение. Мне не давала покоя мысль, что вернувшись домой с работы, я обнаружу, что ее больше не будет со мной — эта идея была ненавистна, как мужчине внутри меня, так и жестокому монстру. Но было ошибкой предполагать, что я могу оставить свой привычный образ жизни и впоследствии не испытывать мучений.

Я должен найти способ излечить себя. Я должен прекратить, пока Тесс не заставит меня сделать то, о чем я буду жалеть.

Тесс что-то недовольно пробормотала и опустила ноги с кровати. Ее великолепная упругая задница была покрыта багровыми полосками от моего ремня. Как много ударов я нанес ей в тот вечер? Я насчитал примерно тридцать, но это уже было после тех, что я уже нанес. Мое сердце мучительно сжалось от мысли, насколько легко я терял себя рядом с ней, но спустя долю секунды эти мысли были оттеснены на задний план переполняющим желанием нанести новые, более сильные, яростные отметины на ее идеальную кожу. Я хотел ощущать ее тело на моих коленях. Я хотел чувствовать ее прозрачные слезы на моем бедре, пока я буду вознаграждать ее задницу новыми ударами.

Черт возьми, она сказала, что я оставил шрамы в ее душе... позволила бы она оставить шрамы на своей коже?

Тесс встала передо мной. Ее стройные ноги были разведены в стороны, ладони покоились на бедрах. Она царственно и гордо выставляла свое тело. Я не мог отвести от нее замороженных глаз. Животное внутри меня бесновалось и кидалось на клетку, стараясь добраться до нее. Разорвать. Уничтожить ее.

Я вновь сковал внутреннего монстра цепями, собирая себя воедино.

Тесс грациозно опустилась на колени между моих ног и прижалась своими манящими губами к возбужденной плоти, которая натягивала ткань боксеров.

Я вздрогнул всем телом, задыхаясь. Жар ее дыхания, нежность губ сводили с ума.

— Если ты мне не скажешь, что тебя тревожит, то я буду дразнить

тебя до того момента, пока ты не сможешь сдерживать себя. У тебя есть я. Я твоя рабыня, пока мы находимся в этой спальне, и я хочу, чтобы мною пользовались. Я жажду этого. Почему ты до сих пор не сделал этого?

Она желала дразнить меня? Отлично. Я вскинул руку и вцепился пальцами в ее спутанные светлые волнистые пряди волос. Склоняясь к ее лицу, чтобы наши глаза были на одном уровне, я заглянул прямо в глубины ее внутренней сути, позволяя ей взглядеться в хаос в моем взгляде. Потребность, мучение, тонкая грань ненависти и любовь к ней, вынуждали меня принять эту часть себя.

Тесс втянула вздох, съеживаясь под тяжестью моего взгляда. Я встряхнул ее, наслаждаясь крошечным проблеском боли в глазах. Проклятье, смогу ли я когда-нибудь отвергнуть стремление причинять ей боль, вместо того, чтобы возбуждаться от этого?

— Я понимаю, что ты желаешь, чтобы я показал тебе, что кроется в моих фантазиях, но тебе нужно дать мне время, эсклава. — Мое сердце забилося быстрее от этих слов. На протяжении четырех дней, я не называл ее никак, кроме как Тесс. Но... Она не была моей рабыней. Она не была моей собственностью. Никогда не была и никогда не станет. Я ненавидел это, хотя прекрасно понимал, что она находится тут по своему собственному желанию, но внутренне я хотел полной власти над ней. Я хотел ее закованной в цепи и полностью зависимой от меня. Я хотел кормить ее и купать. Я хотел быть самой главной и единственной причиной, почему она оставалась в живых.

Бл*дь. Мне следовало бы найти себе зверушку, которая бы исполняла мои прихоти.

Тесс не такая, ты гребанный ублюдок. Она равная тебе. Она Тесс. Elle est à toi (прим.пер. фр Она твоя).

Она закрыла веки и покачнулась в мою сторону, ее губы слегка приоткрылись.

— Скажи это опять, maître (прим. пер. фр. Господин). Напомни мне мое место.

Черт, это гребаная женщина. Она не помогала мне излечиться. Она делала меня еще хуже. Как я мог ожидать, что смогу избегать своих кошмаров, когда она принуждала меня ступить на эту тропу?

Что-то внутри открылось, темнота внутри меня неистово клубилась, заслоняя свет, за сияние которого я так отчаянно боролся.

Тесс заметила это. Ее тело напряглось, пальчики с силой впились в мои бедра.

Я склонился еще чуть ниже, смотря на нее с неприкрытой яростью. Мое сердце в груди тяжело стучало, когда неумолимое возбуждение распустилось пышным цветком.

— Ты не подчиняешься моей воле, эсклава. Я полагаю, что могу за это наказать тебя. — Слово «наказать» заставило мои мышцы напрячься до предела, и я схватил ее сильнее.

Она вздрогнула под моим прикосновением, ее глаза распахнулись, и в них вспыхнула сексуальная искорка. Черт, эта же искорка давала мне понять, что она готова противостоять мне, и это стало причиной потери моего контроля. Проклятье, у меня не было больше сил сдерживать себя. Мои силы были на пределе. Врата распахнулись, и монстр захватил всю власть в свои руки.

Тесс погладила мое бедро.

— Тебе не позволено меня наказывать. Я сбегу от тебя. Я брошу, покину тебя.

Мои руки грозно сжались в кулаки, стискивая ее плоть только сильнее. Ее угроза была так близка к моим истинным страхам, и в следующее мгновение я содрогнулся от всепоглощающей ярости. Даже несмотря на то, что я прекрасно осознавал, что она сделала это специально, чтобы спровоцировать меня.

— Ты не посмеешь сделать это. Ты сама вернулась ко мне. Это тебе не отдых, эсклава. Ты не можешь возвращаться и уходить, когда тебе заблагорассудится. Ты принадлежишь мне, и я могу делать с тобой все, что пожелаю.

Ее рот приоткрылся, и она втянула судорожный вздох, но ее глаза пылали серебристым огнем.

— Не смей прикасаться ко мне. Я разрушу тебя.

Ах, проклятье, я был загублен. Я полностью и бесповоротно находился в ее власти, был влюблен в эту женщину.

Я сглотнул, подступивший к горлу сильный привкус вожделения, и пробормотал низким голосом:

— Слишком поздно, эсклава. Я полностью разрушен без надежды на спасение. — Цепляясь изо всех сил за последние проблески нежности, я прижался к ее лбу своим и глубоко вдохнул. — Я потерял. — В следующий момент нежность испарилась, будто ее и не было, на

смену ей пришла острая потребность причинять боль.

В одно мгновение я набросился на Тесс, поднимая вверх. Ее руки схватились за мои, когда я с силой сжимал ее шелковистые волнистые волосы. Взгляд подернулся поволокой, идеальные розовые губы дрожали.

— Тебе и, правда, не следовало подталкивать меня к действиям. Я просил время. — Я жестко встряхнул ее, обдавая волной ярости оттого, что она стала причиной потери моего контроля. Контроль был моей слабостью — забери его у меня и последствия были поистине ужасающими. — Я сыт по горло борьбой. Теперь ты довольна?

Ее грудь резко приподнялась, и она втянула еще один несмелый вдох. Вспышка нерешительности отразилась в ее взгляде, прежде чем была поглощена сильным, обжигающим желанием.

— Да. Очень. Вот мужчина, к которому я вернулась. Единственный, кого я желаю, тот, что должен трахать меня.

Мой член дернулся, сдерживаемый эластичным материалом боксеров, испытывая болезненную нужду глубоко ворваться в ее тело. Я дернул ее к себе, облизывая губы. Я трахну ее со всей жестокостью. Я не желал быть покладистым. Я хотел быть диким.

Ее веки затрепетали и глаза закрылись, когда я жестоко обрушил свой рот на ее губы.

Она издала тихий вздох, когда я лизнул ее нижнюю губу своим жаждущим языком. Ее тело повиновалось моему прикосновению, уступая в притворном сражении, показывая мне, насколько она нуждается в этом — в жестокости.

Я отпрянул, отпуская ее волосы, но лишь для того, чтобы схватить за запястье. За то же запястье, на котором нанесена татуировка: решетка штрих-кода и взмывающий ввысь воробей. Одновременно гребаная насмешка над ее статусом рабыни и талисман свободы.

— К настоящему моменту ты уже должна была уяснить, что я не делаю того, что хочешь ты, эсклава. Твое разрешение не побуждает меня к действиям.

Она нахмурилась, когда я поволок ее по густому ворсу белого ковра и принудил опуститься на колени перед зеркальным комодом. Тяжело дыша, я направился к тому месту, где ранее прошлой ночью оставил брюки и выудил из кармана ключ.

— Открой. — Я передал ей ключ своей решительной рукой, но

сердце в груди стучало как сумасшедшее.

Она засияла, всего на долю секунды испытывая противоречивое чувство сомнения. Язык ее тела говорил мне о том, как напряглось ее тело от моей команды. Я думал, что она снова ослушается, но она кивнула и послушно вставила ключ в замочную скважину.

Моя спина напряглась, каждый мускул мучительно пульсировал предчувствием тревоги. Тесс наивно полагала, что я обладал душой, что, мать его, я был наделен сердцем. Но то, что хранилось в комодке, будет лишним раз служить доказательством, что все ее милые девчачьи мечты — лишь гребаная призрачная иллюзия, которой не суждено воплотиться в реальность.

Не было ни единого сомнения, что я со всей страстью желал Тесс. Не было смысла даже обсуждать, что она заставляла чувствовать меня то, что я никогда не испытывал прежде... но в то же время я не испытывал заблуждений насчет того, что всего этого было недостаточно. Я был слишком испорчен, слишком извращен с раннего возраста, чтобы что-то менять.

Тесс сделала глубокий вдох, открывая дверцу комода. Своей темной душой, я втайне ожидал испуганного вскрика, ожидал, мать вашу, что она задохнется от увиденного... сделает что-то, что могло бы указать на ее понимание, чего она добилась своими поддразниваниями, но комнату словно накрыл непроницаемый купол, погружая нас в мертвую тишину.

Я стиснул зубы, смотря через ее плечо на содержимое комода. Первая часть девайсов была для подчинения, «обучения». Данные покупки возможно было найти в любом секс-шопе или у любой семейной пары, которая обладала определенным уровнем прозорливости.

Три кнута, четыре флоггера разной величины и, следовательно, с различной силой удара, два паддла, три набора зажимов для сосков, анальные пробки и различные разновидности манжетов. Если быть откровенным, от этих предметов веяло покорностью настолько, что все мое внутреннее существо раздражалось при мысли использовать их на Тесс.

Тесс аккуратно прикоснулась к предметам, немного хмурия лицо. Какого хрена она нахмурилась?

— Говори. Почему ты огорчена? Ожидала найти здесь набор насильника? А может, лопату для того, чтобы можно было избавиться

от твоего трупа?

Она вздрогнула все телом при упоминании слова «изнасилование», и я выругался себе под нос, посылая себя к черту за использование его. В одно мгновение вспыхнули мой гнев и ненависть по отношению к Лефевру; я хотел скормить его мерзкий труп червям. За то, что гребаный мудака причинил боль тому, что было моим по праву, и что я должен был защищать и оберегать.

Тесс подняла взгляд, вытягивая свою лебединую шею.

— Просто... я ожидала... — Она тяжело сглотнула и не стала продолжать. Вместо этого слегка покачала головой и вернулась к изучению комода.

Доставая черный резиновый фаллоимитатор, она пробормотала:

— Я не желаю никаких фаллоимитаторов, когда я могу наслаждаться твоим членом. Я прекрасно знала, что у тебя, определенно, есть кнуты и флоггеры, но я не знаю... — Ее голос сошел на нет, и пошло все к черту, она заставила меня чувствовать, будто я облажался. Что я был недостаточно развратным и жестким для нее.

Но кому я лгу, я был бы удовлетворен в достаточной степени только тогда, когда она была бы покрыта своей красной кровью и издавала хныкающие стоны в моих руках. Именно таким больным ублюдком я был. По мнению Тесс я стал более сдержанным. Проклятье, это всколыхнуло во мне неистовое желание доказать ей, насколько жестоко я желал, чтобы все было между нами. Я хотел показать ей насколько развратные мысли присутствовали в моей голове.

Я провел ладонью по голове, тихо проклиная ее. Мой внутренний голос продолжал нашептывать мне: «Ты пытаешься соревноваться с самим собой. Ты хоть понимаешь насколько это ненормально?»

Черт.

— Это полочка. Смотри внимательнее. — Мой голос утратил свой привычный тембр. Он был наполнен темным желанием и раздавался слишком грубо.

Ее глаза вспыхнули, смотря в мои, и что-то неведомое проскользнуло между нами. Это были химия и потребность, которые всегда вспыхивали в неконтролируемом пламени. Мое сердце застучало быстрее, моя твердая и возбужденная плоть запульсировала нуждой. Все, о чем я мог думать в данный момент, — сладкий вкус Тесс на моем языке и воспоминания, в которых она отшлепанная изнывала в моем

порочном сознании.

Приподнимаясь чуть выше на коленях, Тесс, наконец, отыскала маленькую задвижку на полке и отодвинула ее в сторону

— О, — озадаченно прошептала она

Да, именно «о». Истинная темнота и извращенность предстали ее взору. Я не использовал ни одну из этих игрушек — не то чтобы их можно было назвать игрушками. Это больше напоминало приспособления для пыток. Я даже не знал, почему владею этими девайсами. У меня никогда даже и в мыслях не было использовать их. До настоящего момента.

Тесс вытащила японскую шелковую веревку для бондажа. К слову, она так сильно затягивалась в узлы, что невозможно было ее развязать зубами, даже лезвие было бессильно в борьбе с ней. Она до боли впивалась в кожу, оставляя на ней саднящие следы, когда удерживаемый пленник начинал извиваться, и нужно добавить, что пурпурная веревка очень напоминала кровь, поэтому мой рот наполнился слюной.

В нежном прикосновении Тесс прошла кончиками пальцев по веревке, прежде чем положила ее на свои обнаженные бедра и потянулась к следующему предмету. Я не желал отводить взгляда от насыщенного цвета веревки, что так контрастировал с ее белоснежной кожей, но мой желудок буквально скрутило в узел от следующего предмета.

Сбруя с фиксацией для рук и тела.

Я был таким же больным извращенцем, как и мой отец, который подвешивал женщин за ноги на цепи, что свисали с потолка таким образом, что их голова находилась внизу. Ноги обездвижены, руки стянуты, даже голова находилась в неподвижном фиксированном состоянии... в этом случае Тесс было бы не сбежать. Не было места на ее теле, которого я бы не смог коснуться.

Я вздрогнул всем телом, потому что кольцо нестерпимой нужды с мучительной болью стянуло мои яйца. Мысль о подвешенной таким образом Тесс, наполнила меня нестерпимым чувством вожделения. Я решительно сделал шаг вперед, готовый накинуться на нее со всей страстью и обездвижить. Заставить ее кричать, нуждающуюся в моем члене

Ее глаза встретились с моими, когда я сделал еще один шаг по

направлению к ней, слегка подталкивая ее колено ногой. Она посмотрела на меня снизу вверх из-под трепещущих густых ресниц, в ее глазах кружилось множество сложных чувств, которых я не мог разобрать. Ее грудь приподнялась в резкой и беспокойной манере, когда отчаянное чувство смелости отразилось на ее лице.

— Нравится ли тебе мысль о том, что ты не сможешь никуда от меня сбежать? Не сможешь никуда спрятаться, эсклава?

Медленно, даже очень медленно, она отложила сбрую в сторону. Ее соски превратились в острые пики под материалом моей белой футболки, которую она надела в постель прошлой ночью.

— Я прекрасно знаю, что не смогу сбежать от тебя, Кью. Я бы и не хотела этого. Не по-настоящему.

Ее голос был хриплым, но в то же время напряженным, и вместо того чтобы подстегнуть мое влечение, это его рассеяло. Я замер на месте, когда она потянулась за следующим предметом. Почему я позволил ей увидеть это? Мои руки зудели от желания захлопнуть дверцу и не позволять ей смотреть в комод снова.

Тесс достала оттуда кляп — шар ярко-красного цвета с ремешками для фиксации, виниловый костюм, который покрывал все тело и имел в наличии лишь прорезь для рта и области промежности, регулирующую распорку для запястий и лодыжек.

Каждый предмет, который Тесс клала на пол, наполнял меня все большим и большим отвращением. Все, что лежало у моих ног, было доказательством моей реальной испорченности. Мои нужды вышли за пределы среднестатистических извращений и стали граничить с желаниями, которые были опасны для жизни. Мне не нужны были поддельные слезы и страх. Нет. Я хотел все чувствовать по-настоящему, ощущать каждую эмоцию кожей. Я желал в полной мере обладать, владеть и уничтожать. Я хотел быть воздухом, что наполняет легкие Тесс. Я хотел быть водой, что она пила. Поддерживать в ней жизнь, одновременно с этим желая лишить ее.

Я никогда еще не говорил Тесс более правдивых слов до этого момента. Я был полностью и всецело измучен.

Тесс издала шум, вырывая меня из моих размышлений. Я вздрогнул из-за того предмета, что находился у нее в руках: красная кожаная сумка. Я предпринял попытку выхватить ее из рук Тесс, в тот самый момент, когда она потянула за молнию.

Она стремительно среагировала, убирая сумку от моих рук.

— Дай мне посмотреть. — Ее голос граничил с яростью и мольбой одновременно. Это была настолько приятная смесь звуков.

Я кивнул, отстраняясь от сумки с девайсам. Девайсами, которыми я сейчас очень хотел воспользоваться.

Тесс достала из сумки: серебряные ножницы, маленький нож и три стеклянных сосуда. Она не стала доставать шприцевой насос, служивший для сбора крови, который я точно знал, находился там.

Она отклонилась на пятки, буравя меня своим стальным взглядом.

— Мне всегда было интересно, почему ты испортил так много моей одежды. Ты мог потребовать, чтобы я разделась для тебя, но ты всегда предпочитал разрезать, сжигать, или разрывать одежду на части. Это все, потому что втайне ты мечтаешь сделать то же самое с моим телом? Разорвать меня на части? Содрать кожу? Наблюдать за тем, как моя кровь стремительно течет, словно быстрая река?

Я прикрыл глаза. Я не мог справиться с соблазнительными образами, что она так искусно обрисовывала. Я так хотел эти образы. Очень. Бл*дь. Сильно. Хотел.

Тесс схватила меня за лодыжку, помогая себе подниматься, опираясь на мое почти обнаженное тело, пока не выпрямилась во весь рост передо мной. Тепло ее обнаженного тела проникло в мое, и я гадал про себя, что произойдет, если потянусь и заключу ее в объятия: проявлю свою ласку, обнажу нежные чувства. Смог бы я пережить это, или же я разрушил бы ее, прижать к себе — это то же самое, что зайти слишком далеко, как я делаю это каждый раз, когда нахожусь с ней?

Тесс ответила за меня. Она вложила в руку флоггер.

— Ты очень ошибаешься, если считаешь, что твоя коробка с ужасами может меня испугать. Нисколько.

Мои глаза, в которых таилась вся тяжесть сожаления и ненависти к себе, резко распахнулись, впиваясь в нее. Она была так близко, водовороты голубого и серого цветов в ее зрачках смотрелись, словно бурное море. Я попытался разглядеть в них страх, упрямство и вожеление, что бушевало в ее душе.

Ее голос надломился, превращаясь в шепот:

— Тебе необходимо поговорить со мной. Ты не можешь утаивать все от меня, maître. С этого момента больше нет. Я не позволю тебе этого. — Делая шаг назад, она быстрым движением сорвала с себя мою

футболку, стягивая ее через голову, оставаясь стоять передо мной прекрасная в своей наготе. Со смелостью, которая присуща настоящему воину, она с силой шлепнула себя ладонью по бледной коже чувствительного местечка между ног. — Здесь. Я хочу, чтобы ты оставил шрамы здесь. Отметь меня шрамами, если от этого тебе станет лучше. Я желаю, чтобы ты принял то, что я даю тебе. Я хочу, чтобы ты полюбил это.

Я бросил флоггер на пол. Она не просто предлагала мне свое тело, она предлагала мне полнейшее безумие. Я был недостаточно хорошим мужчиной для нее, но, несомненно, внутри меня скрывалась сильная звериная натура. Но как мужчина я был полным трусом. Я не желал разрушать стены, которыми окружил себя, чтобы быть полностью свободным — и неважно, какие обещания ранее Тесс заставила меня дать. Нанести шрамы на ее тело? Она даже не подозревала, что я бы не остановился — не смог бы остановиться — на одном.

Кончиками пальцев я прикоснулся к ее упругому животу. Такая нежная кожа, такая шелковистая, такая женственная. Тесс издала мягкий стон, и ее грудь приподнялась и опустилась, соблазнительно поддразнивая меня, заставляя рушить все запреты, данные самому себе. Только она могла сплести и раскинуть такого рода сеть вокруг меня. Только она могла заставить меня почувствовать себя настолько испорченным и одновременно растерянным.

Заклячая ее мягкую грудь в свои ладони, я с силой ущипнул ее за сосок. Никаких ласковых прелюдий, только наполненное порочной властью прикосновение. Она склонила голову вперед, упираясь лбом в мои жесткие мышцы груди. Самой последней каплей в моем разрушении стал ее тонкий соблазнительный аромат орхидеи и мороза.

Я сдался.

Поддался ее власти.

Я так неистово желал этого, и я бы ни за что не остановился.

Я действовал по наитию, позволяя своим мыслям путаться и уплывать далеко вперед, исследуя неведомые горизонты. Теперь я вновь обладал ясным сознанием и испытывал неистовую жажду насладиться ролью причиняющего боль, ненасытного мастера.

Моя рука проследовала вверх по ее груди, устремляясь к изгибу шеи, и обхватила горло. Одним рывком поднимая ее голову, чтобы ее глаза, затянутые дымкой желания, встретились с моим взглядом. Гнев

яркой и мощной вспышкой пронзил мое тело.

— Ты не могла просто дать мне время, в котором я так нуждался, не так ли, эсклава? Теперь же я раздражен и зол, и я не знаю, есть ли границы у моего самоконтроля. Я поддался твоей пропитанной ядом власти и сейчас для меня ничего не имеет значения, кроме как желание трахать тебя. — Я встряхнул ее, сдавливая сильнее пальцы вокруг ее шеи.

Она стояла, не шелохнувшись, ее руки расслабленно располагались по швам, и позволяла мне душить ее. Я испытывал ее, стискивая мои пальцы до того момента пока незащищенные, хрупкие мышцы нежной женской шеи не заставили мое сознание погрузиться в состояние беспомощности.

Тесс не предпринимала никаких действий.

Принуждая усилием воли мои пальцы немного ослабить хватку, я нахмурился.

— Ты, действительно, веришь, что я не зайду слишком далеко и не пересеку невидимую грань? Ты на самом деле такая идиотка?

Одна ее ладонь накрыла мою, но она не предприняла попыток разжать пальцы или попытаться освободиться от неумолимого захвата. Другая ее ладонь легла на мою щеку, покрытую жесткой щетиной, насыщая меня необходимой дозой безоговорочного принятия, потребности, вожделения и всеми остальными чувствами, что существовали между нами двумя.

Проклятье, я — счастливчик. Но я не достоин этого.

— Я обещала тебе, что буду делать все, чтобы бороться с тобой. Я не настолько глупая, чтобы доверить себя целиком в твой безраздельный контроль, Кью. Но верю, что знаю твои границы, даже лучше, чем ты. Я доверяю тебе... здесь.

Она прижала ладонь к моей груди на уровне сердца. Оно забилось и понеслось со стремительной скоростью, словно какой-то дьявольский механизм, ударяясь со всей силой о грудную клетку под ее ласковым прикосновением. — Позволь себе чувствовать. Позволь принять. Ты более человечный, чем думаешь.

Мягкость в голосе вновь привела меня в состояние ярости. Я не позволил себе анализировать насколько сказанное ей правдиво. Вместо этого я просто набросился на ее губы в неистовом поцелуе.

Я захватил ее губы в плен, словно она была самой последней из

оставшихся женщин на этой планете. Единственной для меня. Мой язык напористо раздвинул и скользнул между ее мягких, сладких губ, поглощая ее раз за разом. Я украл ее вкус, я отнял у нее дыхание. Принудил Тесс принять до последней капли неистовую нужду, от которой изнывал мой язык.

Она издала мучительный, протяжный стон, прижимаясь всем телом к моему, забирая все больше и больше от меня, пока я, наконец, уже не мог сказать, где были ее губы, а где мои.

Мои пальцы усилили свой захват сами собой, пребывая в поиске долгожданного и сладкого подчинения, полного контроля. Я поглощал ее поцелуем, в то время как продолжал сжимать ее горло, до того момента, пока ее ноги не стали подкашиваться, и затем я поймал ее, когда они полностью подогнулись.

Понимание того, что она позволила мне подвести ее к такому состоянию уязвимости, заставило мое сердце переполниться эмоциями и чувствами до того момента, пока ему не стало тесно в груди. Я никогда не думал, что смогу ощутить что-то, что чувствовалось настолько же приятно, как причинение боли, но ее полное подчинение и доверие были ни с чем не сравнимым афродизиаксом для меня.

Освобождая Тесс из своей хватки, я подхватил на руки обмякшее тело и понес ее на руках, пересекая пространство комнаты. Следуя мимо камина, мы удалялись подальше от цепей, которые свисали с потолка, где я подвесил ее в первый раз, направляясь в дальнюю часть башни.

Тесс сморгнула, ее взгляд все еще был затуманенным от недостатка кислорода.

— Куда мы направляемся?

Втягивая с жадностью воздух в легкие, пребывая в полной власти своего пульсирующего члена и сильного желания, я немного изменил положение Тесс в своих руках, чтобы резко сдвинуть влево массивную вельветовую занавеску, что скрывала огромный проход.

Темно-зеленый материал скользнул на пол, растекаясь по полу зеленой лужицей, словно растаявший лес.

Тесс задержала дыхание и прижалась ближе ко мне, не отводя взгляда от креста, который был величиной с человеческий рост. Это был крест Х-образной формы из темного дерева и ремешками-фиксаторами из ярко-красной кожи, которые внушали чувство средневекового ужаса. Такой инструмент использовался, чтобы лишать человека частей тела

или же для того, чтобы заживо снимать кожу. Это было дико. Ужасающе. Восхитительно.

Тесс будет полностью распята и обездвижена. Будет находиться в моей полной власти. Будет полностью моей.

Она застонала и вздрогнула, посылая волны неистовой потребности сквозь все части моего тела. Мой голос полностью пропитался порочной темнотой.

— Пришло время ввести тебя в мой мир, эсклава.

Глава 2

Тесс

*Я получаю наслаждение от шлепков, приветствую ожог, не
останавливайся, сейчас все еще моя очередь.*

*Усиль свою хватку, заставь меня истекать кровью, этот голод
должен быть пресыщен.*

Две эмоции боролись во мне: неуверенность и волнение. Я выиграла бой, который вела на протяжении четырех дней: я заставила Кью сдаться. Но какой ценой? Я не могла больше понимать его язык тела — он испытывал слишком сильную душевную боль, источая вожделение. Его бледно-зеленые глаза были совершенно нечитаемыми, отстраненными от всего происходящего, кроме опаляющего жара доминирования.

Пока я смотрела на крест, все в одно мгновение замедлилось, переходя в полное состояние бездействия. Жизнь замерла, и я стояла переполненная мыслями. Моя инициация в его таинственный мир началась, но я колебалась на пороге, гадая, увижу ли когда-нибудь свет снова.

Мое горло саднило там, где он держал его. Его большая ладонь безжалостно обрушилась на мою трахею с явным желанием вырвать ее. Бороться до того момента, пока он меня не отпустит, было совершенно бессмысленно. Но каким-то образом, я знала, что Кью нуждается в том, чтобы ему преподали урок самого основополагающего момента в отношениях. Ему необходимо было понять, что для любого рода любви, что зарождалась между нами, нужна была устойчивая основа, чтобы она могла существовать дальше. Эта основа опиралась на непоколебимое доверие и веру друг в друга.

Я сказала, что доверяю Кью. Но я не доверяла. Пока еще нет. Я была также уверена, что и он мне не доверял. Мы оба блуждали в темноте, пытаюсь понять природу нашей связи, а пока мы не научились распознавать ее и верить друг в друга, мы были обречены.

Мои подушечки пальцев прикоснулись к саднящей шее, я вздрогнула, когда сглотнула. Боль была оправданным экспериментом, чтобы познать, насколько далеко мог зайти Кью. Я была всего в шаге от того, чтобы потерять сознание, но он не перешел границы дозволенного.

Я позволила своей вере в Кью немного увеличиться.

Кью слегка подвинулся ко мне, наблюдая за тем, как я поглаживаю кожу горла пальцами. Его глаза вспыхнули неприкрытым стыдом и сожалением, перед тем как были поглощены сверкающим жаром и тьмой.

— Я не стану извиняться за то, что причинил тебе боль. Ты меня спровоцировала. *Je ne peux pas me priver si longtemps* (прим.перев.Единственное, что я мог, — это отказывать себе на протяжении долгого времени).

Мое тело откликнулось на его слова, плавясь, расслабляясь, приготавливаясь принять его тело. Глаза Кью действовали, как катализатор для постепенно нарастающего пламени, что разгоралось в моем животе, но внезапно оно вспыхнуло и распространилось, за счет чего поглотило все вокруг, превращая мои внутренности в пепел.

— Я не ожидаю твоих извинений, — прошептала я.

— Хорошо. — Он положил ладонь на мою щеку. Это предполагалось как нежная ласка, но внутренне Кью все еще клокотал от тихой ярости.

Я стояла неподвижно, когда Кью провел пальцем за моим ухом, поправляя выбившуюся прядку. Вздрагивая, я впилась в него взглядом. Уставившись глубоко в сердце монстра, которого я предпочла такому милому парню, как Брэкс.

В то время как Брэкс был ярким солнцем, Кью был бесконечной тьмой, затягивающей в пучину своего пустого пространства. Черная дыра полная тайн и загадочных миров. Мои глаза переместились к кресту. Готова ли я ступить в мир боли? Освободился ли он, наконец, от своего состояния контроля?

Приход в его мир означал то, что у меня было множество вещей, которым нужно научиться. Насколько я могу быть смелой, и какой у меня пороговый лимит боли?

— Я была глупа, *maître*. — Мои глаза опустились к его соблазнительным губам. Они были чуть влажные от его языка, наполняя мой рот слюной от одной мысли о том, чтобы поцеловать его снова.

Его рука скользнула вниз от моего уха, легким касанием задела сосок. Я дернулась всем телом, а моя киска сжалась от безобидного прикосновения.

— Ты была такой глупой. Отчаянно глупой, эсклава.

Я кивнула, мое дыхание было поверхностным, когда Кью склонил

голову и прикоснулся к моим губам в легком, еле ощутимом поцелуе. Я потеряла от него голову, отчаянно желая обвить руки вокруг его шеи и прижаться грудью к его мощной силе. Какая-то важная часть меня, неразумная, но все еще неизменно осознающая все, знала, что мне необходимо сломить Кью полностью, прежде чем он опять поддастся влиянию своей мягкой стороны характера.

Он боялся.

Но боялся чего? Может, потому что у него никогда не было такой мощной связи, как наша, до этого. Возможно, Кью и правда думал, что он — порождение дьявола и неспособен на чистую любовь. Но я ни за что бы ни отказалась от него.

Кью углубил поцелуй, и я застонала. Обвивая руки вокруг его шеи, я притянула его ближе к себе. Он издал тихое рычание, прижимая нас к твердой поверхности деревянного креста за моей спиной. Затем его руки с силой поймали мои запястья и убрали их, приложив определенную силу, чтобы разомкнуть их вокруг его шеи.

— Ты сама знаешь, насколько глупая и все равно продолжаешь провоцировать меня. Попыталась бы ты погладить пантеру, когда та охотится? Non, parce que la mort te trouverait rapidement (прим. пер. Нет, потому что смерть найдет тебя незамедлительно). — Его слова были отрывистыми и четкими, как пули, выпущенные из пистолета.

Образы безжалостных хищников, убийства и крови заполнили мой разум.

Кью был рожден в полнейшей мгле, что была вызвана жизненными обстоятельствами, которыми он не стал бы делиться со мной, но, если кто-то из нас и был поврежден, то это был определенно он. Я желала, чтобы он больше не боялся себя. Ему больше не нужно быть одному.

С моими запястьями, что крепко удерживали его пальцы, я проговорила:

— Хочешь знать, о чем я думала, когда вернулась к тебе? Обещание, которое я дала сама себе.

Кью замер, ноздри затрепетали.

Я восприняла его молчание за положительный ответ и продолжила:

— Я сказала себе, что буду сражаться за тебя. Ты достоин того, чтобы за тебя боролись. Я не знала тогда, что нужно было делать, и я не знаю сейчас, через что мне придется пройти, чтобы... — я устремилась вперед всем телом, чтобы поцеловать его. Он отодвинулся, и его

крепкая хватка не дала мне пространства совершить задуманное... — но я никогда не перестаю бороться за тебя. Я была права. Ты стоишь каждого боя, что мне приходится преодолевать. Каждой ссоры и преграды, что встречаются на моем пути. Я буду сражаться за тебя, потому что влюбляюсь в тебя, Кью.

Как можно было не любить этого мужчину? Этого невообразимого сложного, эмоционально запутанного человека. Спасителя рабынь и имущественного магната. Кью был всеми моими кошмарами, фантазиями и нуждами, что завернуты в развратную подарочную упаковку. Он был моим лучшим наркотиком, и я желала его на протяжении долгих четырех дней.

— Не нужно влюбляться в меня. — Он с неистовой силой схватил меня за плечи. Его прикосновение несло жар, а кончики пальцев отмечали мою кожу властью. — Я не могу быть ответственным за это.

Мое сердце забилося быстрее, когда я втянула аромат сандалового дерева и цитруса, исходящий от него. Его тело было так близко, оно опьяняло меня своим вожделением и нуждой, от которой испытываешь самые острые ощущения.

— Быть ответственным за что? — Я рискнула, склоняя голову, чтобы прикинуться поцелуем к его предплечью. Его жилистая рука дернулась под моими губами, и он быстро отпустил меня, как если бы я укусила его.

— Я уверен, что в будущем сломаю остальные части твоей личности, но я не желаю быть ответственным за твое разбитое сердце.

— Ты не можешь разбить что-то, что по своему желанию преподносится в дар. — Маленькая часть меня желала до безумия, чтобы он сказал, что будет ценить это, дорожить этим, оберегать это вечно, но нежности уже и след простыл.

Каждый день он боролся с моими ожиданиями и требованиями. Я знала, что так и есть. Я отчетливо видела это в его глазах, то, как он смотрел на меня со смесью трепета и раздражения, даже с примесью легкого страха. В один момент он отвечал на мои с виду безобидные вопросы, но в другой — закрывался от меня с такой же легкостью, как грозовая туча поглощает луну.

Каждый новый день я надоедала ему, подталкивала его. Будучи несносной и надоедливой, ожидая дня, когда его самоконтроль иссякнет, и он разорвет меня на части.

— Достаточно! — взревел Кью. Его грудь напряглась, когда он прижал меня к кресту. Моя спина впечаталась в непривычно теплую поверхность дерева. Я вздрогнула, когда Кью прижался во весь рост к моему телу, полностью заключив меня в ловушку между деревом и своим телом. — Сейчас не самое подходящее время говорить о сердце и влюбленности, эсклава. Сейчас настало время для боли и жесткого секса. Хочешь посмотреть, как эти два понятия не стоит смешивать?

Он отпрянул от меня, проводя яростно по своему лицу ладонью.

— Я устал. Слишком устал, чтобы продолжать борьбу. Я хочу тебя. Я хотел заставить тебя кричать на протяжении четырех долгих и изматывающих дней. Я старался вести себя как следует. Я старался остановить наступление тьмы, что поглощает меня, но ты просто не позволила этому произойти. А теперь настала моя очередь. Ты дашь мне все, чего я так желаю. Примешь всю до остатка одержимую больную потребность, что исходит от меня, и поможешь получить мне небольшую передышку от этого всего.

Что-то темное промелькнуло в глубине бледно-зеленных глаз Кью. Что-то, что пугало меня наравне с тем, как и восхищало.

— Больше ни слова, или я использую кляп. Единственные звуки, которые я хочу слышать, — это твои стоны и мое имя, что срывается с твоих губ, когда я буду кончать глубоко в твоем теле. Понятно? — Он тяжело дышал, и кончик его члена прижимался к эластичным боксерам, чертовски твердый и вызывающий ко мне, словно моя самая сильная зависимость.

Я никогда еще не чувствовала себя более живой и напуганной.

— Я понимаю, maître, — прошептала.

Мой голос был подобен стартовому пистолету. Кью стиснул зубы, заметно вздрагивая. С самого начала он искал моего разрешения — понимал ли он этого или нет. Он освободился от яростного напряжения и расслабился, преобразовываясь в сдержанного мастера.

Я ожидала, что он застегнет вокруг меня миллионы ремешков, но он медлил.

Ожидала и наблюдала.

Дышала и размышляла.

Затем он резко склонился вперед, его рот обрушился на мои губы. Моя шея отвергала его натиск там, где он душил меня, и я не могла дышать от того, как неистово его язык атаковал меня, проскальзывая

между моих губ, и брал все, что ему хотелось. Мой гребаный Бог, он просто брал, что хотел. Он требовал и ласково упрасивал меня, с каждым следующим сплетением его языка с моим. С каждой следующей лаской и движением.

Его поцелуй нес в себе ярость и обещание. Его губы говорили мне о том, насколько он заботился обо мне, пока он поглощал меня заживо.

Свободными руками я позволила себе сделать то, что так давно желала. Я позволила себе прикоснуться к нему. Я вскинула руки и проскользнула пальцами в его густые, короткие волосы.

Кью простонал, когда я вонзила свои ногти глубже в его кожу, вспоминая о его приступах мигрени, и как он позволял мне массировать его голову, чтобы помочь избавиться от головной боли. Как, позволив мне заботиться о нем, мои чувства расцвели и разрослись. Я была эсклавой — собственностью — тогда. А теперь я принадлежала ему. Я была во всех смыслах его, но только потому, что сама хотела этого.

Я нашла того человека, которому безраздельно принадлежала. Я устала бороться со своими желаниями. Кью был всем и даже больше.

Проводя пальцами по его коже головы, я схватила жадно заднюю часть шеи, притягивая его ближе к себе. Его подтянутое тело жестким рывком впечаталось в мое, прижимая меня в свою очередь к кресту. Его рот в жесткой манере завладевал моим, когда наши губы сливались и обрушивались друг на друга.

Решительно переплетая его язык вместе со своим, я боролась против его вкуса, что проникал в мой рот, пока мы оба тяжело дышали и цеплялись друг за друга. Я потеряла рассудок настолько, что совершенно не чувствовала, как сильно расцарапала его шею и плечи. Я потеряла рассудок настолько, что совершенно не осознавала, как сильно его пальцы впились в мои бедра. Ничего не существовало кроме нашего поцелуя.

Острая, сладкая боль заставила меня ахнуть. Мои глаза наполнились слезами, когда Кью отстранился, облизывая свои губы, свободные от небольших видимых красных отметин.

— Ты укусил меня, — простонала я, задыхаясь.

Я отрыла рот и провела кончиком пальца по своему слегка припухшему языку. Я почувствовала, как на языке немного выступила кровь с характерным металлическим привкусом, я сглотнула.

Он вперился в меня взглядом далеким от раскаяния, глазами

сверкающими вождением.

— Я не мог остановиться. Я нуждался в том, чтобы попробовать тебя на вкус. — Его кадык дернулся, когда он напряженно сглотнул, забирая частичку меня глубоко в свое тело.

Мои мысли закружились с огромной скоростью. Даже несмотря на то, что Кью было тяжело читать, я начала видеть всю глубину его потребности. Его потребности наносить шрамы и в первобытном яростном соединении. Он не притворялся. Это не имело никакого отношения к его извращенности или порке. Все это было исключительно связано с тем, чтобы познать меня, приоткрыть тайную суть моего существования и обладать мной.

Я бы солгала, если бы сказала, что меня это совершенно не пугало. Мне нравилась боль. Я боготворила запретное удовольствие, что несет в себе жгучий поцелуй кнута или же след, что остается от удара флоггера, — подвластный желанию моего господина. Но я не была готова попрощаться с жизнью.

Будут ли когда-нибудь темные желания Кью удовлетворены в полной мере? Мое сердце резко ухнуло вниз, падая непосредственно к моим пальцам ног.

Страх образовался в моем горле, создавая неприятный ком в нем.

— Будет ли тебе меня достаточно? Смогу ли я когда-нибудь насытить твою жажду?

Кью резко выпрямился, его тело замерло на месте без какого-либо движения. Это продолжалось до того момента, пока он не сделал неуверенный шаг назад, и тогда я осознала, что проговорила эти проклятые слова вслух.

О, черт.

Мои глаза устремились к бледно-зеленым, источавшим неистовый блеск, глазам Кью, и мое сердце сжалось в груди немного сильнее.

«Тесс, ты полная идиотка».

Бросаясь вперед, я с силой схватила его руку и стиснула его жесткие мышцы.

— Я не имела в виду то, что сказала. Я знаю, все это так ново для нас. Это все непривычно для нас двоих.

Кью посмотрел на меня, как будто я была с другой планеты. Его глаза стали пустыми, лицо исказилось от чувства смутения и сожаления.

Я положила ладонь на его щеку, отчаянно желая, чтобы он вернулся

ко мне. Я практически могла проследить ход его мыслей. Видеть брызги крови, его презрение к себе.

Когда он не отреагировал на нежное прикосновение, я решила применить жесткое. Я ударила его.

Громкий звук соприкосновения плоти о плоть пробудил его из зомбированного состояния. Он сморгнул, рассеянно потирая свою щеку. Спустя пару секунд все-таки сумел прийти в себя.

Наконец, он осмотрел на меня злым взглядом. Яркое пламя и вождение насыщали его сверкающий взгляд.

— Я же сказал тебе не произносить ни слова, только если ты не выкрикиваешь мое имя.

Его тело дернулось, в тот момент, когда он позволил всем демонам, что обитали внутри, выбраться наружу.

— И будь добра, выбрось эти мысли из своей головки, эсклава. Неважно, что я говорю, тебя достаточно. Даже более чем достаточно. *Trop pure et parfaite pour un homme comme moi* (прим.пер. Ты слишком чиста и невинна для мужчины вроде меня).

Он размял плечи, смотря на меня сердито.

— Но это не сможет остановить меня от попытки разрушить тебя.

Мои ноги задрожали, и в этот момент, я не хотела ничего больше, чем просто объятия. Я желала, чтобы он был со мной нежным и ласковым, прикасался ко мне и внушал состояние комфорта. Он сказал, что меня вполне достаточно, но я не уверена, что он был честен со мной, и эта неуверенность приводила меня в состояние отчаяния.

Кью не дал мне времени погрязнуть в своей жалости. Он прижался ко мне, оттесняя назад с силой схожей по моще с кирпичной стеной. Моя спина прижалась к поверхности креста, и кислород покинул легкие.

Кью склонил голову, и его губы прижались к моей шее.

— Кью...— произнесла я с придыханием, с мольбой о чем-то. О том, что вряд ли когда-либо могла получить.

Его жадный рот втянул кожу на моей шее, рана нежную плоть. Я вздрогнула всем телом в его руках, когда он провел языком по моей ключице. Его руки хаотичными движениями ощупывали мои бедра, поднимаясь выше к грудной клетке, чтобы отыскать грудь. Не сбавляя натиск, резко щипал мои соски, в то время как его зубы легко скользнули по моей шее.

— А! — Я дернулась всем телом, когда острый укус обжег мое

горло.

Мой рот приоткрылся, когда он прижался ко мне и простонал:

— Ты такая приятная на вкус. Не твоя кожа или пот, или же запах, что исходит от твоего тела. Сама твоя суть. Твоя жизненная сила. Твоя сладкая кровь. — Он провел языком вновь, слизывая кровь, прежде чем ласково погладить мои соски большими пальцами. — Это отвратительно для тебя? Тебя ужасает, что мне необходимо это, чтобы чувствовать нашу связь?

Его тон давал мне понять, что он ожидает услышать положительный ответ на свои вопросы. Даже сейчас, несмотря на то, что я дала ему обещание и спала рядом с ним, пока он мучился от одолевающих его кошмаров, которые творили со мной невыразимые вещи, он все еще ожидал, что я покину его. А я же в свою очередь, просто уповала на Господа, чтобы он дал мне сил сдержать мои обещания.

— Нет. Я прекрасно понимаю, кто ты и в чем нуждаешься. Я не...

Кью укусил меня особенно сильно, пуская еще больше крови. Его горло сжалось, когда он сглотнул, и когда предпринял попытку отстраниться, я обняла его за голову, прижимая губы к месту укуса.

Мурашки покрыли мою кожу, когда его обжигающее дыхание испепелило меня, превращая в пыль.

— Насытись моей кровью, если это то, в чем ты нуждаешься. Трахни меня, если это поможет тебе поверить. Je suis à toi (прим.пер. Я твоя).

Он издал мучительный стон, подаваясь своими бедрами вперед, давая мне возможность почувствовать твердость его члена, который был заключен в эластичные боксеры и упирался мне в пупок.

Мое сердце сжалось, когда киска поддалась его действиям. Мой разум опускался в тьму, в которую Кью так искусно погружал меня. Мне было безразлично, что в обществе было совершенно не принято обмениваться кровью. Также мне было совершенно плевать, что общество защищало женщин от того, что было бы для них ужасным, а именно тех вещей, что Кью делал со мной.

Меня не волновал окружающий мир. Были только мы. Это было наше извращенное изучение того, как жить без чувства вины и стыда.

Кью продолжал покусывать мою шею, поднимаясь вверх вдоль челюсти к губам. Когда он поцеловал меня, то не стал сдерживаться.

Его язык погрузился глубоко, принося металлический привкус крови и потребности, настолько основополагающей, что это грозило уничтожить все мои сознательные мысли, полностью развенчать все знания, существующие ранее, и принять жизнь, что подразумевала под собой существовать только для того, чтобы быть с Кью.

Его руки опустились, чтобы ласково пройти по моему телу. Стиснув мои бедра, он схватил меня за запястье и поднял мою руку, располагая ее чуть в сторону, тем временем, продолжая трахать своим грешным языком мой рот. Он отстранился, когда внешняя сторона моей руки прикоснулась к поверхности дерева. Его глаза блестели, а зрачки были расширенными.

— Все что касается тебя, принадлежит мне безраздельно. Ты отрицаешь это.

Тяжело дыша, противостоя желанию потереться своей плотью о его ногу, что располагалась между моими бедрами, я покачала головой.

— Я не отрицаю этого.

С резким кивком, Кью потянулся к мягкому кожаному ремешку, чтобы закрепить его вокруг моего запястья. С яростным выражением, он затягивал его, пока я не ощутила слабые покалывания в подушечках пальцев. Резкое чувство паники пришло из ниоткуда, стискивая мое сердце, насыщая его волнением.

Кью замер, смотря на меня беспечно. Жажда, что сияла на его лице, заставила меня желать его больше. Я не могла убежать и осознание этого, без сомнения, возбудило мое тело.

— Ты напугана. — Его голос был грубым, я еле разбирала слова.

Я открыла рот, чтобы отрицать это, но стоило мне скрыть правду? Кью жил ради правды, он боролся за ощущение подлинного страха.

— Ты так туго затянул. Я боюсь, что никогда не смогу освободиться.

Он усмехнулся.

— А ты думаешь, что будешь свободна, когда не будешь обездвигена? Ты совершенно не знаешь меня, эсклава. — Захватывая в плен своих пальцев мою левую руку, он в точности повторил свои действия, пока те же самые ощущения слабых покалываний не стали чувствоваться в моих кончиках пальцев. — Ты никогда не освободишься от меня. Я, в свою очередь, никогда не освобожусь от тебя. Это решать только судьбе, потому что именно она свела нас

вместе.

Воспоминания о нашей кровавой клятве заполнили мой разум.

— Nous sommes les uns des autres (прим.пер. Мы принадлежим друг другу).

Он втянул глубокий вдох; на его лице танцевали тени из-за ранних утренних туч. Солнце покрывало комнату круглыми пятнами, от которых веяло теплом, за исключением этого угла. В этом углу было позволено находиться лишь теням.

— Oui (прим.пер. Да). — Кью склонился, чтобы поцеловать меня, но я держала свои глаза открытыми. Сосредоточивая свой взгляд на точеных скулах и на том, сколько одиночества было в его мучительном взгляде. Мы не отводили глаз друг от друга, пока он целовал мои губы, нежно, но в то же время с ноткой опасности. Его язык балансировал по тонкой грани нерушимого наказания и неконтролируемой страсти.

Его большие ладони обхватили мое лицо, удерживая меня на месте, когда он наклонил свою голову чуть под углом, чтобы углубить поцелуй. Задняя сторона моей шеи ударилась о деревянную поверхность креста, когда его жилистое мускулистое тело прижалось к моему. Его обнаженная кожа обдавала мою жаром, яростно, горячо, словно дьявол пламенем.

Отстранившись, Кью тяжело дышал, приводя свою татуировку с воробьями к беспокойному трепетанию их крыльев словно обезумевших. Набегающие темные тучи и колючая проволока смотрелись практически ужасающе, поглощая большее количество несчастных птиц, вырывая больше перьев, затягивая их глубже в борьбе за свободу. Кью ожидал, что я упорхну от него. Мне необходимо было найти способ доказать ему, что я не собиралась делать этого.

Вспышка вдохновения пронзила меня, я пробормотала:

— Ты — мои крылья. Ты научил меня летать.

Он застыл без движения, руки оставались лежать неподвижно на моих щеках. Его бледные глаза пронзительно смотрели в мою душу.

Кью был не только моим Господином в пределах спальни. Он был Господином моего сердца.

Наконец, он произнес своим низким, выразительным голосом:

— Ты незаметно избавила меня от одиночества. Возможно, я и стал твоими крыльями, но ты стала моей силой притяжения. Я никогда не освобожусь от твоей власти.

Я сдалась от его слов. Если бы мои руки не были прикованными к поверхности креста, я бы обвила их вокруг Кью и вцепилась в его тело. Я бы высвободила его жесткую эрекцию из боксеров и скользнула к нему на его длину, поглощая ее. Я нуждалась в соединении. Я нуждалась в том, чтобы связать нас. Переплести. Заклеить и поглотить нас.

Кью, казалось, чувствовал то же самое. Его взгляд сменился от глубокого и чуть тлеющего до оживленного и сияющего. Его самообладание от напряжения, что он испытывал, сменилось состоянием, когда он был явственно на пределе своих возможностей, словно упругая стальная пружина, что вырвалась на свободу, ослабляя скопившегося напряжение. Хищник, волк, убийца, который испытывал желание поразвлечься со своей добычей.

— Больше никакой болтовни, Тесс.

Я вздрогнула от того, как он произнес мое имя. Оно содержало в себе каждую частичку эмоций, которые он не мог выразить словами.

Кью опустился на колени, с глухим стуком прижимаясь к густому ворсу белого ковра. Он с силой дернул мою левую ногу, отодвигая ее чуть в сторону, чтобы она прижалась к кресту, и закрепляя ремешок вокруг лодыжки резким движением. Я непривычно качнулась вперед, полностью полагаясь на манжеты, что были обернуты вокруг моих запястий, предоставляя мне равновесие.

Когда его пальцы совершали свою работу с ремешком вокруг моей щиколотки, посылая целый ряд ярких ощущений к чувствительной поверхности внутренней стороны бедра, Кью пробормотал:

— Когда-нибудь я сломаю тебя окончательно. Когда-нибудь я буду обладать достаточной силой, чтобы воплотить это обещание в реальность.

Невообразимый нервный трепет от его признания словно стрелой пронзил насквозь мое сердце. Я хотела собрать воедино все свои душевные силы и сказать ему, что я уповала всем существом на Господа Бога, что он так и сделает, но мне казалось, что Кью не это имел в виду. Он не хотел сломать меня до того момента, пока я буду полностью уничтожена — он хотел обладать мной в полной мере, разница была в том, что я не была уверена, что сам Кью знал что он имел в виду.

Или, возможно, он все-таки знал, а я лишь была маленькой глупой девчонкой. Тем не менее, я вошла в роль непокорной рабыни — амплуа,

которое доводило моего хозяина и меня до безумия. Роль, которая обеспечивала темпераментный секс, битву желаний и глубокое чувство удовольствия.

Делая глубокий вдох, я прошипела:

— Ты никогда не сломаешь меня.

Кью сверкнул глазами.

Стена, что отделила нас друг от друга, в один миг рухнула раз и навсегда. С жестокой хваткой пальцев, он отвел в сторону мою вторую ногу и накрепко закрепил лодыжку к поверхности теплого дерева. Нежность безвозвратно была утрачена. Кью был ведом чистейшим животным контролем. Он резко поднялся, захватывая два ремешка, что располагались по противоположные стороны от моих бедер.

Подтягивая их отрывисто к моему животу, он плотно закрепил их. Кью не произнес ни слова, но мы смотрели друг на друга яростно и дерзко, и предупреждающе. Комната потрескивала от скрытого неудовлетворения, неисполненных обещаний и небольшой толики потаенного страха. Кому принадлежал этот страх, я не имела понятия, но это прибавилось к густому облаку напряженных чувств, что охватывало и окружало нас.

Кью наклонился вперед, протягивая руку к задней части моей шеи. Закрепляя последний ремешок вокруг нее, он посмотрел пристально мне в глаза, вглядываясь в самую глубь.

— Ты будешь погибелью для нас обоих.

Истинный чистый страх пронесся мощной волной по моей крови. Жестко затянутый ремешок вокруг моей шеи обозначал полное подчинение. Что-то, что я никогда не дам Кью, даже несмотря на то, что он властвовал надо мной.

Возможно, я и была мазохистской, но я не была покорной, именно по этой причине Кью нуждался во мне.

Когда последний ремешок был туго затянут вокруг моего горла, я была полностью обездвижена. Кью посмотрел на меня и провел подушечкой пальца от кончика моего носа, спускаясь к губам, затем по нежной коже горла и груди, мимо ребер и живота, устремляясь напрямую к моей изнывающей от желания киске. Он ласково прикоснулся пальцами к моему клитору, один раз, второй, прежде чем его палец скользнул еще ниже.

Я испытывала неподдельный трепет каждым миллиметром своей

кожи, которой он так искусно касался. Потребность завладеть им заполнила каждую мою мысль.

Его глаза напряженно вперились в мои, когда он невообразимо медленно скользнул пальцем вглубь моего тугого жара.

Мышцы челюсти расслабились, и я издала грудной мучительный стон, что был наполнен неподдельным удовольствием от его обладания мной. Его палец ощущался во мне словно чистейшее наслаждение, затягивая его глубже, мое тело молило о большем.

Кью издал рык, прижимаясь сильнее до того момента, пока его костяшки не коснулись моей обнаженной влажной плоти.

— Бл*дь, ты такая влажная. Каждый гребаный раз, эсклава. Каждый раз ты готова для меня. — Его голос был ярко окрашен благоговейным трепетом удовольствия.

Я пыталась двигать бедрами, чтобы соблазнить его на дальнейшие действия, но ремешки стали для моего тела идеальной тюрьмой.

Он толкнулся глубже, я простонала, и он согнул немного палец, чтобы погладить мою точку G.

— Ты лгала. Ты сказала мне, что я не смогу сломить тебя. А сейчас я постепенно ломаю тебя. И тебе чертовки нравится это. Твое тело кричит, обнажая правду. Когда наконец ты признаешь это?

Я обнажила зубы, мое тело было словно расплавленный вулкан, каждая клеточка взрывалась от чувства наслаждения.

— Никогда

Он усмехнулся. И мрачный звук отозвался эхом в моих ушах, спускаясь по моей шее и спине.

— Не зарекайся.

Выскальзывая из меня, он резко вошел на этот раз двумя пальцами, растягивая меня шире, принуждая мое тело принять его, несмотря на внезапное вторжение.

Моя голова склонилась вперед, и все, чего я отчаянно желала в эту минуту, сдать в его полную и безраздельную власть. Позволить Кью делать со мной все, что ему угодно, наслаждаться приятным теплом, что распространяется по телу от его чувственного натиска. Но чтобы позволить Кью делать то, что он желает, я вынуждена притворяться. Изображать, что он пугает меня, причиняет боль, и это ужасало меня. Я не хотела думать, насколько это беспокоило меня — почему Кью нужно было все делать именно таким образом.

На этот раз, мне не нравилась ролевая игра. Я хотела, чтобы он знал, насколько я нуждаюсь в этой части его, чтобы он знал, что вести себя так со мной, это нормально. Это даже более чем нормально — я жила ради этого. Я хотела закричать ему, чтобы он ударил меня, трахнул, унизил меня, но я не могла сделать этого, потому что мое разрешение было определенно не тем, чего он так искал. Это касалось охоты, преследования добычи, совершения действий, которые даровали неподдельные муки.

Кью сделал шаг назад. Мои мысли прекратили свое неистовое движение, останавливаясь с пронзительным визгом, когда он направился прочь, устремляясь к комоду.

Он тянул время, выбирая один из девайсов, что были разложены на ковре. Я изогнула шею, в попытке рассмотреть, но ремешок, который оборачивал мое горло и крепко фиксировал мою шею, пригвождал меня к месту, не давая мне возможности сделать это.

Наконец, Кью направился обратно, смотрясь решительно и резко в своих черных боксерах. Его руки на всем протяжении пути оставались за спиной, скрывая какой именно инструмент пытки он планирует использовать.

— Несмотря на то, как сильно я хочу отметить твоё тело шрамом, оставить клеймо на твоей коже живота, чтобы ты всегда знала, кому именно ты принадлежишь, я, в свою очередь, не готов к этому. Когда нарушу девственный покров твоей кожи, я больше буду не в силах остановиться, а на данный момент я не желаю жить ещё одним пристрастием, что сжигает моё тело и душу изнутри. — Его глаза вспыхнули искрами, как будто он не желал открывать свои сокровенные мысли. Его лицо приобрело мрачное выражение, когда он прочистил горло. — Я предоставляю тебе возможность выбора. Распространяющаяся или резка боль?

Я сморгнула, пытаюсь быстро разгадать понять, что за девайсы у Кью за спиной.

Когда я не ответила на его вопрос, он недовольно прорычал:

— Твой ответ, эсклава, или же я использую оба варианта. Поверь мне, я хочу использовать все разом на тебе, но я не убийца. — Он понизил голос. — Ну, по крайней мере, я не убийца женщин.

Образ того, как Кью хладнокровно убивает мужчин, мгновенно ворвался в мою голову — в ту самую ночь, когда он нашел меня

изнасилованную и оскверненную Водителем и Тварью. Я добровольно склонила голову, как можно ниже, намеренно душа себя ограничивающим ремнем, в попытке полностью забыть произошедшее.

Безжалостный голос нашептывал их слова, наполняя меня омерзением: «О чем ты просишь, сокровище? Ты хочешь меня?»

«Думаю, она просит, чтобы ты ее трахнул. Лучше дай ей то, о чем она просит».

Мое тело оцепенело, когда в памяти всплыли страшные минуты, как меня берут против моей воли. Боль, звуки того, как он яростно врывался в меня, словно гребаное животное.

«Заставь это прекратиться! Заставь это прекратиться!»

— Проклятье! — Кью пересек расстояние, разделяющее нас, за доли секунды и схватил меня за подбородок. — Я бы убил его еще тысячу раз за то, что он сделал с тобой, и я не позволяю тебе сейчас думать о нем. — Кью приник губами к моим векам, бормоча: — Ты давала мне обещание, что будешь думать только о той ночи, что мы разделили вдвоем. Выброси гребаного мудака из своего разума. Или же я при помощи порки вытраплю его из тебя.

Сладкая смесь из нежности и грубости вмиг оборвала воспоминания и вытолкнула изнасилование из моего разума, но я не могла избавиться себя от металлического привкуса пальцев Водителя в моем рту.

Я отчаянно нуждалась, чтобы Кью отхлестал меня; заставил меня подчиниться выжег воспоминания, превращая их в чистый пепел.

— Причините мне боль, Господин. Заставьте это исчезнуть из моей памяти. Я желаю резкой боли. Я хочу, чтобы вы высекли зло из меня. — Я затаила дыхание, и мое тело начало сотрясаться от предчувствия настоящего страха. Я предложила Кью раз и навсегда освободить меня, но я также позволила ему причинить мне боль по-настоящему. Он бы ни за что не остановился — не сейчас.

Влажное желание увеличилось между моих ног, и мои зубы застучали от страха, когда Кью втянул вдох, выпуская из рук один из девайсов. Он скользнул на ковер, принимая положение притаившейся змеи, которая в любой момент могла бы вскинуть голову и поразить своими смертельными клыками.

Кью поднял свою вторую руку, показывая мне, что намеревается использовать. Мое сердце взорвалось от страха.

В его ладони находилась девятихвостая плеть. Массивная затейливая рукоятка плети, из которой выходили девять толстых, плетенных жестких кожаных хвостов. По длине каждого кожаного хвоста были расположены мелкие серебряные бусины для большей силы воздействия.

В крови произошел всплеск адреналина, окатив мощной волной мое тело. Моя кожа вспыхнула, и я дернулась в кожаных креплениях. Плеть смотрелось довольно-таки болезненно. Дьявольски опасно. Выглядело так, словно могло бы распылить мои мысли и превратить мое тело в холст, на котором будут располагаться перекрестные следы, несущие в себе неподдельные муки.

Я старалась оставаться спокойной, старалась сдерживать свое сердце, чтобы оно не зашлось от страха, но черт, я не могла сделать этого. Плеть выглядела слишком опасной.

Мои глаза посмотрели на него.

— Нет. Я не смогу. Это слишком.

Страх захлестнул меня стремительным потоком, когда Кью слегка улыбнулся, качая головой.

— Если это то, что нужно, чтобы вырвать того мудака из твоего сознания, то пусть будет так.

Он отступил на небольшое расстояние от меня, вскидывая плеть.

— Кью, пожалуйста. Я не готова.

— Ты никогда не будешь готова к этому, эсклава. Я знаю это, и поверь мне, я презираю себя за то, что мне необходимо сделать, но я не собираюсь останавливаться. — Он опустил голову, наблюдая за мной из-под полуприкрытых глаз. — Поэтому помоги мне, я хочу высечь тебя. Кричи для меня, Тесс.

Он обрушил удар.

Многохвостая плеть с бусинами на каждом хвосте со свистом рассекла воздух и обжигающе прикоснулась к коже моего живота. Каждая серебряная бусина глубоко впечаталась в мою нежную кожу, опалая неистовой болью.

Я закричала, дергаясь в ремешках от обжигающего жара первого удара.

Кью издал мучительный стон, все его тело сотрясилось, глаза были прикованы к красной отметине, что расцвела подобно огненному цветку на моем животе. Его губы приоткрылись и ноздри затрепетали, словно

он и вправду мог пробовать мою боль и страх на вкус.

— Не презирай меня за то, в чем я так неистово нуждаюсь, — проговорил он напряженно, перед тем как обрушил на меня следующий удар. Группа мышц на руке сократилась, когда он замахнулся, заставляя свою татуировку наполниться тенями.

Плеть обрушилась жестким поцелуем на мою кожу, в то время как маленькие бусинки впились своими острыми клыками. Глаза опалили первые подступающие слезы.

Сквозь стеклянный взгляд, я видела, как Кью замялся и задрожал, мое видение стало нечетким от дозы адреналина, что пульсировал в моей крови. Я ощутила страх и ненависть, что не могу двигаться. Это не было забавно или эротично, или же сексуально.

Я была пленницей, что заперта в одном пространстве с монстром, который являлся моим господином. С мужчиной, который не мог держать себя в руках.

Одинокая слезинка скатилась по моей щеке, грудь Кью яростно вздымалась, захватывая кислород.

— Я хочу больше чем одну слезинку, Тесс. — Он подошел ко мне и нежно поцеловал под каждым глазом, шепча: — *J'aime te marquer* (прим. пер. Я люблю оставлять отметины на твоей коже).

Я покачала головой, утрачивая способность говорить. Слишком растерянная из-за множества эмоций. Каким-то образом он обратил это против меня. Я хотела этого. Я знала это абсолютно точно, но Кью отгородился от меня, охваченный своей греховностью, оставляя меня позади.

Я была такой глупой и наивной девочкой, думая, что могу схлестнуться в битве с Кью. Постараться полюбить этого мужчину, у которого множество проблем личного характера. Что сделает меня достаточно сильной, чтобы быть той, в ком он нуждается?

Кью отступил на шаг назад, и я зажмурилась. Я не хотела смотреть на то, как его глаза источают вожделение, когда он бьет меня. Я не хотела подсматривать за тем, как его идеальное тело сокращается мышцами, когда он замахивается для удара. Я не хотела быть частью этого.

Ожидание в темноте было бесконечной пыткой, но Кью не наносил удар. Я ждала и ждала, но удар плети так и не касался меня.

Я нерешительно открыла глаза, затем мой рот широко распахнулся,

когда душераздирающий стон сорвался с моих губ.

Кью опустился на колени посреди моих раздвинутых и стянутых ремнями ног. Его рот накинудся на мою припухшую киску, он ласкал ее языком так, будто умрет, если не испробует меня.

О боже.

Его зубы сомкнулись на моем клиторе, и он слегка прикусил его. Больше не ощущалось ни одной части моего, мечущегося в агонии, тела, кроме маленького, чувствительного бугорка.

Кью схватил меня за задницу, притягивая мою киску ближе к своему ненасытному рту. Его язык легко погрузился внутрь, и я закричала:

— Кью. Бл*дь. Пожалуйста. Да.

Он издал громкий стон, потому что мое тело текло от желания. Влага стекала по внутренней стороне бедра, смешиваясь со слюной Кью. Удерживая меня на месте одной рукой, он скользнул тремя пальцами между влажных складочек, вводя их в меня.

Я кричала от неземного удовольствия, пока он двигал своей рукой. Его рот сомкнулся на моем клиторе, в то время как искусные пальцы сводили меня с ума.

Мои колени задрожали, и всем естеством я желала упасть — упасть на его рот, насадить себя на его член. Его пальцы были раем, но его член был бы неземным удовольствием.

Яркая лента оргазма зародилась у основания моего позвоночника, резко устремляясь к моему животу, чтобы туго сжаться вокруг пальцев Кью.

Но в ту же секунду, он прекратил свои нападки и резко поднялся на ноги. Я уставилась на него, ахнула и выругалась. Мое тело неистово вздрагивало от желания получить освобождение, от потребности разлететься на части и отдаться его власти.

Кью вскинул руку, и пронзительный удар плети опустился на низ моего живота. Девять кусочков кожи добились того, чтобы после них остались красные тени и бурный всплеск боли.

Я пыталась склониться, защитить свой беззащитный живот, но крест удерживал меня в недвижимом состоянии.

Кью ударил меня вновь, на этот раз удар пришелся выше, как раз под моей грудью. Моя грудная клетка взревела от боли, когда крохотные бусинки опалили мою плоть.

Он размахнулся опять. И опять.

Удары девятихвостой плети сыпались один за другим. У меня было такое ощущение, что Кью принес с собой грозовой шторм: гром от его удовольствия, вихрь моих чувств, что вызвал крики, и девять вспышек молнии, что ударяли одновременно.

Я вышла за пределы своих ограничений. Мое тело перешло в состояние невероятной чувственности, и я приветствовала плеть всем своим существом. Боль превратилась в невыносимое удовольствие, пока я не начала плавиться от всеобъемлющего желания.

Мои мысли кружились в водовороте яркого света, и мое тело изнывало от желания кончить.

К десятому удару, я изогнула спину, подаваясь грудью вперед, с жадностью приветствуя наказание.

Дыхание Кью вырывалось резкими порывами, наши взгляды не покидали друг друга. Он выглядел диким и необузданным и совершенно осатанелым.

Часть меня яростно ненавидела его за то, что он заставил меня преодолеть свои границы боли и превратил меня в такого монстра, который подобен ему, но другая часть меня боготворила и поклонялась ему. Секс между нами никогда не происходил легко и по обоюдному согласию.

Не отводя от меня взгляда, Кью сильно размахнулся. Мое бедро практически взорвалось криком боли, когда кожаные хвосты плети разорвали нежную кожу.

— Что ты хочешь от меня? Почему ты позволяешь мне ломать тебя? — проговорил он, задыхаясь, его грудь вздымалась с напряжением, что окутывало его тело.

Мое сердце возбужденно заколотилось, я задавалась вопросом, позволено ли мне говорить правду. Поведать ли ему свои тайные надежды, каким я желала, чтобы он стал. В будущем, о котором я смела мечтать.

Он жестко ударил меня поперек живота, как раз над перекрестной решеткой отметин от прошлых ударов. Я вздрогнула, и мучительная волна удовольствия практически заставила меня испытать восхитительный оргазм без какой-либо дополнительной стимуляции.

— Говори, эсклава. За каждую следующую секунду молчания я буду наносить тебе удар.

Я изумленно сверлила его взглядом, подбирая правильные слова.

Крик вырвался из меня, когда он подтвердил правдивость своих слов, обрушивая удар на мое левое бедро. Ставя на мне клеймо девятью полосками от кожаных хвостов и отметинами от крошечных бусинок.

— Я хочу, чтобы ты дарил мне боль, но также я хочу, чтобы ты заботился обо мне, — разразилась я словами, сотрясаясь от желания получить такую желаемую разрядку. Это ощущение отдавалось даже в моих зубах, оно извивалось танцем неистовой боли в отметинах, что Кью даровал мне. Каждый дюйм моего тела был пресыщен восхитительными ощущениями, и я была на грани.

Он остановился, расслабляя свою поступь, чтобы переложить из руки в руку кошку-девятихвостку, как кто-то бы сделал с домашним питомцем.

— Я забочусь о тебе. Чертовски сильно. Ты вернула меня наизнанку и изменила весь мой мир.

Все разлетелось на части, останавливая момент. Я никогда не подозревала, что Кью будет таким честным со мной. Возможно, он опустил стены, которыми отгораживался от меня, когда сбросил барьер, выпустив наружу своих демонов.

Мы не двигались, как если бы каждый из нас боялся нарушить момент искренности. Наши души были обнажены и свободны на краткий момент времени.

Бледные глаза Кью помрачнели, скрывая его уязвимость. Он провел хлыстом по своим сильным пальцам.

Я задрожала в ограничительных ремнях, ожидая всем существом его следующего удара, желая его, непреодолимо нуждаясь в нем.

— *Jusqu'où tu me laisserais aller?*(прим.пер. Как далеко ты готова дать мне зайти?) — Он пробормотал настолько тихо, что я еле его услышала.

Мое сердце прекратило биться, я вошла состояние ступора. Я не могла ответить ему на этот вопрос. Я просто не знала своих границ, я не желала накладывать ограничения на изучение, как сосуществовать с ним в его мире, но также, я определенно не желала показывать всю глубину страха, который испытывала, что Кью в конце концов зайдет слишком далеко и убьет меня.

Глаза Кью встретились с моими. Он позволил руке спокойно дать плети упасть рядом с ним. Он размял плечи, и моя кожа покрылась

мурашками. Воздух затрепал от внезапного прилива энергии.

Кью опустил голову, глядя на меня из-под нахмуренного лба.

— Я понимаю, почему ты не отвечаешь, эсклава. У меня также нет ответа.

Я громко сглотнула, когда он сделал шаг по направлению ко мне, стерев границу небольшого расстояния, что отделяла нас, принося свой жар и близость, чтобы обжечь мою кожу.

Его свободная рука, обхватила мое горло поверх ремня ограничивающего движение, в то время как он жестко и стремительно прижался своими бедрами к моей промежности.

— Ты не сопротивлялась, когда я ограничил тебе доступ кислорода ранее. Почему?

Я покачала головой, пытаюсь освободиться от его захвата, но его пальцы лишь еще больше напряглись, удерживая меня так крепко, как ремень поверх моих рук и ног. Кью тяжело дышал, не сводя с меня своих глаз. Его бледные глаза потемнели, когда зрачки расширились в удовольствии.

— Ты позволяешь мне решать, как далеко зайти, — прошептал он, удивление исказило его голос.

Его пальцы усилили неумолимый захват вокруг моей шеи, принося боль уже ранее поврежденным мышцам. Мое сердце застучало быстрее и ёкнуло, когда большее количество адреналина взорвалось неудержимым и быстрым потоком в моей крови. Но я отказывалась умолять Кью об освобождении или же, чтобы он был более аккуратным. Эта битва, которую он должен победить с самим собой.

Каждый крошечный вдох был тяжелой работой, в то время, как Кью медленно ограничивал подачу воздуха, сжимая мое горло сильнее. Когда я ощутила легкое головокружение, Кью облизал свои губы и склонился, чтобы поцеловать меня. Грубая власть его пальцев не соответствовала нежному и мягкому поцелую, что он даровал мне.

Он не целовал меня. Он поклонялся мне.

Каждое невесомое прикосновение его языка воздавало мне дань уважения. Каждый его прерывистый вдох заставлял мое сердце биться быстрее, пока оно не приобрело неясные очертания из-за скорости, с которой оно билось.

Быть обездвиженной на кресте, это все, что я могла даровать Кью, чтобы утолить его желание. Его твердая эрекция прижалась ко мне

сильнее, когда он протолкнулся языком глубже в жар моего рта, лаская своим языком, поглощая его.

Разрывая поцелуй, Кью отступил и поднял девятихвостую плеть. Он легко коснулся хвостами плети моего плеча и очень-очень медленно позволил им опуститься вниз по телу, отчего я ощутила приятное покалывание, и как кожаные ленты скользнули вниз по левой стороне моего тела. Я задрожала всем телом, когда крохотная бусинка попала точно на мой сосок, посылая высшее наслаждение в болезненную пику.

Я наблюдала, как Кью проводил плетью по моему животу и бедру, позволяя рассыпаться лентам плети как водопаду по моему помеченному ударами бедру.

Мысли сменяли друг друга в глазах Кью, и я бы хотела понимать его, разгадать и найти верный ключик, который помог бы завладеть сердцем Кью, его телом и в итоге душой.

Отступая назад, он проскользнул большими пальцами в свои боксеры и стянул их вниз по бедрам. Во рту мгновенно пересохло. Наблюдать за тем как раздевается этот мужчина, заставляло каждую часть меня вспыхивать огненным дождем желания.

Его член свободно выскользнул из боксеров, тяжелый и горячий в своем неистовом желании. Снятые боксеры упали к его лодыжкам, и он безразлично отбросил их носком ноги в сторону. Настолько гордый и уверенный, почти дерзкий и высокомерный, а холодная отчужденность, что я не понимала в прошлом, была жестко сдерживаемой страстью. Железная воля, что сдерживалась и находилась в состоянии напряжения, чтобы помогать ему оставаться человеком то время, как все остальные желания требовали его подчиниться.

Отбрасывая плетку легким движением, поступающим от его запястья, Кью опустил руку, чтобы обернуть пальцы вокруг своей возбужденной длины. Он погладил ее один раз, второй. Длинные пальцы полностью обернулись вокруг плоти, в то время как он жестко и уверенно двигал ими по члену.

Я не могла дышать. Не могла связно мыслить.

Все внутри меня дрожало. Оргазм, который был вне досягаемости, отдался теплой волной в моей киске, сжимая, взывая к идеальному члену Кью.

Я хотела быть пальцами Кью. Хотела быть его плотью. Хотела быть его членом, получая столь приятное удовольствие. Я хотела быть всем,

что связано с ним, но при этом он не давал мне ничего.

Я обвела взглядом его тело, прошла глазами по рельефным кубикам пресса, по его замысловатой татуировке, твердым мышцам груди, вверх по его подбородку, на котором не было щетины, и чуть раскрытым губам, пока, в конце концов, не встретила с его восхитительными глазами.

Я почувствовала, словно мир взорвался вокруг своей оси, опрокидывая, кружа, бросая меня с головой в грех и разврат.

— Ты желаешь меня, не так ли, Тесс? — голос Кью был наполнен грубостью и тьмой. Все еще продолжая поглаживать себя одной рукой, он двинулся вперед и расположил ладонь между моих раздвинутых ног.

Я издала стон от его прикосновения, потому что оно действовало, как бензин на уже вспыхнувшее пламя.

— Кью, пожалуйста, — мелодично простонала я, мой язык ощущался слишком тяжелым, чтобы проговорить предложение полностью.

Его пальцы были словно маленькие заряды динамита, а я умоляла поджечь их для разрушительного взрыва.

Он склонился ко мне, поглаживая себя жестче, заставляя выделяться больше сияющих капель предэякулята.

Мое громкое биение сердца отдавалось в ушах. Я боролась с удерживающими ремнями. Я нуждалась быть свободной. Нуждалась в том, чтобы облизать и укусить его. Я ощущала мощное желание трахнуть его, как никогда ранее.

Кью выругался.

— Ты хочешь освободиться? — Он уткнулся в мою шею, облизывая израненную кожу от своего укуса, который оставил там ранее. — Ты никогда больше не будешь свободной. Je te garde pour toujours (прим.пер. Ты останешься в моей власти навсегда).

Кислород больше не выполнял свою функцию должным образом, потому что Кью толкнулся в меня, проскальзывая пальцами между влажных складок, глубоко в мою киску, которая пульсировала от желания в унисон с его поглаживаниями на члене. Я дернулась всем телом, желая быть ближе к нему. Пальцев было недостаточно.

Возьми меня. Владей мной.

Кью застонал, в тот момент, когда сжал свой член сильнее, работая рукой жестче.

— Бл*дь, я хочу вставить свой член в твою киску. Быть глубоко поглощенным твоей тьмой, твоей влажностью, твоей сладкой узенькой киской. — Он добавил еще один палец, толкаясь глубоко, и моя спина изогнулась

Я застонала, крепко зажмурившись от непреклонного натиска эйфории.

— Сделай это. Пожалуйста, сделай.

— Такая нетерпеливая, такая жадная в своем желании, — пророкотал он в ответ, работая рукой жестче, сильнее сжимая член пальцами.

Я издала стон, кивая.

— Для тебя, да. Всегда только для тебя.

Он содрогался всем телом, издавая тихие стоны.

— Только для меня, эсклава. Вся моя. — Он начал жестче проникать пальцами в мою киску. Его большой палец нашел мой твердый клитор, кружа по нему в том же ритме, что он установил ранее. Вторгаясь, завладевая, сокрушая.

Его большой палец обладал магической силой, колдуя круговыми движениями, посылая энергию к точке его прикосновения. Мой живот напрягся, когда моя киска сжалась вокруг его пальцев, требуя быть заполненной, быть удовлетворенной и взятой, но Кью в свою очередь продолжал чувственные нападki. Толчок, легкое порхание, толчок. Его рука поглаживала его эрекцию, насыщая большим притоком крови его член, вызывая большее возбуждение и выделение бесцветных капель желания с головки члена. Желание, которое я хотела испытать. Его яйца напряглись, подтягиваясь выше и слегка увеличиваясь, сжимаясь от потребности получить желанное освобождение.

В то время как его пальцы все еще находились глубоко во мне, Кью прекратил поглаживать себя, чтобы отстегнуть один из ремней вокруг моего запястья. Я простонала, когда тугое давление схлынуло, позволяя крови устремиться к рукам.

Он не замедлял свой ритм, когда расстегивал манжеты вокруг моей шеи и другого запястья. Когда я была свободна, он положил мою ладонь на свой член.

Его бархатный жар был спусковым механизмом моего освобождения. Мое тело сжалось вокруг его пальцев, когда первая волна пульсации всосала его пальцы сильнее в меня. Так чертовски

приятно. Моя ладонь жестко сжала плоть Кью. Он издал шипение, но мне было абсолютно наплевать. Все, на чем я могла сосредоточиться, было безрассудное ощущение удовольствия в погоне за мучительным освобождением.

Я почувствовала накатывающую тяжесть, и затем дала волю удовольствию, принимая новую волну оргазма, что пульсировала вокруг моего сердца, которая оборачивалась плотно вокруг моего позвоночника и внутренней поверхности бедер, вспыхивая потребностью.

Кью отбросил мою руку от своего члена и выскользнул пальцами из киски.

Нет!

Я задохнулась, когда оргазм отступил и без стимуляции схлынул, словно увядающая волна.

— Почему? Позволь мне кончить. Пожалуйста, позволь мне кончить! — я умоляла его, протягивая к нему свои свободные руки.

Он отошел вне пределов досягаемости, освобождая мои лодыжки перед тем, как подняться на ноги. Проводя пальцами по моему телу, он превратил свои руки в острые когти, вонзаясь ногтями в кожу. Он не повредил кожу, но саднящее ощущение, оставленное после его ногтей, активировало жжение от отметок плети, благоприютствуя боли рождать легкое жжение. Протягивая руки к моей талии, он расстегнул последний ремешок и оттянул меня от поверхности креста.

С мрачной усмешкой, что искажала его рот, он пробормотал:

— Я еще не закончил с тобой. Когда ты кончишь, это будет чертовски невероятное чувство, от которого ты не сможешь двигаться.

Он сгреб меня в свои объятия, прижимая лоб к моему и тяжело выдыхая.

— Обещай, что будешь исполнять все, что я тебе скажу. Если ты только предпримешь попытку к протесту или решишь сказать слово против, я не сделаю, что собираюсь. T'as compris (прим.пер. Понятно)?

Я не могла выдавить из себя ни слова. Что бы ни потребовал Кью, я повинуюсь ему, позволю ему полностью контролировать меня, чего никогда не происходило. Он отказался от борьбы, от отрицания. Я хотела задать ему так много вопросов, но прикусила язык и кивнула.

Я бы пообещала все что угодно, если это может означать, что я получу долгожданную разрядку.

Кью отошел на небольшое расстояние, маня меня пальцем, чтобы я следовала за ним.

— Подойди сюда.

Мои ноги двинулись за ним сами собой. Я хотела наброситься на него и прижать к полу. Сейчас Кью не делал ничего, чтобы закончить начатое.

Мои глаза метались между его пристальным взглядом и налитым желанием членом.

Кью указал мне занять место на полу у его ног.

— На колени.

С заходящимся сердцем, я повиновалась, опускаясь на пол как можно более изящно, с чувством, что мои конечности были словно прошиты десятитонным давлением непреодолимой жажды желания.

Кью положил ладонь на мою голову, прежде чем медленно зайти мне за спину. Его пальцы оставались в моих волосах, слегка потягивая их. Властным движением рук, он сжал пряди. Я задрожала.

Он собрал каждую прядь и каждый непослушный завиток, затем скрутил густые пряди, пока не получилась светлая веревка из волос.

Сильным рывком, он потянул мою голову назад, пока моя задница не коснулась пяток.

— Мне нравится контролировать тебя таким образом, эсклава.

Его рот опустился на мой сверху. Перевернутое неудобное положение придало новую грань нашему поцелую, и я в свою очередь, отрыла рот шире, чтобы позволить его языку обладать мной. Контролируя меня с помощью волос, Кью лишил меня способности дышать, заставляя извиваться от недостатка кислорода.

Мои руки сжались в кулаки на уровне бедер, и я хотела больше всего прикоснуться к себе и кончить. Я больше не могла терпеть мучительную боль — невыносимую потребность кончить.

Отстраняясь от нашего поцелуя, Кью обернул волосы вокруг моей шеи. Щекочущие пряди обернулись вокруг моего горла, заставляя меня испытывать состояние клаустрофобии. Небольшой взрыв паники ворвался в мою кровь. Я не думала, что смогла бы выдержать удушение повторно.

Кью вышел из-за спины, чтобы занять положение передо мной, мой взгляд упал на его член. Предэякулят по капелькам неспешно стекал по нижней стороне его бархатной кожи. Я облизала губы.

Мышцы его пресса сокращались, и он издал стон, делая шаг ближе. Наши глаза прожигали огненные дыры друг в друге, но мы не говорили ни слова. Он стоял неподвижно, за исключением легкого подергивания бедер, что было неосознанной мольбой его тела дать ему то, чего я так отчаянно желала.

Я села, приподнявшись чуть выше на коленях, протягивая дрожащие руки, чтобы обхватить его горячую бархатную длину. Мои пальцы сомкнулись вокруг него, жестко и неумолимо.

Он откинул свою голову назад, и мучительный стон, что вырвался из его горла, устремился к моей киске. Если он продолжит издавать такие звуки, я могу кончить просто от звука его голоса.

Я провела по его члену один раз, и его тяжелые ладони легки на мою голову, создавая небольшое давление и отдавая мне приказ.

Мой рот наполнился слюной, когда я склонила голову. Волосы усилили давление вокруг моего горла. В то мгновение, когда мой язык коснулся его члена, я догадалась, почему он обвинил волосы вокруг моей шеи. Мои дыхательные пути уже были сжаты. Сосание его члена сжало бы их еще больше. Дышать через нос совершенно не помогало — каждый вдох стал борьбой.

Мои ноздри затрепетали от страха, но я открыла рот шире и всосала плоть Кью глубоко в рот. Он погрузил пальцы в мои пряди, держа мою голову в их власти, словно пленника, когда мой язык ласково скользнул с нижней стороны, и мои губы плотно сомкнулись вокруг него.

Он толкнулся глубже, удерживая меня за голову.

— Прими это. Бл*дь.

Моя киска сжалась, а я лишь могла издавать хныкающие звуки настолько сильно я хотела, чтобы его член оказался глубоко во мне. Во мне бурлили гнев и неудовлетворенность, и я осмелилась провести зубами по всей его длине, пробуя его, показывая ему, насколько я сейчас находилась на пределе.

Кью сильнее толкнулся, заставляя мою челюсть оставаться в одном положении, а мои зубы оцарапать нежную плоть. Объемная головка его члена ударилась о заднюю стенку горла, и потребность откашляться практически душила меня. Я постаралась сделать глубокий вдох, но мои волосы вокруг горла не позволяли легким втянуть себя спасительный глоток кислорода.

Отчаяние возрастало и возрастало в моем теле, пока моя грудь не

заболела, а сердце не понеслось галопом в груди. Но, несмотря на это, я продолжала сосать и поглаживать его член. Кью был словно в другом измерении, поглаживая мою голову, продолжая трахать мой рот с плотно закрытыми глазами.

— Твой рот — это чертов рай, — прорычал он.

Его член дернулся, когда я начала сосать сильнее, заставляя его почувствовать то, что он сейчас сказал. Я хотела разрушить его. Хотела, чтобы это все закончилось, и я могла дышать вновь.

Нетерпеливое рвение сделало меня до отчаянного смелой. Я скользнула одной рукой Кью между ног и взяла в ладонь его яйца.

Он вздрогнул. Его бедра прекратили покачиваться. На мгновение, я предположила, что он остановит меня. Возможно, мне было непозволительно прикасаться к нему здесь, но мгновение пролетело, и он вновь расслабился.

Я сжала нежную плоть, бережно перекатывая их кончиками пальцев. Он вздрогнул, а его мышцы бедер задрожали.

Подняв глаза вверх, я впитывала, как он выглядит в данный момент. Его глаза были плотно прикрыты, рот искажен от ощущений, что он испытывал. Он был похож на грешного полубога. Переживая момент порочного секса.

Открывая рот шире, я брала его глубже и отстранялась, лаская и облизывая, в то время как сжимала яйца сильнее. Я хотела, чтобы он кончил. Я хотела забрать его самоконтроль.

«Я собираюсь свести тебя с ума, Кью Мерсер».

Становясь смелее, я просунула руку чуть дальше между его ног. Он замер, но я не дала ему возможности решить нравится ли ему это или нет. Двумя пальцами, обращенными внутренней стороной вверх, я сильно надавила на участок кожи, что находится между его яйцами и анусом.

Он дернулся всем телом, когда я нашла плотный узелок кожи, небольшую эрогенную зону, которая размером с грецкий орех, известная так же, как мужская точка G.

Я надавила на нее вновь, начиная сильнее сосать его член.

Кью ахнул и попытался отстраниться, но я направила за ним, не размыкая губ. Я плотно обернула губы вокруг него и решительно прижимала пальцы к его эрогенной зоне между ног.

Я страдала от темных точек, что застилали мое видение, когда мои

волосы начали медленно душить меня, но я держала прежний темп: посасываю, нажимаю, посасываю, нажимаю — выполняя движения, которые создавали давление между его ног, мои прикосновения были решительные и настойчивые.

Кью выдохнул громкий стон.

— Merde(прим.пер. Проклятье). Остановись!

Я не остановилась

На этот раз я добавила зубы к своему посасыванию. Я слегка согнула пальцы, игнорируя все остальное, кроме потери контроля Кью.

— Бл*дь, бл*дь, бл*дь. — Это было сродни поднесенной спичке к фитилю пушки, снятой чеки у гранаты. Кью отпустил свой контроль. — Трахни меня своим ртом, эсклава.

Его пальцы жестко схватили меня за голову, удерживая заложницей, пока он яростно вколачивался в мой рот. Я так и не сбавила давление между его ног, не отпуская его точку G из плена моих пальцев, сжимая вену, что питала кровью его яйца.

— Tu vas me tuer. C'est tellement bon. Mon Dieu.(прим. пер. Ты просто убиваешь меня. Это слишком приятно. Боже мой).

Мой рот выделил еще больше слюны, не способный делать ничего кроме, как принимать все действия Кью. Моя шея покрылась испариной, когда слюна нитками тянулась изо рта, и моя рука практически взрывалась огненной болью от неизменного давления, что я создавала на его члене.

Кью взревел как дикое животное. Из его горла вырвались проклятья, тело резонировало яростью, и вся комната наполнилась насыщенным ароматом секса.

Я балансировала на грани потери сознания, мое тело онемело и ослабло. Кью пронзительно застонал, словно этот звук прошел от кончиков его пальцев. Его живот напрягся, ноги застыли на месте, и его точка G увеличилась.

Затем он кончил

— Бл*дь... — резко выплюнул, сперма брызнула на заднюю стенку моего горла, стекая теплой и слегка солоноватой жидкостью на мой язык. Волну за волной я сглатывала, а он все продолжал кончать. Я начала задыхаться, и он сразу же выскользнул из моего рта, зажимая член в кулаке.

Яростными рывками, он выплескивал последние капли

освобождения, задыхаясь, пока все еще продолжал изливаться, покрывая белыми липкими капельками удовольствия всю мою грудь.

Образ возвышающегося надо мной Кью, его яростное выражение лица и одновременно красные, сверкающие удовольствием глаза стоили внимания. Я хотела запечатлеть этот момент в памяти, выжечь его в моем мозгу, запомнить чернила его татуировки, мускусный вкус в моем рту и осознание того, что я довела его до сокрушительного оргазма.

Трясущимися руками, я убрала петлю из волос вокруг своего горла и вытерла, насколько было возможно, слюну.

Весь мой рот болел, моя киска ощущалась несправедливо обделенной — наполненной обидой за то, что ее не оттрахали и не дали того же освобождения, что испытал Кью.

Жадно вдыхая, Кью растер маленькую капельку теплого освобождения по моему соску.

Мгновенно оргазм вспыхнул с новой силой, умоляя, бросая в дрожь. Пожалуйста, избавь меня от моего страдания.

Не сводя с меня взгляда своих глаз, Кью потянулся, приподнимая меня под руки, и помог подняться на ослабшие ноги. Его выражение лица было отстраненным, не читаемым.

— Ты нуждаешься во мне, Тесс?

Я задрожала от власти и от острого эротизма, что появился в его голосе. Мои веки затрепетали, испытывая потребность закрыться. Я была опьянена от желания кончить.

Я беспокойно закивала.

Он наклонился, за счет чего наши глаза практически оказались на одном уровне.

— Хочешь ли ты мой язык на своей киске, чтобы кончить?

Мои глаза закрылись от обрушивающихся на меня образов, как Кью ласкает меня языком, кусает меня, заставляет разлететься на части.

— Да, — простонала я.

Его пальцы ласкали мою другую грудь, даря такое же ощущение, как и первой.

— Будешь ли ты испытывать постоянные муки, если я не трахну тебя? — его указательный и большой палец ущипнули мой сосок, посылая волны потребности сквозь мой живот к киске.

Ярость вновь вспыхнула во мне. Какую игру он вел, черт возьми? Это не честно. Это неправильно.

— Ты знаешь, именно так и будет

Он схватил с силой мою грудь, заставляя меня задрожать и издать стон. Я прильнула к нему, пытаюсь прикоснуться к его все еще твердому члену. Если бы он только позволил мне воспользоваться им. Ему не пришлось бы ничего делать. Я могла объезжать его, пока не достигну своего удовлетворения.

Но его голос был словно удар хлыста.

— Не прикасайся ко мне.

Шок заставил мои глаза широко распахнуться; моя кожа вспыхнула от замешательства и боли. Я посмотрела вглубь его взгляда, пытаюсь обнаружить причину его отказа.

Он покачал головой.

— Ты нарушила главное правило. Ты ослушалась меня. — Кью выпрямился, напряг плечи. — Ты забрала мой контроль, эсклава, а это то, что тебе не позволено делать. Заставить меня потерять его — это самое худшее непослушание, которое только ты могла проявить. Ты заставила меня сделать это. Ты отняла то, что не принадлежит тебе. — В его голосе промелькнуло предупреждение. — Я сказал тебе, что я не буду исполнять то, что собирался, если ты не сделаешь все, как я сказал.

Я жадно втянула воздух. Я не смогла бы выдержать еще одну сессию на кресте, если, конечно, не кончила бы сперва. Все в моем сознании перепуталось. Мне необходимо было расслабиться, спустить пар и сохранить свое здравомыслие.

Кью провел большим пальцем по моей нижней губе, дрожащей от сдерживаемого контроля.

— Твоим наказанием будут не плети, цепи или же другие девайсы для пыток, которые нравятся тебе.

Я больше не могла терпеть. Мне необходимо было знать.

— Что ты намерен делать?

Кью улыбнулся. Он был словно две стороны у монеты — в один момент полон раскаяния, в другой мстительный.

— Я ничего не собираюсь делать. — Прижимаясь ладонью между моих ног, он толкнулся двумя пальцами в меня.

Я прижалась лбом к его груди, когда упала в его объятия. Мои бедра двигались на его руке, мое дыхание ускорилося, когда освобождение нарастала со сверхбыстрой скоростью.

Вытаскивая свои пальцы, он облизал их дочиста. Я неустойчиво

стояла, ощущая себя пульсирующим скоплением нервных окончаний.

— Если ты удовлетворишь себя, я узнаю. Если ты кончишь до того, как я тебе позволю, я лишу тебя права кончать на целый месяц. Ты будешь оставаться на пределе, пока я не дам тебе разрешение. — Он склонился, чтобы оставить нежный поцелуй на моей щеке. — Только тогда я трахну тебя так, как ты того желаешь. Только тогда я позволю тебе кричать мое имя.

Его наказание было сущей пыткой. Слезы появились на моих глазах, и я потянулась, чтобы схватить руку Кью.

— Пожалуйста. — Я покачала головой. — Кью, прошу тебя, я сделаю все, что ты скажешь.

Он мягко улыбнулся, проводя своими пальцами по моим волосам, позволяя им упасть и рассыпаться, словно легкий занавес по моим плечам.

— Больше не делай так, Тесс, это то, чего я хочу от тебя.

— Я обещаю тебе. Клянусь. Больше никогда. — Я попыталась схватить его за член, но Кью уклонился от меня, направляясь в ванную комнату.

— Помни, ты сама виновата в сложившейся ситуации. Одевайся. Мы опаздываем.

Удивление заставило мой голос перейти на писк.

— Опаздываем куда?

Кью рассмеялся, прежде чем исчезнуть я в ванной комнате.

— Мы едем на работу. Я же говорил тебе, что хочу, чтобы ты работала со мной. Сегодня именно тот день.

Глава 3

*Ты моя одержимость, я твоя собственность. Ты владеешь самой
глубокой частью
меня.*

Кью

Я скрылся бегством.

Я убежал, как гребаная девчонка. Мое тело ощущалось чужеродным — напряженным, удовлетворенным, но, в то же самое время, охваченным страхом и насыщенным яростью. Я хотел что-нибудь ударить. Я хотел разразиться криком на Тесс за то, что она посмела сделать. Я хотел напасть на любого человека, который был бы настолько глуп, что нарушил границы моего личного пространства. Мне нужно как можно скорее выбраться отсюда.

Она заставила меня.

Она заставила меня утратить мое состояние контроля.

Я никогда не терял контроль.

Закрывая со всей силы дверь в ванную комнату, я подошел к черной двойной консольной раковине и оперся руками по обе чаши. Склонившись, я втягивал прерывистые вдохи, пытаюсь успокоить заходящееся сердце.

Мой член все еще выделял бесцветные капли желания, даже после того, как я кончил в двойном объеме, укладываясь в один минет. Я чуть не утопил Тесс, когда изливался ей в горло. Это не принесло мне удовлетворения. Во мне бушевало много эмоций и чувств, но удовлетворения там и близко не было.

В тот момент, когда я подумал о ее прикосновении, ее пальцах, прижатых так крепко между моих ног, мышцы живота задрожали, и мой член — гребаный ублюдок — налился желанием и увеличился в размере.

Никогда еще женщина не отнимала у меня то, что принадлежало безраздельно только мне. Никогда прежде кто-либо не заставлял меня кончить до того момента, пока я не был готов. Они были осмотрительными, перед тем, как проявлять такую смелость.

Тесс была осмотрительна, тем не менее она не оставила мне выбора.

Я крепко зажмурил глаза, и все, что мог видеть, повторное воспроизведение того, что произошло.

Ее волосы закручивались золотистыми прядями между моих пальцев, в то время как я направлял ее рот поглощать мой член. Ее

теплые, влажные губы сомкнулись вокруг меня, моя спина вспыхивала фейерверками, а мои яйца болезненно напряглись

Веревка из ее светлых волос понемногу душила ее, и я ждал, пока ее не разберет кашель, чтобы я мог отстраниться, чтобы она посмотрела на меня с обвинением, которое таилось в ее голубых глазах, отказываясь доставить мне удовольствие.

Но она так не сделала.

Она придвинулась ближе, позволяя лишать воздуха еще сильнее. Ее рот наполнился восхитительной смазкой, и она добавила ко всему поразительное прикосновение острых зубов.

Все, что она делала, было идеально, и мой оргазм начал зарождаться медленно и многообещающе. Затем она все разрушила, когда просунула руку чуть дальше моих яиц и нашла эту гребаную точку, которая в рекордное время превратила меня практически в глину под ее руками.

Я вздрогнул, когда ее рука потянулась туда, где никто не трогал меня до этого времени. Ее пальчики прижались к коже, массирующими движениями, погрузив меня в состояние пытки.

Мой оргазм мгновенно сменил темп от медленно зарождающегося до сверхзвукового. Merde, это ощущалась восхитительно. Больше чем восхитительно — сокрушительно, крышесносно, мучительно.

Я отпрянул назад, вжавшись пальцами в густой ворс ковра, попытавшись отодвинуть надвигающееся освобождение, но Тесс двинулась вместе со мной. Она не выпустила меня из плена рта. Ее гребаная рука продолжала движение, устремляясь вверх и опускаясь вниз, и ее рот стал идеальным сосудом, чтобы излить в него удовольствие.

Мои мысли превратились в длинный поток непрекращающихся ругательств, когда я боролся с двумя противоречивыми эмоциями.

Вожделением.

Ужасом.

Вожделением, потому что она свела меня с ума. Я напрочь забыл, кто я. Я даже забыл, почему мне необходимо держать себя под контролем. Я забыл все, кроме ощущения моих рук на ее голове, и как я заставлял ее глотать все мое освобождение.

А ужасом, потому что стены между мной и монстром были уничтожены. Уничтожены, благодаря хрупкой девушке, что стояла на

колених между моих ног. Никто не мог быть в безопасности, когда это происходило.

Я распахнул глаза, смотря зло на свое отражение в зеркале.

«Ты ублюдок, Мерсер».

Мне следует немедленно направиться в спальню и приказать Тесс раздвинуть ее изящные сексуальные ножки и затем скользнуть глубоко в ее киску. Она практически заплакала, когда я отказал ей. Я повел себя как истинный мудака, когда оставил ее на грани удовольствия, после того, как она подарила мне самый лучший оргазм в моей жизни, но я был зол на нее. Больше даже чем зол. Растерян.

Мои пальцы сжали мраморную поверхность столешницы, и я противостоял другой эмоции, которую из-за всех сил пытался не признавать.

Раздражение.

Чувство раздражения по отношению к Тесс, но в большей степени к самому себе. Я не мог ничего поделать с этим. На протяжении всей моей сознательной жизни, я гордился тем, что возымел полноценный контроль над своим телом, над своими мыслями, но что немаловажно, над своими нуждами. Но одним движением Тесс разбила вдребезги мои представления, уничтожила до основания настолько ценную мной выдержку, и превратила меня в гребаного неандертальца.

Она отняла у меня мой контроль и вместо того, чтобы бороться с этим, я отдался на милость ее прикосновениям, позволив приворожить меня, заключить в свою ловушку, я позволил моему телу возобладать над разумом.

Как я могу теперь доверять себе?

Я издал тяжелый вздох, разворачиваясь, чтобы войти в душ из черного мрамора. Поверхность была отполирована до зеркального блеска настолько хорошо, что мое отражение смотрело на меня.

Застигнутый врасплох.

Мои глаза преследовали меня, и это было настоящей причиной, почему я источал такую злость. Тесс сделала намного больше, чем просто заставила меня кончить, она забрала некую частичку моей власти, и если быть предельно честным, мне это было совершенно не по вкусу.

Включая кран в душе, я вздрогнул, когда холодные капли стали в одну секунду невыносимо горячими. «Уколы» обжигают горячей

воды помогли немного снять давление от накатывающих эмоций, когда я схватил мыло и намылил грудь.

Образы воспоминаний того, как я брал Тесс в душу в самый первый раз, всплыли в моем разуме, когда я опустил руки, чтобы размазать мыльную пену по своему члену. Она испытывала боль от телесных повреждений и была невероятно подавлена в эмоциональном плане после изнасилования. Но мне нравилось думать, что мой нетрадиционный способ по замене ее болезненных воспоминаний собой поможет ей уничтожить всю боль и ужас ее глазах.

Вода смывала остатки слюны Тесс, и я издал грудной стон, когда сжал свою длину немного сильнее.

Стискивая зубы, я снова погладил свой член. Яростные, жестокие проглаживания являлись наказанием для той моей части тела, которая отказывалась повиноваться моему желанию.

Я хотел большего. Я хотел врезаться глубоко в тело Тесс и заставить ее пообещать мне, что больше никогда она не даст мне почувствовать себя настолько зависящим от ее власти. Он заставила меня почувствовать себя слабым. Совершенно не тем человеком, которого я знал. Это сделало меня податливым, а я никогда в своей жизни не испытывал ощущение уязвимости.

Моя рука начала поглаживать член жестче, сжимая его настолько сильно, пока головка не начала пульсировать. Раздвигая свои ноги, я занял положение, которое было удобно для быстрой разрядки, но внезапно замялся.

Это было нечестно. Почему я должен кончить снова, когда Тесс, вероятно, в данный момент переживает кошмар наяву?

Это потребовало большой выдержки и крепко сжатой челюсти, но я ослабил хват на члене и впустил его из крепкого плена пальцев. Все мои мышцы сжались, и сколько бы ни стоял под душем, я совершенно не мог расслабиться.

Двадцать минут спустя, я вышел из своей спальни, одетый в серый костюм. Мрачный цвет отлично отражал мое настроение: напряженный, охваченный страстью и полностью сходящий с ума от женщины, которая схватила меня за яйца. В прямом смысле слова.

Проходя по дому, я отыскал Тесс в овальной комнате, куда я поселил ее после ужасного происшествия в доме Лефевра. Вся одежда, которую я приобрел для нее, оставалась тут. Мы не предприняли никаких действий для того, чтобы переместить ее в мою комнату. Решающий шаг на пути к тому, чтобы полностью признать, что наши жизни связаны в одну, не был предпринят, и я не мог понять, заставляло ли меня это нервничать, или же я все-таки был доволен данным фактом.

Тесс сидела на краю кровати, раскатывая чулок по своей гладкой шелковистой коже, затем закрепляя его ремешком кружевной подвязки, что виднелся из-под ее обтягивающей юбки. Она собралась вокруг ее бедер, очень напоминая ремень, и я желал сорвать ее.

Тесс была абсолютна права насчет того, почему я срывал одержу с ее тела. Это было символично. Способ уничтожать и разрывать без нужды убивать ее.

Она подняла взгляд и быстро вскочила на ноги, хватаясь за грудь. Изумительно скроенная блузка обтягивала ее соблазнительные формы, открывала взору намек на нежную кожу и бюстгальтер.

Мой рот наполнился слюной, я тяжело сглотнул от желания перекинуть ее через плечо и унести обратно вверх по лестнице. Пошло к черту, ее наказание. Таким образом я наказал и себя, а мне было достаточно для одного утра.

— Кью. Ты напугал меня до чертиков. — Она размяла плечи, избавляясь от страха в своих глазах, заменяя его интересом и влечением. — Я никогда не привыкну к тому, что ты приближаешься так тихо. Ты двигаешься, как чертово привидение.

Я послал ей полную раскаяния улыбку.

— Моя способность играет мне на руку, когда я не желаю быть услышанным. — Я сделал шаг по направлению к ней, выставя напоказ свою жесткую эрекцию. — Мне нравится наблюдать за тобой, когда ты думаешь, что находишься одна.

Она прикусила губу, наполняясь энергией. Ее взгляд остановился на моих губах, и я отбросил всякую осторожность и раздражение, и каждую гребаную эмоцию, наполненную страхом, словно выбрасывая их в окно.

Я схватил ее за затылок, притягивая к себе.

Тесс ахнула, ее руки уперлись в мою грудь. Моя кожа наэлектризовалась под ее прикосновениями. Я зарычал:

— Выходит, что наказывая тебя, я наказываю сам себя. — Я провел языком по ее нижней губе, покусывая, поддразнивая ее. — Мне не нравится это.

Она вздохнула и прижалась своим телом к моему. Задрожала, когда ее бедра качнулись вперед, устремляясь к моей ноге.

— Это значит, что ты позволишь мне кончить? — ее голос был тонким, пронизанный потребностью.

Я решительно подхватил ее на руки, чтобы бросить на кровать. Я не мог нормально соображать; все, что я хотел, так это почувствовать ее киску вокруг моего члена.

— Merde. Je suis désolé (прим. пер. Черт. Простите).

Тесс замерла в моих руках, смотря через мое плечо на открывшуюся дверь. Растерянная улыбка воцарилась на ее лице, щеки покрылись ярко-розовым румянцем.

— Доброе утро, Сюзетт.

Я застонал. Эта женщина выбрала самое чертовски неподходящее время. Я опустил Тесс, пользуясь моментом, прижимая ее к своему телу.

Она пыталась держать себя в руках перед персоналом, но ее пульс учащенно бился в жилке на шее, и мои глаза устремились к небольшому укусу оставленному мной. Ее кожа немного потемнела от моих неумолимо жестких прикосновений пальцев.

В тот момент, когда Тесс встала на ноги, я развернулся к Сюзетт, пронизывая ее взглядом суженных глаз и мрачным разочарованием, что наполняло мой голос:

— Qu'est ce qu'il y a? Что тебе нужно?

Она склонила голову к плечу, застенчиво улыбаясь Тесс, которая стояла позади меня. Чертова сестринская родственная связь, что была между ними. Мне нравилось, что у Тесс были друзья. Мне нравилось, что персонал любил ее. Но меня совершенно не устраивало быть третьим лишним, тем человеком, которого они будут обсуждать, когда я не буду их слышать.

— Вертолет готов к взлету. Капитан попросил меня пойти и найти вас. Вы пропустили взлет еще час назад

Приподнимая свой манжет, я посмотрел время на своих наручных часах Rolex — тех самых Rolex, что украл у моего отца после того, как застрелил его в голову. Проклятье, я также пропустил встречу запланированную на утро.

— Скажи ему, что мы будем готовы к взлету через пятнадцать минут, — приказал я, проскальзывая в свое привычное состояние властного генерального директора.

Сюзетт спешно покинула нас, а я развернулся к Тесс. Я просто не мог находиться рядом с ней, потребность завладеть ею была слишком высока. Сглатывая неумолимое желание, я кивком головы указал на ее укус на шее.

— Скрой это. Встретимся внизу через пять минут.

И я скрылся опять. Словно гребаный слабак.

Я нашел ту, кого искал, в месте специально отведенном для чтения на площадке второго этажа. Это место напоминало по внешнему виду холл, просторный и яркий — это создавало иллюзию неограниченной свободы, оставаясь в то же время тем же самым домом.

— Доброе утро, Сефена.

Она вздрогнула, прижимая к своей груди самый последний модный журнал, и сжимаясь на стуле. Ее кости на коленях резко выступали под материалом джинсов, которые я купил для нее, и она по-прежнему отказывалась носить что-либо, кроме мешковатых свитеров, которые скрывали ее изможденное тело.

Мои ладони сжались в кулаки, когда ярость пронзила меня. В ту ночь, когда Франко привел Сефену, она была одета в бикини, которое болталось вокруг ее тела, словно на египетской мумии. Больные ублюдки, которые продали ее, любили измываться над ней, опаивали ее, били и резали острыми предметами, пока она была обнаженной, и затем заставляли ее творить немыслимые вещи.

— Доброе утро, сэр. — Ее несмелый голос никогда не поднимался чуть громче шепота. Она отказывалась устанавливать со мной зрительный контакт, предпочитая теревить уголки страниц журнала и сжиматься в клубок.

Я презирал зловоние страха, исходившее от ее разрушенной души и избитого тела. Животное, жившее во мне, поджимало свой хвост в страхе, когда сталкивалось с такой жертвой, что была уже разрушена без шанса на восстановление.

Избитые девушки вызывали во мне желание защищать их от

всякого зла, но в то же время они убивали мое возбуждение на корню. Я был преисполнен стремлением спасти и убить их одновременно только для того, чтобы вывести из состояния отчаяния.

Я держался на расстоянии, направляясь к перилам, чтобы предоставить ей немного пространства.

— Хочешь, чтобы я позвонил твоему мужу? Я уверен, что он был бы счастлив, поговорить с тобой.

Она яростно замотала головой, заставляя спутанные каштановые волосы вздыматься вокруг своего лица. Слезы в тот же момент неконтролируемо потекли по ее щекам.

— Нет! Я не могу! Он не должен видеть меня такой! Нет... Я не могу... Пожалуйста, не заставляйте меня.

Я поднял руку, сражаясь с желанием убежать прочь от такого отчаяния. Я не мог убежать от этого. Это было причиной моего существования. Это было единственной спасительной чертой характера, которая могла искупить ту злость, что существовала во мне.

— Ты можешь оставаться здесь столько, сколько ты захочешь. Как бы то ни было, ему известно, что ты находишься здесь.

Я позвонил ему в сразу же, как только определил ее личность. Местная полиция узнала, где проживают ее родственники, по спискам без вести пропавших. Сефена была похищена от своего мужа в тот момент, когда они проводили медовый месяц в Греции.

Три гребаных года она принадлежала борделю, который специализировался на обслуживании элитных бизнесменов. Это было место, где не задавалось вопросов, где позволялись самые большие извращения, и где все держали рты под замком.

Сефена сидела вся в слезах. Словно в ужасном сне, что привиделся наяву, мне померещилась на ее месте Тесс. Сломленная, исхудавшая и разбитая настолько, что моя помощь являлась бесполезной тратой времени. Мысль, что такое могло произойти с Тесс, стиснула мое сердце таким страхом, что я не мог сделать и вдоха.

Тесс никогда не будет такой, как Сефена. Тесс принадлежит мне. Я буду защищать ее вечно.

Мне нужно было срочно уйти.

— Если тебе что-то понадобится, пожалуйста, не стесняйся спрашивать. Я не буду торопить тебя, чтобы ты поговорила со своим мужем, но рано или поздно тебе придется встретиться со своим

прошлым и двигаться дальше, если, конечно, ты хочешь обрести шанс на счастье. Ты нуждаешься в том, кто любит тебя, нет нужды скрываться в огромном доме, как этот. — Я подарил ей мягкую улыбку и спустился по лестнице.

Мои мысли неумолимо устремились к Тесс. Она будет работать на меня и это будет в некоторой степени облегчением. Будет хорошо иметь официальные отношения на работе. Чисто деловые. Мне будет непозволительно прикасаться к ней. Она будет моим работником — полностью под запретом.

Возможно, что в этом случае я мог бы рассмотреть в ней что-то кроме волевой женщины, которую желал сломить. И, может быть, я заставлю себя измениться от осознания того, что она равная мне.

«Ты все так же будешь жаждать ее крови, ублюдок».

Я тяжело вздохнул.

Даже в том случае, если бы мы сработались вместе, это повлекло бы за собой другого рода последствия в виде офисных сплетен. Как бы я мог объяснить своему рабочему персоналу, почему женщина, с которой я живу, не может сесть, не вздрагивая, или почему ей приходится маскировать косметическими средствами явные отметины на коже?

Голос Тесс раздался в моей голове: *«Я сказала себе, что буду сражаться за тебя. Ты стоишь каждого боя, что мне приходится преодолевать. Каждой ссоры и преграды, что встречаются на моем пути. Я буду сражаться за тебя, потому что я влюбляюсь в тебя, Кью».*

Неужели она, и правда, имела в виду именно это. Но все же я не мог позволить себе быть с ней абсолютно честным. Я убил своего отца, похоронил пьяницу, которая была моей матерью, и трахнул рабыню, когда освободил ее, а все потому, что у моей силы воли тоже был предел. Она возненавидит меня. Я ненавижу себя. Нет. Тесс никогда не узнает об этом. Так было лучше.

Единственный человек, который все знал, был Фредерик, а одного уже было более чем достаточно. Даже Сюзетт и Франко не подозревали о том, что произошло на самом деле.

Я предпочитал жить в темноте. Один. Я не желал, чтобы Тесс знала истинного меня. Она сбежит. Она нарушит свое обещание и оставит меня. А это было абсолютно недопустимо.

Хихиканье достигло моего слуха, когда я вошел в гостиную,

направляясь в кухню. Я сохранил безразличное выражение лица, хотя на самом деле хотел нахмуриться, когда увидел Тесс и Сюзетт, стоящих близко друг к другу, с кружками кофе в руках.

— Так ты направляешься на работу в представительство компании Кью? Не испытываешь страх?

— Испытываю страх? С чего мне бояться? — поинтересовалась Тесс.

— Ну, иногда с Кью в пределах дома достаточно тяжело сладить. А работать с ним... — Взгляд Сюзетт поднялся, встречаясь с моим.

На этот раз я не сдержался и издал рык, который был заполнен долбаным раздражением, что я ощущал.

— Ты закончила, Сюзетт?

Она залилась яркой краской и стремительно рванула в кладовку.

Тесс звонко рассмеялась, делая большой глоток капучино.

— Не нужно срываться на бедную девушку. Она только хотела убедиться, что я готова морально.

Я раздраженно фыркнул, направляясь к уже налитому и идеально приготовленному латте. Может, Сюзетт не знала, когда следует держать свой чертов рот на замке, но она умела делать отличный кофе.

Солнце пригревало мою макушку и плечи через стеклянную крышу, благодаря которой кухня наполнялась ярким солнечным светом.

Тесс не сводила своего взгляда с меня, когда я пил горячий напиток. Я держал себя в руках. То, как она сидела с локтями расположенными на столе, и как чашка касалась ее губ, заставляло ее блузку немного приподниматься, обнажая бюстгальтер, что слегка прикрывал ее грудь.

Поддразнивания от красных отметин плети заставили мой член затвердеть в штанах, и все, чего я желал, так это схватить нож, разрезать одежду и оттрахать Тесс.

Мои ноги крепко стояли на месте, в то время как в глубине моих глаз виднелось неприкрытое желание наброситься на нее. Каждая часть меня ощущалась неправильной — неполноценной, но лишь до того момента пока я не возьму ее. Возьму ее выкрикивающую и издающую стоны, и умоляющую о большем.

Бл*дь, я очень хотел, чтобы ее киска жестко сжалась вокруг моего члена. Я хотел излить в нее свою сперму, чтобы она пахла мной на протяжении всего дня.

«Подумай о чем-нибудь другом. О Сефене. Подумай о бедной сломленной женщине, которая имела дело с такими ублюдками, как ты, и не смогла спастись».

Это махом уничтожило мою страсть, но лишь настолько, чтобы я не трахнул Тесс перед своим персоналом.

Черт возьми, мне следовало держаться от нее подальше в течение дня, чтобы не трахнуть у всех на виду.

Сюзетт вышла из кладовой, ее руки были нагружены мукой и различными продуктами. Ее тело пыталось вжаться в себя, стремясь казаться меньше, чем оно было на самом деле.

Она втянула в себя прерывистый вдох.

— Простите, господин. У меня не было намерения говорить что-то необдуманное. — В ее глазах царил тот же самый омерзительный страх, который раньше владел ею, когда она прибыла сюда впервые.

Я так усердно трудился, чтобы избавиться от этого разбитого взгляда, той части ее, которая была повреждена — разрушена мерзкими ублюдками, которые ломали ее кости ради удовольствия.

Я поставил кружку с кофе на поверхность стола и потер переносицу. Похоже, сегодня я был в ударе. Зля всех, и обращаясь со всеми, как полный придурок.

— Я совершенно не зол. Все отлично. — Я положил ладонь ей на плечо, но она отпрянула от меня, вздрагивая всем телом.

Черт побери, она регрессировала в своем состоянии.

— Не смей бояться меня, Сюзетт. Я никогда не сделаю тебе больно.

Тесс замерла на высоком барном стуле, не сводя своего взгляда с Сюзетт. Любой, кто не выжил из ума, мог заметить, что она не была больше той беззаботной хихикающей девушкой, что находилась тут минуту назад. Она была лишь жалкой оболочкой прежней себя. Избитая рабыня, которая настолько искалечена внутренне, что никогда не сможет иметь детей.

Мои слова постепенно проникли в разум, и Сюзетт неспешно кивнула. Постепенно ее плечи расслабились, и она положила продукты на поверхность столешницы.

— Прошу прощения. Небольшая потеря контроля, не более.

— Ты в порядке? — едва слышно проговорила Тесс

Мои глаза устремились к ней. Язык ее тела полностью отражал язык тела Сюзетт — напряженные, ссутулившиеся, готовые

обороняться от любого врага, которого они боялись. Тесс так и не рассказала мне того, что произошло с ней в Мексике, но если когда-нибудь она сделает это, я не буду ответственен за бесчисленную груду трупов, которые бы остались после этого.

Мы поклялись, что выследим тех ублюдков, и я планировал начать этот процесс сегодня. Мы и так слишком долго ждали.

Сюзетт встряхнулась, сбрасывая остатки страха.

— Конечно, не обращайтесь на меня внимания. Представим, что вы никогда не видели этого. — Она махнула рукой в беззаботной манере, смеясь. Это бы прозвучало правдиво, если бы не нервная резкость в ее голосе. — Я собираюсь заняться текущими делами. Увидимся, когда вы вернетесь сегодня вечером.

Без единого слова, она выскочила из кухни и исчезла.

В то мгновение, когда она ушла, между мной и Тесс с новой силой вспыхнуло неудовлетворенное влечение, и я ощутил пробирающее до костей знакомое чувство. Тесс сделала глубокий вдох, и ее кофе остался позабытым.

— Ты причина того, что она чувствует себя намного лучше. Ты причина того, что она снова может наслаждаться жизнью и радоваться. — Восхищение в ее голосе глубоко затронуло меня за живое. Я никогда не гордился тем, каким мужчиной был, но одобрение Тесс значило для меня все.

— Это не только я. Она излечила сама себя, возродив новый интерес к жизни. Ее выздоровление не было таким простым.

Тесс покачала головой, ее глаза наполнились блеском благоговения.

— Она не была бы жива, если бы не ты. — Ее голос опустился до хриплого отрывистого шепота, мой член отреагировал на этот призыв в ту же минуту.

Она прыгнула со стула, направляясь ко мне словно идеальная кукла: светлые волосы, фарфоровая кожа, густые ресницы, что обрамляли самые потрясающие глаза, которые мне когда-либо доводилось видеть.

Взгляд, которым она посмотрела, практически опустил меня на колени.

Она принимала меня. Желала меня. Она заставляла меня чувствовать себя достойным.

Я мгновенно лишился дара речи. Я не чувствовал, насколько

горячая была моя кофейная кружка. У меня вылетело из головы как моргать и дышать. Все что я мог, так это просто смотреть на женщину, которая успешно разбила меня на осколки только фактом своего существования.

Какого хрена происходит со мной?

Потребность между нами за долю секунды взвилась до небес, изгибаясь, словно под действием статического электричества.

Губы Тесс слегка приоткрылись, и я не мог смотреть никуда кроме них. Мы одновременно сделали шаг навстречу, подталкиваемые неведомой силой быть ближе, неспособные жить, если же нас будет разделять хоть какое-то расстояние.

Я облизал губы, испытывая практически физическую боль от желания поцеловать ее. Отхлестать. Оттрахать. Содрать с нее кожу. Обладать ею.

Моя грудь завибрировала, когда я схватил Тесс за затылок. Ее волосы приподнялись вверх, обнажая снежного цвета кожу. Призыв притянуть ее в мои объятия практически сотрясал мои мышцы.

Образы того, как я жестко трахаю ее в кладовой, вспыхнули в моих мыслях. Мы бы в жизни не смогли добраться до спальни. Я нуждался в ней. В эту. Чертову. Секунду.

Тесс была неподвижна, прерывисто дышала, крохотные пуговички натянулись на ее груди.

— Я имел в виду каждое слово, — прошептал я еле слышно, склоняя голову так, чтобы уткнуться в ее горло, утопая в чистом морозе и уникальном запахе, который принадлежал Тесс.

— Мммм...— простонала она, протягивая руки к моим лацканам пиджака и подтягивая меня ближе к себе. Я потерял равновесие, врезаясь в нее, оттесняя назад и впечатывая ее в кухонную скамью.

— Ты моя сила притяжения. Je suis à toi. Я твой, — пробормотал я.

Как я мог трахать ее, спать рядом с ней и заботиться о ней, когда совершенно не знал ее? Мое сердце знало ее, мое тело принадлежало ей, но я не обладал ее разумом.

А я желал этого. Нуждался в этом

Хватая Тесс за бедра, я расположил ее у моего члена. Мышцы ее подтянутого живота затрепетали, когда я как можно плотнее прижался к ней, удерживая ее у столешницы.

— Мне нужно узнать тебя, Тесс. Мне необходимо знать все, без

исключения, факты о тебе.

Чувство собственности бурлило глубоко в моем животе, и мои мышцы сжимались от гнева. Я хотел обладать ее прошлым, настоящим и будущим. Я хотел быть ее первым и последним и навсегда принадлежать ей. Я хотел стереть из ее жизни все, где я не был ее центром вселенной.

Проклятье.

Мои губы обрушились на ее, и мы громко застонали. Руки Тесс исчезли с моей талии, лихорадочно пытаюсь вытащить рубашку из-за пояса брюк.

Ее язык ворвался в мой рот без какого-либо сожаления, забирая каждую разумную мысль. Она требовала гнева. Она требовала дикости и жестокости, но на этот раз — впервые в жизни — я испытал желание поцеловать ее нежно.

Я не смог сдержать тихий смешок, что вырвался из меня.

Она прервала поцелуй, ее бровь приподнялась.

Я покачал головой, все еще чувствуя легкое головокружение от привкуса кофе и Тесс во рту.

— Ничего, — пробормотал я.

— Ты не можешь рассмеяться посреди поцелуя и отказаться рассказывать мне, Кью. — Одна из ее рук опустилась к передней части моих брюк, обхватывая мой член.

Я дернулся, придвигаясь ближе, когда она обхватила меня еще жестче.

— Я хочу знать.

Животное внутри меня взревело, я противостоял желанию отбросить руку Тесс прочь. Она была чересчур дерзкой рядом со мной. Она не боялась достаточно, чтобы утолить ненормальную болезнь, что жила внутри меня, но в то же время ее прикосновение невыносимо возбуждало меня.

Момент слабости являлся необъяснимым стремлением быть нежным. Нежным, ласковым. Я говорил на трех языках, но не мог понять суть этих слов. Независимо от того, кто бы ни скрывался внутри, он никогда бы не познал их. Это было мимолетным мгновением безумия думать иначе. Но я хотел, чтобы Тесс находилась в целостности и сохранности, а чтобы это сделать, мне необходимо было приручить себя. И не важно, насколько цепь будет сжимать мое горло.

Отшатываясь назад, я отстранился от хватки Тесс и взял обратно свой кофе. Я выпил его, приветствуя ожог на своем языке — боль помогла твердо стоять на ногах. Это помогло убрать несерьезные мысли и заставило меня собраться с силами.

Работа.

Мне следует сосредоточиться на моей работе. А не на женщине, которая настраивает мои мысли и тело против меня. Тщательно избегая взгляда Тесс, я поставил кружку из-под кофе в раковину.

— Нам следует идти. Мы уже и так прилично опаздываем, и одному только Господу известно, что там произошло с моей компанией за последние четыре дня.

Я застегнул пуговицы на рубашке и разгладил сине-зеленый шелковый галстук

Решаясь взглянуть на Тесс, мое горло сжалось под ее свирепым взглядом. Ее лицо было покрасневшимся, обеспокоенным, глаза ярко горели, метая сине-серые молнии прямо в мой член.

— Я испытываю неподдельные муки, Кью. Мне нужна разрядка. Ты не можешь ожидать от меня того, что я проведу весь день рядом с тобой и не рехнусь. — Она подошла ближе, но я перехватил ее руки, не позволяя разрушить мой самоконтроль.

— Пожалуйста, пожалуйста, трахни меня.

Черт возьми, ну как я могу отказать? Как я могу отказать собственному телу?

Красный туман заволок мой взор и животное, что таилось глубоко внутри меня, издало рык.

Пошло все в задницу.

Я дам ей то, чего она так желает. Чего желаю я. Чего жаждем мы вдвоем.

— Сэр, все готово к взлету. — Мой подбородок резко приподнялся, чтобы отыскать Франко, начальника моей службы безопасности и заносчивого сукиного сына, который стоял посреди гостиной. Он склонил свою голову, прикрывая рукой веселую усмешку. Он не отводил зеленых глаза от нас, хотя прекрасно знал, чем мы тут занимались.

Merde. Мне придется уволить весь свой персонал, если я еще раз захочу увидеть Тесс обнаженной. Все они были готовы удерживать ее от меня.

— Отлично. Мы уже идем, — бросил в ответ я.

Франко скрыл свой смешок, когда развернулся и направился на выход. Ублюдок.

Поворачиваясь к Тесс, я спросил:

— Ты готова идти? — мой голос был грубым и холодным. Но только лишь потому, что внутри меня скрывалось ощущение неудовлетворения. Все чего я желал, так это глубоко скользнуть внутрь ее тела. Все, чего я отчаянно желал, так это обездвижить ее при помощи фиксаторов для тела, что были прикреплены к потолку, и вылизывать ее киску до того момента, пока она не начнет кричать.

Тесс сузила глаза, ее ладони сжались в маленькие кулачки. Небольшая дрожь от волны желания пробежала по ее коже, и ее поведение ослепила яркая вспышка ярости.

— Готова, как никогда в жизни.

Мой взгляд метнулся к ней, пытаюсь понять скрытый намек. Я был уверен, что тут обязательно был намек на что-то.

Ее лицо не выражало ничего, но ее тело говорило красноречивее всяких слов.

И это было: «Трахни меня».

Глава 4

*Спаси меня, поработи, тебе никогда не сдержать меня.
Насмехайся надо мной, пренебрегай мной, убей, все, что не дает
мне покоя...*

Тесс

Два слова.

Любовь: самое захватывающее, неопишное, глубокое, эйфорическое чувство безоговорочного принятия кого-то.

Ненависть: сильная неприязнь; повышенный уровень гнева; неестественная эмоция необъяснимого характера.

Оба слова были мне знакомы, но если я продолжу и дальше в том же духе, то совершенно запутаюсь в значениях.

Любовь и ненависть.

Любовь и ненависть.

Я одновременно и любила и ненавидела Кью с обжигающей страстью.

Любовь была тем чувством, которое я едва приоткрыла для себя: братская любовь к Брэксу, дружеская привязанность к подружкам по университету. Я никогда не чувствовала любовь ни к одному члену своей семьи. Никогда не испытывала родственную связь на протяжении всего детства.

Я существовала с чувством пустоты, без ощущения любви, пока Кью не разрушил это состояние при помощи своего гнева и извращенности.

То, что я ощущала к Кью, выходило за рамки ограниченного понятия «любовь» в моем разуме. Я желала любить его. Я до боли

желала разбить вдребезги его жесткий образ и помочь ему научиться испытывать любовь ко мне в ответ. Я желала любить его тьму так же, как и привнести в его жизнь немного света.

Я сглотнула странное хихиканье, что нарастало в моей груди. Я сама была полным профаном в любви, и при этом пыталась научить любить бессердечного монстра.

Но ничего из этого не имело значения, потому он продолжал мучить меня. Дважды Кью почти поддался невообразимой силе притяжения между нами, и дважды он позволил помехе связанной с нехваткой времени прервать нас.

Но эта временная помеха не должна была иметь никакого значения! Он мог бы потребовать, чтобы ему предоставили больше времени — потому что, в конце концов, он же был главным — и закончить то, что мы начали этим утром.

Его наказание было самым худшим, какое я только могла себе представлять, мой желудок урчал от чувства голода и расстройства, потому что я была взвинчена до предела. Я не могла есть. Не могла соображать. Я еле могла сидеть на месте или же ходить.

Моя голова раскалывалась от ощущения избыточной энергии, тело изнывало от мучительного и пульсирующего желания получить освобождение. Мои руки зудели от желания прикоснуться к себе. Он разбил на мелкие осколки мою силу воли.

— Будь аккуратна. — Кью взял мою руку в свою, когда я поднялась по бортовой лестнице и вошла в первый вертолет в своей жизни. Гладкий и черный он был украшен инициалами Кью и стаяй позолоченных воробьев, это было восхитительно, но внутри вертолет был неопишным.

Я замерла на месте, мой рот открылся от удивления.

Все, что касалось Кью, исходило богатство. Он не был пафосным, он также не был и тщеславным. Просто это въелось в его поры так же, как и его цитрусовый аромат. Я совершенно не понимала почему позволила внутренней обстановке вертолета практически опустить меня на колени и дать мне полное понимание о банковском счете Кью.

Кью подтолкнул меня вперед, легко отодвигая со своего пути.

Я в изумлении смотрела на четыре безупречных кожаных кресла. Они располагались напротив друг друга попарно, были отделаны красной строчкой по шву, и в подлокотниках была встроена ручка

регулировки массажа и для еще, Бог знает, чего.

— Тебе нравится? — Кью улыбнулся, когда опустился в одно из больших шикарных кресел. — Я был достаточно удачлив, чтобы заполучить одну модель из первых предсерийных экземпляров. Это роскошный Bell 525 Relentless (прим.пер. вертолет для богатых людей. Relentless с англ. Безжалостный). — Он погладил обивку кожаного кресла, когда выражение его лица смягчилось. — Я мог бы потратить большее количество своего богатства на разные хобби, — его голос звенел от напряжения, подразумевая под своими словами торговлю людьми с целью занятия проституцией, — но мне нравятся хорошие вещи. Мне нравится приобретать вещи, которыми никто до меня не обладал.

Неявный намек в его словах указывал на то, что ему нравились безупречные вещи, — что он ценил то, что было нетронутыми и неиспорченными — это не ускользнуло от меня. Очень печально, что я не была девственницей, когда попала к нему — сожалел ли он, что мною пользовались до него? Я остановила данную мысль. Это было слишком болезненно.

Игнорируя пристальный взгляд Кью, я прошла неуверенной походкой в туфлях, высокие каблуки которых утопали в густом, темном ворсе ковра. Я даже не могла и помышлять о более подходящем названии вертолета: Безжалостный. Точно такой же, как и его хозяин: безжалостный в разрушении меня, в обладании мной, в истязании меня.

Телевизор с плоским экраном украшал одну из стен, наряду с панелью управления и электронными устройствами, к которым я просто-напросто не осмелилась бы и прикоснуться.

— Он чудесный, — едва слышно прошептала я.

Звучный смех раздался из закрытой кабины.

— Всего лишь чудесный? Черт возьми, если вы не уважаете нашу птичку, то вам лучше поймать такси до Парижа.

Кью весело рассмеялся, обращая свой взгляд на мужчину, который появился на верхних ступенях. Мужчина был одет в шикарную форму пилота, его темные волосы были прикрыты беретом, а темно-карие глаза излучали блеск.

— Прекрасно, что вы цените ее так же, как и я, мистер Мерфи, — голос Кью проник в мои кости, вызывая пульсацию трепета в моем лоне снова и снова.

Я прикусила язычок, чтобы сдержать тихий стон, и принудила себя улыбнуться.

— Это просто восхитительный вертолет. Я с нетерпением жду, когда смогу насладиться полетом в комфорте и роскоши.

Мистер Мерфи склонил голову, слегка прикасаясь к кончику берета.

— Мне тоже так кажется, мэм. — Он ослепительно улыбнулся и быстро сосредоточил все свое внимание на Кью. — Если вы готовы к взлету, я предлагаю отправляться прямо сейчас, сэр. Ветер отличный, время полета займет всего тридцать три минуты.

Кью кивнул, делая ему знак рукой, что он был свободен.

— Можете взлетать. — Его пронзительные зеленые глаза устремились в мою сторону, и в тоже мгновение у меня во рту все пересохло. Его вкус до сих пор оставался на моем языке. Я не желала ничего больше, кроме того, чтобы он воспользовался мной.

Его губы дернулись, и в кабине возобладало давление от тех мыслей, в которые был так глубоко погружен Кью.

— Пожалуйста, не беспокойте нас, капитан. Мне предстоит восполнить множество пробелов моей работе. Я надеюсь, что вы доставите меня в мой офис вовремя, и нам не придется общаться.

Капитан бросил на меня быстрый взгляд, перед тем как утвердительно кивнуть и спуститься вниз по лестнице.

— Никаких проблем, сэр. Как вы пожелаете.

— Ах да, и мистер Мерфи? — Кью провел подушечкой пальца по своей нижней губе, пребывая глубоко в своих мыслях, которые занимали его разум.

Капитан остановился, держась с достоинством.

— Да, сэр?

— Я закрою соединяющую нас дверь. — Он опустил голову, язык его тела источал предупреждение. — Мы не хотим, чтобы нас отвлекали. Понятно?

На этот раз капитан не посмотрел на меня, за что я была ему очень благодарна. Мое сердце забилось с огромной скоростью, и я не могла насытиться жадными вдохами без того, чтобы не погрузиться в потребность, которую источало мое тело.

Кью не шевелился, оставался сидеть в своем кресле.

Капитан кивнул вновь.

— Никаких проблем, сэр. Увидимся в Париже. — Он легко закрыл дверь фюзеляжа. Щелчок закрывающего замка украл мою способность встать. Мои колени подкосились, заставляя меня опуститься и обмякнуть в кресле.

В закрытом крохотном пространстве с Кью на протяжении получаса.

О боже. Это закончится тем, что я оседлаю его ногу и буду тереться об нее киской, или еще хуже, тем, что сяду ему на лицо, чтобы его язык удовлетворил меня. Я начала задыхаться. Я не была настолько сильной, чтобы принять его наказание. Я сломалась. Нет ни одного сомнения, что я уже сломалась.

Кресло обеспечивало мне комфорт, но я не могла перестать утопать в легкой паутине мыслей о том, что мне было важно — это все еще раздражало мою кожу, посылало огненное желание к моим чувствительным интимным местам. Точно так же, как ненавистная обтягивающая юбка и шелковые чулки. Каждое движение, каждый поворот заставляли пылать отметины от плети на моих бедрах — напрямую взаимодействуя с обжигающим желанием, что разгоралось между ног.

Я больше никогда не смогу почувствовать себя нормальной. Я полностью погрязла в состоянии помешательства.

Помешательство.

Именно это я чувствовала к Кью.

Любовь и ненависть по существу переплетались, объединяясь вместе в определенное, уничтожающее жизненные силы чувство.

Кью же создавал отличную от этого новую эмоцию — такую, от которой я никогда не смогу избавиться: полное безумие. Я никогда не смогу избавиться от безумия того, что влюблена в животное.

Я опустила голову, понимая, что уставилась на Кью, а на моем лице отражалась каждая мысль, что крутилась в моей голове.

— О чем ты думаешь? — спросил он, говоря низким голосом, уговаривая меня тем самым признаться. Это было намного хуже, чем его нормальный голос. Сейчас его голос пробрался под мою одежду, лаская своими тихими звуками нежную кожу вокруг сосков.

Я стиснула бедра вместе, смотря на мои руки, которые лежали на коленях. Слезы обожгли глаза; от ощущения жалости к себе меня начала сотрясать крупная дрожь. Я никогда в своей жизни не хотела

испытать оргазм настолько сильно.

Звук поворота тяжелого механизма слегка встряхнул вертолет. Лопасты набрали скорость буквально за считанные секунды.

— Тесс...— Кью подвинулся в своем кресле, складывая ладони вместе между своих бедер. У него была та же поза тогда, когда он закреплял трекер на моей щиколотке, когда мы в первый раз встретились, и я захныкала. Даже в первую нашу встречу, я уже была готовая для него. Мое тело не могло контролировать себя, когда я была рядом с этим мужчиной. Он делал меня слабой. Он заставлял меня чувствовать себя зависимой.

— Ни о чем. Я ни о чем не думаю. — Мой желудок ухнул вниз, когда мы поднялись резким рывком в воздух. Вертолет внушал ощущение, словно у него были крылья, а не металлические лопасти, которые удерживали его в воздухе.

Кью не сводил своего взгляда с меня, застыв в одной позе; единственная часть тела, которая изменила свое положение, это его пальцы. Они побелели от того, насколько он сильно сжал их.

Его близость заставляла меня дрожать, я испытывала боль и кричала внутри. Мое тело претерпевало неподдельные страдания и подводило меня к грани безумия от жажды получить освобождение.

Я больна. Определенно. Никто не мог заставить человека существовать в пылающем пламени похоти. У меня был жар, и мой разум снедала гребаная одержимость, которой являлся Кью.

Кью втянул вдох, перед тем как расцепить свои ладони, что были крепко сжаты вместе, и снова откинулся в кресле.

— Ты чувствуешь себя хорошо, Тесс? — Его взгляд выражал настороженность, выражение лица было недоступно для моего понимания, но его тело жестко сдерживало рвущуюся наружу жажду.

Я громко фыркнула, дергаясь в кресле, проклиная отметины от плети на моих бедрах, проклиная Кью, что он оставил меня в таком положении.

— О чем, черт побери, ты думаешь?

Я не двигалась на протяжении целой минуты. Одной мучительной минуты, пока мы смотрели друг на друга, наши разумы взаимодействовали, а подсознания рычали друг на друга от злости и всеобъемлющей муки. Наши сознания занимались любовью, мы насиловали друг друга, мы разрушались, все еще не прикасаясь друг к

другу. Но этого было совершенно недостаточно.

Это заставило мое сердце застучать быстрее. Это заставило мою киску еще больше истекать влагой от желания. Заставило мой разум воплотиться в кого-то, кого я больше не узнавала, но это не дало мне того, что было так необходимо.

— Почему ты сказал капитану не беспокоить нас? — мой голос был едва различим за счет шума лопастей вертолета, но Кью услышал меня.

Он сохранял внешнее спокойствие, внутренне же переполняясь сексуальным напряжением. Он смотрел на меня из-под опущенных бровей, позволяя мне заключать себя в ловушку своего взгляда, что оплетал меня, как сеть, что он расставил.

— А как ты думаешь зачем, эсклава?

Эсклава. Одно это слово уже посылало прямой импульс к моей киске.

Я крепко зажмурила глаза, когда волна запретного оргазма нахлынула на мое тело.

О, черт. Черт возьми, я не смогу выдержать этого.

— С меня довольно, — я задохнулась, одолеваемая сильным желанием и окутанная состоянием замешательства. — Я сойду с ума! — Я схватила пряди волос и потянула в сторону, пытаюсь найти необходимое облегчение возрастающей боли.

Но боль только усилила мою потребность, посылая новую пульсацию желания по моему телу.

Лопасты вертолета крутились и заставили кабину вращаться от сексуального напряжения. Кью втянул вздох, заставляя натянуться ткань своего костюма. Он сидел настолько спокойно и незаинтересованно. Это было нечестно. Он кончил. Он кончил мне в горло. И на мою грудь. Теперь пришла моя очередь, черт побери!

Я зашла слишком далеко — слишком поглощена нуждой моего тела.

Выбираясь из шикарного кресла, я опустилась на ковер и поползла.

Я, бл*дь, поползла в гребаной юбке за две тысячи евро, сосредотачивая все свое внимание на одном человеке, у которого в руках было средство унять мою телесную нужду.

Выражение лица Кью стало непроницаемым, его светлые глаза сияли от утреннего солнечного света, который исходило от окна вертолета. Его губы чуть приоткрылись, втягивая шумный вдох.

— Поднимись, — издал он рык.

Я захныкала и покачала головой, держа плечи опущенными, когда преодолевала небольшое расстояние. Каждая отметина от плетки, каждый синяк от бусин, что были на хвостах плетки, каждая клеточка моего тела пульсировали.

Он выпрямился в кресле, используя подлокотники, чтобы приподнять свое тело чуть выше. Его пальцы стали белыми от того, как он сжал ими кожу кресла, жестко впиваясь в нее.

— Прекрати. Разве я когда-либо просил тебя ползти или же быть тебя кем-то, кроме женщины?

Его лицо потемнело от гнева, когда я остановилась и села на колени между его раздвинутых бедер. Жар от тела его уничтожал все мои разумные мысли. Он хотел обладать мной? Он уже владел мной в этот самый момент.

Я подняла свои глаза в страхе, что могу увидеть в его глазах. Затем немного подскочила от страха, когда он устремился вниз и схватил меня за трицепс.

— Бл*дь, — отрывисто пробормотал, его пальцы впились с силой в мою кожу, но мне было абсолютно без разницы. Мне не было до этого дела, потому что мой господин прикасался ко мне, а мое тело испытывало наивысшее удовольствие, чтобы быть напуганной гневом Кью. Он распалил меня, использовал и отказал мне в получении удовольствия этим утром. Я не смогла бы работать или же выполнять привычные действия для человека, если он не спасет меня от этих мук удовольствия.

Взлетая высоко над небольшими фермами, причудливыми деревеньками и, покрытыми соломой, домами я обнажила свою душу ему.

— Я совсем не желала отнимать у тебя контроль. Я хотела лишь доставить тебе удовольствие. Я хотела тем самым показать, насколько ты важен для меня, как я верю в тебя....

Кью покачал головой, его лицо сильнее потемнело от гнева, пальцы превратились в острые когти, перекрывая поступление крови к моим рукам.

— Ты забрала мой контроль. Знаешь ли ты, что случается с такими женщинами, как ты, когда я теряю его? — Он обреченно покачал головой. — Это одна единственная вещь, на которую я мог полагаться

на протяжении всей своей жизни, а сейчас ты отняла и разрушила ее, сжав мои яйца в своих руках.

Ни у одного мужчины не было такого голоса, как у Кью. Мрачного, опасного, пронизанного мелодичным французским акцентом. Выслушивать от него упреки — это ощущалось, как чистое наслаждение для слуха.

Внезапно он поднялся на ноги, поднимая меня вслед за собой. Я задрожала в его неумолимо хватке, не сводя взгляда с его диких глаз.

— Pourquoi tu dois me pousser comme ça? Почему тогда ты давишь на меня?

— Потому что мне нужно сломать тебя, чтобы сделать тебя своим.

Мой голос сделался хриплым. Это была чистая правда. Я была в этом больше чем уверена.

Не думая о том, что Кью мог сделать мое наказание еще жестче, я извивалась в его хватке, пока его пальцы не ослабили свой захват. В тот момент, когда мои руки освободились, я потянулась к моей верхней пуговице и расстегнула ее дрожащими пальцами.

Глаза Кью опустились к моим подрагивающим пальцам.

Мое тело ощущалось отяжелевшим, расплавленным, горящим от близости, от угрозы быть взятым. Я сделаю так, чтобы Кью взял меня. Я обязательно сделаю это.

Он не пытался остановить меня, когда я расстегивала оставшиеся пуговицы и вытянула мягкий материал из-за пояса юбки. Я стояла перед ним в расстегнутой рубашке, показывая ему черный кружевной бюстгальтер со стразами на лямках.

С заходящимся сердцем, я провела пальцем по груди, отслеживая крест прямо над сердцем.

— Я даю тебе свою клятву, что буду подчиняться тебе. Я не буду заставлять тебя дать мне то, что ты еще не готов.

Я затаила дыхание, его глаза были прикованы к обнаженной коже моей груди. Его влажный язык прошелся по губам, пробуя меня от макушки до кончиков пальцев, даже не прикасаясь. Мой взгляд опустился к его брюкам, опьяняющий трепет опалил меня, когда я заметила твердую эрекцию, которая упиралась в материал брюк.

Вертолет качнулся влево, заставляя нас покачнуться в эту же сторону. Взгляд Кью был сосредоточен на моем, и похоть, бурлившая в его газах, изменила бледный оттенок его глаз до пламенного,

опаляющего, обжигающего.

Он вскинул руку и схватил меня за подбородок, жестко удерживая его. Его грудь приподнималась, и группа мышц на шее резко выделилась под кожей.

— Эсклава... — Его голос одобрительно погладил мою киску, окутывая мое тело.

Мой разум поплыл, и я поспешила закончить то, что хотела сказать.

— Я обещаю подчиняться, но не могу обещать, что не буду превращать твою жизнь в ад. Ты поклялся, что дашь мне то, в чем я нуждаюсь. Ты нарушил свою клятву, потому я нуждаюсь в тебе сейчас. Я нуждаюсь в тебе так сильно, что не могу здраво рассуждать. Я нуждаюсь в твоём языке. Мне необходим твой член, твои пальцы, твой язык, твой голос и твой аромат. Мне нужно, чтобы ты был на мне, во мне. — Я тяжело дышала, когда закончила говорить

Он не двигался, наблюдая за мной, словно я была надоедливym деловым партнером, который отказывался делать так, как он хотел.

— Ты можешь остановиться на мгновение и подумать, зачем я попросил капитана об уединении? — Склоняя голову, он запечатлел поцелуй на скрытом при помощи косметического средства укусе, который он оставил на моей шее ранее. — Я сделал это, потому что знаю, в какой агонии ты пребываешь. Я испытываю такие же мучения. Если я тебя не трахну до того, как мы прибудем в Париж, мы вдвоем окажемся в национальных новостях из-за совершения недопустимых действий на публике.

Он провел носом по моей шее, устремляясь к уху, я задрожала, когда он прикусил мочку.

— Arrêter de me supplier, je vais te baiser. Прекрати умолять, и я трахну тебя.

Кью не был тем, кто слетел с катушек. Это случилось со мной.

Я кинулась к нему в руки, залезая на него, царапаясь от крайней необходимости. Мои губы обрушились на него, и в первый и единственный раз, я была той, кто инициировал секс между нами. И в этот драгоценный момент, он позволил мне взять это от него.

В тот момент, когда мой язык ворвался его рот, он жестко схватил меня.

Мой желудок скрутило, и в следующий момент, я обнаружила, что лежу на спине на ковре вертолета. Кью заключил в свою ладонь мою

голову, чтобы я не ранила себя, и каким-то образом он свел боль от падения к минимуму. Но лишь на это его галантности и хватило.

В тот момент, когда я оказалась под ним, он поцеловал меня как одержимый монстр. Его язык разомкнул мои губы и украл весь кислород до последней капли, что насыщал мое тело. Мои глаза закрылись, и я вцепилась пальцами в его безупречный костюм.

Мне нужно снять его. Я хочу почувствовать его обнаженную кожу.

Каждая часть меня закипела, отчаяние сделало меня яростной. Я схватила его за галстук, притянула к себе как можно жестче, моя изнывающая от боли грудь и ушибленная шея все еще претерпевали остаточную боль от удушения.

Кью прикусил мою губу, но не до крови, это было что-то вроде предупреждения, чтобы я отпустила его. Он приподнялся на своих локтях, вжимая свои бедра в мои.

— Ты вынуждаешь меня причинить тебе боль. Я так чертовски сильно стараюсь не причинять ее тебе, но тебе, по-видимому, наплевать на это. Ты так беспечно обращаешься со своей жизнью, эсклава, так почему я должен сдерживать себя?

Я почувствовала приступ волнения, что ощущался в моей крови, пробираясь в каждый уголок моего тела, чтобы затопить его вожделением.

— Если раня себя, я получу тебя взамен, тогда да, я беспечная, но только потому, что я нуждаюсь в тебе, как в воздухе, без которого не могу существовать.

— Ты хочешь этого? — его глаза вспыхнули, когда он прижался бедрами к моим сомкнутым ногам. Обтягивающая юбка держала меня в своем безжалостном плену заложницей, когда все, чего я хотела, это раздвинуть ноги и поприветствовать его внутри себя.

Я отчаянно хотела, чтобы у Кью оказалась пара серебряных ножниц, чтобы высвободить меня, разрезать мои фантастические трусики и оттрахать как шлюху, которой я хотела быть для него.

— Насколько сильно, ты нуждаешься, чтобы я трахнул тебя, Тесс? — его голова опустилась, чтобы нежно коснуться моей щеки, втягивая мой запах. — Насколько безумной ты становишься, думая о моем члене, который находится глубоко в тебе, вколачивается в тебя, растягивает твою узенькую киску?

Все мои мысли вылетели из головы. Его речь была чем-то невероятным, когда образы, что так заманчиво рисовал Кью, ворвались

в мои предательские мысли.

Я выкрикнула, когда он склонился и захватил мой едва покрытый кружевной тканью сосок зубами. Я выгнулась, когда его горячий рот сомкнулся на моем чувствительном пике соска, и моя киска сжалась.

— Мне кажется, ты ужасно нуждаешься во мне. Я думаю, что должен показать тебе, насколько хорошо ощущается мой член.

— Пожалуйста. Боже, да. Покажи мне. Сейчас.

Он рухнул на мое тело, его губы обрушились на мои. Я широко открыла рот, чтобы подчиниться его требовательному поцелую. Кью тяжело дышал, лаская руками мое тело. Его легкая щетина действовала на меня как спичечная бумага на искру. Мы взорвались. Если бы сейчас вертолет рухнул на землю, мы бы не заметили этого. Наши тела были обернуты вокруг друг друга, мы были поглощены друг другом.

Кью разорвал поцелуй, приподнимаясь надо мной.

Рвано выдыхая, он непреклонно приказал:

— Стань на четвереньки.

В тот момент, когда я не смогла быстро отреагировать на его действия, он перевернул меня на живот, приподнимая мою задницу вверх до того момента, пока я не встала на свои колени и не оперлась на руки.

Когда я уверенно стояла в этой позе, настойчивые пальцы начали приподнимать мою обтягивающую юбку выше и выше, пока она не разорвалась по шву, создавая довольно милый разрез.

— Я хочу разорвать ее на клочки, но не могу показать всему миру, что принадлежит мне. — Кью потянул в последний раз, и юбка поддалась, собираясь на бедрах.

В тот момент, когда моя попа была обнажена, он шлепнул меня жестко, посылая пронзительный укол боли, который отдавался во всем моем теле, но я и так уже была погружена в мучительное состояние, и удар его ладони оставил розоватый, приятно ощущающийся отпечаток.

Мои глаза увлажнились, но я вновь подалась назад, умоляя Кью наградить меня шлепком снова.

Источая вожделение, он приблизился и ласково погладил ладонью мою саднящую ягодицу, успокаивая приятную боль.

Издавая рычание, он легонько оттянул стринги пальцами и потянул их. Материал прижался к моей киске, врезаясь в клитор, заставляя меня испытывать мучение. Резко опуская голову, Кью сжал материал кружевных трусиков зубами, разрывая его, больше стринги не были

преградой для него.

Он поднес кружевной материал к своему носу и глубоко вдохнул.

— Бл*дь, твой аромат просто невероятный.

С мрачным блеском в глубине своих глаз, он сжал крошечные трусики и засунул их к себе в карман. Он увидел, что я смотрю на него через плечо, и проговорил:

— Теперь, эсклава, ты всегда будешь рядом со мной.

Мои щеки вспыхнули румянцем, и одновременно с этим затрепетало и мое сердце. Кью хотел иметь частичку меня при себе постоянно. Я хотела того же. Я хотела носить его аромат на своей коже. Окружить себя всем, что касалось его.

Кью поднял голову и потянулся к своей ширинке. Не разрывая зрительного контакта, он расстегнул ремень и неспешно вытащил его из петель пояса.

Я начала неистово дрожать всем телом. Мои ногти впились в густой ворс ковра, ожидая еще серию жестких ударов ремня. Всего прошло четыре дня с того момента, как Кью радушно поприветствовал меня в своем доме с помощью ремня и бутылки охлажденного марочного шампанского.

Кью обнажил зубы, в его глазах вспыхнуло раздражение.

— Я могу обладать огромным количеством «достоинств», но я не такой ублюдок, чтобы бить тебя поверх отметин, которые только зажили.

Он неспешно отбросил кожаный ремень в сторону.

Я не расслабилась, потому что не знала, стоило ли мне испытывать сожаление или же облегчение от его любезного жеста.

— Я собираюсь наказать тебя по-другому. Отвернись. — Он указал мне жестом опустить глаза, и я неохотно склонила голову.

Не видеть его было самым худшим наказанием для моего сверхчувствительного тела. Не зная, что он делал, заставляло мое воображение работать с удвоенной силой.

Звук расстегивающейся молнии на брюках казался слишком громким, даже перекрывал шум, исходящий от лопастей вертолета. Горячая, твердая плоть Кью прикоснулась к моей задней части бедра, когда он прижался ко мне и одним рывком сдернул свои боксеры.

Я издала грудной стон, подаваясь к нему. Я думала, что кожа на его бедрах была горячей, но они были словно Антарктида, по сравнению с

обжигающим жаром, который исходил от его члена. Он ощущался внушительным и твердым между моих разведенных в стороны ног, доводя меня до состояния полного помешательства.

Он застонал, сжимая свою твердую эрекцию, проталкивая головку члена между моими припухшими складочками киски.

— Бл*дь. Будет ли мне когда-нибудь тебя достаточно? — когда он говорил это, то сжал между большим и указательным пальцем мой клитор.

Я дернулась и растаяла от его прикосновения. Моя киска, наконец, ликовала от долгожданной ласки. Обычно мне необходимо чуть больше, чем простое прикосновение, но в этот раз только одна мысль о его руках, увеличила предчувствие оргазма, который притаился в моем взгляде, который находился в моей крови, и глубоко зарождался в моем лоне.

— Кью... да, Кью.

Он скользнул кончиком пальца внутрь меня, прежде чем отстраниться и заменить его на объемную головку члена.

Неземное удовольствие от того, что в меня вошли, растягивая и наполняя, заставило мое сердце забиться с бешеной скоростью. Моя голова ощущалась слишком тяжелой, чтобы удерживать ее, и я позволила ей склониться, отдаваясь переполняющему сильному ощущению от ожидания, когда Кью будет трахать меня.

Он протолкнулся в меня еще на один сантиметр, его бедра ощущались неподвижными у моих. Еще один стон вырвался из его груди.

— Как я могу быть на грани того, чтобы кончить, хотя я излился в твой рот всего час назад?

Я прикусила губу от его явного удивления в голоса. Вопрос не предназначался мне. Он был просто риторическим. Кью действительно не понимал необъяснимое влечение между нами — я также не понимала. Не было слов или же рационального объяснения нашей крепкой связи.

Ощущение счастья резко озарило меня словно восход солнца. Я, Тесс Сноу, женщина, в которой не было ничего особенного или же ценного, обладала властью над такой садисткой легендой, как Кью. И, черт возьми, меня это заводило.

Кью шлепнул меня вновь, опуская свою большую ладонь на мою

задницу. Прежние отметины от ремня снова вспыхнули болью, покалывая, пребывая в поиске освобождения. Затем он ласково погладил кожу, убирая пылающий жар.

Он повторил все снова. Шлепок. Ласковое поглаживание. Пока моя голова не поплыла, и моя киска не сжалась вокруг небольшой части его члена, которой он позволил мне наслаждаться.

— Кью! — я застонала. — Пожалуйста. Больше не нужно. Я так нуждаюсь в тебе.

Его пальцы скользнули между моих ног. Я захныкала, когда он размазал влажность вокруг моего клитора.

— Черт, — приглушенно выругался Кью, что заставило искры и фейерверки разгореться в моей крови.

Я толкнулась назад, выгибая спину, мои губы приоткрылись. Я не узнавала девушку, которая так тяжело дышала, словно пробежала марафон. Все, о чем я волновалась, это о том, когда кончу.

— Merde, эсклава, прекрати! Ради всего святого, ты меня разрушаешь. — Даже когда Кью пребывал в состоянии гнева, я испытывала трепет от осознания, что я одержала небольшую победу — бывшая рабыня обучала терпению своего господина. Если бы я была поэтом, я бы обязательно написала, насколько это все приятно ощущалось. Как судьба соединила и прокляла нас обоих.

Кью схватил меня за бедра, приподнимая выше. Выskalзывая из меня, его жаркая эрекция коснулась моей задницы, и я дернулась от крайней необходимости.

Присаживаясь чуть выше на свои колени, Кью побормотал:

— Это будет быстро и жестко, и я не желаю слышать ни слова, ты поняла меня?

Я кивнула, затаив дыхание.

— Я сделаю все, что ты захочешь, лишь бы ты позволил мне кончить.

— Ты можешь кончить, но только когда я дам тебе на это разрешение. — Его ногти оставили отпечатки полумесяцев на моей коже, впиваясь глубоко. — Но если ты кончишь до того, как я позволю, мое наказание будет намного хуже. Я найду способ наказать тебя таким образом, чтобы я не испытывал страданий.

Он подался вперед, и его член скользнул по моей заднице, опускаясь ниже, проталкиваясь в лоно.

У меня не было слов. Я резко кивнула, проводя ногтями по ковру. Мои пальцы погрузились в густой ворс, и я схватилась за него, будто от него зависела моя жизнь.

Резким движением рук, Кью обернул мой хвостик вокруг своей ладони и сжал крепко пряди.

Дергая за него, он принудил мою голову отклониться назад. Моя спина выгнулась, когда он толкнулся в мою киску.

Глубоко.

Жестко.

Мучительно заполняя меня.

Я открыла рот, чтобы издать крик, но он зажал мне рот рукой, трахая меня, подавляя крики.

— Шшш, эсклава. Помнишь, что я тебе сказал, — ни звука.

Вторжение олицетворяло боль, а его движения бедрами бесконечное удовольствие.

То, как он брал меня, не оставляло никаких сомнений, что под темным образом не было места милому и ласковому человеку. Это было жестко и порочно и чувственно.

Мне нравилось это.

С его членом, который находился глубоко во мне, с хвостиком, что был обернут вокруг его кулака, и его другой рукой, что закрывала мне рот, он жестко трахал меня. Врезаясь так яростно, что трения о ворс ковра стерли мои чулки за считанные секунды.

Но каждый раз, когда он толкался в меня, я подавалась ему навстречу, приветствуя его. Я склонилась еще сильнее к ковру, чем до этого, получая удовольствие от опаляющей боли, когда он тянул мои волосы. Мои легкие были напряжены, когда Кью рычал и глубоко толкался в меня, доказывая свои слова на деле.

Крохотные хныкающие звуки раздавались из моего горла, но Кью сдерживал каждый звук.

Мои ногти болели от того, настолько сильно я впилась ими в ворс ковра, и я вздрогнула, когда Кью отпустил мои волосы и вонзил глубоко свои ногти в кожу на бедре. Дергая меня навстречу к себе, таким образом, что его тазовые кости столкнулись с моей задницей.

Я издала стон, потому что внезапно его ногти вонзились в мою кожу, оставляя когтистые метки. Еще один автограф, еще одна метка, которая подтверждала его собственность.

Это разрушило меня.

Моя киска увлажнилась и приветственно сжалась, внутри она была пламенной, горячей и готовой. Оргазм начал зарождаться в моем сердце, затем словно мягкая волна переместился на мою челюсть, голову и спину. Каждый обжигающий след, который он оставлял за собой, заставлял меня содрогаться.

Не кончай. Не кончай.

Но эта мантра была бесполезной, потому что каждый следующий толчок члена Кью заглушай мои команды. Он обладал мной — это была бы только его вина, если бы я кончила.

— Прими свое наказание, Тесс. Бл*дь, прими меня полностью. — Мой разум закричал, от осознания, что я приняла его всецело. Его тьму, его самую худшую сторону, но он не имел в виду духовно. Он имел в виду чисто физическое принятие.

Он потянул мои волосы вновь, поднимая меня на колени. Когда я поднялась, его рука обхватила грудь, пока пальцы покручивали сосок сквозь кружево бюстгалтера.

Я потянулась рукой назад, чтобы проскользнуть моими пальцами в его волосы, обожая их шелковистость, густоту, то, какими они были короткими, и как на ощупь мужественно ощущалась его кожа головы.

Когда он ущипнул меня за сосок, первая волна долгожданного оргазма стала зарождаться глубоко и мощно в моем животе.

— О, боже.

Кью замер.

Его член дернулся внутри, пульсируя от притока крови и не пролитого освобождения, но он вел себя совершенно спокойно, поэтому так же быстро как мой оргазм вспыхнул, так он и утих.

Я обратила на себя его внимание, желая повернуться и закричать на него, чтобы он закончил то, что начал ранее, но я не посмела сделать этого.

— Ты кончила, эсклава? — он проговорил с придыхание, обдавая греховно горячим дыханием мой затылок.

Я покачала головой.

— Нет, но, пожалуйста. Позволь мне, Кью.

— Ты говорила те же слова, когда была подвешена на цепи и исхлестана в моей спальне. Помнишь, как я трахнул тебя своим языком? Как ты наслаждалась моим ртом, когда твои ноги были на моих плечах?

Его голос рисовал слишком яркие картинки в моей голове. Я подалась назад, жестко насаженная на его член, отчего его длина врезалась в верхнюю часть матки.

Он ошеломленно бросил в мою сторону ругательство, перед тем как его руки крепко сомкнулись вокруг моей талии, заставляя меня оставаться на месте.

— Помнишь?

— Я помню. Я хочу этого снова. Хочу твой рот на мне.

— Ты должна это заслужить, — прошептал он, прикусывая мочку уха, заставляя меня дернуться в его объятиях.

Кью отпустил меня одной рукой, и я попыталась неуклюже нащупать его тело за моей спиной. Мгновение спустя вспышка зеленого цвета достигла моего взгляда, когда он схватил меня за запястья, удерживая их за моей спиной.

Мой центр тяжести переместился, когда Кью связал мои запястья своим галстуком. С его членом, что находился глубоко во мне и моими руками, связанными за спиной, я подалась вперед, неуклюже заваливаясь. Но Кью подхватил меня, помогая восстановить равновесие, в то время как опускал меня на пол.

— Прижми щеку к коврику.

Позволяя мне повернуть голову, Кью ожидал, пока я сделаю это, прежде чем отпустить мои связанные запястья.

Мое сердце забилося быстрее, когда вертолет качнулся вправо. Насколько мы были близки к Парижу?

— Черт, ты выглядишь просто восхитительно так. Связанная, насаженная на мой член, полностью в моей власти.

Он провел подушечкой пальца между моих ягодиц, опускаясь ниже, пока не достиг того места, где мы соединялись, и теплая влага окутывала нас двоих. Он захватил немного влажного желания на палец для того, чтобы покружить этим пальцем вокруг моего изнашивающего клитора.

Мои ноги задрожали, пытаясь сжаться от внезапной силы натиска.

— Кью!

— Я собираюсь трахнуть тебя, Тесс. Не кончай, пока я не скажу тебе.

Настоящий страх разлился по моему телу. Я не контролировала свое тело, чтобы обещать такое. Я могла кончить только от первого

толчка. Я прикусила губу, подготавливая себя к жесткому контролю и покорности.

Кью сомкнул свои пальцы вокруг галстука, что связывал мои запястья. Чувство дискомфорта вспыхнуло в плечах, когда я выгнула спину, а ноги развела еще шире. Саднящее чувство, которое обжигало мои колени, от ворса ковра распространилось по моим ногам.

Темп Кью совершенно не соответствовал тому, чего я ожидала. Он начал толкаться глубоко, неспешно. Наслаждаясь, пребывая в состоянии томной расслабленности, выходя до того момента, пока во мне не оставалась лишь головка члена, прежде чем опять медленно погрузиться в меня.

Трижды отвергнутый оргазм нарастал с новой силой, разгораясь сильнее с каждым новым толчком.

— Сегодня я тебя свяжу, чтобы подвесить за ноги, и заставлю тебя проглотить до последней капли мое желание, эсклава. Затем я буду вылизывать твою киску, пока ты не забудешь свое собственное имя.

Черт возьми, голос Кью был настоящим афродизиаксом. Еще одно такое предложение, и я кончу от его слов.

— Я собираюсь сделать с тобой множество вещей. Так много развратных вещей...

Кью издал стон, замолкая на половине предложения, когда ворвался глубоко и жестко в мое податливое тело.

Он продолжал разрушать меня, нежно толкаясь в меня, увеличивая темп до той степени, пока его яйца не издали шлепающий звук, ударяясь о мой клитор. Я зажмурила глаза, отгораживаясь от потребности, которая скручивала мой разум непреодолимым стремлением получить долгожданную разрядку.

Кью растворился во мне, как и я, в свою очередь, растворилась в его ласках. Звук лопастей вертолета померк, и самой важной вещью на земле стало наше соединение. Истинная связь мужчин и женщины.

Кью ущипнул меня за клитор, когда яростно ворвался в мое тело, заставляя нас продвинутся вперед на пару сантиметров по ковру. Его тазовые кости жестко ударялись о мою задницу, когда он стал действовать более яростно. До этого были неспешные и размеренные толчки. Эти же были отрывистые, резкие и совершенно не сдерживающие его мощь.

— Бл*дь, эсклава. Черт, да.

Он отпустил мои связанные запястья и шлепнул меня один раз — жестко и опаляюще, когда ворвался в мою киску, брызги горячего освобождения запустили мою собственную реакцию, и тело охватило пламя.

Оргазм ворвался в мое сознание, но затем словно завис на самом краю, словно он ожидал, что его вновь отвергнут. Боль от того, что он остановился где-то на середине, заставила меня издать крик.

Я извивалась и сопротивлялась против безжалостного темпа, что установил Кью.

— У тебя есть мое разрешение. Кончай. Сожми своей киской мой член.

Кью начал вколачиваться сильнее, ласково поглаживая мой клитор, пока у меня не осталось другого выбора, кроме как кончить.

И этих слов было достаточно, чтобы я упала через край.

Я сдалась на милость пульсирующим волнам удовольствия.

Все мое тело сжалось, и затем каждая часть меня рассыпалась на крохотные частички. Маленькие кусочки моей души соединились воедино, перед тем как возродиться во что-то обновленное.

Мое прошлое больше не существовало. Мое будущее было неопределенным, но единственное было абсолютно точно — Кью столкнул меня вниз, погружая в состояние уязвимости, всецело обнажая.

Когда последняя дрожь пронзила меня, она разорвала меня на части, оставляя в состоянии головокружения, с кричащими от недостатка кислорода легкими и обмякшим телом. Ощущение возвращения на землю после сокрушительного оргазма привело меня к слезам.

Я переродилась.

Кью рассмеялся, оставаясь все еще твердым внутри меня, но его голос прозвучал так, будто он вынудил себя говорить.

— Я могу кончить только от того, как ты сокращаешься вокруг моего члена.

Он выскользнул из меня и развязал галстук вокруг моих запястий. Мое тело отзывалось двигаться с щека-прижата-к-полу-и-задница-приподнята-вверх позы, я издала стон удовольствия, когда он вытер следы своего освобождения между моих ног своим дорогим галстуком.

Что только что произошло со мной?

Когда он закончил, то поднялся на ноги и поднял меня следом за собой с пола. Не встречаясь со мной взглядом, он быстро застегнул свои брюки и убрал свой галстук в тот же карман, куда и мои трусики.

Его тело было расслабленным, пресыщенным ласками и удовольствием, но взгляд оставался серьезным.

Я потянулась рукой, чтобы опустить юбку вниз с талии, но он остановил меня своими большими ладонями.

— Позволь мне сделать это.

Когда наши глаза встретились, я прекратила дышать. Что бы ни произошло со мной, он почувствовал это. Он видел мою растерянность, уязвимость.

На его лице воцарилось выражение борьбы и отвращения к самому себе.

С мучительной нежностью он разгладил мою юбку, хмурясь из-за разорванного им материала. Мы вдыхали аромат друг друга, когда он тщательно застегивал пуговицы на моей блузке. Его руки были нежными и трепетными, как будто он стремился исправить нанесенный мне вред, его костяшки поглаживали шелковистую кожу моей груди.

Его губы были сосредоточенно сжаты в тонкую линию, и я погрузилась вниз еще больше.

Погрузилась еще больше в свою одержимость по отношению к Кью, мужчине, который заставил меня жить.

Когда последняя пуговица была застегнута, он замер, не отстраняясь от меня.

— Тесс...

Я покачала головой. Сейчас не было времени осознавать и разбираться в том, что произошло между нами. Я хотела насладиться этим. Защитить это.

Он кивнул, в его глазах было выражение беспокойства. Он проводил меня до кресла, и я пристегнула свой ремень. Склонившись надо мной, он подарил мне милую улыбку, говоря негромко:

— Мне кажется, мы присоединились к тем, кто любит заниматься сексом на высоте.

Я мягко рассмеялась, когда он уселся в свое кресло и перевел свой взгляд в окно. Он выглядел задумчивым, полностью погруженным в свои мысли. Воздух между нами больше не потрескивал от сексуального напряжения, он звенел от эмоциональной связи.

Я знала, почему Кью выглядел таким тихим, — потому что между нами произошло что-то большее, чем секс. Мое сознание явственно чувствовало это, мое сердце приветствовало это, в тот момент, когда он заставил меня разлететься на осколки, я опустила стену, которая была в моем подсознании. Стена, которая существовала там, на протяжении всего моего детства — основа, откуда я могла черпать немного счастья и радости, будучи нелюбимой своими родителями.

Кью разрушил непреодолимую стену между нами, и он тоже это ощущал.

Что-то невесомо-нежное образовалось между нами, и я надеялась, что это было положено начало нашего будущего.

Я вздохнула, ощущая ушибы и боль во всем теле.

Высоко над землей, мы пребывали в своей идеальной извращенной гармонии.

Глава 5

Ты пробралась в мою тьму, освободила моего монстра, так кричи же, истекай кровью, взывай ко мне, но никогда не смей говорить мне остановиться, никогда не убегай...

Кью

Я сделал это.

Я сделал то, что старался получить, — что старался сотворить монстр.

Я сломал ее.

Я сломал что-то внутри Тесс, и это заставляло меня страдать. Я хотел извиниться, упасть на колени и молить ее о прощении, но она покачала головой, когда я хотел начать, полностью отгораживаясь от меня.

Я не понимал, какого хрена произошло. Внешне ничего не изменилось, но что-то необратимо разрушилось — какой-то незримый барьер между нами — какое-то препятствие, которое мы никак не могли преодолеть.

Когда вертолет начал неспешно снижаться из облаков ближе к городу, я мысленно ругал себя за то, что наказал ее. За то, что потребовал слишком многого слишком скоро.

Я, мать вашу, сломал что-то внутри нее. А что если я разрушил все?

Осмеливаясь посмотреть на Тесс, я вздрогнул, когда заметил легкий след на ее шее и исчезающий отпечаток от ковра на ее щеке. Ее глаза были прикрыты и на розовых, идеальных губах была крошечная улыбка.

Она сняла чулки, чтобы избавиться от доказательства нашего времяпрепровождения на высоте, и ее кожа была немного покрасневшей на коленях.

Мое сердце тяжело застучало, распространяя по телу неведомую мне до этого теплоту. Чем дольше я смотрел на нее, тем больше испытывал непреодолимое желание заключить ее в свои объятия и обеспечить ей безопасность, но в то же время у меня в сознании билась мысль о том, что я хотел убить и уничтожить каждого, кто посмеет приблизиться к ней.

Я хотел продемонстрировать ее ушибы, пометить кожу отметинами, чтобы все знали, что она принадлежит только мне. Я хотел отчаянно заклеить ее, одарить шрамами ее кожу, нанести на себя ее кровь, что означало бы откровенное предупреждение любому мужчине, который когда-либо посмотрел бы в ее сторону.

Черт! Я облажался. Настолько сильно хотел причинить ей боль. Я

был абсолютно прав, что отправил ее обратно к Брэксу, и допустил такую фатальную ошибку, когда принял ее обратно. Теперь она никогда не сможет быть свободной. Не теперь, когда я вкусил ее покорность, ощутил надлом в ее душе.

Восхитительный громкий звук, словно гонг, прозвучал в моем сердце. Я ощутил ее перемену. Я хотел пробраться глубоко в тело Тесс и выяснить, какая часть ее сдалась мне.

Это было извращенным пристрастием, и я хотел все больше. Больше. Больше. Больше.

И я не был бы удовлетворен до того момента, пока бы не сломил каждый ее барьер, не поглотил каждую ее мысль.

Наклоняясь вперед, я обхватил голову руками, пытаюсь массирующими движениями устранить быстро зарождающуюся головную боль.

Я всегда отождествлял себя со сталью. Закаленной в чистой ненависти моего отца, сформированной под действием железной воли, чтобы никогда не поддаться мерзким семейным чертам характера. Я всегда полагал, что был абсолютно неуязвим. Но я не был, я заблуждался.

Оказывается, Тесс была плавильной печью — гребаной обжигательной печью и плавильней одновременно, которая не оставляла ни единого шанса, кроме как согнуться и плавиться, и переходить в жидкое состояние.

Сталь была не способна меняться. Она не могла менять свою молекулярную структуру, но вот жидкий металл... мог. К нему могли добавлять разные элементы, из него могли удалять минералы, его могли очищать от примесей, пока в конечном итоге не был бы выведен совершенно новый состав.

Именно так я и ощущал себя.

Плавившимся, претерпевающим изменения, обретающим новую форму.

Я только надеялся, что переживу трансформацию.

— Bonjour, мистер Мерсер. Directement au bureau? Сразу в офис?

Я хмуро посмотрел на шофера. В смокинге и с гладко зачесанными

назад волосами он был похож на любого из членов моего бесконечного рабочего персонала, которые готовы по первому зову выполнять мои прихоти, заниматься делами и стараться изо всех сил, чтобы чертовски пугающий генеральный директор «Холдинг Спэроу» был счастлив.

Я никогда не был счастлив.

Но сегодня я чувствовал себя гораздо хуже, чем обычно. Я испытывал сильную душевную боль и был растерян, но сдерживал свои запутанные эмоции под хмурым образом.

— Oui. — Я скупно улыбнулся в благодарность, пока про себя задался вопросом, как, черт возьми, я собирался пережить этот день

Сопроводив Тесс из вертолета и усадив ее на заднее сиденье Rolls-Royce Phantom (прим.пер. автомобили класса люкс производства компании Rolls-Royce Motor Cars), я старался, чтобы мои прикосновения рук чувствовались нежно вместо того, чтобы схватить Тесс и вытрясти из нее что, черт побери, происходит.

«Скажи мне, что я сломал! Скажи мне, если я разрушил тебя!»

Я хотел, чтобы она признала, что я разрушил ее, в то же время, я отчаянно надеялся, что не сделал этого. Почему у меня никогда не возникало и мысли о том, что это было противоречиво?

Тесс расположилась на боковом сиденье, смотрясь при этом безмятежной и довольной на фоне бежевой дорогой кожи салона автомобиля. Она огляделась, задерживая свой взгляд на хрустальном баре, широкоэкранный телевизор, на всем, что составляло красоту такой машины.

— Утро полное сюрпризов, — прошептала она.

Я не думал, что она хотела, чтобы я услышал ее слова, но когда я уселся на заднем сиденье, спросил ее:

— Не хочешь рассказать мне, какими были остальные сюрпризы?

Я держал руки сжатыми в кулаки между ног, создавая образ спокойствия и стабильности. Когда на самом деле желал влить Тесс пощечину и потребовать, чтобы она выложила мне всю правду.

Но внезапно она сменила свою тактику поведения на томную и непроницаемую. Она двигалась так, словно в рукаве у нее был припрятан интересный секрет. Она не двигалась как женщина, которую я разрушил.

Пытаясь успокоить свое заходящееся сердце, я ждал ее ответа на поставленный вопрос. Но она лишь покачала головой и устремила свой

взгляд в окно, когда шофер завел машину, и мы плавно двинулись вперед. Мы были на взлетно-посадочной площадке, которая располагалась на крыше гаража, которым я владел. Мой офис был недалеко от этого места. Неудобство, заключающееся в том, что последние три минуты пути до офиса приходилось ехать, окупалось в преимуществе использования места на крыше для моего вертолета.

Тесс аккуратно взяла фужер с изображением воробья парящего над небоскребом, что был выгравирован на нем. Она провела пальцем по изящной гравировке, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня.

— Я уже говорила тебе, как мне нравится твой логотип?

Мои губы слегка дернулись. Мне тоже он безумно нравился. Бесконечное количество дней ушло на его создание. Я отчаянно делал наброски рисунков, когда мне было всего шестнадцать, в попытке выяснить, какой символ буду с гордостью представлять.

И каждый раз, когда я смотрел на него, то гордо выпрямлял спину, присаживаясь ровнее, наслаждался тяжелой работой, что проделал, а все потому, что это позволило мне освободить множество женщин.

Блондинок, брюнеток, молодых, старых.

Без этой компании — без моего успеха — у меня не было бы возможности отправить их домой после жизни полной пыток. Я не всегда испытывал ощущение гордости. Мужчина вроде меня, который держал на привязи огромное количество демонов в своей душе, никогда не сможет по-настоящему гордиться тем, каким человеком он стал, но в данный момент я позволил себе насладиться этим чувством.

— Я рад, что тебе нравится.

Внезапно меня охватило чувство сожаления за то, как бесцельно я потратил четыре дня с Тесс. Вместо того чтобы воспользоваться преимуществом того, что она была только моей, я погряз в бумажной работе, избегая ее вопросов, просьб о занятии сексом.

Я отгораживался от нее в эмоциональном плане, потому что был не готов. Я все еще был не готов.

Но сейчас я чувствовал себя таким жалким. Я должен был узнать все о ней — задать множество разнообразных вопросов, пока окончательно не стал бы обладать каждой частичкой ее души, каждой мыслью.

А сейчас делать это было слишком поздно. Я отпустил ее в свободный полет. Она больше не была моей пленницей, скрытой в моем

доме для того, чтобы я мог трахать ее и хлестать в свое удовольствие. Теперь ее будет знать весь мой персонал. Она станет частью моего делового мира.

Мое горло неистово сжалось. Чувство тошноты скрутило желудок, и впервые с того момента, как я был мальчишкой, я ощущал каждой клеточкой тела чувство потери. Ужас оттого, что Тесс найдет кого-то, кто лучше меня. Что в один день она почувствует ко мне ужасную ненависть и поделится моими темными секретами со всем миром.

Я ненавидел себя за эту мысль. Я мог доверять ей.

Но я не доверял, и это признание заставляло меня чувствовать себя ужаснее, чем все остальные вместе взятые промахи и ошибки.

Тесс принимала и меня, и монстра, что скрывался во мне. Она влюбилась в меня. У нее была власть надо мной, как ни у одного человека до этого. Но я все равно не доверял ей.

Черт, я мерзавец.

— Я хочу сводить тебя на ужин, — пробормотал я, стараясь изо всех сил отодвинуть подальше тьму, что наступала на меня.

Взгляд Тесс устремился к моему.

— Ужин? В смысле на свидание? — она тихо рассмеялась. — Тебе не кажется, что это немного запоздалое желание? После того, как ты мной обладаешь, и все такое.

Моя спина напряглась, и тьма взвилась до небес, приветствуя меня обратно в свои объятия.

— Ты знаешь, я могу отвести тебя на ужин и без твоего согласия. Все, что мне нужно сделать, так это заморить тебя голодом, пока ты, бл*дь, не сдашься. — В тот момент, когда эти слова вырвались из моего рта, я потер ладонью лицо, нажимая на прикрытые веки острыми кончиками ногтей. Черт возьми.

Тяжело вдыхая, я поправил сказанные мною слова:

— Я никогда не владел тобой. Я всегда собирался тебя отпустить. Я просто... Не смог бы. Не раньше чем... — Я не смог закончить предложение, не мог признать, что желал полностью разрушить ее, прежде чем отправить ее обратно к ее ручному придурку парню. — Я нарушил свое собственное правило тем, что оставил тебя у себя, но я отправил тебя обратно к нему, прежде чем отнял у тебя все. — Я поднял взгляд, сердито бросая ей: — Я сделал чертовски правильную вещь!

То же самое подавляющее чувство я испытал на утро, когда

выскочил из своей спальни, когда отправил Тесс домой, это воспоминание заставило меня вжаться в кресло. Я еще никогда в своей жизни не чувствовал себя таким одиноким, таким беспомощным, когда наблюдал, как взлетает ее самолет.

Тесс придвинулась ко мне, захватывая мою руку в свою и ласково проводя большим пальцем по моим костяшкам.

— Я знаю, что ты принял правильное решение, когда оправил меня обратно домой. Ты хотел, во что бы то ни стало защитить меня от себя. — Ее слова помогли облегчить тяжелое чувство вины, которое сдавливало мою грудь. Я осмелился посмотреть на нее.

— Просто все дело в том, что я не нуждалась в том, чтобы ты защищал меня от себя. — Она подарила мне сияющую улыбку, рассеивая между нами чувство тревоги. — Я была бы счастлива пойти с тобой на ужин, Кью.

Чувство притяжения опять возобладало над нами. Я привлек Тесс за руку к себе на колени, крепко оборачивая свои руки вокруг нее. В своих объятиях я держал луну и звезды, и всю вселенную. Я держал в руках свое будущее счастье, и покончу с собой, если когда-нибудь все испорчу.

Тесс начала ерзать на моих коленях, делая просто невозможные вещи с моим уже возбужденным членом.

— Ты знаешь, что тебе не нужно морить меня голодом.

Я фыркнул, опуская голову, чтобы вдохнуть аромат свежести, что исходил от нее. В мгновение ослепительной честности, я прошептал:

— Спасибо тебе. Я все еще постигаю правильный этикет того, как нужно приглашать женщину на свидание.

Она подвинулась, смотря на меня широко открытыми глазами.

— Ты никогда...

Я пожал плечами.

— Как я мог, когда спасаю сломленных рабынь и плачу профессионалкам за удовольствие?

Merde, я только что признал, что пользовался услугами проституток. Чтоб меня.

Разнообразные эмоции отразились на лице Тесс, крохотная частичка отвращения мелькнула в ее глазах. Она сглотнула, отгоняя мысли подальше. Неуверенным движением руки, положила ладонь на мою щеку, едва слышно говоря:

— В таком случае, я постараюсь сделать так, чтобы это было твое самое лучшее свидание.

— Ничего себе. Это восхитительно, — проговорила Тесс, ее глаза были широко распахнуты, когда она рассматривала вестибюль «Холдинг Спэроу».

Пол был выложен крошечными кусочками мозаики в сером, коричневом и черном цвете, изображая восхитительную стаю воробьев. Стены были из белого гранита, они были настолько отполированными, что отражали солнечный свет, который распространялся во все углы, акцентируя внимание на огромном количестве разнообразных картин, скульптур, элементах водного дизайна.

Я поддерживал местных художников, чтобы они выставляли и продавали свои работы. Я не взимал комиссионные за это, и постепенно это помещение стало чем-то вроде негласной художественной галереи и местом для посещения людей.

Тесс очаровала меня своим поведением, когда прошла немного вперед, наслаждаясь внушительностью вестибюля.

Сегодня вечером.

Сегодня вечером я свожу ее на ужин, и у нас будет первый основательный диалог о простых незамысловатых вещах. Я хотел услышать о ее мечтах, чтобы воплотить их в жизнь. Я хотел заставить ее довериться мне и узнать каждую темную тайну.

— Это все принадлежит тебе? — своим неожиданным вопросом Тесс ворвалась в мои грезы наяву. На ее лице царило выражение трепета, в то время как в глубине глаза скрывалась боль и несчастье.

«Какого хрена она несчастлива?»

— Это собственность моей компании. Да. — Я указал жестом, чтобы она прошла направо, и опустил ладонь на ее поясницу, чтобы сопровождать ее вперед. Такое невинное прикосновение. Так почему же мой член дернулся, а рот наполнился слюной от желания испробовать ее?

Мы прошли через полупустой вестибюль, направляясь к служебному лифту. Тесс спросила:

— Каким количеством собственности ты владеешь, Кью?

Я провел своей картой с персональными данными и нажал кнопку лифта, прежде чем повернуться к ней лицом.

— Это имеет какое-то значение? — Я приподнял бровь, внимательно рассматривая ее. Это определенно имело чертовски огромное значение для нее.

Ее глаза устремились к моим, когда она прикусила губу.

Мой живот скрутило в узел.

— Все, что принадлежит мне, принадлежит и тебе. Я подписал контракт кровью, помнишь? — Воспоминание о ее приезде из Австралии, о рождении разных обещаний и о разрезании наших ладоней ножом для писем, ворвались в мою память. Сбивающая с толку связь, которую я ощущал, когда наша кровь была смешана, устремилась в мое животное естество.

Лифт издал резкий звук, двери плавно разошлись в стороны, и Тесс прошла внутрь с выражением изумления на лице.

В то мгновение, когда двери позади нас закрылись, я схватил ее подбородок своими пальцами.

— Не нужно. О чем бы ты сейчас не думала. Прекрати.

Она подарила мне печальную улыбку.

— Я просто ошеломлена. Ты должен дать мне немного времени, чтобы привыкнуть к этому. — Она потупила взгляд, но затем подняла на меня глаза с вопросом в глубине своих серых глаз. — Почему я? Почему именно меня ты впустил в свою жизнь?

Я нахмурился, испытывая неподдельное желание отхлестать ее за такой глупый вопрос. Я никогда не думал, что женщина может заставить меня ненавидеть мое богатство. Мою возможность делать ту единственную вещь, ради которой я жил. Но в данное мгновение я бы хотел быть бедняком, только для того, чтобы дать Тесс почувствовать себя комфортнее в моем обществе.

Я отпустил ее подбородок, неспешно проводя кончиками пальцев вниз по горлу, по коже ее груди, поверх блузки по животу, затем легко меняя направление, устремляясь к бедру. Я жестко сжал пальцами ее бедро, заставляя вскрикнуть.

Внезапно чувство осознания между нами сменилось на крайнее возбуждение. Кабина лифта наполнилась гнетущим напряжением, и мое тело отяжелело от возжеления.

— Ты уже знаешь ответ на этот вопрос, эсклава. — Я двинулся

рукой в сторону пяти идеальных отметин от моих ногтей. Я прекрасно знал, что они были там. Я видел, как они кровоточили, когда трахал Тесс.

Я заклеил ее еще одной меткой, а все для того, чтобы приручить животное, напоминая ему, что она может скрыть наш яростный нрав от других, но ее кожа носила отпечатки правды под одеждой.

— Кью... — Тесс стойко боролась с принятием опалаяющих прикосновений моих пальцев, или же просто хотела оттолкнуть меня. Я не знал, что именно одержит победу, но мы свирепо прожигали друг друга взглядом на протяжении долгого времени, пока я ожидал ее решения.

Перехватывая инициативу в свои руки, я сердито проговорил:

— Тебе необходимо принять, что это все принадлежит тебе. Я слишком сильно нуждаюсь в тебе, чтобы отпустить. — Я прижал ее к зеркальной стене. — Скажи мне, почему я так нуждаюсь в тебе, Тесс? Ты знаешь правду.

Тесс опустила глаза, ее густые ресницы подрагивали, вызывая тени на щеках. Она выглядела такой скромной, невинной и чертовской ранимой.

Мой напряженный член резко увеличился и стал полностью готовым за миллисекунду. Я никогда не смогу чувствовать себя удовлетворенным возле этой женщины. Все, чего я хотел, — это прижать ее к стене и обернуть ее ноги вокруг себя. Я хотел погрузиться глубоко в ее лоно, чтобы она никогда не больше не испытывала желания задавать мне свои глупые «почему».

Почему она? Потому что она заставила меня почувствовать себя чертовски счастливым впервые за все мое жалкое существование. Она сделала меня более сильным, более остепенившимся... более правильным.

Взгляд Тесс встретился с моим, затягиваясь поволокой сияющей жажды и потребностью. Ее дыхание стало поверхностным, и мой взгляд опустился на ее грудь, ища твердые соски под тонким материалом рубашки.

— Ты нуждаешься во мне, в той же степени, что и я в тебе, — пробормотала она.

Я склонил голову и уткнулся в ее горло, мои зубы сводило от желания прокусить ее шелковистую кожу и затем облизать ее.

— И почему это?

Моя рука поднялась, чтобы обхватить ее затылок, не сжимая, а только ласково стискивая, напоминая ей, что она была в моей власти.

Ее рот приоткрылся, и тело прижалось к моему.

— Потому что...

Мое тело пылало от желания к ней, уши напряженно ожидали ответа.

— Потому что... — Я провел языком по ее губам, умоляя закончить начатое предложение. Я должен был услышать, почему. Это было для меня очень важно.

Мои мышцы живота напряглись, признавая еще одно изменение во мне. Раньше мне не было никакого дела до того, что меня любит другой человек. Сейчас же я нуждался в этом больше, чем в чем-либо. Я бы никогда не смог уничтожить все свои темные предпочтения, с которыми жил на протяжении всей жизни, но мало-помалу я взращивал в душе способность воспринимать свои вкусы более спокойно.

Как если бы монстр взял то, что ему причитается, затем дал бы мне короткую передышку, во время которой я мог быть безумно любящим, внимательным, именно таким, каким я и хотел быть для нее.

Тесс ответила на мой поцелуй, шепча в мои раскрытые губы.

— Потому что ты мой монстр в темноте, и я всецело принадлежу тебе.

Глава 6

*Раздень меня донага, оттааскай за волосы, мне плевать на все,
просто возьми меня здесь же.*

*Мне нужен этот кайф, мне нужна эта боль, только это помогает
оставаться в своем уме.*

Тесс

Двери лифта открылись, разрушая идиллию момента.

Кью вздохнул, отпуская меня с недовольством на своем лице. Это выглядело так, будто он не мог перенести и мысли о том, чтобы не

прикасаться ко мне.

Я прекрасно знала, как именно он себя чувствовал. Что бы ни существовало между нами, это развивалось быстро, и я в свою очередь тоже не хотела двигаться. Я хотела посмотреть в его глаза и попытаться понять его.

Кью отступил первым, открывая другую дверь, которая находилась в метре или двух от меня. Она была невзрачной. Она не была шедевром дизайна. На самом деле, мощный кованый металл смотрелся окислившимся и претерпевшим повреждения от непогоды.

— Где мы? — проговорила я, когда вышла из лифта

Он улыбнулся и нажал на ручку, открывая металлическую дверь. Внезапно сияющее солнце ворвалось в мрачное пространство, и я зажмурила глаза от яркого света.

— Пойдем. Я покажу тебе, где я провожу большую часть своего времени.

Кью позвал меня, чтобы я последовала за ним, и я не могла поверить глазам. Я умерла и очутилась на небесах. Буквально.

Я переступила через порог и ахнула. Весь парижский архитектурный облик был как на ладони, чтобы я могла наслаждаться открывающимися передо мной видами. Я пошла вперед, не осознавая, что двигаюсь, пока не остановилась на краю крыши многонационального города, который раскинулся у моих ног.

Мои глаза распахнулись. Ноги ступали не по голому бетону, а по мягчайшей, самой яркой зеленой траве, какую только мне доводилось видеть. Полевые цветы, бонсай и выращенные взрослые фруктовые деревья были рассажены на всем пространстве крыши, создавая небольшую тень в местах для отдыха и водных сооружений.

Укрывшись посреди такого городского великолепия нетронутой природы, мы находились под куполом белого сверкающего здания со стеклянными стенами вокруг нас.

Кью подошел ко мне, принося с собой шелест от взмаха крыльев и небольшое движение перьев.

Я пригнулась, когда стая голубей, черных дроздов и воробьев пролетела над моим плечом, взмывая в разные стороны из сада в бескрайнее небо. Я повернулась к Кью, пытаюсь понять это место.

Он усмехнулся, в то время как его глаза светились таким пониманием и проницательностью, что это практически опустило меня

на колени. Этот мужчина управлял международной компанией. Он посвятил свою жизнь помощи другим, тем временем презирая себя за свои слабости.

Я имела в виду именно то, что сказала — почему я? Что я сделала такого особенного, чтобы заслужить его?

Только кто-то идеальный и сильный, чтобы понять его, был достоин всего этого. Я ненавидела свои сомнения — ненавидела непреодолимое желание слышать, что он тоже в меня влюбился.

Часть меня пребывала в состоянии волнения, что я никогда не услышу этих слов от него.

— Добро пожаловать в мой офис. — Кью широко развел руки, указывая на все великолепие передо мной. — Мне кажется это лучшее использование рабочего пространства, чем взлетно-посадочная площадка для вертолета. — Он направился к зданию, чувствуя себя настолько гордо, словно это было главной драгоценностью его империи. — Пойдем?

Я кивнула и направилась следом за Кью в его владения. Несколько храбрых птичек опустили на траву, когда мы проследовали мимо, не потревожив их.

Это место было храмом дикой природы в самом центре города. Аналогия не укрылась от моего разума, она была безусловной — Кью создавал оазис везде, где бывал, заботясь о тех людях, которым нужно место, чтобы исцелиться и быть свободными.

Я была влюблена в Кью, он делал меня счастливой, давал моей больной, извращенной, низменной душе то, что она могла желать, а также сводил меня с ума. Я хотела проникнуть в его голову. Я хотела знать все до мельчайших подробностей о нем, но все же он не доверял мне. Это разбивало мое сердце, потому что мне очень хотелось доказать ему свою преданность. Что я бы никогда не выдала его секреты или же никогда бы не обвинила в пристрастии к извращениям. Мне не нравилась мысль, что он мог никогда полностью не довериться, что, возможно, я никогда не смогу понять мужчину, который обладал моим сердцем.

Кью остановился поблизости от здания, протягивая свою руку.

Я замерла, смотря на нее настороженно, пребывая в растерянном состоянии чего именно ожидать от его прикосновения: боли или же удовольствия.

Он разозлился, стискивая челюсти.

— Ты отказываешь сделать что-то настолько простое, как например, подержать мою руку? — Боль отразилась в его взгляде, и он опустил руку.

Я спешно приблизилась к нему и взяла его ладонь, сильно стискивая.

— Я никогда не откажу тебе ни в чем. Я просто не привыкла к проявлению таких простых действий от тебя. — Я застенчиво улыбнулась, переплетая свои пальцы с его, пока мы не сжали крепко наши ладони.

Держать руку Кью было отличным от всего того, что мне довелось попробовать с ним. Брэкс держал меня за руку ласково, наши ладони были немного влажными — как у мальчика и девочки, которые неумело обращались друг с другом в период своего взросления.

Кью держал меня властно, и его грубая мягкость кожи заставляла меня нервничать, а мое сердце стучать быстрее. Он был истинным мужчиной. Доминирующим мужчиной, который ожидал беспрекословного подчинения, в то же время, пребывая в поиске ответной реакции сопротивления на его приказы. Безусловное противоречие — мужчина с двумя разными желаниями.

Он держал в плену мое сердце.

Кью притянул меня ближе к себе, пока наши руки не оказались плотно зажатыми между нашими телами.

— Я очень рад, что ты здесь, — прошептал он.

Я резко втянула вдох, утопая в его цитрусовом и сандаловом аромате. Большую часть времени мы сражались кинжалами и оборонялись когтями, а в данный момент, напряжение, бурлившее между нами, сменилось на цветы и нежные лепестки. Впервые за все время наша связь была нежной.

— Не питай на мой счет ложных надежд, Тесс. Просто в данный момент у меня сентиментальное настроение. И все. Не привыкай к таким моментам. Ты будешь разочарована. — Он высвободил пальцы из плена моих и направился к зданию, оставляя меня стоять в состоянии шока и в полном одиночестве.

Я сделала что-то не то, или, может, Кью осознал всю трепетность и нежность момента и просто-напросто испугался? Мне казалось, второй вариант был более вероятным.

Я была преисполнена намерением украсть у Франко пистолет и держать Кью в качестве заложника, чтобы, наконец, получить шанс узнать все мысли, что скрывались в его голове. Каждый раз, когда я была близка обнаружить то, что он так тщательно скрывал, он разрушал момент.

Вздыхая, я вошла в просторное помещение офиса и замерла на месте.

Холод.

Ужас

Крайне отвратительно предчувствие.

Мои руки и ноги замерли на месте, инстинкты пришли в полную боевую готовность. Скрытый смысл был прост:

«Беги!

Беги далеко, беги как можно дальше от этого места, и не возвращайся

Беги, Тесс!»

Это было то же самое импульсивное состояние ступора, которого я так боялась в Мексике. Мое тело начало бить крупной дрожью, когда ноги замерли на месте, препятствуя желанию развернуться и кинуться прочь из здания.

Кью больше не имел значения. Солнце или же понимание того, что зло не обитало в этом месте, тоже больше не имело значения. Все, что я видела, — это была тьма, беспросветная мгла и омерзительное зловоние смерти.

Беги!

Я вскрикнула, закрывая рот рукой, рассыпаясь на крохотные частички.

«Милые сиськи. Ты не сможешь постоянно прятать их. Иди в душ и смой с себя грязь», — прогремел голос Кожаного Жилета в моей голове. Мое зажившее ребро завопило от боли из-за воспоминания, как он пинал меня

«Признай, что ты больше не женищина. Ты — товар. И, чтобы продать его, у него должен быть штрихкод», — пробормотал Рваный Шрам, в тот самый момент, когда боль от тату-машинки пронзила мое запястье.

«Нет! Прекратите!»

Я в безопасности. Я в безопасности. Это все не на самом деле.

— Черт, Тесс. Какого хрена происходит? — Кью поднял меня с пола, подхватывая на руки. Заключая меня в свои объятия, он пронес меня чуть дальше в здание, перед тем как усадить на диван, обтянутый белым материалом.

«Отпусти меня. Я не должна находиться здесь. Я не должна».

Льдинки образовались в моей крови, в ногах неслись в опор гончие, испытывая лишь одно желание — убежать как можно дальше от этого места.

Я попыталась взять под контроль сбивчивое дыхание, но мой разум уже был в Мексике, среди бесчисленного количества женщин, чья судьба к настоящему моменту была уже кончена. Я хотела заполучить тех ублюдков, которые похитители меня, чтобы убить. Я хотела быть одной из тех, кто заберет их жизни, так же как они забирали жизни остальных.

— Тесс! Тесс! — голос Кью раздавался вдалеке, и я зацепилась за него, вдыхая спасительный кислород в легкие, пытаюсь вести жестокую борьбу и выплыть из состояния страха, в которое была погружена.

Что-то яростное и горячее хлестнуло меня по щеке; это помогло оттеснить мои кошмары обратно в глубину подсознания.

Кью притянул меня к себе, прижимая к своей сильной груди.

— Вот так, эсклава. Вернись ко мне. Не смей, бл*дь, покидать меня.

Я прижалась ухом к его костюму, и громкий стук его колотящегося сердца вернул меня обратно в реальность. Я втянула еще один неуверенный вдох и распахнула глаза.

Я напряглась, ожидая, что пространство комнаты погрузит меня обратно в психотическую вспышку, но комната оставалась светлой, просторной и полностью безопасной.

Кью замер на месте, отпуская меня и смотря пронзительным взглядом.

— Est ce que ça va (прим.перев. Ты в порядке)?

Когда я не ответила, он с жаром произнес яростные фразы на французском.

— C'est quoi ce bordel, esclave? Est-ce que tu peux me dire pourquoi tu as eu cette absence? Est-ce que tu me caches quelque chose? Tu as besoin d'aide? Pourquoi tu ne me dis rien (прим.перев. Какого хрена происходит, эсклава? Может, потрудишься объяснить мне, почему у тебя случился срыв? Ты что, скрывала это от меня? Тебе нужна помощь? Почему ты

не сказала мне об этом)!

Я вздрогнула от его яростных слов, опуская голову.

— Прости. Я не представляю, что произошло. — У меня в голове вспыхнули образы Сюзетт, страдающей от приступа панической атаки. — Может, это лишь случайная вспышка? Ну, ты понимаешь, остаточные ощущения родом из моего прошлого?

Кью поднял меня со своих коленей и посадил на диван. Затем двинулся в сторону журнального столика, чтобы присесть на него, убирая в сторону большие папки для бумаг и папки-скоросшиватели.

Кью держал свои руки при себе, как если бы не мог прикоснуться ко мне без желания разорвать на части.

— Они были у тебя ранее? — Его ноздри затрепетали, все тело подрагивало от гнева.

Я покачала головой, говоря тем самым ему чистую правду. Ранее я еще никогда не испытывала таких мучительных страданий. Конечно, у меня были кошмары о моем похищении и изнасиловании, но Кью был всегда поблизости, чтобы спасти и укрыть меня от них. Состояние, в которое я впала сегодня, было совершенно новым для меня.

Я ненавидела чувствовать такой страх. Я проклинала Брэкса за то, что он взял меня в то кафе и в итоге не смог защитить. Я хотела разорвать на маленькие кусочки каждого мудака, который причинил мне боль. Я хотела насадить их сердца на колья. Я так хотела жить без этих ужасных воспоминаний.

«Но если бы ты не пострадала, то никогда бы не была продана Кью».

Мои глаза расширились. После всего, что мне пришлось пережить — избиения, разрушение и то, что мне нацепили бирку как какой-то гребаной собаке — жизнь вознаградила меня исполнением самых темных желаний. Неужели судьба взыскала с меня ужасную плату, во имя исполнения моего самого заветного желания?

— Сюзетт позволила моему отвратительному характеру воздействовать на нее. А какая причина у тебя? — Кью резко поднялся с журнального столика, уходя прочь, засовывая руки глубоко в карманы. — Причина во мне, не так ли? В том, что ты находишься здесь со мной наедине? Ты испугана. Здесь нет персонала, который есть дома. Нет Франко, который может остановить меня, если я зайду слишком далеко. — Он посмотрел на меня мучительным, загнанным взглядом. — Скажи

мне, наконец, долбаную правду!

Жар и ярость устремились вверх по моему позвоночнику, уничтожая последний намек на холод. Я поднялась на ноги, указывая на него пальцем.

— Ты ни в коей мере не являешься причиной. Сколько еще раз мне придется говорить это тебе? Я не боюсь тебя!

Он резко вскинул руки вверх.

— А может, тебе все-таки следовало бы бояться меня. Я худший вариант того, с кем тебе следует находиться. Никто не посмеет приблизиться к тебе, пока я не позволю этого. — Он с силой ударил кулаком в грудь, тяжело дыша, заставляя натянуться ткань безупречного костюма графитового цвета. — Я убью за тебя, Тесс! Я убил ради тебя. Не смей сомневаться во мне только потому, что боишься других. Бойся меня. Позволь мне контролировать тебя.

Он устремился вперед, хватая мой затылок.

— Смысл моей жизни состоит в том, чтобы оберегать твою жизнь. Tu es à moi. Ты принадлежишь мне.

Его страсть и гнев прогнали остатки страха прочь. Но не важно, насколько я была тронута и признательна его клятвой защищать меня, у него не получилось остановить оставшееся ощущение предчувствия, что что-то не так.

Мое сердце неистово застучало, когда я заметила широкий коридор за плечом Кью, который вел в неизвестность.

Я напряженно сглотнула, пытаюсь игнорировать невинный коридор, но мои глаза сосредоточились на входе, и неспешно отвратительные видения вернулись с новой силой.

Кью последовал за моим взглядом. Он нахмурился, затем на его лице вспыхнуло выражение понимания.

— Ты боишься чего-то нового. — Спешно, он добавил: — Ты бывала где-нибудь, кроме дома в Мельбурне и мест, которые посещала ранее?

Мои брови нахмурились, когда я обдумывала его вопрос. Наконец, я отрицательно покачала головой.

— Нет. Ты прав. Это первое место, которое совершенно незнакомо и ново для меня.

Он склонил плечи, прежде чем погладить заднюю часть моей шеи, и после чего отпустил меня.

— Я прекрасно знаю, что спровоцировало тебя. Ты боишься новых мест, потому что в предыдущем ты была похищена и избита. — Его голос стал резким от гнева, и его мышцы напряглись, но он все-таки подарил мне приободряющую улыбку. — Я видел, как это происходило с бесконечным количеством рабынь, которые прибывали ко мне. Они все не выносили нечто новое — новое всегда наполнено осязаемым страхом, потому что мысленно ты не в состоянии подготовить себя к тому, чего не знаешь.

Я сморгнула. Я не думала, что когда-либо созрею, чтобы чувствовать себя полностью расслабленно в обществе Кью. Он видел слишком много, знал слишком много о том, что происходило в индустрии работорговли для сексуального удовольствия.

Бизнес в сфере недвижимости не был истинным призванием Кью. Он был целиком и полностью поглощен идеей искалеченных птичек. Излечивал их крылья, тем самым предоставляя им цель в жизни, а не учесть мертвых рабынь. Он воссоединил так много разбитых семей, для того чтобы те вновь попытались обрести счастье.

Я не могла прекратить пялиться на него со смесью трепета и неуверенности во взгляде.

Он нахмурился, располагая свои ладони на моих плечах, нежно поглаживая меня пальцами, как бы ставя клеймо.

— Ты находишься в безопасности, Тесс. Я не позволю никому навредить тебе. У тебя есть мое нерушимое обещание. — Он склонил голову, его взгляд был непроницаемым и яростным. — Тебе необходимо отдохнуть.

Я энергично покачала головой, испытывая состояние страха оттого, что Кью необходимо отпустить в первый день.

— Нет, нет, я в полном порядке. Дай мне минутку, и я буду готова стать твоим слепо преданным сотрудником. — Я улыбнулась, но улыбка была слабой.

Даже несмотря на то, что я принудила себя быть разумной, понять, что это безопасное место, и Кью будет бороться за меня даже с самим дьяволом, я не могла препятствовать образованию страха, который словно пена обволакивал мой живот.

«Черт, держи себя в руках, Тесс».

Тело Кью напряглось, челюсти сжалась. Я могла поклясться, что у него было нечто вроде обостренного чувства, что он знал, когда я лгала

ему и испытывала неподдельный страх. У него был нюх хищника, и в этот момент я была слабой и измотанной добычей.

— Возможно, ты прав. Прости меня, Кью. — Мысль о том, чтобы пойти и встретиться с группой людей практически заставила меня покрыться сыпью.

Он опустил руки, кивая.

— Нет нужды извиняться.

Медленно, небольшая часть напряжения покинула мои руки и ноги, оставляя меня опустошенной. Буду ли я всегда страдать от последствий произошедшего? Я считала себя намного сильнее. На протяжении всего времени я думала, что не сломлена, но они разрушили меня достаточно, чтобы я не смогла восстановиться полностью.

Я почувствовала себя трусихой. Я позволила своим инстинктам одержать верх над рациональным мышлением, заставляя меня бояться иллюзий.

Я сделала глубокий вдох, избавляя Кью от тревоги, которая выражалась в том, как были опущены его плечи. Он нежно улыбнулся, когда его светлые глаза наполнились теплом.

— У меня запланирована встреча, на которую я уже опаздываю. Я хочу, чтобы ты осталась здесь и отдохнула. Посмотри фильм покорми птиц, прими ванну. Делай все, что будет твоей душе угодно.

Он заключил мою руку в свою, притягивая меня ближе к себе.

— Когда я закончу, я вернусь, и мы сходим на приятный ужин, или, возможно, закажем, нет принципиальной разницы. Мне не очень хочется делиться тобой.

Я улыбнулась, оборачивая руки вокруг его мощной спины, позволяя ему помочь мне забыть, что я выставила себя полной дурой.

— Ты не хочешь делиться мной? — пробормотала я у его жестких мышц груди. Меня захлестнуло чувство благодарности за то, что я была продана такому странному, но в то же время добродетельному человеку.

Моя судьба могла сложиться намного, намного хуже. Я была счастливицей.

Он рассмеялся; звук его смеха отдался в моих ушах, вновь возвращая все на свои места.

— Нет. Я бы хотел, чтобы я никогда не говорил тебе, что ты будешь работать на меня. Я бы лучше держал тебя закованную в цепи и исполняющую все мои прихоти дома.

Я рассмеялась, и последняя тревога от предчувствия, что царила в моем теле, растаяла без следа.

Кью желал меня, Кью защитит меня и в конечном счете, Кью полюбит меня.

Меня, девушку со сломленным разумом.

Кью оставил меня одну в своем офисе на крыше, направившись на встречу, решая уделить свое внимание чему-то более важному, чем я. Я нежно поцеловала его на прощание перед тем, как он зашел в лифт, чтобы отправиться обратно в здание.

Почему ему пришлось идти вниз на встречу вместо того, чтобы остаться здесь, не укладывалось у меня в голове. Но смотря на летающих птиц и ухоженный сад, я могла понять его стремление сохранить это место личной территорией, куда позволено входить только ему. А теперь еще и мне.

Я сжала кулаки, когда вновь вошла в кабинет Кью. Прилив интуиции разразился криком на меня, делая недвижимыми мои руки и ноги, но я проигнорировала это. В первый раз в своей жизни я охотно приказала своим инстинктам заткнуться.

Кабинет Кью был простым и элегантным. Никакого массивного дерева, как в библиотеке дома, или же излишней декорирования как в гостиной, которая была украшена шкурами животных. Тут был истинный Кью. Место, которого не коснулось влияние его отца, — не унаследованная территория.

Казалось, что он отдавал предпочтение холоду и минимализму в украшении своего пространства, если брать в расчет мебель, что располагалась в кабинете: стеклянный стол, картины, выполненные в светлых тонах, на которых изображены различные образы птиц в полете, и огромная стеклянная крыша, которая делала образ этого места законченным. Также здесь были небольшие диванные подушки, что радовали глаз яркими всплесками цветов, и расставленные в определенной последовательности макеты отелей и строительных комплексов.

Пространство было идеальным, но пустым. Ощущение одиночества возрастало во мне, и я подавила его. У меня не было причин

чувствовать себя покинутой. Кью сказал мне отдохнуть, если быть откровенной, то я нуждалась в этом.

Следующие полчаса, я провела в кабинете Кью. Я рассматривала его предметы искусства, просматривала некоторые из папок, которые были забиты разрешениями на строительство и нормативными документами, и выходила наружу, чтобы прогуляться.

Чувство тревоги сделало меня нервной, и мне дважды казалось, что я видела снаружи чью-то притаившуюся тень, хотя в итоге это оказалась лишь туча, что стремилась затмить солнце.

Я просто больше не могла продолжать в таком духе. Мое сердце испытывало неприятные ощущения оттого, что билось слишком быстро, и во рту у меня все пересохло. Мое тело дрожало оттого, что я вспотела из-за нервозности.

Сегодня у меня было запланировано свидание с мужчиной, которого я отчаянно хотела узнать. Я не могла пахнуть как бездомная бродяжка.

Принимая предложение Кью, я направилась вовнутрь и проглотила ощущение страха, чтобы пройти по коридору в поисках ванной комнаты. Я пересекла пространство спальни, которая была в четыре раза больше, чем моя предыдущая квартира с жесткой кроватью и горой мягкий подушек. В конце спальни были двойные двери, которые вели наружу, во двор.

Образ невинного и белого совершенства пришел мне на ум. Это место было так не похоже на комнату в башне Кью, оно было смехотворно.

Я обнаружила ванную комнату в дальней части спальни и улыбнулась в предвкушении.

Вертолет, «Роллс-Ройс» и невероятное здание, что принадлежали Кью, не впечатлили меня своим богатством, как ванная, которая источала роскошь в каждом уголке.

Одна стена была полностью покрыта зеркальной плиткой, давая ощущение бесконечного пространства и дополнительных возможностей. Двойная консольная раковина была заставлена крошечными хрустальными флаконами и маленькими кусочками мыла.

Душ мог вместить в себя практически целую футбольную команду, к тому же он был оснащен огромнейшей душевой лейкой. Но больше всего ко мне взывала ванна.

Золотисто-желтый вдохновлял подниматься вверх по ступенькам, которые постепенно исчезали в райской глубокой купели. Серебряные гидронасадки были встроены по бокам для того, чтобы создавать пузырьки, а бархатные подушки были уложены по ободу ванны.

Если что-то и могло избавить меня от беспокойства, то, определенно, это была эта ванна.

Открывая кран, позволяя воде наполнять ванну, я направилась обратно в комнату, чтобы посмотреть могла ли я что-то позаимствовать у Кью, чтобы надеть после купания.

Огромная гардеробная комната встретила меня приятным нотками цитруса и мускуса. Характерный аромат Кью словно заключил меня в объятия и унес прочь чувство одиночества. Боже, он пах просто потрясающе.

Мое тело звенело от напряжения, скучая по нему, ожидая момента, когда он вернется ко мне. Каждая рубашка, до которой я прикасалась, сводила меня с ума его ароматом.

Остановив свой выбор на светло-зеленой рубашке, которая так идеально соответствовала цвету глаз Кью, я поднесла ее к своему носу и вдохнула родной аромат. Тьма Кью, его характер, стремительно проникли в мой нос и глубоко в мое истосковавшееся сердце.

Мое сердце застучало быстрее, нуждаясь в нем и его присутствии. Мое тело принадлежало ему, оно словно оживало рядом с ним, его прикосновениями и восхитительным голосом.

Черт тебя побери, Кью, за то, что ты оставил меня здесь. В данный момент больше всего на свете я хотела принять ванну вместе. Может, когда он возвратится, он мог бы присоединиться ко мне.

Я должна была вновь убедиться, что это все было реальностью, а не вымыслом. Эта роскошь, это будущее, вся эта жизнь, которой я жила в данный момент. Без его напоминаний, это все казалось не больше чем забавным сном.

Зеркала были затянуты паром и покрыты конденсатом, когда я вернулась обратно. Мягкое приятное облако пара укутало меня, незамедлительно покрывая всю мою кожу невесомыми капельками влаги. Последняя волна безрассудного страха отступила, делая меня расслабленной и жаждущей, чтобы погрузиться в воду.

Снимая одежду, я скрутила свой хвостик в неаккуратный пучок и ступила в ванну, заполненную обжигающе горячей водой. Моя кожа

побелела, когда я погрузилось в воду. Стискивая зубы, я терпела высокую температуру, позволяя коже привыкнуть натиску обжигающей воды. Каждая отметина от плетки вспыхнула болью из-за высокой температуры воды.

В тот момент, когда я погрузилась в ванну, вода полностью заключила меня в свои объятия и подарила состояния блаженства, ослабляя последнее, оставшееся в моем теле, напряжение.

Вся ванная вокруг меня покрылась влагой; капли даже капали с потолка. Это было похоже на то, как находиться в своем собственном водном мире, где не было ничего, кроме состояния полнейшего счастья.

Я очнулась от дремы ровно через пару мгновений, после погружения меня под воду.

Мгновение назад моя голова была над водой, пребывая в мечтах и фантазиях, а в следующее, я была глубоко погружена в ванну и придавлена ко дну. Инстинктивно я вдохнула, наполняя легкие губительной водой.

Я пинаясь и извиваясь, пытаюсь изо всех сил схватить того, кто удерживал меня, но кулак, что крепко вцепился в мои волосы, не позволял мне освободиться.

Что за хрень?

«Это не Кью. Пожалуйста, хоть бы это был не Кью».

Я прекрасно знала, что у него достаточно извращенные предпочтения, но не верила, что он бы стал специально топить меня ради того, чтобы причинить боль. Я не верила, что он мог быть настолько жестоким. Только не тот мужчина, который пришел в бешенство, потому что не мог защитить меня от моего панического приступа. Только не тот мужчина, который мог так ласково улыбаться, когда мы закончили заниматься сексом в вертолете.

Весь гнев и ярость, которую я испытывала, когда меня похитили, вновь наполнили мое существо. Я утратила всякую мягкость, ощущения подчинения, в которое меня заключил Кью, и наполнилась энергией выживания.

Я оцарапала запястье, которое меня удерживало, вонзая острые ногти глубоко в кожу.

Мой нападающий дернулся, пытаясь отцепить мои пальцы другой рукой, но я не ослабляла хватку, пока кровь не стала явственно ощущаться под моими ногтями.

Мгновение спустя хватка руки в моих волосах ослабла, и я вынырнула.

Вода хлынула из моего рта, когда я закашляла и тяжело задышала. Извиваясь в воде, я издала сердитый вскрик. Мое сердце стремительно ударилось о грудную клетку и замерло.

Как бы я хотела оставаться и дальше под водой.

«Нет. Нет, нет, нет, нет. Это не может быть правдой».

Кожаный Жилет гаденько рассмеялся, его глаза были наполнены тем же омерзительным злом, как и в Мексике. Он взглянул на меня плотоядным взглядом и помахал своими вонючими пальцами.

— Привет, шлюха.

Приступ панического страха охватил меня

«Черт, Тесс».

Это не был приступ паники — это все происходило на самом деле. Мое предчувствие явственно знало. Мои инстинкты все знали с самого начала, а я просто проигнорировала предупреждение.

Обжигающие слезы ярости грозились пролиться, когда я оскалилась.

— Пошел, бл*дь, от меня на хрен. — Мои глаза метались по ванной, в поисках подходящего оружия. Но ничего не было кроме мягких подушек и кусочков увлажняющего мыла.

Кожаный Жилет рассмеялся, проводя рукой по своим засаленным волосам.

— Это не вежливо с твоей стороны. А я так скучал по тебе и твоим милым сиськам. — Он поднял голову, едва слышно цокая языком. Его брови ошеломленно приподнялись, когда он увидел красные отметины на моем животе. — Я вижу, ты продолжаешь доказывать, что ты неудачное капиталовложение, а мой босс, к твоему сведению, просто терпеть не может, когда его деньги тратятся впустую. — Его испанский акцент усилился, когда глаза скользнули по моему телу. — Вижу, что кто-то другой, так же как и я, решил, что тебе необходимо наказание, ммм?

Оборачивая свои руки вокруг своего нагого тела, я прокричала ему в ответ:

— Я больше не принадлежу вам, чтобы истязать меня! Я принадлежу другому человеку. Кому-то, кто очень разозлится, если вы прикоснетесь ко мне хоть пальцем. — Мои зубы начали стучать, несмотря на влажный теплый воздух и горячую ванну.

«Я не могу позволить ему забрать меня. Просто не могу».

— Если ты прямо сейчас уберешься отсюда, я сделаю вид, что тебя тут не было. Я не скажу своему хозяину, чтобы он выследил тебя и разорвал на части. — Все, чего я хотела на данный момент, чтобы прямо сейчас здесь появился Кью и снес башку Кожаному Жилету, размазав его мозги по стенам ванной. Убить его было моей целью с того момента, как я оставила Брэкса.

Кожаный Жилет откинул голову назад и рассмеялся.

— Не забивай свою маленькую хорошенькую головку мыслями обо мне, шлюха, твой так называемый владелец больше не проблема. — Он придвинулся чуть ближе, похотливо осматривая меня. — Он сделал очень плохую вещь. Пришло время платить по счетам.

Я кинулась к противоположной стороне ванны, но Кожаный жилет двигался как демон. Он запрыгнул в ванну, полностью в одежде и всем остальном, и схватил меня за волосы. Металлическое зловоние, что исходило от него, заполнило мой нос, когда он с неистовой силой погрузил мою голову обратно под воду.

Я пыталась избавиться от его хватки, извивалась, пыталась не закричать, но чистый ужас взорвался в моем теле, заставляя меня вдохнуть полной грудью в горячей воде.

Глухой стук, стук моего сердца разогнался до сумасшедшей скорости, когда я приблизилась к состоянию утопления.

Меня охватило ощущение, что муки длились вечно, пока мои легкие не взорвались криком и начали умирать медленной мучительной смертью, но в последнюю секунду он рывком поднял меня вверх, подтягивая меня за волосы к краю ванны.

Цепляясь за край ванны, я втягивала жадные глотки воздуха, откашливая капельки воды, которые беспрерывно стекали по лицу.

— Вот теперь ты чистая. Пошла, на хрен, быстро из ванны. Нам нужно кое-куда собираться, — приказал мне Кожаный Жилет.

— Что?.. — Я не смогла закончить предложение, нуждаясь во вдохе. — Я никуда не собираюсь ид...

С яростным рывком он поднял меня. Я неистово кричала, пытаюсь

освободить свои волосы от его когтей. Он тянул меня с такой силой, что вырвал клочья волос с кожи головы.

— Отпусти меня!

Я извивалась, пытаюсь изогнуть его запястье таким образом, чтобы освободиться от захвата. Но он был слишком сильным. Мое ослабленное тело тряслось и раскачивалось из стороны в сторону после того, как меня чуть не утопили. Я осыпала ругательствами свое тело за слабость. Я не могла больше вести борьбу.

Он выволок меня из ванны и прижал к своему ужасному телу. Холодная застежка его замка впивалась в мою обнаженную кожу груди, когда меня обдало тошнотворным дыханием.

— Этого не произойдет, можешь даже не стараться. Пришло время для маленькой поездочки.

Я сделала резкий выпад и ударила его коленом по яйцам. Он отпустил меня, хватаясь за держатель для полотенец. Я не стала дожидаться следующего мгновения. С пульсирующей головной болью я рванула вперед.

Прямо в хватку к другому мужчине.

Его руки жестко обернулись вдруг моего тела, и его неестественно кривая усмешка разбила вдребезги все мои надежды на спасение.

Рваный Шрам.

Мужчина, который удерживал меня, пока стерва делала мне татуировку и осматривала меня. Та самая сука, что ввела мне под кожу отслеживающее устройство.

Бл*дь.

Трекер! Я хотела убить себя за то, что такая глупая. В то момент, когда я вернулась Австралию, я записалась в очередь в дневной хирургический стационар на удаление отслеживающего устройства. Но они отодвинули мою очередь чуть дальше — несчастные случаи, требовавшие немедленного вмешательства, оттеснили меня на более поздний срок. Я ничего не могла поделать, и затем вернулась к Кью.

Затем на протяжении четырех дней я соблазняла и дразнила мужчину, к которому вернулась. Я не должна была прекращать думать о таком опасном устройстве, которое следит за каждым моим шагом.

«*Черт, Тесс!*»

Я должна была сказать ему. Я должна была убедиться, что это устройство удалят немедленно. Я должна была изрезать все свое тело,

чтобы удалить его.

Это все была моя вина.

Рваный Шрам щелкнул языком.

— Только поняла, не так ли? Я должен признать, что люди совершенно забывают об этом. — Он вздохнул, его слова прозвучали в какой-то степени виновато. — Неприятно делать это, но твои обстоятельства изменились.

Мой разум не мог сконцентрироваться на его словах.

«Беги, борись, беги».

Пребывая в состоянии неконтролируемой дрожи, я проговорила:

— Они заплатят вам за меня. Отпустите. Пожалуйста.

Кожаный Жилет, прихрамывая, направился в нашу сторону. Я сжалась, когда Рваный Шрам спрятал меня за свою спину. Я даже не заморачивалась на таких мелочах, как нагота, единственное, что меня заботило, это желание убить этих мужчин и сбежать к Кью. Слезы навернулись у меня на глазах от этой мысли. Я не знала, где он был. Я не имела ни малейшего понятия, на каком он этаже, или же даже в каком здании.

О боже, я никогда не увижу его снова.

Кожаный Жилет схватил рубашку Кью со стула, который стоял в углу. Он кинул ее Рваному Шраму.

— Одень ее.

Он кивнул и отпустил меня, чтобы расстегнуть рубашку. Мысль о том, чтобы быть одетой этими ублюдками была уже слишком для меня. У них не было прав трогать одежду Кью.

Я вырвала рубашку из рук Рваного Шрама, издавая рычание:

— Я могу сделать это и сама. — Мне потребовалось две попытки, чтобы расстегнуть пуговицы и накинуть рубашку на плечи. Она висела на мне словно платье. Легкий аромат лосьона после бриться, что принадлежал Кью, причинил мне еще большую боль, и я не желала ничего, кроме как разразиться сокрушительными рыданиями, которые нарастали в моей груди.

Но я не обладала такой роскошью. Я должна была быть отчаянной и разъяренной. Должна была оставаться ловкой и готовой напасть в любой момент.

Рваный Шрам не стал хватать меня снова, потому что я стояла в ловушке между ними двумя, когда Кожаный Жилет достал что-то из

кармана брюк. Его черные глаза вспыхнули, упиваясь моим страхом.

— Сделай это.

Его взгляд метнулся позади меня к Рваному Шраму.

В горле образовался комок, и я нагнулась, пытаюсь избежать того, что должно было последовать, но этого было не достаточно. Удар, который пришелся на одну стороны головы, был таким сильным, что хоровод звездочек закружились у меня перед глазами, и я рухнула на мраморный пол. Мои колени завопили от силы удара, и я оперлась на руки, пытаюсь избавиться от мучительной боли.

— Черт бы меня побрал, ты только посмотри, — пробормотал Кожаный Жилет. — Мы думали, что мужчина, который владел тобой, был гребаным слабаком, но посмотри-ка сюда. — Он проследил линию вдоль моего позвоночника, где рубашка чуть-чуть приподнялась и обнажила синяки на моей заднице. Он ткнул пальцем свежие раны, который остались от ногтей Кью, когда он трахал меня вертолете. — Извращенный ублюдок, не правда ли.

Рваный Шрам рассмеялся.

— Теперь мы хотя бы знаем, что она любит жесткий трах. Это привлечет еще немного новых покупателей, которые захотят приобрести уже использованную рабыню.

Мой слух затопил ужас.

— Я уже продана! Вы не можете сделать этого еще раз!

Оба мужчины рассмеялись.

— Это больше не зависит от тебя.

Кожаный Жилет опустил передо мной на колени, выуживая какую-то вещь из своего кармана. Он держал ее скрытой в своем сжатом кулаке.

Вся ненависть, которую я испытывала к ним, сожгла дотла мое сердце и душу. Я планировала поймать их. Выследить, как гребаных животных, и сделать так, чтобы они заплатили за то, что совершили — восстановить справедливость за всех тех женщин, которым они причинили вред. Теперь же, все эти планы превратились лишь в горстку пепла.

Потому что из-за глупой ошибки моя жизнь была кончена. На этот раз окончательно. У меня был второй шанс, и я потратила его впустую

— Дай мне свою руку. — Кожаный Жилет улыбнулся. — У меня есть для тебя подарочек.

Я не хотела никакого чертового подарка. Стискивая зубы, я огрызнулась в ответ.

— Пошел в задницу!

Рванный Шрам рассмеялся за моей спиной, когда Кожаный Жилет усмехнулся.

— Я скучал по твоему боевому духу, шлюха. Просто подождем момента, пока ты не останешься со мной наедине. Ты заплатишь за то, что сломала мне палец.

Я тяжело сглотнула, когда воспоминания, как он пришел отыскать меня в темноте, чтобы посредством угроз изнасиловать меня, вспыхнули в моей голове.

— Тебе не следовало пытаться изнасиловать меня.

Кожаный Жилет прекратил ухмыляться и посмотрел на меня с такой ненавистью, что у меня воцарилось ощущение, будто я находилась в адском котле.

— Ты пожалеешь об этом.

Я боролась. Естественно, я сопротивлялась, но Рванный Шрам схватил меня за плечи и удерживал на месте, пока моя рука была выпрямлена и зажата между телом Кожаного Жилета и его локтем.

— О, я получу от этого удовольствие. Скажи «прощай», шлюха.

С мгновенной змеиной реакцией, он вонзил что-то острое и болезненное в мою руку. Практически мгновенно мое сознание затуманилось, превращая мозги в жидкий заварной крем, а конечности в липкую сладкую вату.

«*Hem!*»

Я пыталась удержать ясное сознание, но это было абсолютно бесполезно. Постепенно мое сердце медленно отравляло меня, позволяя наркотикам свободно циркулировать по кровеносной системе.

Сначала меня подвели мои глаза — зрение стало нечетким и затуманенным. Затем конечности полностью вышли из-под контроля моего тела, пока я не повалилась головой вперед на Кожаного Жилета.

Он обнял меня своими мерзкими руками насильника, когда заключительная часть моего кошмара приблизилась вплотную ко мне.

Мои мысли испарились. Дыхание стало прерывистым, и последние слова, что я услышала, послали мои надежды напрямик в ад.

— Добро пожаловать домой.

Глава 7

*Я жажду видеть, как зарумянится твоя нежная кожа —
исполосованная и в отметинах, она меня заводит...*

Кью

Я подавил стон, когда, повернув за угол к своему офису, заметил Фредерика, который стоял, прислонившись к дверному косяку. Со скрещенными на груди руками, темными волосами, зачесанными назад с помощью геля, и в твидовом пиджаке и слаксах, он был похож на парня с плаката Country House и гребаного Garden.

Я не знаю, как мы стали друзьями. Мы жили в одной комнате в школе-интернате, а когда я вернулся, чтобы сдать экзамены после убийства моего отца, он понял: что-то глобальное произошло в моей жизни. Не потому, что я был мрачным и раздражительным, как обычно, а потому, что в первый раз излучал улыбку и дышал с облегчением. Я,

наконец, сделал миру одолжение, убив моего старика, и хотел поделиться своим счастьем.

Я никогда не говорил ему, что именно произошло, но так или иначе, он заставил меня проболтаться. Раскрыть большинство моих секретов и довериться хоть кому-то.

Когда он заметил меня, его губы дернулись в усмешке, и он провел рукой по своим по-гейски глянцевым волосам.

Смотря исподлобья, я прошествовал к конференц-залу, присматриваясь к его беззаботной улыбке.

— Quoі (прим.перев.сфр. Что)? — требовательно спросил я, когда он выставил руку, преграждая мне путь.

Я знал только пять человек во всем этом здании. И только этим пяти я доверял. Фредерик был одним из них, но он также был единственным, кто выводил меня из себя своими выходками.

— Bonjour. — Он сверкнул зубами. — Я задавался вопросом, когда мы будем удостоены твоим присутствием в очередной раз.

Я оттолкнул его руку и пошел по направлению к большому овальному столу. Заняв сиденье во главе, я сцепил руки на столе.

— Давай к делу, Фредерик.

— Ну, я предполагал, что с такой цыпочкой дома, у тебя займет больше четырех дней, чтобы вернуться в этот хаос.

Тут я взорвался:

— Не надо. Выказывать. Неуважение. К. Ней. — Я зажмурился. Не в первый раз я пожалел, что подвесил Тесс к потолку для импровизированной деловой встречи. Меня бесило, что Фредерик увидел ее в таком виде.

Я чертов ублюдок, потому что сделал это, но у меня были свои причины. Причины, которые не сходились с тем, как Фредерик Ру злорадно смотрел на меня.

Он расположился в кресле рядом со мной, держа руки поднятыми.

— Эй. Я просто констатирую факт. — Он подался вперед с нетерпением. — Так что... ты, наконец, позволил женщине приручить тебя, да?

— Она не приручила меня, она... — Я остановился на полуслове, проглотив женоподобную чушь, которую собирался сказать. Она не приручила меня, она меня освободила. Это определенно не подобало моей грозной репутации.

Я схватил огромную кипу документов, которые запросил, чтобы наверстать упущенное, и сделал вид, что игнорирую его. Только его дерьма мне сейчас тут не хватало.

Оставить Тесс одну было самым трудным с тех пор, как я поклялся никогда не становиться таким, как мой отец. Я оставил свою способность дышать там наверху с ней. Только знание того, что она была полностью в безопасности и неприкосновенности, позволило мне с легкой душой заняться работой.

Что за чертовы приступы паники? Она была такой сильной. Какие-то воспоминания не могли одержать верх над ней. Я видел достаточно женщин, которые тратили всю свою жизнь, заново переживая то, что произошло. Переключатели, которые посылали их по спирали в депрессию и разрушения, никогда не прекращались.

Я бы никогда не позволил этому случиться с Тесс.

— Перестань злорадствовать. Я чувствую твое самодовольство отсюда, — проворчал я, когда Фредерик уставился на меня.

— Послушай, мужик, могу я позволить себе позлорадствовать, когда мой давний друг, наконец, приходит на работу хорошо потрахавшимся и немного счастливее, чем в любой другой день своей печальной жизни.

Я бросил бумаги и замахнулся на него. Не до конца, но я был согласен с ним.

Он увернулся, смеясь.

— Я рад за тебя. — Наклонившись вперед, он похлопал меня по спине, ухмыляясь. — Добро пожаловать в отношения. Ты больше не угрюмый холостяк, который должен доставать свой бумажник, чтобы получить удовольствие.

— Черт побери, потише. — Я бросил взгляд на дверь. В любой момент кто-нибудь мог войти, а людям незачем знать, что я делаю с наличными деньгами в указанном бумажнике.

Фредерик кивнул.

— Молчу. Просто рад за тебя, вот и все.

Немного успокоившись, я откинулся на спинку стула.

— Что заставляет тебя думать, что я удерживаю ее? Я отпустил ее в первый раз. Я мог бы сделать это снова.

Он фыркнул, сдерживая громкий смех.

— Seriously, Мерсер? Ты чертовски убивался в день, когда

отправил ее обратно. Или ты забыл, что я нашел тебя почти в бессознательном состоянии на бильярдном столе, бормочущим о бог знает чем?

К сожалению, именно он нашел меня. Я планировал напиться. Мне нужно было что-то, чтобы заглушить боль.

Он наклонился, чтобы понюхать мое плечо. Мне удалось оттолкнуть его, не сильно, но достаточно, чтобы донести мою точку зрения.

— Плюс ко всему, ты пахнешь сексом. От тебя разит им, друг мой, и этот румянец подсказывает мне, что ты оставил ее у себя, и что ты наконец-то перестанешь бить себя по яйцам, чтобы добиться желаемого.

— Отвали, Ру. Я понял. Ты рад за меня. — Я сощурил глаза, просматривая документы еще раз.

Он ухмыльнулся, и его голубые глаза, такие яркие, что я всегда тайне задавался вопросом, настоящие ли они, блеснули.

— У тебя появились морщинки. — Я задумался, потирая лоб. Отлично. Гребаные морщинки. Но это не удивляло — я чувствовал себя древним. С тех пор как Франко заставил Тесс поклониться мне в ноги, я старел понемногу каждый день, изношенный монстром внутри себя, проклиная свои порывы, которые в конечном итоге убьют меня в один прекрасный день.

Или убьют ту, что дорога мне.

От одной этой мысли мое сердце остановилось, и я уставился на Фредерика.

— Это еще одна из твоих чертовых метафор?

Он кивнул, усмехаясь.

— Хотел посмотреть, не все ли равно тебе. Спорю что не все равно, особенно, если я скажу тебе, что вижу, как грязный галстук и, я предполагаю, трусики, торчат из твоего кармана.

Черт!

Я поспешно заерзал в кресле и засунул белье Тесс вместе с моим покрытым смазкой галстуком в карман. Я не мог сдержаться самодовольную ухмылку, представляя Тесс стоящую на коленях, в то время как я засаживаю свой член глубоко внутри нее. Проклятье, я хотел бы сделать это снова.

Я хотел трахать и причинять ей боль прямо на этом столе в конференц-зале.

Несмотря на то, что Фредерик сводил меня с ума, мне нравилось, что он не боялся меня. Он знал, насколько далеко может зайти. Я сказал добродушно себе под нос:

— Vate Faire foutre (прим.перев. фр. — Отвяжись). Перестань быть таким засранцем.

Фредерик усмехнулся.

— Справедливо. — Его глаза метнулись к двери, чтобы убедиться, что мы все еще одни. У меня зашевелились волосы, когда он подался вперед, наклонив голову. — Я слышал от русской мафии, что человек, в которого ты стрелял за то, что он прикоснулся к твоей рабыне, жаждет мести.

Мои руки сжались в кулаки, и я подался вперед почти вплотную к нему.

— Она не моя чертова рабыня. Ее зовут Тесс, и теперь она часть моей жизни. И ты никогда не станешь обсуждать, как так получилось. Я понятно объясняю?

Фредерик кивнул, не впечатленный моим напором. Он обладал невозмутимостью пилота самолета. Всегда спокойный, вечно безмятежный. Я хотел обладать хоть частицей его спокойствия; может быть, тогда я смог бы усмирить ураган чувств, бушующий внутри меня.

— Понятно. Но могу ли я задать один вопрос? Ты сделал целью своей жизни спасение многих женщин из ситуации, в которую вверг Тесс. Почему же ты подвесил ее и пожирал глазами, если тебе это не нравится?

Фредерик зрил в корень. Да, та ночь была на пятьдесят процентов эгоистичной. Я хотел сделать что-то такое же отвратительное, как мой отец. Я ничего не мог с этим поделать. Только однажды я выпустил чудовище и сделал то, о чем пожалел. Я возбуждался, смотря, как мучается Тесс, находясь в безвыходном положении. Но я также знал, что Красный Росомаха мной не доволен.

Слишком много раз я принимал его взятки, соглашаясь на нелегальные сделки с недвижимостью или позволяя использовать мое имя в качестве гаранта в предприятиях мафии — все что угодно, чтобы заполучить женщин, которых он предлагал.

Моя репутация была черна и запятнана в конец, именно так, как я хотел. Они не знали, что я использовал грязные деньги для борьбы с нечистью — каждый пенни пошел в ход для освобождения рабынь. Но

Тесс. Черт, я так сильно хотел трахнуть ее той ночью. Я хотел изрезать ее платье и взять девушку в разных гребаных позах.

Чернота, текущая по венам, давала знать, что это была бы хорошая возможность показать любимчику Красного Росомахи, что я действительно наслаждался моими взятками.

Поползли слухи — сплетни о том, что я отпускал, полученных в качестве взятки, женщин. Что я возвращал им свободу и никогда не прикасался к ним. Нужно было сделать что-то.

Я не мог допустить утечки информации. Это означало бы, что все девушки, которых я спас, будут отслежены, отловлены как паразиты и проданы еще раз в тот кошмар. Поэтому я обеспечил им шоу. Я поставил Тесс на сцену и на хрен забыл, что все это было инсценировкой, чтобы успокоить сплетни и не позволить одной из крупнейших мафий, причастных к торговле людьми, заподозрить меня. Я позволил себе возбудиться до боли, представляя, что трахаю Тесс, как рабыню, которой она и была, и позволял другим мужчинам пускать слюни над тем, что было моим.

Она была слишком совершенна. Так удивительно сексуальна, когда свисала с потолка, искушая меня, как яблоко искушало Еву.

Во время ужина я не мог сосредоточиться, так как Тесс висела, как заключенная в золото кукла, совершенно беспомощная, полностью беззащитная, полностью в моей власти.

Фредерик похлопал меня по плечу.

— Перестань долбить по столу, Кью. Твой гнев выходит из-под контроля.

Проклятье. Я положил руки на колени, шею стянуло от подавляющего напряжения в спине.

— Я сделал это, чтобы защитить других женщин. Я пожертвовал достоинством Тесс и издевался над ней, чтобы создать шоу для подонков, с которыми мы имеем дело. — Я посмотрел на друга. — Ну что, счастлив?

Он кивнул, как будто это имело значение.

— Я тоже так думал. Если бы ты не был заинтересован лично, то не испортил бы собственное шоу, отстрелив ногу этому же подонку, на которого и пытался произвести впечатление.

Я фыркнул, вспомнив, какое я получил удовлетворение, нажав на курок и причинив телесные повреждения. Он посмел поднять руку на

Тесс — причинить ей боль, мучить ее. Я бы убил его при следующей встрече.

Мое сердце сжалось от одного воспоминания того, как Тесс потеряла сознание от боли и шока. Эта ночь останется одной из лучших, и в то же время худших в моей жизни.

Отогнав прочь воспоминания, я спросил:

— Ты слышал что-нибудь об этом? Просматривал дело этого ублюдка? — Я хотел разделаться с разрешением на строительство, из-за которого он обратился, как можно скорее. В конце концов, положительный результат его дела предоставлял свободу Тесс. Ее жизнь за кусок бетона и стекла в самом центре Москвы. Фасад для отмытых денег, оружия и женщин.

— Да. Разрешения были одобрены, благодаря некоторым щедро вознагражденным людям. Но я не думаю, что это конец. Парень, в которого ты стрелял, был не только его любимчиком. Это был сын Росомахи.

Глаза вылезли из орбит, и я подавился собственной слюной.

— Черт. — Только мне могло так повезти. Я подверг Тесс опасности за правое дело, а потом выстрелил в золотого ребенка гребаной мафии.

Блондин идиот в своем нелепом белом спортивном костюме возник перед глазами. Я был в восторге от удовольствия, когда его кровь просочилась через штаны. Он получил урок, и Франко дал ему хорошего пинка, выкидывая из нашего дома, что, несомненно, запечатлелось в его мозгу.

Что, черт возьми, это будет значить? Будет ли Красный Росомаха преследовать меня за то, что я унизил его прямого потомка? Мне нужно было опередить его, прежде чем он додумался до каких-нибудь диких идей о возмездии.

Фредерик прервал мои мысли.

— Я хочу увидеть ее, Мерсер.

Я встретился с ним взглядом.

— Ты думаешь, я хочу, чтобы ты с ней разговаривал? Чтобы ты убедил ее сбежать от меня так далеко, насколько можно? — Он бы никогда этого не сделал, я знал это, но в моей ухмылке было слишком много боли и суровой правды, чтобы ее можно было игнорировать.

Je suis un faible idiot (прим.перев. фр. Я — слабый идиот).

Фредерик рассмеялся, рассеивая неловкость.

— Я не буду раскрывать твои секреты. Но я хочу поговорить с ней. Я хочу убедиться, что она достойна моего друга.

Закатив глаза, я не обратил внимания на тупой комментарий. Чертов идиот.

Дверь распахнулась, и в комнату вошли менеджеры, которых мы ждали.

Фредерик преобразился из друга-шалопа в строгого второго игрока в команде, держащего подчиненных в железной хватке. В комнате по иерархии я был Большим ублюдком, а Фредерик был моей правой рукой. Он был связующим звеном между моими приказами и тысячей с лишним сотрудников, которые должны были делать так, как им было сказано.

Я сидел тихо, когда вошла Катя, длинноногая чрезвычайно умная женщина, которая была мужественнее большинства мужчин. Ее таланты лежат в области управления проектами и поиске новых контактов. Кевин, лысеющий очкарик, отвечал за бухгалтерский учет; Самуэль, с дредами и в потрепанной одежде, работал в основном с торговым персоналом и текущими делами; последней по очереди, но не по значимости была Сандра, полная, седая женщина, отвечающая за кадры.

Они улыбались и бормотали приветствие, но никто не смел говорить со мной на равных. И это меня вполне устраивало.

После того как все расселись, я хлопнул в ладоши и сказал:

— Итак, мы все здесь. Давайте начнем.

Через два часа переговоров в глазах появилась неумолимая боль. Головная боль, с которой я боролся еще с высадки с вертолета, грызла все сильнее и сильнее.

Логистика и цифры роились в моей голове настолько, что я не мог ничего слышать, кроме гула. Я пытался с этим бороться.

Оказывается, у меня было две слабости: контроль и гребаные мигрени.

Я налил себе немного воды, надеясь, что это было просто обезвоживание, заставил себя сосредоточиться, но все, что я хотел сделать, — это вернуться к Тесс и отдохнуть.

Через десять минут цифры новой сделки в Гонконге соскочили со страницы и соскользнули на стол. Мое видение расфокусировалось, а затем стало четким, как будто я принял сильный галлюциноген. Явный сигнал того, что я прошел стадию от головной боли прямо к мигрени.

— Да, но что, если мы купим здание рядом с этим. Мы могли бы многое объединить и обеспечить разрешение на тридцатипятиэтажный отель, — сказал Фредерик Кате, жевавшей кончик ручки.

Я замотал головой, пытаюсь рассеять затуманенность, образовавшуюся в моем мозгу. Черт, в самое неподходящее время. У меня не было времени болеть из-за напряжения от приступов паники Тесс и слухов о том, что Красный Росомаха недоволен мной.

Катя сказала что-то, и все за столом уставился на меня.

Я не мог шевелить языком, чтобы высказать правильное решение. Черт побери, мне никогда не становилось плохо так быстро. Как правило, болезнь подкрадывалась ко мне медленно, постепенно притупляя мои чувства, давая мне время выбраться из этого ада и спрятать мою единственную физическую слабость.

— Мерсер, с тобой все в порядке? — похлопал меня по руке Фредерик. Мои глаза встретились с его, но я был вынужден щуриться из-за боли, чтобы сфокусировать свой взгляд на нем.

Я не могу этого сделать.

Единственным способом прекратить это была темная комната, и божественные пальцы Тесс массирующие прочь эту агонию.

Тесс.

Все, что я хотел, — это быть рядом с ней. Я нуждался в ней. Она поможет вылечить меня от этого, так же как исцелила меня от всего остального.

Зверь внутри хныкал, соглашаясь, что в этих обстоятельствах он не хотел бы причинить ей боль. Он хотел, чтобы она была нежной и заботилась обо мне.

Мотнув головой, я подавил подступающую тошноту и встал. Заставляя себя держаться и полностью контролировать ситуацию, я сказал:

— Тут вроде все под контролем. Извините, но у меня есть другие дела.

Фредерик нахмурился, но кивнул.

— Без проблем. Я буду держать тебя в курсе того, какое решение

мы примем о Гонконге и Лондоне.

Я одобрительно кивнул, что вызвало новый приступ. Я ненавидел, когда мне становилось так плохо. Ненавидел себя за слабость.

Держа губы плотно сжатыми, на всякий случай, если мой утренний кофе решит оказаться снаружи, твердыми шагами вышел из комнаты.

В ту секунду, когда дверь за мной закрылась, я прислонился к стене и сделал глубокий вдох. Возникло такое ощущение, как будто кислород больше не существовал внутри этого проклятого здания. Я стал возиться с воротником, пытаюсь расстегнуть верхнюю пуговицу.

Дверь открылась, и я повернулся, корчась от боли, чтобы встретиться лицом к лицу с тем, кто вышел.

Фредерик смотрел на меня с беспокойством.

— Опять? Уже который раз за месяц, мужик. Ты обещал пойти к врачу.

У меня не было сил, чтобы сказать ему, что я уже ходил к врачу. А для меня признать, что у меня проблема, было чертовски сложно. Но по бумагам со мной все было в порядке.

Головные боли, по-видимому, были связаны со стрессом.

Затуманенный болезнью, я пробормотал что-то бессвязное и направился в марафонское путешествие — возвращение в свой личный кабинет.

«Не думай. Просто доберись до Тесс».

Фредерик проводил меня до лифта, и я вытащил удостоверение личности, чтобы активировать свой собственный лифт. Это был единственный лифт, который поднимался на крышу. Я не хотел, чтобы кто-то забирался туда без моего разрешения.

Жужжание прибывающей машины прекратилось, и металлические двери распахнулись. Фредерик вскинул руку, преграждая мне путь.

Раскаленные огненные осколки врезались в мой мозг, мешая различать цвета, как будто все было серым.

— Уйди с дороги, Ру.

Он убрал руку и позволил мне войти, но запрыгнул за мной. Он посмотрел на меня, ткнув мне пальцем в висок.

Я поморщился и замахнулся на него, но моя координация оставляла желать лучшего; я ударил вместо него в зеркальную стену.

— Да, мужик, у тебя приступ. Нехорошо.

Агония вспыхнула в костяшках пальцев, и я зарычал, потирая

ушибленную руку.

— Спасибо за полезное наблюдение. И что, ты собираешься оштрафовать меня за это?

Он улыбнулся.

— Не-а. Это за счет заведения. — Он нажал верхнюю кнопку, и мы ехали молча, пока он не сказал: — Не пытайся просить меня, чтобы я отвалил. Я останусь до тех пор, пока ты не примешь обезболивающие, и пока твоя женщина не положит тебя на диван отдыхать.

Я не хотел спорить с ним. Это звучало чертовски правильно. Но я ненавидел, когда мне говорили, что делать. В последний раз я повиновался, когда мне было восемь лет, и позволил отцу убить раба за то, что тот сбежал, чтобы найти пищу для своих голодающих товарищей.

Твою мать. Я больше никогда не буду подчиняться чьим-либо приказам.

Фредерик украдкой смотрел на меня, но я игнорировал его, сосредоточив внимание и сжав кулаки так сильно, что мои пальцы рисковали быть сломанными. Вероятность перелома предотвращала боль, которая пожирала меня.

Я отступил немного и наступил на лужицу. Я понял, что мой мозг сыграл со мной злую шутку, поэтому не воспринял этого всерьез, но потом замер. Я чувствовал запах.

Иней.

Орхидеи.

Тесс.

По телу пробежала дрожь. Почему, черт возьми, она была в лифте? И без меня? Она бы не смогла выбраться без моего ключа.

Фредерик поднял бровь, заметив мои дрожащие мышцы.

— Что, черт возьми, происходит, Кью? — Он шагнул вперед, но тоже поскользнулся.

Глядя на пол, он пошарил рукой, чтобы ухватиться за поручень во избежание падения на пол.

— Хмм. Это странно. Здесь не может быть протечки.

Инстинкт пытался подсказать мне что-то, что я должен был заметить, как только вошел в лифт.

Зверь внутри завывал. Случилось что-то серьезное, чертовски серьезное.

Что-то витало в воздухе. Я стукнул себя по голове, пытаюсь привести мозг хоть в какое-то подобие порядка. Мигрень, вертящаяся вокруг моих нейронов, делала меня тупым, как кусок бетона.

Я глубоко вдохнул, пытаюсь успокоить сумасшедший пульс. Запах Тесс витал в моей пульсирующей голове, заставляя сердце стучать сильнее, а член — подергиваться.

И тогда меня осенило.

Казалось, что по всему телу впиваются ножи, сдирая кожу с меня живьем. Мир со скрежетом перестал вращаться.

— Дерьмо.

«Тесс!»

— Что? Что случилось? — спросил Фредерик, оглядывая лифт, ища какую-нибудь невидимую опасность.

Приступ паники послал мигрень прочь, когда она метнулась вниз по позвоночнику. За ней следовала огненная ярость, наполняя меня, как пушку. Они посмели прикоснуться к ней! Тело напряглось, как перед броском, ему хотелось хищной хваткой разорвать всех, кто прикоснулся к моей женщине.

Я снова принялся, вбирая в легкие ужасный запах сигарет и смазки.

Запах тела и пота.

Мужчины.

Какое-то зловещее чувство крутилось в животе, приманивая видение каждого ублюдка из тех, с которыми я имел дело в работоторговле. Я не понимал, как учуял запах, но я знал.

Что-то нехорошее случилось в этом лифте. С Тесс.

Мне нужно было выбраться из этого металлического ящика, который двигался слишком медленно. Мне нужно было штурмовать здание, как Кинг-Конг и размазать каждого мудака по стенке.

Рыча, я ударил зеркальную стену лифта так сильно, что она разбилась. Треснувшее от моего кулака стекло, раскалывалось на мелкие кусочки и со звоном сыпалось на пол.

— Мерсер, чт...

Двери лифта открылись, и я рванул наружу.

Я ударился плечом о металлическую дверь и, глотая воздух, споткнулся и упал на колено. Солнце пронзало, словно кинжалом, выстреливая, как гребаная базука в голову своей яркостью. Все казалось

совершенно белым, я пытался остаться в сознании.

Стиснув зубы, я заставил тело слушаться и наполовину проковылял, наполовину пробежал минное поле из солнечного света. Птицы взвились, возмущенные моим вмешательством.

Я ворвался в свой кабинет, пока мое сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Мерсер! Скажи мне, что, черт возьми, происходит! Ты меня до смерти напугал. — Фредерик погнался за мной. Я не стал тратить дыхание на ответ. Я не мог позволить себе этого, так как становился слабее с каждой секундой.

Я должен был знать, что Тесс была здесь. В безопасности. Под защитой.

Это все в моей голове. Это ужасный сон наяву. Мой мозг играет со мной злую шутку. Это нереально.

Но зловоние было и здесь, ковер был мокрым от больших луж. Черт.

В кабинете больше не было спокойно, все было испорчено. Хрупкая и напряженная аура, что-то таилось под ней: что-то черное и адски холодное — зло и гниль.

Мигрень пульсировала внутри черепа, сжимая мои мысли в нескончаемый водоворот. Я почувствовал смерть и несчастье. Силы и чистоты Тесс нигде не было. Какая-то пустота.

«Не будь такой гребаной истеричкой».

Я подавил страх. Запах сигарет пронизывал воздух гостиной, ведя меня по коридору к спальне.

Я последовал за этой вонью, но вернулся, чтобы вынуть НК Р2000 из серванта. Фредерик ворвался в кабинет, оглядываясь вокруг как сумасшедший. Учитывая, что он должен был быть более спокойным из нас двоих, он выглядел нервным и готовым убивать.

— Может, я возьму его? — Он посмотрел на пистолет в моей нетвердой руке. Зрение подводило. Сначала все было цветным, но через мгновение — черно-белым. В его словах был смысл, мое зрение ни к черту. Мое дерьмовое зрение. Я отвечал за безопасность Тесс, и я хотел бы использовать этот долбанный пистолет.

Не обращая внимания на Фредерика, я пригнулся и начал бесшумно двигаться по коридору. Я никогда не был так благодарен за то, что мог бесшумно передвигаться.

Стремление убить подонков, которые посмели вломиться в мое личное пространство и взять то, что было моим, пожирало меня. Зверь внутри ревел и бушевал, был готов к ядерной атаке ярости.

Широким жестом я повернул ручку, держа палец на спусковом крючке, и вошел в спальню.

Ничего.

Кровать была нетронутой, комната в идеальном порядке, как я и оставил ее.

Фредерик вошел следом на согнутых ногах, держась поближе ко мне, готовый атаковать в любой момент. Если бы мне понадобился кто-то для защиты за спиной, это был бы он. Он был похож на слабака, но боролся лучше всех.

Фредерик был моим напарником, моим доверенным лицом и союзником, но у него не было такой же черноты в его душе или размытых линий, отделяющих правильное от неправильного.

— Тесс, où es tu (прим.перев.фр. Где ты)? — я шепотом зарычал, врываясь в гардеробную.

Одна пустая вешалка лежала на полу.

Мое сердце вырывалось через ребра; я не мог видеть от боли в голове, полностью ослеп на секунду.

Я схватился за полку, где стояли ботинки, пытаюсь устоять на ногах и привести сердцебиение в порядок.

Фредерик не сказал ни слова, пока я моргал и приходил в себя, пытаюсь вернуть зрение.

Наконец, четкое видение вернулось, и я жестом показал, чтобы он прикрыл меня при входе в ванную.

На ковре впереди, как зловещая тропа, виднелись капельки воды, окрашивая бежевый ковер в более темный коричневый цвет. Сначала они были мелкими брызгами и становились все больше и, наконец, заливали ковер за дверью ванной.

Сглатывая тошноту, я подтолкнул дверь носком ботинка, открывая ее и размахивая пистолетом во все стороны.

Как только я понял, что в комнате чисто, в сознание ворвались картинки из моих худших ночных кошмаров.

— Кью, не двигайся. Я вызову полицию.

Я стоял в луже, глядя на ванну полную воды, без Тесс. Вешалка для полотенец свисал со стены, и утренняя одежда Тесс была на стуле.

Мигрень развилась до невероятных размеров. Я словно наткнулся на стену, стряхивая черноту, падая в беспамятство. Я не позволю слабости затуманить мой разум.

Одернув себя, мне удалось преодолеть ступор, двинуться вперед и опустить пальцы в воду.

Теплая.

Тесс приняла ванну, как я сказал ей, и пока я сидел на встрече, с ней случился этот кошмар.

Я встретился потухшим взглядом с Фредериком.

— Как они попали сюда, Ру? Что случилось с чертовыми камерами безопасности и охранниками? — Сердце тяжело билось, оказывая большее давление на череп.

Я покачнулся, но удержался, прежде чем Фредерик бросился на помощь. Я не хотел его помощи. Я не был инвалидом! Я был идиотом, думая, что Тесс в безопасности.

Как, черт возьми, эти ублюдки нашли меня? Как им удалось увести Тесс прямо из-под моего носа!

Я прислонился к стене, мигрень захватила контроль надо мной. В отражении на глянцевых плитках был человек с демонами, которые рыча гнались за ним по пятам, и мир, взрывающийся вокруг него.

— Я не знаю. Но выясню. Мы вернем ее назад, мужик, — тихо сказал Фредерик. Он вышел из ванной, оставив меня наедине с ужасными видениями: Тесс избивают, насилуют и продают. Сломлена и уничтожена. Потеряна.

Я не мог позволить этому случиться. Игнорируя тот факт, что едва мог видеть, я рванул из ванной комнаты и столкнулся с Фредериком, который наклонился, чтобы поднять листок бумаги с пола.

Я выхватил его, пытаясь прочитать каракули, но буквы превратились в насекомых, ползающих по странице и разбегающихся прочь от понимания.

— Кью, тебе действительно нужно прилечь. Если продолжать в том же духе, у тебя будет удар.

Я зарычал:

— Не говори мне, чтобы я успокоился. Женщина, которая должна была быть под моей защитой, похищена. Женщина, которая столько пережила, была вырвана из этих гребаных рук, и я подвел ее! Так что не говори мне успокоиться, пока я не найду ее и заставлю сволочей

заплатить.

Сунув записку обратно под нос, я потребовал:

— Прочти.

Фредерик взял бумагу, сглотнув с трудом.

«Сделка отменяется, Мерсер».

Мое сердце сжалось, и комната вокруг стала сжиматься, придавливая меня.

Что-то внутри вырвалось наружу, разрывая каждый прут, каждый замок которым было заковано. За последние несколько дней я отчаянно пытался укротить себя. Вбивал себе в голову, что стану лучшим человеком для Тесс, но эти три слова стряхнули фальшь, что я никогда не буду таким. Я зарычал и приветствовал буйный помешанный нрав.

Зверь был свободен, и я тяжело дышал. Вот, кем я был. Человек, который жаждал крови. Человек, который смеялся, когда ломал кости, и не дрогнул, стреляя в насильника.

Фредерик продолжил. Я не хотел слышать больше.

«Я забрал то, что было моим, и продал за лучшую цену.

Пошел на хер».

Джеральд Дуболазов.

Джеральд? На момент слабости от мигрени, я не мог вспомнить, что за шишка он был.

Фредерик разгладил помятую бумагу, бормоча:

— Печать Красного Росомахи.

Я развернулся и ударил в стену так сильно, что кулак прошел через гипсокартон. Я хотел, чтобы это была чья-нибудь голова.

Этот гребаный русский ублюдок. Дуболазов. Человек, который практически владел всей России. Президент России думал, что он управлял, мафиози думали, что они держат все под контролем, но они все были в кармане одного человека: Джеральда Дуболазова, короля всего грязного и мерзкого.

Merde!

Вернувшись обратно в ванную, я стал искать улики. Все, что могло бы пролить свет на то, как они нашли Тесс, и где напали на ее. Времени забрать ее обратно было ужасающе мало.

Светлые пряди устилали пол, и я сжал челюсти. Одна только мысль о том, что кто-то делает больно Тесс, заставляла меня видеть литры крови и акры гребаной бойни.

В голове возник звук огромных, зловещих часов. Тик-так, отсчитывая секунды, отмечая моменты жизни Тесс в подвешенном состоянии. Я должен был найти ее, прежде чем стало слишком поздно.

Что-то хрустнуло под моим ботинком, и я наклонился посмотреть. В тот момент, когда я взглянул на это, моя мигрень из мучительной усилилась до убийственной.

Я повалился на бок, и тут появился Фредерик, сказав мне через плечо:

— Твою мать, это не хорошо.

Я был полностью с ним согласен.

Доказательство того, что случилось с Тесс, разъярило зверя, который царапался в моей голове. Я забыл обо всем, кроме необходимости погрузить свои руки глубоко в грудь похитителей и вырвать их гребаные сердца.

«Я хочу крови. Хочу видеть трупы. Я хочу танцевать на их безымянных могилах. Я не успокоюсь, пока каждый человек, вовлеченный в это похищение, не умрет медленной и мучительной смертью».

Моя рука сжалась вокруг объекта моего гнева, и я дал клятву. Я найду Тесс, спасу ее и убью каждого последнего сукина сына, похитившего ее.

Прозвучал звон разбитого стекла, смешиваясь с моим суровым дыханием. Разбитый шприц порезал мою ладонь, и одинокая капля крови приземлилась в лужу воды.

Шприц, который накачал наркотиками Тесс и украл ее у меня.

Моя эсклава, сильная и жестокая и дико сексуальная, была похищена.

Я больше не был ее клеткой.

Ею стали они.

Глава 8

Не оказывай мне милости, не делай поблажек, мне нужно, чтобы

ты затянул петлю.

Тесс

— Это я приказал им привести тебя, эсклава.

— Ты и вправду думала, что я могу тебя хотеть?

— Мне мало тебя. Я обманывал себя, но пришло время покончить с этим. В этот раз ты попадешь к владельцу, который хочет тебя.

Слезы лились по моим щекам, когда я забилась на полу в ногах у Кью. Он стоял гордый и царственный, полностью закрытый и был похож на робота. Ни заботы, ни чувств, ни любви или желания в его глазах.

Только чистое, расчетливое равнодушие.

— Ты не хочешь этого. Только не ты. Я знаю тебя, Кью. Я знаю тебя... — Я судорожно глотала воздух, рыдая от его отрешенности.

— Все кончено. Ты мертва для меня. — Он развернулся и направился к двери, оглядываясь, глумливо сказал на прощание: — Не позволяй росахам разорвать тебя живьем.

Дверь захлопнулась, и я осталась в окружении сухих веток и грязи лицом к лицу с тремя расхаживающими вокруг, голодными росахами. Наполовину волки, наполовину барсуки, дьявольские отродья истекали слюной и шагали взад-вперед, их желтые глаза светились от мысли о легкой добыче.

— Кью! — закричала я, карабкаясь назад. Росахи достигли размеров динозавра, у всех был выбит штрих-код на лохматой груди. Они рычали, и кровь сочилась изо рта, текла красной рекой, окружая мои ноги.

Я в аду. Я умерла, и это мое наказание.

— Прекрати кричать, путана. Черт возьми, я пытаюсь уснуть. — Что-то острое врезалось мне в бедро, и я с трудом открыла тяжелые глаза.

Я попыталась сесть, но мое тело больше не принадлежало мне. Оно принадлежало химическим веществам, блокирующим мои мозговые волны. Сладостный туман украл сознание, вызывая кошмары полные ужаса.

Бросив попытки привести конечности в рабочее состояние, я легла

на спину. Зрение стало тусклым, и потрескавшийся заплесневелый потолок надо мной зиял широкой дырой и как будто говорил что-то в замедленной съемке.

Кто-то ткнул меня в щеку, но я не могла ничего сделать. Он засмеялся.

— Черт, да она под кайфом.

Этот голос налил мое сердце свинцом, я боролась с собой, чтобы отстраниться, чтобы оказаться как можно дальше, но каждая часть моего тела была под тяжестью того, что мне вкололи.

Жар, холод, онемение, чувствительность. Я больше ничего не могла различить.

Пальцы приземлились на мое бедро, крепко сжимая.

— Ничего, ничего. Ты скоро к этому привыкнешь. Это гребаная поездка, в которой ты позволяешь наркотикам взять верх. — Надо мной маячил Кожаный Жилет, облизывая мерзкие губы. — Подожди. Я сделаю тебе действительно хорошо. — Он наклонился и провел своим отвратительным языком по моей шее.

Меня затрясло от абсурдности ситуации. Не в силах превозмочь этот мутный кошмар, из глаз брызнули слезы. Они катились каскадом вниз по щекам, заполняя уши соленой жидкостью. Я хотела сказать ему, чтобы он оставил меня в покое, но мой язык был нем.

— Проклятье, Игнасио. Тебе приказали не прикасаться к ней, пока мы не приедем.

Кожаный Жилет попятился, вытирая рот с насмешкой.

— Я не трогал ее. — Он подмигнул мне. — Я лизнул ее. И я трахну ее, до того, как закончится эта неделя.

Мое сердце умерло и сгнило в груди. Вот и все. Моя жизнь была закончена. Я больше никогда не увижу Кью. Никогда не буду свободна. Мой разум был скован наркотиками; тело станет игрушкой до тех пор, пока я не умру от какой-нибудь ужасной болезни.

— Дерьмо, проверь ее шею. Я забыл отключить его, — сказал Рванный Шрам.

Кожаный Жилет перешел на ругательный испанский, разглагольствуя и наезжая на него.

Я перестала слушать его, желая, чтобы мои другие чувства, как слух и зрение, тоже покинули меня. Жить как слепой, глухонемой было бы лучшим выходом, чем пережить тот момент, когда Кожаный Жилет,

наконец, меня изнасилует.

На ум пришло другое похищение — когда я принадлежала Кью. Он медленно обернул мое зрение, слух и чувства против меня, но он сделал это таким образом, как я принимала, хотела этого.

Я пыталась нарисовать в воображении Кью, чтобы найти хоть какое-то успокоение, даже когда слезы полились из глаз.

Грубые пальцы вывернули шею в сторону и махнули над горлом той же iPhone-подобной штуковиной, которой меня поместили в первый раз, вызывая пронзительный визг.

Я снова попыталась уклониться, чтобы увильнуть от его захвата, но ничего не получилось. Каждая команда попадала на затуманенные рецепторы, превращая меня в овощ.

— Готово. Если они задумали преследовать ее, отслеживая номер, который мы предоставили, у них ничего не получится.

Первый луч жизни вселился в мое тело при мысли о том, что Кью ищет меня. Он не успокоится, пока не найдет. Я чувствовала это всей душой. У Кью были недостатки, но спасение тех, кто нуждался в нем, не было одним из них.

«Пожалуйста, найди меня. Пока не поздно».

— Дерьмо, чувак, они могли отслеживать нас в течение последних двух дней. — Жилет посмотрел на Шрама. — Это было твоим гребаным заданием: убедиться, что об этом позаботились. Росомаха будет взбешен, если мы облажаемся. Ты слышал, что он сказал боссу. — Он стукнул его в ухо, и что-то с грохотом упало на пол. — Ты некомпетентный маленький червяк; я покажу тебе, как убедиться в том, что ублюдок не выследит ее.

Щелкнуло открывающееся лезвие ножа, сея панику и разгоняя туман от наркотиков. Я напряглась, когда Кожаный Жилет сел рядом со мной и схватил меня за горло. Он приложил кончик ножа к моей коже. Его черные глаза буравили мои.

— Я прирежу тебя, сука.

Я захныкала — это было лучшее, что я могла сделать. Чтобы закричать необходимы были мышцы, которые больше не были под моим контролем.

— Что за херня? Не смей, идиот. — Рванный Шрам схватил нож и вырвал его из рук Кожаного Жилета, прежде чем тот мог меня заколоть. — Я уже деактивировал его! Он должен оставаться внутри, чтобы мы

могли перезагрузить его, когда она снова будет продана, — ругнулся Шрам, закатив глаза. — Чертов придурок.

Кожаный Жилет с ревом выпрямился и ткнул Шрама в грудь.

— Как ты меня назвал?

Мое сердце билось быстрее, когда эти два психованных похитителя боролись и сыпали проклятиями. Если они не могли работать вместе, не убивая друг друга, для меня не оставалось никакой надежды.

Я закрыла глаза, не обращая внимания на бушующую перепалку. Наморщив лоб, я попыталась заставить пальцы двигаться, пытаюсь превозмочь все, чем они меня накачали.

Ничего не произошло. Странное ощущение того, что я отделяюсь от своего тела, вызвало большую панику.

Мне нужно было осмотреться вокруг, чтобы выяснить, где я нахожусь. Мне нужно было знать все, что Жилет и Шрам говорили, чтобы можно было найти возможность бежать. Но все, что я могла сделать, — это плыть по морю болезненности, глядя на трескающийся, говорящий потолок.

Я слаба. Я в ужасе.

От одной мысли о том, что произойдет, меня затошнило.

Кожаный Жилет появился в моем видении снова, улыбаясь отвратительными зубами и сверкая рябой кожей.

— Осталось ждать недолго. Я организовал специальную приветственную домашнюю вечеринку только для тебя.

Видение образов насильников и убийц наполнило меня ужасом.

«О боже, я не хочу пережить это».

Я мысленно ударила себя от такой мысли. Я сильнее этого. В конце концов, я достаточно сильна, чтобы сопротивляться. Мое тело предавало меня, и разум был как в тумане, но я должна была оставаться сосредоточенной и готовой к побегу. Бежать к Кью и наблюдать, как он будет разбирать этих ублюдков по конечностям. Моя рука сжалась в кулак по собственной воле, и вспышка гордости наполнила меня. Я пересилила наркотики.

Кожаный Жилет нахмурился, его глаза смотрели на мою руку.

— Ну, это просто чертовски раздражает. — Он повернулся к Шраму, протягивая руку. — Она приходит в себя. Дай ей еще одну дозу.

Шрам медленно подошел ближе. Каждой клеткой тела я заставляла себя двигаться. Встать и набить их мерзкие морды. Но, как

оказалось, сжать кулак было высшей степенью моего прогресса.

Шрам вытащил шприц, но остановился.

— Я не знаю. Если мы дадим ей слишком много, она окажется в коме и не проснется.

Сердце забилося чаще, голова стала более ясной.

«Мне нужно больше времени!»

Кожаный Жилет зарычал, выхватывая из рук напарника шприц. Он открыл его сердитым жестом и воткнул иглу глубоко в мою руку.

Резкий укол изверг крик из моих легких, и моя последняя мысль была о Кью, в тот же момент я попала в ад.

— *Я сказал тебе, что не хочу тебя. Прекрати борьбу с неизбежным, эсклава, и пусть эти люди перепродают тебя.*

Я ненавидела его ледяную отчужденность, уверенность в его тоне.

— *Но я не понимаю. Ты хотел меня. Я твоя.*

— *Я хотел тебя какое-то время, а теперь нет. Прощай, Тесс. — Его силуэт стал блекнуть, превращаясь из четкого в дымку, и улетучился, а я падала и падала, и падала.*

Я плакала и просила, но Кью не вернулся за мной.

А потом темнота поглотила меня целиком.

Истекающие слюной, желтоглазые росوماхи ждали меня каждый раз, когда я падала в беспамятство.

Я потерял счет тому, сколько раз просыпалась и снова быстро сдавалась. Постоянная борьба шла во мне: то пытаюсь держать меня в сознании, то пытаюсь вырубить меня.

Но каждый раз, когда я падала в темноту, росوماхи были там. Калеча, вгрызаясь в руки и ноги, они обескровили меня, превращая в кусок кожи.

Отдаленные голоса приходили и уходили, были слышны лишь прерывающиеся разговоры. Звуки двигателей и кошмарного транспорта, увозившего меня все дальше и дальше от Кью.

Кью появился, когда я была обездвижена.

— *Я приду за тобой, эсклава. Продолжай бороться. Жди меня.*

Надежда искрилась во мне, пробуждая, давая мне силы держаться.

— Значит, тебе не все равно.

Он наклонился ко мне, его глаза были полны боли и чувства вины.

— Конечно, мне не все равно. Ты — моя сила притяжения. Я найду тебя. Я иду за тобой. — Голос Кью отдавался эхом в моем теле, согревая меня, отогревая от глубокого холода, пробиравшего до костей.

Образ его дома, оранжереи со всеми его птицами, заполнила мой разум, предоставив мне отсрочку от ужаса на очень короткое время.

Позже сон обхватил меня своими острыми когтями, увлекая обратно к росахам.

В следующий раз, когда проснулась, я могла двигать руками. Густое облако черноты рассеялось, позволяя маленьким лучам проникать сквозь тьму.

Сила и воля к жизни, кроткие и робкие, возвращались медленно и тихо. Я не хотела, чтобы кто-нибудь знал, что я больше не живу в подвешенном состоянии.

Я задержала дыхание на целую вечность, убеждаясь, что одна. Каждый раз, когда я открывала глаза, Кожаный Жилет или неизвестный торговец людьми протыкали кожу и заглушали наркотиками мое временное пробуждение.

Взгляд был нетвердым, пытаюсь сосредоточиться на комнате вокруг меня. Я не могла ничего различить, а сумбурные мысли отвлекали.

Какими бы стены были на вкус, как если бы я лизнула их?

Какой звук издал бы пол, если бы по нему попрыгал слон?

Я закрыла глаза, пытаюсь контролировать мой расшатанный мозг. Я ненавидела наркотики и никогда в жизни не использовала никаких веществ. Никогда не баловалась марихуаной или чем-то потяжелее. Теперь я поняла, почему. Контроль: наркотики заставляли терять контроль, обеспечивая ночные кошмары и галлюцинации. Они отупляли меня, крадя время и способность мыслить.

Мой разум обратился против меня, унося обратно в ад, заставляя

меня забыть, как бороться, как беспокоиться. Он превращал Кью в монстра. Сначала он заботился обо мне, но в следующий миг оставлял меня в берлоге, клацающих зубами росамах.

«Он пришел за мной, когда я была изнасилована. Он придет снова».

Я не была идиоткой. Конечно, Кью будет пытаться. Но он потерпит неудачу.

Без возможности отслеживать меня, он быстро потеряет след. Нужно отдать должное Кожаному Жилету. У меня никогда не было столько перелетов, как в последние несколько дней.

Я понятия не имела, как долго мы путешествовали. Время перестало иметь значение. Я смутно помнила, как меня переносили, как жужжали двигатели, визжали шины. Я спала в подвалах и подземельях, просыпалась дрожащей и сошедшей с ума.

Оголодавшая, обезвоженная, это было всего лишь вопросом времени, когда мое тело сдастся. На самом деле, это был пятый раз, когда они укололи меня, и меня стошнило.

Лекарства не могли скрыть мучительную дрожь, когда лихорадка обернула свое одеяло вокруг меня. Они также не могли избавить меня от сумасшедших видений, которые теперь изводили меня, когда я была в сознании.

Меня била дрожь и все болело, я молилась о возможности обратиться к врачу.

Мой мозг был сплюснен внутри черепа, полного цемента и тумана, во рту пересохло хуже, чем в пустыне, а сердце стучало тяжело и беспорядочно.

За спиной слышался шум, я захлопнула глаза.

— Просыпайся, путана. Мы наконец-то дома.

Кожаный Жилет схватил меня за руку и стянул вниз. Мое тело, бесполезное после нескольких дней неподвижного лежания, соскользнуло с возвышения и распласталось у его ног.

Я прикусила язык при ударе и поморщилась, когда кровь стала стекать в горло. Муки голода разрывали мой желудок, громко рыча. Дрожь от голода распространялась по всем конечностям, присоединяясь к ознобу от лихорадки.

Язык перестал кровоточить, но боль поднималась во мне, и я жаждала еще теплого металлического привкуса во рту. Это было первое, что я проглотила за последние несколько дней, и казалось

довольно вкусным для моего погибающего тела. Кровь напомнила мне о Кью. Я тосковала по нему. Он был нужен мне. Очень нужен.

Кожаны Жилет пнул меня ради интереса.

— Тебе это нравится? Не так ли? — Рыча, он снова меня ударил. — Вставай на свои гребаные ноги. Я тебе не такси. Тащи свою жалкую задницу.

Нарушающий покой кашель заставлял звенеть мои ребра, я задыхалась. Огненная боль от его удара излучалась наружу, как бомба.

Я попыталась двинуться, действительно пыталась, но я была бесполезным безжизненным телом.

— Двигайся! — Жилет пнул мою ногу, я вскрикнула.

«О, боже, я не могу двигаться».

Своеобразное спокойствие накрыло меня, расслабляя дрожащие мышцы. Я упала в омут наркотиков и отказалась подчиняться. После тяжелой борьбы в Мексике, после пережитого с Кью и изнасилования, во мне ничего не осталось. Независимо от того, насколько сильно я боролась, или сколько времени я не сдавалась, этого всегда было не достаточно. Так зачем напрягаться?

«И это все, Тесс? Ты так просто сдашься?»

— Эй, сука! — Кожаный Жилет снова ударил меня ногой.

Я застонала, проклиная его, но не сдвинулась с места. Если он убьет меня в порыве гнева, пусть так и будет. Я не пойду добровольно на свою собственную гибель. Я не вынесу этого снова.

— Я сломаю тебе шею, шлюшка, если ты сейчас же не встанешь. — Он посмотрел на меня, поднимая ботинок, готовый исполнить свою угрозу.

— *Вставай, эсклава! Дай мне время, чтобы найти тебя, прежде чем безрассудно проститься со своей жизнью. Твоя жизнь принадлежит мне, и никому другому. — Кью появился в моем лихорадочном воображении, и я застонала.*

Мне не нужно было никаких зажигательных речей от моего расколотого подсознания. Я просто хотела сдаться и лежать.

— *Lève toi (прим.перев. фр. Вставай)!* — Кью наклонился и смахнул спутанные волосы с моих щек. Его лицо исказилось скорбью, потемнело от горя. — *Пожалуйста, Тесс. — Его умоляющий голос вывернул мое сердце, и я двинулась.*

Я двинулась самостоятельно.

Кожаный Жилет захихикал.

— Не нравится мысль о сломанной шее, ты, шлюха. — Он скрестил руки, наблюдая за тем, как я медленно поднялась.

Недостаток пищи разрывал мой живот, от лихорадки стучали зубы, но я переборола все и стояла прямо в первый раз за несколько дней. Действие препаратов ослабло, хотя это не имело значения для моей заплывшей головы.

— *Я сделала это ради тебя, Кью. Не заставляй меня жалеть об этом. Найди меня.*

Качаясь, кашляя, я стояла как можно прямее, но синяки от ударов ногами заставляли горбиться. Гордость за маленькую победу ярко полыхала, вселяя в меня мужество бороться дальше. Я могла бороться против наркотиков и победить.

Кожаный Жилет ухмыльнулся.

— Не так уж и трудно подчиняться, не так ли? — Он вытащил ошейник из кармана и мозолистыми пальцами закрепил его вокруг моей шеи. Его мерзкие пальцы намеренно застегнули пряжку туго. Было трудно глотать.

Я не шевельнула ни одним мускулом и не показала мою ненависть к нему. Я лелеяла свой гнев, как маленькое пламя, уговаривая его вспыхнуть ярче, готовое взорваться.

Я позволила мужчине поверить, что он владел мной. Все во имя самосохранения.

— Хорошая собачка. Настало время встретиться со своим новым хозяином. — Он прикрепил цепь к ошейнику и дернул меня вперед. Я споткнулась, следуя за ним из какого-то большого черного фургона, без отличительных знаков, и вышла на туманный ночной воздух.

Я осмотрелась вокруг, с жадностью запоминая как можно больше деталей.

Плеск воды. Гавань. Яркие огни где-то далеко. Запах рыбы и соли. Теплая погода, как будто тропическая, и мое сердце сжалось от ужаса при мысли, что я, возможно, вернулась в Мексику.

«Даже если и так, Тесс. Не имеет значения, где ты находишься,

*потому что скоро ты все равно покинешь эти места.
Ты выжила и сегодня не признаешь поражения».*

Это было вчера.

Сегодня был совершенно другой день.

Я проснулась от целого океана ледяной воды. Вода пришла из ниоткуда, промолив меня насквозь, из-за чего светлая рубашка Кью облепила мои быстро истощающиеся формы.

Задыхаясь от шока, я села, скатываясь к краю убогой постели. Мои глаза метались вокруг клетки: промозглой, ледяной, воняющей сушеной рыбой.

Трое громил стояли и смотрели, насилуя меня своими мерзкими глазенками.

Болезнь, которой я была заражена, превратилась в полномасштабную атаку прошлой ночью. Кожа горела, горло драло, будто я проглотила кучу мачете, и мои легкие хрипели с каждым вдохом. Я не могла остановиться и кашляла каждые несколько минут, а еще я была голодна. Жутко голодна.

Кожаный Жилет стоял возле своего отряда торговцев, держа пустое ведро.

— Проснулась, сука?

Пытаясь не показать страх, я вытерла лицо от воды и отжала волосы. Могу поклясться, что от кожи шел пар, благодаря моей лихорадке. Я с трудом откашлялась, прижимая руки ко рту в надежде сохранить легкие в своем теле.

После того как мой приступ кашля утих, Жилет пробормотал:

— Время настало. Угадай, к чему это я? — Он бросил ведро в угол, уперев руки в свои бедра. Я не ответила, он стал злорадствовать. — Ответ на этот вопрос прост — гребаное время для приема лекарств.

Он кивнул двум стоящим рядом с ним, и они бросились вперед.

«Нет! Только не снова».

Я закричала, отпрыгивая назад, прижимаясь к холодной стене. Я хотела пробить свой путь сквозь бетон и убежать. О, как же я хотела сбежать.

Четыре большие руки вытащили меня на кровать и прижали к

твердой поверхности.

— Нет! — Кашель вырвался из моего рта, и отдавался дикой головной болью. Желчь поднялась в горле, хоть у меня в желудке нечего было отторгать.

Без запасов еды и изнуренная, я знала, что у меня нет шансов, но я не могла позволить им отключить меня снова без боя.

Я боролась, потому что не могла сделать ничего другого. Я должна была остановить неизбежное, даже если бы оно убило меня.

Мужчины ворчали и вонзали пальцы глубже в мое тело, а Жилет ударил меня по голове, засмеявшись:

— Ты несколько не изменилась. Я должен сказать, что не ожидал увидеть тебя снова, но это доказывает, что желания сбываются. — Его черные глаза блеснули, когда он схватил меня за плечо. — Ты могла бы и сдаться, шлюшка. Я отдам приказы, чтобы тебя сломили. Делали тебе больно. Трахали тебя. Погубили тебя. Унизили тебя до того, чтобы ты превратилась в мешок дерьма, который ежедневно молит о смерти, и затем мы продадим тебя.

В горло застрял ком, хотелось отрезать себе уши. Я не хотела этого слышать. Не хотела верить этому. Я ненавидела себя, потому что понимала, что это правда. Все обещания Кожаного Жилета сбудутся. И не было ничего, что я могла бы сделать, чтобы остановить его.

Он облизнул губы, вытянув другой шприц из кармана.

— Оказывается, у твоего гребаного хозяина враги в высших кругах. Что же он натворил, путана? Кого же он разозлил, тупая шлюха?

—
Je suis à toi, Tess (прим.перев. фр. Я твой, Тесс), — голос Кью шептал в моей голове. Я ухватилась за него, он придавал мне смелости противостоять всему, что меня ждет.

Кью придет за мной.

Кью уже идет за мной.

Один из головорезов рванул мою руку вверх, лишая меня свободы движения.

— Остановитесь! Вам не обязательно накачивать меня наркотиками.

Кожаный Жилет прижался губами к моему уху:

— О, но мы будем. Это же самая веселая часть. — Он отстранился

и постучал по вене, а затем ввел иглу в сгиб моей руки. Резкий укол вверг меня в бездну.

В одно мгновение жар от лихорадки сменился онемением. Моя голова откинулась на плечи, а ужас жидкостью прокладывал свой путь по моему телу, лишая контроля конечностей, холодя душу.

Я теряла себя, оглушенная, слыша себя издалека эхом в отголосках. Препарат лишал возможности мыслить, волноваться, размыл границы добра и зла.

Я беззвучно кричала, тонула в ядовитом смоге, пока, наконец, не вздохнула, полностью мертвая внутри.

Кожаный Жилет хихикнул, произнося слова, которые не имели никакого смысла. Казалось, что его голова набухла до гигантских размеров, и я захихикала.

Он идиот; даже нормально говорить не может.

Видения танцующих букв составили мне компанию. Гласные гарцевали, согласные расхаживали в странных одеждах. С танцевало танго с Т, в то время как К...

К черту К.

Почему я испытывала такую нежность к этой букве? Такой безжизненный знак и все же он вызывал бурные, убедительные эмоции в глубине моего сердца.

Эта буква принадлежала кому-то другому, кому-то достойному, а не пленнице, находящейся под кайфом.

Я разбивалась о твердую стену тошноты, кровь холодела, когда я пыталась все вспомнить.

Я вздрогнула, когда Кожаный Жилет сжал мою грудь и горячо задышал мне в лицо:

— Забудь все, что ты когда-либо знала, сука. Ты думала, что в Мексике было плохо? Она была чертов Диснейленд по сравнению с этой карнавальной поездкой. Ты больше не человек. — Его скользкие руки скрутили мой сосок, боль проходила через дымку, как удар хлыста. — Я буду наслаждаться каждым моментом, пока мы вместе. Ты никогда не будешь знать, что произойдет, никогда не оправившись от этого. Препараты обернут тебя против всего, что ты когда-либо знала. Они разорвут твой мозг галлюцинациями. Я собираюсь трахнуть тебя, красавица, и ты ничего не можешь с этим поделать.

Его рука спустилась ниже с моей груди, оказавшись у меня между

ног, и он сжал ладонь.

— Давай посмотрим, как ты будешь бороться.

Жареный цыпленок.

Запах вкусной пищи разбудил меня от наркотической комы, открывая глаза навстречу миру живых.

С того момента, когда я проснулась, вернулось желание пуститься обратно в туман заполнявший пропасть, в которой я находилась, так как Жилет обещал сделать то, из-за чего мне хотелось перерезать себе вены и выкрасить стены моей красным.

— Привет, девчонка. Как приятно снова видеть тебя.

Человек, который руководил операцией, тот же, кто приказал накачать меня наркотиками и впихнуть в самолет, направлявшийся в Париж, присел на край моей убогой кровати. Его небесно-голубые глаза, такие же как у Брэкса, напомнили мне, как сильно изменилась моя жизнь. Его идеальная одежда и лохматые светлые волосы выглядели так, как будто он только вышел с какого-нибудь австралийского пляжа и нуждался в доске для серфинга под мышкой.

— Давай, позволь мне помочь тебе встать. — Его руки сгребли меня, поднимая на ноги. Я утерла слюни с уголка рта, жизнь неуклюже возвращалась в мое тело.

Мой взгляд упал на блюдо с курицей, овощами и хлебом. Способность думать улетучилась. Мой желудок ревел, как будто его кололи тысячи отчаянно голодных ножей.

Белый Человек усмехнулся, кивая.

— Это для тебя. Если ты сделаешь то, что я говорю.

Дерьмо. Какого черта он хотел? Что еще я могла дать?

— *Эсклава, не сдавайся. Остайся в живых. Ради меня.*

Слезы проступили и сожаление, которое я чувствовала, оттого, что давила на Кью слишком сильно, душило меня. Не нужно было заставлять его кончить в то утро. Я должна была поблагодарить его за каждую долю внимания и справедливого обращения со мной. Зачем ему спасти ту, которая обещала превратить его жизнь в ад и завладеть им?

«Зачем ты оттолкнула его?»

Мой разум больше не мог сосредоточиться, все было вверх ногами, задом наперед.

Внезапно, несмотря на то, как голодна была, я не могла думать о еде. Мое сердце было пусто, мой желудок тоже должен быть пуст.

Белый Человек провел пальцем по тыльной стороне моей ладони.

— Перестань думать. Становится легче, когда наркотики берут верх.

Громкий кашель лишил меня кислорода, разламывая тело. После того как чары рассеялись, я посмотрела на него слезящимися глазами, моля его отпустить меня.

— Пожалуйста. Я буду делать все, что вы хотите.

Он напрягся, и тени появились на его лице.

— Ты не сделала того, что я хотел в первый раз. Я должен сказать, никогда раньше клиент не требовал, чтобы мы забирали обратно купленный товар. Я почти отказался: в конце концов, это уже не мое дело, после произведенного обмена, но у Красного Росомахи была очень твердая позиция.

Я сглотнула, повесив голову. Что я сделал не так, будучи рабыней? Я запала на своего хозяина. Научила его тому, что два человека могут идеально подходить друг другу. Что в этом было такого неправильного?

Белый Человек продолжал:

— Я крепко повязан с клиентами, которые покупают у меня товары. Таким образом, ты можешь себе представить, что я хочу сохранить хорошие отношения с ними. Этот конкретный покупатель послал нас, чтобы мы забрали тебя по довольно непростительной причине.

Он остановился, потирая ногти об брюки.

— Ты хочешь знать, что сделала не так? — Не дожидаясь моего ответа, он продолжил: — Он променял тебя на бизнес операцию. Та бизнес операция встретила с ...трудностями. — Засмеялся он. — Конечно, помогает то, что он заплатил вдвое больше, чем ты стоишь со строгим приказанием уничтожить тебя.

Мои глаза встретились с его, пытаюсь расшифровывать беспорядочные предложения. Наркотики затуманивали сознание, оставляя меня в суровой реальности, где я могла только надеяться, что смерть будет короткой и быстрой.

В конце концов, я спросила:

— Сколько же я стоила? Я выкуплю себя. Ты же бизнесмен,

позволь мне сделать предложение, которое стоило бы твоего времени.

«Кью даст мне деньги. У меня не было в этом сомнений».

Белый Человек стоял, запрокинув голову в хохоте.

— Теперь ты стоишь для меня больше, чем деньги, девочка. Видишь ли, мои запросы просты. — Его глаза сузились, и вся человечность растворилась: я смотрела в душу убийцы. — Ты не подлежишь изменению. И после того, как ты провела немного времени с нами, я знаю, что твоя сила заключается в уме. Тебя не сломить физическим насилием, ключом взлома является кое-что посложнее. Что-то, что я не встречал, но с нетерпением жду увидеть в действии.

Он наклонился, глубоко заглядывая в мои глаза. Его одеколон душил своей приторной, густой вонью. Голубые глаза разрывали меня в кровоточащие клочья.

— Ты будешь работать на меня, делать то, что я говорю, и когда я это говорю. Ты будешь бить других женщин. Делать им так чертовски больно, что их разум разрушится, и ты будешь носить их жизнь на своей душе. Если не сделаешь того, что я скажу, я буду убивать их, чтобы заставить тебя повиноваться. — Он схватил меня за подбородок, его средиземноморский акцент вытачивал слово в яростные осколки. — Ты поняла?

Я поняла. Я поняла, что стану окончательно и бесповоротно изуродованным человеческим существом. Меня будут заставлять унижать женщин, чтобы сохранить им жизнь.

Нет.

Я вырвалась из его железной хватки, свирепо проговаривая:

— Я дам тебе миллион долларов, чтобы освободиться. Да мне телефон, и деньги будут на твоём счету сегодня же.

«А потом Кью вырвет твои кишки и сожжёт тебя живьем, ублюдок».

Он стоял, поглаживая черную рубашку и джинсы.

— Ты борешься до конца. Я это уважаю. Но в следующий раз, когда увижу тебя, если ты будешь огрызаться, то сильно пожалеешь об этом.

Я намеревалась сопротивляться. Я бы заставила их сделать мне больно. Я никогда не возьму на себя ответственность за безумие другой женщины.

— Теперь ты стоишь больше, чем долларовые банкноты, девочка.

Лучше привыкай выполнять приказы.

Он пододвинул тарелку с едой ко мне, прежде чем шагнуть к двери.

— Наслаждайся последним ужином в качестве свободной женщины. С завтрашнего дня ты принадлежишь мне, и у тебя полный рабочий день.

Дверь захлопнулась за ним, резонируя по всей клетке. Лихорадка бушевала в моей крови, что делало меня слабой и напуганной.

Я больше не была товаром. Я была работником.

Глава 9

Я не могу сдерживать его, ты освободила меня. Я не играю роль, монстр — это я...

Кью

— Узнал что-нибудь? — потребовал я, после того как Фредерик повесил трубку.

— Ничего. Он говорит, что в течение нескольких месяцев был отстранен от работы с ними, с тех пор как выиграл бой на ножах и убил одного из охранников Росомахи.

Я смотрел на потолок, изо всех сил пытаюсь совладать с гневом. Ярость кипела в моей крови, не находя покоя. Я хотел обойти земной шар и убить любого, кто встанет на моем пути. Я хотел узнать ответ, черт побери. Хотел получить жертву, связать ее и пытать из нее имена. Но ничего не получалось.

Ничего в течение двух долгих гребаных дней.

Два долгих гребаных дня, в которые я перевернул от и до всю свою записную книжку, и ничего. Я беспокоился, проклинал, умолял, угрожал. Каждого торговца людьми, каждого отдельного человека, от которого я когда-либо принял взятку, и ни один из них ни хрена не знал.

Тесс исчезла. Никто ничего не знал. Никто не заговорит.

— Старайся лучше, Ру. У нас мало времени.

Фредерик нахмурился, постукивая телефоном по руке.

— Я знаю, что ты не успокоишься, пока не найдешь ее, мужик, но ты не спал уже сорок восемь часов. Ты едва пережил мигрень, и у тебя подскочило давление.

Я перестал просматривать какие-то старые документы по транзакциям. Я хотел оторвать его чертову голову за то, что он предположил мне сон. Как будто это было выходом, в то время как Тесс может быть бог знает где, имея дело с хрен знает чем.

— Я не собираюсь тратить ни капли энергии, говоря тебе, чтобы ты

отвалил, Ру, — сердито отмахнулся я. — Иди и помоги Франко. Будь полезен или уйди. У меня есть еще дела.

У меня не было времени ни на что, кроме поисков. Я держался исключительно на жажде мести и необходимости убивать.

Я бы никогда не подпустил людей в это пространство, но теперь мне было насрать на собственную зону комфорта. Все, что меня заботило, — поиски Тесс.

Если это означало, что я должен был снести каждое здание, которое мне принадлежало, то пусть так и будет.

Резко поднявшись, я схватил стопку папок со стола и пошел в спальню.

В течение двух дней я не оставлял свой пост. Комнаты были в беспорядке забросаны бумагами и засыпаны исписанными листками с заметками. У меня была небольшая группа людей в гостиной под контролем Франко. Когда во время просмотра кадров с камер безопасности мы увидели, как двое темноволосых, коротко стриженных мужчин ввели код в лифте, мы поняли, что это были торговцы людьми с деньгами. Пароль мог получить или купить только кто-то с существенным балансом в банке и знанием того, как я работал.

Они вошли, как ни в чем не бывало, и тащили находившуюся в бессознательном состоянии Тесс до подвала, где их ждал еще один соучастник.

Допуск к моему частному лифту имели только два человека: начальник службы уборки и начальник службы безопасности здания. Оба были на допросе прямо сейчас. Я сделал все возможное, чтобы держать мой офис за пределами досягаемости не для того, чтобы кто-то продажный из моих служб подвел меня.

Какая-то сука сдала информацию, я знал, кто мог бы предложить подкуп или подвергнуть пыткам, чтобы получить ключ доступа, но я не смел действовать, пока у меня не было доказательств того, что Тесс была у них. Если я был неправ, вся компания рухнет. Мне было плевать на компанию, но я действительно заботился о женщинах, которые прятались под ее защитой.

— Черт.

Я ударил себя по щекам, пытаюсь остаться бодрым. Было трудно бороться с засасывающей тиной. Оставшаяся мозго-дробильная боль от мигрени лишила меня большего, чем просто способности здраво

мыслить и зрения.

Она украла время.

В течение двенадцати часов, я был бесполезен. Найденный клок вырванных волос Тесс на полу в ванной и шприц были контрольным выстрелом, и я отключился.

Мое тело достигло своего предела, оказывается, я не был непобедим, и если бы не было Фредерика, я бы потерял нить происходящего целиком. Я дрожал от ненависти; с силой тысячи зверей я жаждал омыть руки в крови.

Мне нужно было, чтобы эти ублюдки заплатили; я никогда не успокоюсь, пока не добьюсь этого. Но головная боль делала меня бесполезным инвалидом, приговаривая к долгому и болезненному наказанию.

Я буквально бился об стену. И это меня опустошило.

Фредерик организовал команду, чтобы помочь мне в поисках. Он приказал Франко выделить своих лучших людей, чтобы они были готовы выступить в любой момент. Он делал тысячи звонков, посылал сотни писем, все это время я лежал как мертвый в темноте.

Мое зрение полностью покинуло меня, и я был достаточно разумным, чтобы понимать, что я был помехой, а не помощником. Но было по-прежнему чертовски больно держаться в стороне, концентрируясь на себе, а не на Тесс. Это было неправильно, и я проклинал слабость.

Я подвел Тесс. Я заставил женщину страдать от рук подонков, в то время как сам забился в гребаном углу и пил обезболивающие, как «Тик-Так».

Так было до тех пор, пока Фредерик не подбросил снотворное в горстку кодеина, и я заснул, а мигрень утратила свою власть надо мной.

Но сон не был спокойным; он лишил меня оставшейся части моего здравомыслия.

Видения крови, сломанных костей и Тесс, кричащей беспрерывно о моей помощи, преследовали меня. Ее голос заставлял мое сердце биться снова и снова, словно обвиняя меня в том, что это произошло с ней.

В момент, когда проснулся, я окунулся с головой в поиски ублюдков, которые похитили ее. Но я не переставал использовать свой бесполезный мозг.

Тяжело дыша, я сидел на краю кровати и разложил веером бумаги.

Теперь, когда никто с любопытством не заглядывал мне через плечо, я открыл документы, которые могли дать подсказку к тому, как найти ее.

Записи всех девушек, которых я спас.

Данные по Тесс были в конце, и я открыл папку.

Объект: Блондинка на скутере.

Штрих-код: 302493528752445

Возраст: от 20 до 30

Характер: Злобный и агрессивный.

Сексуальный статус: Не девственница.

Сексуальное здоровье: Болезней нет.

Инструкция по применению: Рекомендуются строгое наказание, чтобы сломать характер. Подтянутое тело пригодно для экстремальных действий.

История: Живых родственников нет.

Мой взгляд упал на номер. Я пытался отслеживать Тесс с помощью устройства, когда отправил ее обратно в Австралию, но это не сработало. Я всегда думал, что она убрала трекер, когда вернулась домой к Брэксу. Я был зол и горд за нее из-за того, что она вырезала его, потому что это означало, что она была в безопасности, даже если я не мог следить за ее местонахождением.

«В любом случае попробуй. Узнаешь наверняка».

Мой разум возвращался, как зажеванная кассета, к тому, как я отпустил Тесс. Эта моя жертва не была добровольной. Я хотел оставить ее себе навсегда, но я не хотел сломить ее. Тесс была моим чудом. Мечта всей жизни, на осуществление которой я и не надеялся. И я все испортил.

Чертов ублюдок. Я не буду сидеть здесь, занимаясь хрен знает чем, пока Красный Росомаха удерживает Тесс. Он оставил свою записку намеренно, чтобы заставить меня охотиться за ним. Если это и была ловушка, мне было все равно. Не было ничего более важного, чем Тесс.

Схватив запасной ноутбук, который держал в тумбочке, я запустил программу, отслеживающую номера, и ввел код. Это была пустая трата времени, но я должен был проверить.

Соединение заняло некоторое время, и я положил руку на крышку, чтобы закрыть ноутбук.

«Видишь, она избавилась от него».

Появилась небольшая карта, а затем масштабирование производилось все быстрее и быстрее, пока не достигло нулевой отметки в одной стране, которую я подозревал и надеялся избежать.

От яростного гнева онемели конечности. Я хотел выть. Месяц она была в Австралии. Целый гребаный месяц, и она не удалила его? Какая дебилка. Идиотка. Ей нравится играть в рулетку со своей жизнью?

Я хотел убить ее за то, что она поступила так глупо. Она дала им идеальный способ найти себя!

Когда я доберусь до нее, боже, я заставлю ее заплатить.

Если бы она стояла передо мной, я бы вырезал трекер сам и дал ей по шее за то, что она поступила так глупо.

По крайней мере, у меня теперь было доказательство.

Теперь невозможно было отрицать — она была у Красного Росомахи.

Я хотел погубить его. Я хотел отобрать его бизнес, деньги, его плоть и кровь. И только тогда, когда у него не осталось бы абсолютно ничего, я бы пытал его, до тех пор, пока он не стал бы молить о смерти.

Вот насколько я ненавижу Джеральда.

Тесс была в России.

— Фредерик, тащи свою задницу сюда!

Шаги пронесли по коридору, по мягкому ковру.

— Что? Что ты нашел?

Я отбросил ноутбук в сторону.

— Я получил подтверждение, что он держит ее в России. Мы вылетаем. — Я прошел мимо него, но он остановил меня.

— Но мы опросили информаторов, которые состоят в его команде. Они сказали, что не видели девчонку похожую по описанию на Тесс. Если мы ворвемся и начнем стрелять, ты пропал, Кью. Остальные твои информаторы последуют за тобой. Подумай трезво, хоть мгновение. Ты уверен, что она у него?

Я оскалился и бросился назад к кровати. Схватив ноутбук с мерцающей красной точкой в Москве, я бросил его к нему в руки.

— Достаточно гребаных доказательств для тебя?

Оставив его волноваться, что моя компания на грани раскрытия и гибели, я спустился в гостиную, чтобы найти Франко.

Я двигался как гребаный вихрь мужской ярости.

Его темно-каштановые волосы свисали на лоб, и недостаток сна делал взгляд его глаз жестокими. Он поднял голову и посмотрел на меня, и тогда я поманил его пальцем, чтобы он подошел ко мне. Когда Франко был подальше от других сотрудников, я пробормотал:

— Вызови девять из своих лучших наемников. Встретимся в аэропорту в течение часа. Мы собираемся на штурм. И меня не волнует, даже если нам придется убить каждого ублюдка до последнего, чтобы найти ее.

Никаких признаков неожиданности или паузы: Франко знал, когда нужно просто выполнять приказы. Его глаза заблестели от удовольствия.

— Да, сэр. Увидимся в аэропорту.

Фредерик со своим старомодным стилем и дружелюбной личностью, был полярной противоположностью мне: он жил размеренной жизнью, женился на милой девушке, жил в презентабельном доме, в то время как Франко, человек, которого я нанял, потому что видел, насколько эффективно он убивал, имел те же хобби что и я, только на более приемлемом уровне. Мы с Франко никогда не говорил о нашем сходстве, но знали о нем. Монстра в других было легко обнаружить. Он мог выглядеть как джентльмен: степенно передвигаться, выразительно изъясняться, но под красивым фасадом скрывался убийца с характером. У Франко не возникало никакого раскаяния от мести тем, кто это заслужил.

И это делало его чертовски совершенным.

Может, я и еду в Москву, в логово Красного Росомахи, но я направляюсь туда с вооруженными людьми, которым я доверяю свою жизнь.

Мой мобильный телефон зазвонил в кармане. Я схватил его одной рукой, кивая Франко идти и выполнять приказы.

— Мерсер. — Я вздрогнул.

Фредерик вернулся в гостиную и подал мне знак большими пальцами вверх. Тяжесть в груди немного ослабла. Его одобрение разгрома репутации «Холдинг Спэроу» означало больше, чем я хотел бы признавать. Кто знал, что мы будем в состоянии спасти из-под завалов, как только все будет кончено.

После того как станет известно, что я принимал женщин в качестве взятки, мои настоящие контакты исчезнут. И когда раскроется то, что я

позволил этим женщинам уйти, и я на тропе войны с подонками, которые продавали их, я стану легкой мишенью.

— Фредерик только что сказал мне, что ты направляешься в Россию. Я должен сообщить тебе, что наша разведка не поддерживает тебя, если что-нибудь пойдет не так. Подумай хорошенько, Квинси. Мы не сможем помочь тебе, если ты выйдешь из-под нашей защиты.

Начальник полиции, тоже доверенное лицо, отчитал меня. Тот же человек, который вдохновил меня и дал увидеть, насколько глубоки были мои эмоции по отношению к Тесс. Тот же самый человек, который сказал мне, что он не будет арестовывать меня, если я решу оставить Тесс на неопределенный срок.

Мне не нравилось, что он использовал на мне двойные стандарты, которых я не заслужил.

Я проглотил ругательства, которые хотел бросить. У него ведь были наилучшие намерения.

— Я не буду делать ничего глупого, Дюбуа.

Он усмехнулся.

— Я не верю этим словам ни на секунду. Но я должен был позвонить и сказать то, что должен. Просто... просто пообещай мне, что не поставишь свою жизнь на кон ради одной женщины.

Мой палец дернулся на кнопке сброса вызова.

— Она больше, чем просто женщина, Дюбуа. — Она — моя жизнь.

Воцарилось молчание до того, как начальник полиции вздохнул.

— В таком случае, у тебя есть наша поддержка. Если и когда газеты получат весть о том, что вы сделали, я постараюсь замять все в меру своих возможностей.

— Merci. — Я повесил трубку, прежде чем он мог изречь какую-нибудь другую ерунду, типо мудрости. Я не нуждался в мудрости в такое время, как это. Мне нужно было полуавтоматическое и ракетница.

Нажав на номер быстрого набора, я позвонил Хансу, который жил в режиме ожидания, чтобы лететь на моем частном самолете G650. Он ответил на первый же звонок.

— Упорядочить план полета в Москву. Вылетаем через шестьдесят минут. Увидимся в ближайшее время. — Я повесил трубку, наблюдая за переполохом в комнате. Скоро это все закончится, и Тесс благополучно вернется со мной. Этот момент казался слишком далеким, чтобы думать об этом. Я не мог себе представить, что снова буду чувствовать себя

человеком, пока не верну ее обратно в мою постель.

Зазвонил телефон. Я ответил на автопилоте.

— Quoi (прим.перев.фр. Что)?

— Хозяин, пожалуйста, сообщите мне какие-нибудь новости. Хотя какие-нибудь новости! Вы уже нашли ее? — приятный голос Сюзетт слышался в телефоне высоким и с нотками паники. Я пожалел, что рассказал ей все вчера. Она застала меня врасплох, жалуясь, что я не дал ей указаний по поводу ужина, и спрашивая, вернемся ли мы с Тесс домой вечером.

Я психанул и сказал ей, что конечно, я не приеду домой в тот вечер или любой другой, не тогда, когда Тесс похищена и в опасности. Но это только создало мне больше чертовых проблем.

— Дайте мне поработать, Сюзетт. Я позвоню тебе, когда она будет у меня.

Послышалось сопение, за которым следовало бескомпромиссное утверждение.

— Найдите ее и заставьте этих ублюдков заплатить. Она принадлежит нам. Найдите ее побыстрее.

Я не мог говорить, в горле стоял ком.

Тесс изменила наши жизни, и мы пропадем, если она не вернется.

Я ничего не мог сказать. Я ничего не хотел говорить. Я лишь поворчал и повесил трубку.

Через полчаса мы подъехали к частному крылу аэропорта. Я потянулся, чтобы открыть дверцу машины, но остановился. Обращаясь к Фредерику, я сказал:

— Ты сделал больше, чем достаточно, Ру. Езжай домой к Анжелике. — Я похлопал его по плечу в знак благодарности. Честно говоря, я не знаю, что делал бы, если бы его не было рядом в тот первый день. Моя мигрень сделала меня недееспособным, в то время как он организовал всемирную погоню.

— Я еду с тобой. Никаких вопросов и возражений. — Он улыбнулся. — Я говорил тебе, что хочу встретить женщину, которая обвела тебя вокруг своего маленького пальчика.

Я покачал головой.

— Я не знаю, что произойдет. Я не жду, что ты отдашь больше, чем уже отдал.

Он кивнул, глядя в окно.

— Я знаю. Но ты мог бы сделать то же самое для меня. Я представляю себя на твоём месте, и это чертовски болезненно, Кью. Я люблю Анжелику, мы были вместе в течение десяти лет, и мысль о том, что вдруг я останусь без нее... приносит мучение.

Я поерзал на месте.

— Вот почему ты должен ехать домой к ней. Я не хочу быть причиной твоего не возвращения.

Он нахмурил лоб, и его решительность заполнила машину.

— Я еду. Заткнись.

Я ничего не мог поделать. Я пытался защитить его, это был не его бой, но я не собирался тратить время и ресурсы, отговаривая его. Я пожал плечами и вышел из машины.

Франко стоял у трапа самолета, усмехаясь.

— Не волнуйтесь. Она была достаточно сильна, чтобы противостоять вам. Она достаточно сильна, чтобы противостоять тому, кто похитил ее.

Гордая улыбка завладела моими подернутыми печалью губами.

— Она самая сильная женщина из всех, которых я знаю.

Воспоминания о том, как я стегал ее, трахал согревали мою кровь. Что бы я ни сделал с ней, она никогда не прогибалась. Я должен был верить, что она останется сильной.

Я кивнул Франко и вошел в плюшевый интерьер самолета. Ближе к хвосту девять человек уже сидели пристегнутые и готовые к поездке — армия клонированной мощи, безжалостности и суровости. Черные костюмы, черные галстуки и белые рубашки — в моем распоряжении был весь набор гребаного Джеймса Бонда.

Когда я сел, одна мысль пришла в голову. Я не боюсь, что она не будет бороться, я волнуюсь, что она будет бороться слишком сильно. Если Красный Росомаха завладел ею, она не долго будет оставаться в целостности и сохранности, особенно если это была месть мне.

Схватившись руками за подлокотники, я чувствовал, как монстр внутри меня обезумел от необходимости убивать.

— Мы найдем ее вовремя, босс — Франко похлопал меня по плечу и направился по проходу к своим коллегам.

Пессимистичная часть меня (или это была реалистичная часть) не была так уверена. Я знал, на что был способен Джеральд. Я спас достаточно рабынь из его лап, чтобы услышать бесчисленные истории о пытках и изнасилованиях.

По коже поползли мурашки при мысли о Тесс в его когтях. Я заставил себя перестать думать об этом. Я поерзал на сиденье, ненавидя бездействие, ненавидя ощущение того, что я не двигаюсь, что не охочусь.

В дверях появился Ханс. Он носил строгий костюм и фуражку с золотыми крыльями, вышитыми спереди. В тот момент, когда увидел его, я потребовал:

— Подними нас в воздух. Я хочу быть в России вчера.

Он кивнул и его ярко-рыжие волосы торчали по бокам фуражки.

— У меня есть разрешение на взлет через пятнадцать минут, сэр. Наш план полета был утвержден. Мы будем там примерно через три с половиной часа.

Три с половиной часа — это слишком долго, но придется дожидаться.

«Тесс, останься в живых. Ты, черт побери, должна остаться в живых, или я поймаю твой призрак и высеку тебя, глупая, за то, что ты оставила меня».

Животное внутри не успокаивалось. Оно хотело скакать по земле, принохиваясь, отслеживая, охотясь на гребаных ублюдков, которые забрали Тесс. Я хотел выпустить их кишки своими когтями и выть на гребаную луну, когда их кровь окрасит мои руки.

Вздохнув, я закрыл глаза и попытался сохранить свой уровень стресса под контролем. Но, как только двигатели зажужжали, и мы понеслись вдоль взлетно-посадочной полосы, внутри все скрутило так туго, как тетиву гребаной заряженной рогатки.

И я останусь таким, пока не найду Тесс.

Мы приземлились, и два черных фургона встретили нас у трапа. Половина армии охранников исчезла в один миг, пока Франко и оставшийся экипаж шли со мной.

Москва была холодной, но не морозной. Снег не украшал

городской пейзаж, лед не покрывал дороги. Но, черт, ветер пронизывал меня через мой костюм как кинжал.

Темноту вечера разбивал свет прожекторов аэропорта и огромной серебряной луны.

Я бывал в России больше раз, чем мог сосчитать, но никогда не задерживался. Что-то в этой стране мне не подходило. И это была не красота или эксцентричность, которую позволяли увидеть туристам.

Нет, я не любил Россию, потому что темные слабости предавались слишком многим грехам, которые я совершил и хотел совершать снова и снова. Я мог контролировать себя, только если соблазн был далеко. И Россия приветствовала коррумпированность с распростертыми объятиями. Я никогда раньше не подвергал психоанализу себя, но я знал, что был наркоманом садизма, и Россия была сладкой возможностью для его осуществления.

Я не был достаточно силен, чтобы выдержать такое место.

Никто не говорил, фургон неся по полупустым улицам. Мы скользили под луной, катились под фонарями и проезжали мимо милых маленьких витрин магазинов. Чем ближе мы подбирались к царству Джеральда Дуболазова, тем больше густела атмосфера в фургоне, пока каждый вдох не имел вкус предвкушения и жажды крови. Мы превратились из бизнесменов в жестоких охотников, и я бы никогда не захотел, чтобы меня укротили снова.

Мы были в пути не для того, чтобы подписать документы и предаваться бессмысленной болтовне. Мы собирались на войну во имя женщины, в которую я влюблен. Женщины, которая была катализатором для разрушения моего бизнеса и утраты моего состояния. Но я бы отдал все это в ту же секунду, если бы мог вернуть ее обратно нетронутой.

Зверь внутри зарычал и рвал дыры в моей душе. Темнота валила с ног, и у меня больше не было сил, чтобы бороться с ней. Я никогда бы не смог подавить его полностью снова. Но мне было все равно.

Мне понравилось признавать эту часть себя. Мне нравилось быть свободным в первый раз в моей жизни.

Даже работая без сна, практически без пищи и воды, я пахал на более высоком уровне. Я был достаточно силен, чтобы найти Тесс, но только при том условии, что я приручу монстра внутри себя.

Последствия скажутся позже.

Фургон качнулся на последнем повороте, шины завизжали.

— Вот здесь, босс? — спросил один из мужчин, подчиненных Франко, замедляясь на повороте в переулок. Рядом с нами возвышался огромный величественный отель. Разработанный в типично русском стиле, он выделялся как рубин, сверкающий в ночи. Красная отделка на подоконниках и штукатурке выглядела так аккуратно, как будто их покрасили только сегодня. Бледно-розовые башенки выглядели как пирожные, замороженные какой-то гребаной феей.

Я гордился этим проектом, но хотел разорвать его на хрен голыми руками, чтобы от него ничего не осталось. И я сделаю это, если Джеральд сделал больно Тесс. Я взорву его с ним внутри.

— Да, — сказал я, глядя в окно, ища зевак.

Никто не прошел мимо переулка, никто не побеспокоил нас.

— Идем, — пробормотал я, крутясь в кресле поворачиваясь к Франко. Он уже был подготовлен, наклонившись вперед, напряжение можно было прощупать в его натянутых мышцах.

В тот момент, когда его глаза встретились с моими, он вложил полуавтоматический пистолет в мою открытую ладонь и защелкнул радио-часы на запястье.

— Частота настроена, все, что нужно сделать, это говорить в них, и команда услышит вас. — Он засунул несколько дополнительных обоев в нагрудный карман моего пиджака и нащупал в черном брезентовом мешке рядом с ним дурацкий острый охотничий нож. — У нас достаточно шансов, чтобы убить большинство сотрудников внутри, так что вы должны быть прикрыты, но держите нож при себе, на всякий случай.

Я взял нож за ручку, проведя пальцем по острому лезвию. Странная дымка окутала меня, вытягивая из фургона, унося в темноту.

Франко знал мое отвращение к ношению ножей в напряженной обстановке. Пистолеты помогали мне оставаться человеком, безличное орудие при отнятии жизни. Но нож? Нож нравился монстру. Мой рот наполнялся слюной при мысли о скользящем лезвии, входящем между ребер врага и прокалывающем его сердце. При мысли находиться близко и самому почувствовать его последнее дыхание, зная, что я украл его. Это заставляло меня чертовски возбуждаться и ввергало мозг в нечто чудовищное.

Искушение было восхитительным, заполняя мой разум с

беспощадной силой. Мои руки тряслись от необходимости заполучить кишки Джеральда Росомахи. Если я приму искушение, то пути назад уже не будет. Я признаю, что Тесс нет, и я жертвую не только своими средствами к существованию и бесчисленным множеством освобожденных рабынь, но и своим здравым смыслом тоже.

Я боролся в течение двадцати восьми долгих лет. Измучил себя, полагая, что мог быть просто человеком без дикости монстра. Если я позволю себе сорваться сейчас, то все кончено.

«У тебя нет выбора. Войди в объятия тьмы, распознай истину».

Стиснув зубы, я засунул нож за пояс. В тот момент, когда он исчез из моих рук, я снова вдохнул нормально.

— Вы знаете, чего я хочу. — Мой голос больше не был похож на человеческий.

Я мог бы также притворяться, что никогда не был таковым. Я был не более чем существом, желающим купаться в крови своего врага. Я никогда так остро не испытывал таких низменных потребностей или нужды наносить удары и калечить.

Франко кивнул.

— Я знаю что делать. Не волнуйтесь, мы прикроем вашу спину и удостоверимся, что пути отхода чисты... — Его глаза метнулись прочь, перед тем как встретиться с моими. — Слушайте, если что-нибудь пойдет не так, есть человек...

Я поднял руку, прерывая его.

— Я не хочу этого знать. Все пойдет как нужно. T'as compris (прим.перев. с фр. Понятно)?

Франко натянуто улыбнулся.

— Конечно, но... — Он захлопнул рот. Избегая смотреть мне в глаза, передал Глок Фредерику вместе с таким же ножом. — Я знаю, что вы, вероятно, не будете ими пользоваться, но лучше быть вооруженным.

Фредерик поморщился.

— Я умудрился поработать с Кью в течение многих лет и держал руки чистыми. Но я не брезглив, если придется.

Франко улыбнулся, но язык его тела меня чертовски взбесил. У него было что-то на уме, и если он не признается, кто знает, не приведет ли это к риску.

Я сощурился.

— Говори, Франко. Что ты, твою мать, хочешь сказать?

Он коротко посмотрел на меня, прежде чем отвести взгляд в сторону.

— Я просто беспокоюсь, что мы идем в здание полное убийц и торговцев наркотиками, и Тесс может там не быть. Какой следующий шаг? — Он понизил голос, чтобы только я услышал его. — Сэр, что если она сбежала... Что делать, если она у других людей?

Изображение Лефевра между ног Тесс всплыло у меня в голове. Неужели я никогда не освобожусь от этого гребаного видения? Ненависть к себе за то, что я причинил Тесс такую сильную боль, что она сбежала в лапы насильника, молотком вогнала меня в землю.

Я сжал пальцы так сильно, что нажал на спусковой крючок пистолета. К счастью для всех в фургоне, он был на предохранителе.

— Они не дадут ей возможности бежать. Она будет там. — Она обязана быть там. В противном случае, я не знаю где, черт возьми, ее искать, и это чертовски пугало меня.

Франко кивнул.

— Правда. Вы знаете, этого членососа лучше, чем я. — Он выпрямился. — Давайте начнем веселье?

Я кивнул и выскользнул, открыв дверь. Франко говорил со своими людьми.

— Группа Альфа со мной. Бета, вы с Дином, а команда «С» с Винсентом. У каждого есть указания. Следуйте им тщательно, если хотите остаться в живых.

Фредерик вылез и стоял рядом со мной, пока клоны Франко высаживались из фургона. Они двигались как легион теней, вооруженные до зубов и умирающие от желания покрыть оружие кровью.

Никто не говорил, Франко взял на себя инициативу. С помощью нескольких знаков пальцами от него, мы сформировали группы. Половина команды растворилась в темноте, как будто они испарились в ночи. Другая половина слилась с штукатуркой богатой архитектуры отеля Росомахи. Отель, акциями которого я владел, для которого организовывал разрешения и согласования. Тот же отель, который дал мне двух рабынь в качестве взятки.

Я гордился, вспоминая имя каждой девушки, связанной в моем сознании со строительством или приобретением, которое позволило мне спасти их.

Софи и Кармен были залогом для этого конкретного здания. Полячка и англичанка, избитые до полусмерти, обе не в состоянии нормально жить с тем, что с ними было сделано.

Знакомая ярость очерняла дошедшую уже до предела черноту крови в моих жилах. Мне было жаль тех, кто был моими врагами, я предвидел кучу смертей после сегодняшнего вечера.

Я хотел провести чугунной грушей для сноса по каждому этажу, пока не разрушу отель в руины. Чертов русский ублюдок.

В течение нескольких миллисекунд, команда Франко распространилась и замаскировалась в ночи, оставляя Фредерика и меня, как будто случайно прогуливающимися остальную часть пути. Небольшой полуавтоматический оттягивал внутренний карман моего пиджака, а нож колол верхнюю часть задницы каждый раз, когда я делал шаг.

Каждое движение ощущалось по-другому: более плавным, изящным. Мое тело больше не принадлежало мне, оно было у зверя внутри меня.

— Попробуй сделать вид, что ты до сих пор человеческое существо, мужик. Ты пугаешь меня, а я знаю, что ты не причинишь мне боли.

Я бросил взгляд на Фредерика, который спрятал Глок в костюме, и пригладил уложенные гелем волосы, чтобы выглядеть презентабельно.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — прорычал я.

— Конечно, ты не понимаешь. Но я говорю тебе, расслабься, попробуй думать о приятных вещах. Твои глаза выглядят дикими.

Слова задерживали нас, а я этого не хотел. Глядя исподлобья, я зашагал вперед и направился к главному входу. На улице стояла пара, сядившаяся в такси, их багаж стоял на тротуаре.

Швейцар коротко кивнул нам, и мы вошли. Моя спина оставалась прямой как стрела благодаря ножу в моих штанах, и мои руки до боли сжимались в кулаки от желания начать крушить все, чтобы найти Тесс.

Она должна быть здесь. Она обязана.

Лобби выглядел как в эпоху Ренессанса. Свитки и сусальное золото — претенциозно и показушно.

Пытаясь действовать обыденно, я нашел глазами консьержа. Я не обратил никакого внимания на приватные ниши или заботливо обустроенные закоулки для посиделок, и я не слушал нежные ноты звуков фортепиано. Я сосредоточился исключительно на человеке,

который будет моей первой жертвой, если не приведет меня к Джеральду.

Я требовательно сказал:

— Я здесь, чтобы увидеть твоего босса. И прежде чем ты спросишь, назначена ли у меня с ним гребаная встреча, то — нет, и мне не нужно ее назначать. Назови ему мое имя. Он захочет увидеть меня.

Пожилой консьерж опустил взгляд, глядя через полумесяцы очков.

— Я знаю кто вы. И он сказал, чтобы вас пустили, когда вы приедете.

Я не проявил ни признака шока. Это было бы слабостью с моей стороны; я не был слаб в тот момент. Я был готов.

— Веди, — повернулся, чтобы идти, я.

Человек протянул мне ключ-карту и указал на лифт, подготовленный для подъема в пентхаус.

— Будьте нашим гостем. Мне сказали, чтобы я не мешал вашей встрече. — Он усмехнулся, и мои пальцы дрогнули от желания ударить его.

Фредерик пришел ему на спасение, дернув меня за руку.

— Отлично. Мы едем вверх. — Он выдернул ключ-карту из моей хватки, таща меня к лифту. — Подожди, пока мы не окажемся за закрытыми дверями, прежде чем сходить с ума, Кью.

Я дернул головой в знак подтверждения и последовал за ним в лифт. Двери начали закрываться, и Франко появился из ниоткуда, запрыгивая рядом с нами.

— Все чисто, насколько мы можем полагать. Я предполагаю, что он укрепил свой пентхаус. Я рекомендую подождать, пока группа Альфа нас догонит.

Им повезло, что я не разнес это гребаное здание голыми руками. Подождать дольше? Ни за что, мать его.

Я не стал отвечать, пока лифт несея вверх. Я полез в нагрудный карман и вытащил пистолет.

Фредерик посмотрел на меня с опаской, но затем последовал моему примеру. Франко вытащил два пистолета из кобуры под пиджаком. Мы кивнули друг другу и стали смотреть на двери, ожидая того момента, когда они будут открываться.

Три щелчка, ознаменовавшие снятие пистолетов с предохранителя, помогли успокоить меня на мгновение.

«Осталось ждать недолго. Держись, Тесс».

Тихий звук прибытия лифта заставил каждую мышцу в моем теле вибрировать от напряженного состояния. Я был собран, вооружен и чертовски готов начать нехилую бойню.

Двери заскользили, открываясь. Мы чуть присели и двинулись вперед.

— Я ожидал тебя двадцать четыре часа назад, Мерсер. Теряешь хватку, — усмехнулся Джеральд в тот момент, когда мы вошли в зал.

Я замер, борясь с желанием выпустить весь магазин пуль в него.

Пентхаус было в пятьсот квадратных футов чистого декаданса. Мало того, что я разработал план всего этажа с двухместными номерами люкс, но еще нанял дизайнера интерьера, который знал ценность хорошего освещения, тонких нюансов тонов стен, а также разработал обои.

Это был прекрасный дворец, запятнанный гребаной помойной крысой, которая жила там.

Джеральд сидел в большом потрепанном кресле, держа в руках кубок с жидкостью. Его протез ноги от старого огнестрельного ранения, любезно организованного недовольным деловым партнером, неловко торчал в сторону.

Розовая кожа головы и тонкие светлые волосы не делали его лицо лучше, а также неприятные шрамы на щеках ничуть не помогали этому. Его нос был красный и большой, определявший его как пьяницу, а большой живот натягивал смешную разноцветную рубашку. От этого он выглядел готовым к могиле человеком с водянистыми глазами, но независимо от его болезненного вида, его контроль над своей империей был легендарным.

— Где она? — огрызнулся я.

Появился его сын. Мое сердце билось с тяжелой ненавистью, и я хотел стрелять в него снова и снова. Он был одет в такой же спортивный костюм, как когда напал на Тесс, только этот был ужасающе желтым. Его золотые зубы выглядели вульгарно, когда он улыбнулся и помахал деревянной тростью в моем направлении в знак приветствия.

— Я так и не получил шанса поблагодарить тебя за прощальный подарок, засранец. Твой пес вышвырнул меня, прежде чем я мог ответить любезностью. — Он указал на Франко. — Ты заплатишь за то,

что вышвырнул меня, когда я, твою мать, был подстрелен. Только поэтому ты справился со мной тогда. Если бы моя нога не была в крови, я бы прикончил тебя в тот же миг.

Франко фыркнул.

— Это звучало не так круто, когда ты обмочился после того, как я ударил тебя. — Он наклонился вперед, сощурившись. — Как насчет того, что я ударю тебя снова, и ты сможешь поплакаться папочке?

Я с трудом сглотнул, чувствуя запах угрозы, витающий в предвестии насилия в комнате.

Мужчина подался вперед, но я не дал Франко шанса выполнить свое обещание. Он заслужил больше, чем чертова пощечина. Мой кулак столкнулся с его челюстью, наполняя хрустом тихую комнату. Пульсация началась в моих костяшках и волнами распространилась по всей руке, но в первый раз за несколько дней я чувствовал, что наконец-то все шло по-моему.

— Окажешься рядом с нами снова, и я не только искалечу тебя, как твоего старика, я подправлю и твои внутренности.

— Хватит! — потребовал Джеральд, бросив кубок в мою голову.

Я увернулся, посягая на его пространство.

— Скажи мне, где она. *Je ne le redemanderais pas* (прим.перев.фр. Я не буду спрашивать дважды).

Джеральд рассмеялся, его большой живот дергался в такт хохоту.

— Какого черта я бы знал? — Веселья в его взгляде сменилось на ненависть в одну секунду. Все его тело, казалось, отяжелело в кресле, когда он посмотрел на меня из-под хмурых бровей. — Ты стрелял в моего единственного сына за то, что он опробовал подарок, который мы тебе преподнесли. Не совсем гостеприимное поведение.

Я до боли сжал челюсти, но не двинулся, не заговорил. Я позволил ему продолжить свою короткую гребаную речь. Чем раньше он закончит, тем быстрее я получу Тесс.

— Я планировал использовать ее сам, в конце концов, великий гребаный Кью Мерсер держал ее в качестве домашнего животного, должно быть, что-то особенное в ее *изде, раз она заслужила такой приз.

Я вздрогнул и сжал пистолет сильнее, представляя, что это была его жирная шея.

— Тем не менее, выходит, можно заключить более выгодную

сделку, чем просто тратить время на твоих безалаберных пешек.

Ноги свело от желания наброситься на ублюдка и перерезать ножом его горло. Мой голос отдавался эхом ненависти.

— Хватит тратить мое время. — Я направил пистолет на его промежность. — Где она, Дуболазов?

Джеральд рассмеялся и захрипел, прежде чем ответить:

— А это, мой друг-любитель пороть кисок, уже не твоя забота. Мне нравится хранить секреты. Рассматривай это как мое уведомление, что я больше не буду иметь дел с тобой. — Он посмотрел на жалкое подобие сына, который прижавшись у стены, тер ушибленное лицо. — В конце концов, я не могу иметь дело с человеком, который серьезно навредил тому, кого я считаю своей собственностью, не так ли?

Что-то зашевелилось во мне. Что-то холодное и зловещее, и обычно я противился этому. Я бы остановил блокирование эмоций и позволил остаткам человечности существовать во мне, но не сделал этого. Я позволил превращению произойти, и пушка отяжелела в моих руках.

«Он действительно думал, что я не убью его, если у него нечего было предложить мне?»

Дуболазов, казалось, проследил ход моих мыслей, он сглотнул, в глазах отразился страх.

— Ты не можешь убить меня. Это будет бизнес-самоубийство. Если ты еще хоть раз вздумаешь даже взглянуть так на меня или моего сына, я уничтожу тебя.

Я пожал плечами. Меня это не волновало. Все, о чем я думал, — это найти Тесс и дать ей лучшую жизнь, которую я мог.

Позади меня послышалась возня, и Франко закричал:

— Стойте там, черт побери. Это просто разговор, ребята. Нет необходимости мериться членами.

Я посмотрел через плечо на трех охранников, которые прискакали, размахивая оружием, пытаясь решить, на ком отработать свою стрельбу. Решив, что я был самой большой угрозой, они повернули дула оружия в мою сторону, несмотря даже на то, что Франко и Фредерик оба целились в них.

Подняв бровь, я поднял пистолет, оставляя его болтаться на моем большом пальце.

— Все хорошо. Просто закончим нашу маленькую беседу, и мы пойдем.

Никто не двигался, я положил пистолет на столик сбоку и медленно пошел вперед.

Джеральд внимательно следил за мной, но не отдавал приказа убить меня.

Я остановился на расстоянии и слегка улыбнулся.

— Итак, ты хочешь унести с собой в могилу свою маленькую тайну, Дуболазов?

Один шанс.

Последний шанс, чтобы рассказать мне о местоположении Тесс. Тогда я дарую милость. Я хотел уйти. Я бы укротил демона внутри себя и не покалечил его к чертовой матери.

Он наклонился вперед, обдавая мое лицо запахом водки.

— Я никогда не скажу такому гребаному придурку, как ты. Ты делаешь вид, что один из нас, но ты отпускаешь бесплатно товар. Рабынь, на которых мы потратили время, чтобы сломить их; женщин, которые, по праву, принадлежат нам, пока их гребаные маленькие киски не изнасятся. Пошел на хер, Мерсер. Закончим на этом. — Он понизил голос до шепота: — Я надеюсь, что она уже мертва.

Внутри меня что-то щелкнуло, как переключатель, и я двинулся в бой.

Время замедлилось, когда я потянулся за ножом в карман брюк. Я двигался, как в замедленной съемке, показалось лезвие, моя рука дернулась вперед, и преграда в виде хрящей и трахеи уступило под острым металлом.

Острые ощущения, порыв, пьянящее гребаное удовольствие проходили через меня, и я улыбнулся. Я, бл*дь, улыбался, когда наблюдал, как Джеральд моргал в шоке, не понимая, что же случилось, черт возьми.

Я двигался так быстро, что потребовалось некоторое время, чтобы кровь начала сочиться и каскадом потекла вниз по его горлу.

— Нет! — Сын Джеральда бросился от стены ко мне навстречу.

Раздались выстрелы, и что-то горячее порезало мою руку. Франко вскрикнул, и Фредерик закричал. Сын Джеральда ударил меня локтем в бок, но его мясистые руки не шли ни в какое сравнение с моим ножом.

Я ударил его глубоко в почки и повернул лезвие.

Я ждал ужаса, ненависти к себе за любовь к горячему всплеску крови и журчащим предсмертным звукам моей жертвы, но на этот раз я

был освобожден.

Кайф, огонь и правота полились по моим венам, я вздрогнул от черного восторга.

Убийство.

Оно быстро становится моим новым хобби.

Я встал, отталкивая бьющееся в конвульсиях тело, обливавшее меня горячей кровью. Я исполнил желание Тесс убить ублюдков, связанных с торговлей людьми.

Я убил отца и сына.

Убил...

И зверю внутри чертовски понравилось это.

Память о том, как была отнята жизнь моего отца, заполнила мои ноздри. Вонь его опорожняющего кишечника, острый привкус крови и мозга. Все это смешалось в каком-то нездоровом запахе, резонируя со звериной частью меня, заставляя меня гордиться тем, что я — убийца зла.

Медленно чувства вернулись в мое тело. Моя рука горела. Расстегнув пуговицы на шее, я нащупал дыру в пиджаке, затронув скользкую рану под ней. Фантастика, твою мать.

Меня подстрелили.

Появился Фредерик, потянувшись к моему пиджаку.

— Вот дерьмо. Насколько это серьезно? — Он сорвал мой пиджак, прежде чем я успел оттолкнуть его.

— Не беспокойся об этом. Я в порядке. — Пуля прошла прямо через мой бицепс. Довольно чисто и аккуратно. Рана даже не болела.

Я посмотрел в сторону входа, где лежала гора трупов. Брызги крови застывали на белой плитке.

Франко встретился со мной взглядом.

— Пятеро мертвых. Четыре выстрела и один заколот. — Он собрался уйти. — Нам нужно уходить. Кто знает, сколько еще охранников находятся в пути.

Я покачал головой, чувствуя себя, как ни странно, легко.

— Мы не уйдем, пока не обыщем это место. — Схватив пистолет и сжав челюсти от внезапной вспышки боли в руке, я двинулся в направлении спальни. — Рассредоточиваемся. Встречаемся здесь через десять минут.

Подобрав шаг, я быстро побежал по длинному коридору, пытаюсь

игнорировать мурашки по спине от жуткой тишины и горы тел позади нас.

У Джеральда обычно было только от трех до пяти охранников в его частной резиденции. Он сказал, что они сковывали его движения, когда я спросил несколько лет назад, почему он не окружил себя охранниками. Мы были одни. На данный момент. Я просто надеялся, что мы останемся одни еще немного дольше.

Решительно держа палец на спусковом крючке, я обходил комнату за комнатой. Шагал по декадентским салонам и спальням, подходящим для чопорного аристократа, а не ублюдка, насильника и убийцы.

Но находил только пустоту. Ни женщин. Ни Тесс.

Я открывал шкафы, обыскивал под кроватью, даже разбил несколько половиц, чтобы увидеть, была ли добавлена тайная комната в оригинальные чертежи. Но нигде я не обнаружил связанную и испуганную женщину. Никаких признаков борьбы. Никаких следов Тесс вообще.

После полного осмотра номера, я встретил Франко и Фредерика у лифта.

— Есть что-нибудь? — Три пары глаз лучше, чем одна. Особенно учитывая, что я, мать его, был подстрелен. Пожалуйста, пусть они хоть что-нибудь найдут.

Фредерик повесил голову.

— Ничего. — Он вздохнул, добавив: — Но это не значит, что она не в здании.

У меня была идея получше. Вытащив телефон, я вошел на тот же сайт, который отслеживал Тесс в первый раз, и стал ждать, когда красная точка появится на карте.

Ничего.

Сердце бешено колотилось, я постучал устройством об бедро.

— *Viendra sur, toi merde* (прим.перев. фр. Давай, работай, ты, кусок дерьма).

Я снова посмотрел, на маленькую красную точку, которая показывала мне, где Тесс. Это была единственная связь, которая была у меня с ней. Оно должен работать. Это должно было сработать.

Франко посмотрел через мое плечо, когда экран замелькал, и пришло сообщение об ошибке.

Устройство, которое вы запросили, больше не обслуживается.

Пожалуйста, проверьте номер и повторите попытку.

— Черт! — Я бросил телефон через комнату, дрожа от ярости. Мои глаза упали на тела, и я хотел наносить удар за ударом и колоть и колоть, отыграться и выпустить гнев.

Фредерик положил свою ладонь на мою невредимую руку.

— Мы найдем ее. Не волнуйся. С трекером или без.

Франко кивнул.

— Он прав. Мы найдем ее, сэр. Нам просто нужно уничтожить несколько ублюдков, чтобы сделать это.

Глава 10

Свяжи меня, дразни меня, пусть твое удовольствие доставит удовольствие и мне. Сделай мне больно, люби, но, пожалуйста, не оставляй меня...

Тесс

Моя занятость началась немедленно.

Белый Человек сбросил меня с кровати, пойманную в ловушку в мире наркотиков и безжизненного тумана, и толкнул к Кожаному Жилету.

Я вскрикнула, когда столкнулась со скрипучей кожей его куртки и зловонием. Я съежилась от того, как он ухмыльнулся, крепко держа меня перед собой.

— Привет еще раз, путана. Настало время для удовольствия. — Он развернул меня, схватив за запястья.

Его грязные пальцы обернулись вокруг моей кожи, отводя мою руку назад до хруста в плече. Даже туманный ступор не мог спасти меня от боли вывихнутой конечности.

— Что за... — пробормотал он.

— Отпусти ее, Игнасио. Мне нужно, чтобы она была в состоянии использовать свои руки.

— Но посмотри, что сделала эта маленькая сучка. Глупая рабыня. — Он провел пальцем по моему модифицированному штрих-коду, без сомнения, видя воробья и номер пятьдесят восемь. Он усмехнулся и встряхнул меня, тяжело дыша в ухо. — Ты идиотская сука. Запала на ублюдка, который купил тебя. — Его смехок перерос в смех, от которого затряслись мы оба. — Это слишком хорошо. Я слышал о рабах, которые привязывались к своим хозяевам, но ты вышла на совершенно другой уровень. — Он схватил меня за подбородок, вцепившись пальцами в ямочки на щеках. — Ты была как чертова королева в этой ванне, думая, что приземлилась на свои довольно маленькие ножки. Ну, а теперь, терпи, принцесса, потому что ты сейчас в рабстве.

Наклонив голову в сторону, он вдруг поцеловал меня в щеку сухими губами.

— Опять же, если ты умудрилась влюбиться в одного засранца, ты вполне могла бы влюбиться и в другого. Может быть, ты захочешь меня до конца недели, а?

Я вздрогнула, когда он погладил меня по волосам, но потом вздохнула с облегчением, когда Белый Человек вытащил меня из объятий Кожаного Жилета.

— У тебя еще будет достаточно времени, чтобы трахать мозг бедняжке. Но сначала я хочу понять, насколько она сильна.

Он протянул руку, как если бы приглашал меня на свидание, мои голубые глаза замерцали, когда я вытаращилась на его ладонь. Я не могла вспомнить, что должна была сделать. Я ничего не могла вспомнить. Сила веществ в моей крови медленно лишала меня всего, что я знала.

— Пойдем, малышка. Нет времени лучше, чем сейчас, чтобы начать твоё посвящение.

Я попыталась сделать шаг назад в сторону убогого ложа. Я приказывала конечностям двигаться, убегать, но ничего мне не повиновалось. Я просто стояла, покачиваясь, пока Белый Человек не схватил меня за локоть и вывел из комнаты.

Его прекрасно выглаженная одежда контрастировала со зловещей копотью, когда мы проделывали наш путь по длинному затхлому коридору. Я хотела закричать и ударить его в глаз, но все, что я могла сделать, — это следовать за ним как послушный питомец. Туман сковал мой разум, превращая меня в худшего невольника, который повиновался без принуждения, которому даже не нужны были оковы, чтобы сдерживать его.

Они забрали мою волю и в ближайшее время получат разум.

Белый Человек сказал что-то Кожаному Жилету, когда мы остановились возле двери, и втолкнул меня внутрь.

— Не заходи слишком далеко, Игнасио. Помни: лучше меньше. Тогда они становятся более податливыми.

Я спотыкалась, как безмозглый зомби, беззвучно крича своему телу, чтобы оно сделало что угодно, кроме этого бесполезного шарканья. Все было настолько тяжелым и нетвердым и отказывалось отвечать на приказы.

«Пожалуйста. Это твой последний шанс! Подчинись!»

Мне удалось дернуться достаточно, чтобы продвинуться на

сантиметр назад, шаркая к выходу.

Но все, что потребовалось, — это рука между моими лопатками, и я была выдвинута вперед.

Я моргнула, оглядываясь по сторонам. Бетонные стены, бетонный пол с плесенью, карабкающейся по углам, и грязь в трещинах. Три стула, расставленные по кругу.

Белый Человек потянул меня за плечи, чтобы усадить на один из стульев. Он скрипнула под моим весом, и моя голова плюхнулась вниз. Такая уставшая. Такая запутавшаяся.

«Я голодна. Устала. Замерзла. Я просто хочу пойти домой. Где я?»

Он похлопал меня по щеке, сказав:

— Удачи, малышка. С днем посвящения тебя.

Я хотела броситься к двери, мое сердце обливалось кровью, когда он хлопнул в ладоши и посмотрел мне за спину.

— Отлично. Остальные уже здесь. Ты уже больше не останешься одна, малышка. Увидимся позже.

Он выскользнул за дверь и щелкнул замком, оставляя внутри двух девочек, которые вошли, ведомые на поводке Рваным Шрамом. Он ехидно улыбнулся, прежде чем рывком дернуть девушек вперед и толкнуть их на стулья.

Я не могла понять, что же я видела.

Обе девушки были обнажены. Обе содрогались и тряслись, как будто землетрясение заменило их сердца. Их глаза были полны ужаса и безысходности, но то, что привело меня в ужас, так это их волосы.

Блондинки. Обе. Тот же цвет соломы или меда, как у меня.

О, боже.

Я извивалась в кресле, пытаюсь встать, но химические вещества блокировали сигнал от моего мозга, и вместо этого я растянулась на полу. Моя щека прижалась к склизкому бетону, и я застонала, когда вспышка боли распространилась по всему телу.

Кожаный Жилет засмеялся, приходя мне на помощь. Схватив клочок моих волос, он подтянул меня прямо и бросил на стул.

— Неуклюжая сука.

Искры посыпались из глаз от его хватки, но я проглотила слезы. Я была в достаточном тумане и без примеси этого горя.

Девочки вздыхали, стараясь молчать, даже когда слезы текли по их грязным лицам. Я отказывалась смотреть на них. Ненавистно было

видеть следы от синяков на их руках и ребрах. Почему они здесь?

Они здесь для обеда. Мы будем обедать, а потом мы будем дремать и мечтать о причудливых вещах.

Я замотала головой, выпадая из наркотических грез.

Кожаный Жилет садистски улыбнулся, наклоняясь чтобы лизнуть меня. Он провел языком вверх по моей щеке и волосам.

— Пытаешься все понять, не так ли? Но ты не сможешь. Только не с тем, что сейчас введено тебе в кровь. Ты будешь делать то, что я говорю, когда я говорю. Поняла?

Небольшая вспышка моей нормальности выдернула меня из грязной лужи, которой была теперь моя душа. Я заставила себя преодолеть слабость, и сказала шепча:

— Ты гребаный членосос, и я от... отрежу твои яйца, прежде чем ты умрешь.

Он рассмеялся и щелкнул пальцами.

— Обещаешь?

Рядом со мной появился охранник, которого я раньше не видела. Он был похож на мешок с картошкой. Большой живот, нелепая одежда, и лицо, которое могло понравиться только людоеду. Он улыбнулся, проводя пальцами по моему лицу.

— Привет.

«Я должна быть приятной. Быть вежливой. Сколько раз мои родители говорили мне, что они могли бы любить только вежливого, спокойного ребенка?»

— Привет, — повторила я, желая, чтобы моя голова не была настолько тяжелой, чтобы я могла удерживать зрительный контакт дольше.

Кожаный Жилет двинулся вперед, направляясь к девушкам передо мной. Он положил руку им на плечи, и они захныкали.

«Нет. Не прикасайся к ним. Я закачала головой. Почему он не может прикоснуться к ним снова?»

— Райан убедится, что вы будете подчиняться. — Оскалив зубы, он рывком оттянул голову девушки назад за волосы. — Он будет последствием непослушания. Поняла, путана?

Я должна кивнуть? Я не знаю. Не понимаю. Чем дольше я там находилась, тем больше запутывалась в паутине наркотиков.

Жилет толкнул одну из девушек на пол, дернув бровь в моем

направлении.

— Подними ее. Давай.

Желание спасти другого сверкнуло сквозь туман, и я упала со стула, чтобы подползти к ней. Девушка застонала, когда я прикоснулась к ее запястью, и наши глаза пересеклись в краткий миг осознанности. В ее зеленых глазах я увидела, как все мои мечты и надежды превращаются в пыль. Мы все умрем здесь. Это был всего лишь вопрос времени, сколько нам придется пережить, прежде чем мы будем свободны.

Кряхтя, я попыталась помочь ей встать. Но я была недостаточно сильна для этого.

Кто-то сбил меня с пути, и я врезалась в стул. Райан «людоед» схватил блондинку, как если бы она была грязным носком, и швырнул ее на стул.

Я поднялась в вертикальное положение, используя стул в качестве поддержки. Наркотики вскружили голову. Мне жарко. Я замерзла. Протяжный кашель захватил меня настолько, что потребовалось какое-то время, прежде чем я снова могла дышать.

Я не могла понять, что только что произошло.

Кожаный Жилет сказал:

— Если ты не можешь сделать это правильно с первого раза, Райан сделает это лучше, чем ты. — Он подошел ближе, искоса глядя в мое лицо. — Он убедится, что сделает это в десять раз лучше, чем ты. Понимаешь, путана?

Я наконец-то смогла собрать силы для легкого кивка. Просто, чтобы вытолкнуть его из моего личного пространства.

— Хорошо, тогда давайте начнем веселье. — Он кивнул Райану. — Приступай.

И тут все началось.

Девушки закричали, когда Райан бросился на них. Перетащив их к бетонной стене, он прижал одну за ее предплечье, держа другую в неподвижности для того чтобы Жилет пристегнул ее наручниками.

Тогда я впервые заметила железные кандалы, свисающие на цепях со стены. Ржавые и древние они выглядели так, будто принадлежали средневековой пыточной камере.

Кожаный Жилет работал быстро и, прежде чем я могла двинуться, руки девушки были широко расставлены, а ее лодыжки прикованы

другими железными кандалами, прикрепленными к полу.

Она посмотрела на меня и мое сердце упало. Что за чертовщина тут происходит!

После того, как первая девушка была обездвижена, Жилет приступил к сковыванию другой. Он ударил ее, когда она попыталась отстраниться. Она завизжала и стала отбиваться, тем самым вызывая еще больше насилия над ее кожей.

Я обрела голос в тумане и закричала:

— Остановитесь!

Но Жилет просто рассмеялся.

— Мы тут командуем. А ты жди своей очереди.

После того, как девушки были прикованы к стене, их тела прижаты к ледяному бетону, оба мужчины подошли ко мне, зажимая меня между собой.

Девушки умоляли меня помочь им. Я хотела. Я бы помогла. Но как? Я едва могла стоять, не говоря уже о спасении.

Одна девушка завопила:

— Пожалуйста. Не делайте этого. Отпустите нас. Что мы вам сделали? Мы просто хотим вернуться домой!

Воспоминание того, как мне в первый раз не посчастливилось оказаться в плену у Кожаного Жилета, преследовало меня. Я никогда не молила о пощаде. Я боролась, и он причинял мне еще больше боли.

«Почему я снова борюсь? Потому что это неправильно. Ничего из этого не может быть правильным!»

Я голодна. Устала. Замерзла. Я просто хочу оказаться дома. Где я?»

Жилет заорал на них на испанском языке, и я задрожала, не в силах смотреть, но и не могла отвести взгляд. Я хотела запечатлеть их в памяти. Их освобождение было на моих плечах. Я хочу освободить их.

Кожаный Жилет обнял меня за шею, засовывая свой жуткий язык мне в ухо.

— Готова к первому дню обучения, сука?

Я заерзала, но было слишком поздно. Игла исчезла в моей руке, и следующая горячая волна всепоглощающего забвения глубоко засосала меня. Я опускалась все глубже и глубже по спирали все тяжелее и тяжелее, пока не оказалась на дне заполненного мусором океана.

Звуки были приглушены. Запахи смешались. Взгляд метался с

места на место не в состоянии сфокусироваться на чем-либо, вызывая головокружение. Но больше всего я волновалась за свой мозг. Острого ума и четкого сознания больше не существовало. Они превратились в крошечные облака, бесцельно плавающие в моем черепе.

КЖ толкнул меня вперед, и я закачалась, ступая на непослушных ногах.

— Ударь их.

Ударь их. Ударить их. Конечно, почему я сама не подумала об этом? Ведь побить их было бы в самый раз.

Нет, подожди.

Это не так. Что? Почему я должна бить кого-то? Я не хочу причинять боль.

Нет!

Я сглотнула, облизывая распухшие губы.

— З... зачем?

Он нахмурился, подпрыгивая в моем безумном видении.

— Ты что, сейчас у меня спросила «зачем», путана? — Он покачал головой, глядя на Райана. — Правило номер один. Ты никогда не задаешь вопросы. Райан. Пожалуйста, покажи этой суке, чего я ожидал от нее.

— Конечно, босс.

В ужасающем замедленном действии я наблюдала, как Райан ударил девушку кулаком в живот. Она согнулась пополам, резко остановившись из-за наручников. Она закричала, неудержимо плача.

Зачем он это сделал?

«Потому что она была непослушна. Ребенок нуждается в дисциплине. Да. Ребенок нуждается в дисциплине. Я должна была это знать. Я получила достаточно пощечин, пока росла».

Нет, это другое. Не стоит забывать. Никогда не забывай, что это неправильно. Так неправильно.

Кожаный Жилет подтянул меня вперед.

— Давай попробуем еще раз. Ударь их.

— Ударить их? — повторила я. Мой голос звучал издали, как если бы я жила в темном туннеле, где не было никакого света.

— Ударь их, или это сделаю я, — приказал он.

Я пожала плечами. Разве это важно для меня? Почему это важно для меня?

«Потому что он убьет их! По крайней мере, если это сделаешь ты, ты сделаешь это как можно осторожнее. Сделай это. Защити их, причиняя боль».

Все мое существо кричало от несправедливости. Как я могу остановить это?

КЖ сказал что-то на испанском языке Райану-людоеду. Я заморгала и застыла на месте.

— С удовольствием. — Райан двигался со скоростью молнии, и его действия плохо улавливались моим медлительным мозгом, пока его костедробящий кулак не стал вколачиваться в другую блондинку. Она согнулась, ее мгновенно стошнило.

Черт! Соберись.

Ударь ее. Ударь ее. Прекрати это!

Какая-то отчаянная часть меня боролась с накатывающими волнами наркотиками, рассеивая немного туман от них, достаточно, чтобы я могла видеть проблески реальности. О боже. Мне придется мучить этих женщин. Я должна оскорблять тех, кто был похож на меня. Я должна была сломаться и сделать то, что мне сказали, чтобы спасти их от худшего наказания.

Мои руки потянулись ко рту, пытаюсь сдержать растущую горечь. Я отшатнулась назад.

— Ты больной. Отпусти их! — Мои широко раскрытые глаза сморили на Кожаного Жилета в ужасе. — Пожалуйста. Делайте то, что вы хотите со мной, но оставьте их в покое!

Кожаный Жилет покачал головой.

— Проклятье, а ты сильна. Это должно было уже подкосить тебя. — Он провел руками по сальным волосам, выглядя задумчивым. — Райан. Дай мне палку.

Райан дал ему дубинку. Одну из тех, которые полицейские использовали на плохих парнях и мужиках, как КЖ.

— Возьми это, путана. — Он протянул ее мне.

Я зарычала, как дикий кот, пятась к двери. Попробовала повернуть ручку, хорошо зная, что у меня ничего бы не получилось.

Он не пытался остановить меня, только смотрел с вздернутой головой и кривой улыбкой.

— Я не буду просить снова, сучка. Возьми это. — Он махнул дубинкой в мою сторону, и я покачала головой, снова поддавшись

действию наркотиков.

Почему же я не хочу взять палку?

«Нет никаких причин. Прекрати сопротивляться. Это такая трата энергии. Ты права. Я голодна. Замерзла. Я хочу домой. Где я?»

Мой разум отказывался подчиняться, оставив меня в полной темноте. Кью настроил мое тело против меня, но эти ублюдки делали это с моим мозгом.

Кожаный Жилет кивнул.

— Пусть будет по-твоему. — Он передал дубинку этому монстру. Он не сказал ничего. Тот принял ее и одним свирепым ударом сломал ногу девочке.

Ее визг стоял эхом в моих ушах, и я знала, что никогда не забуду его. Никогда не стереть боль и ужас в ее голосе. Я так и проживу остаток своих дней, слушая ее крик. Я могла бы предотвратить это. Могла бы остановить это!

— Остановитесь! — Я рыдала, слезы стекали водопадом по моим щекам. — Стойте. Я сделаю это. Я сделаю это... Сделаю это... — Я не могла перестать повторять и повторять. Мысли кружились в моей голове. — Я сделаю это!

Кожаный Жилет усмехнулся, подходя ко мне, чтобы подать мне руку.

— Хорошо, сука. Теперь, когда мы все прояснили, давайте повеселимся, ну?

Туман накрывал меня сильнее, и на этот раз я не сопротивлялась. Я позволила облакам задушить меня. Позволила пустоте и странной успокаивающей мягкости опустошить мой ум и удерживать от того, чтобы когда-либо вспомнить, что я собиралась сделать.

Трясаясь в агонии с каждым пройденным сантиметром, я позволила КЖ привести и поставить меня перед двумя рыдающими женщинами. Он погладил меня по голове, бормоча:

— Хорошая девочка. Теперь делай то, что я говорю.

Я опустила голову. Жестокая боль зарождалась в моей голове, и я ее приветствовала.

Я заслужила боль.

Боль была кошмарной.

Ужасной.

Я всегда буду бежать от любой формы боли с этого момента.

О, боже. Я всегда буду бежать от боли. Исчезло мое будущее с Кью. Исчезла и надежда найти когда-нибудь счастье с ним.

Наркотики засасывали меня глубже.

«Ты никогда не увидишь его снова, поэтому нет повода горевать».

Я умру. И буду гнить в аду за то, что они заставили меня сделать.

— Ударь блондинку слева. Не колеблясь, иначе Райан сделает свой ход.

Я не двигалась, а просто смотрела на двух женщин. Мы оказались в ловушке в наших собственных маленьких светловолосых коконах. Их цвет волос был символическим. Нанося им побои, я била себя. Я по своему желанию помогала Кожаному Жилету сломить меня. И осознание этого не помогало, а отправляло меня по спирали глубже в безумие.

«Я замерзла. Голодна. Я хочу домой. Где я?»

Огромный поток кашля вырвался из моего горла, а я стояла, дрожа с головы до ног. КЖ подталкивал меня в спину, и я наткнулась на блондинку слева. Я упала на нее, мы обе вздрогнули. У нее был пирсинг пупка в виде звезды со стразами. Ее глаза были зелеными, а ее груди упирались в мои.

Слезы еще падали из моих глаз, когда я совсем сдалась.

— Мне так жаль. — Мои слова были произнесены невнятно и неразборчиво.

Кожаный Жилет забормотал:

— Не хотелось бы прерывать эту лесбийскую вечеринку, но у тебя есть пять секунд, путана.

Всего пять секунд, чтобы ударить женщину, чтобы спасти ее от большей боли. Пять секунд, чтобы уничтожить себя, что погубит нас обоих.

«Убей ее и покончи с этим. Если она олицетворяет тебя, убей себя. Это единственный способ освободиться».

Я напряглась и нанесла удар. Ее глаза остекленели, и слезы потекли рекой, но она прикусила губу, и в душераздирающем, с ума сводящем, смертельном движении кивнула. Кивнула, черт побери, принимая, что произойдет. Что я буду делать с ней.

Другая блондинка тихо рыдала, ее маленькая грудь поднималась и опускалась в панике при дыхании.

Не имело значения, сколько наркотиков Кожаный Жилет вколол в

меня, я никогда бы не сделала этого, я бы никогда не ударила или не отняла бы жизнь другого человека.

Он не дал мне никакого выбора. Если бы была слабее, я бы уже сдалась и позволила Райану занять мое место. Их кровь будет на его руках, а не на моих. Но я не могла сделать этого. Я должна была защитить их жизни.

КЖ потянул меня за плечи, ставя перед блондинкой с маленькой грудью. У нее не было пирсинга на пупке, но у нее была небольшая татуировка в виде колибри в районе тазовой кости.

Птица.

Я собиралась раздавить птицу, ради защиты которой Кью сделал бы все, что было в его силах. Я должна была стать точной противоположностью человека, которого любила.

Кожаный Жилет шепнул мне на ухо:

— Ударь ее. Я уверен, что в ее желудке еще осталось, чем срыгнуть.

Я стояла, наверное, целую вечность, пытаюсь вытащить себя из тумана наркотиков. Должен же быть какой-то выход. Думай!

«Мне холодно... Я голодна...»

КЖ зарычал:

— Пять... четыре... три... два...

Наркотики сработали, и я ударила девушку в живот. Даже несмотря на то, что наркотики смягчили чудовищность того, что я сделала, я была опустошена.

Вихрь воробьев наполнил мою голову и, схватив остатки здравого смысла своими крошечными когтями, унеслись далеко-далеко. На небо, в ад или чистилище, мне было все равно. Все, что я знала, — я никогда не буду прежней. Мой рассудок защищал себя, улетаая свободным, паря обратно к Кью, оставляя меня умирать.

Мои мышцы свело, и это не девушку стошнило, а меня. Я забрызгала обувь КЖ жареной курицей, съеденной на обед, и рухнула в теплую бездну.

Они, наконец, сделали это. Нашли мою слабость.

Они могли делать со мной все, что хотели. Мучить меня. Насиловать. И я всегда бы сохраняла свой внутренний огонь, который вел меня вперед. Но заставить меня причинять боль и мучить кого-то еще? Это был рецепт потери моего рассудка.

Рецепт, который действительно сломит меня навсегда.

Я застонала, съежившись от боли в спине от лежания на жесткой лежанке. Я пыталась двигаться, но каждая часть моего тела ныла.

Мои колени были поцарапаны и разбиты. Зубы сжаты до боли. Голова гудела от нескончаемой боли, а в боку отдавался удар КЖ за неподчинение.

Ты превращается в одного из них. Ты причиняешь боль другим. Ты становишься дьяволом.

Я сделала это, чтобы защитить их! Я сделала им больно, но намного меньше, чем сделал бы этот людоед.

Тебе нет оправдания. Ты сломилась. Они победили.

Нужно бежать. Бежать. Бежать. Бежать. Бежать.

Я напрягла мозг, пытаюсь остановить вихрь слов, от которого тошнило.

Я не могла двигаться, не говоря уже о побеге. Это было невозможно.

Часы тикали, а я не могла спать. Мой мозг не давал мне покоя с проклятиями и обвинениями, говоря мне бежать даже тогда, когда мое тело не подчинялось. Крик девушек звенел в ушах, казалось, навечно.

Каждый раз, когда я закрывала глаза, Кью появлялся передо мной.

— Как ты могла, Тесс? Ты стала одной из них. Я думал, что ты лучше. Думал, что ты была чиста. — Он опустил голову, глаза блестели от разочарования. — В тебе не осталось ничего, что можно было бы любить. Ты предатель. Монстр. Мне придется убить тебя.

Я подбежала к нему, но что-то сдерживало меня. Какая-то невидимая стена.

— Нет! Это не я. Я не хотела этого делать. Я сделала это, чтобы спасти их!

Он рассмеялся, бросив взгляд такой ненависти, что я прижалась к полу от стыда.

— Ты слаба, Тесс. Так слаба. Я недооценил тебя. Я видел кого-то свирепого в тебе. Теперь все, что вижу, — это опустошенная

маленькая девочка.

— Тогда спаси меня! Пожалуйста. Мне нужна твоя помощь. Очень. — Я не могла перестать плакать.

Кью покачал головой. Его мощное тело, заключенное в черный костюм, смотрелось так, как будто он собирался на похороны. Мои похороны. Он прощался со мной.

— Кью!

Он отказывался смотреть мне в глаза. Повернувшись спиной, он медленно уходил в клубящийся туман.

— Прощай, Тесс.

Кью ненавидел меня. Я ненавидела себя. Я хотела умереть.

Прошло еще больше времени.

Дверь моей камеры открылась, и вошла женщина, которая делала мне татуировку. Она двигалась смело, спокойно и счастливо. Она улыбнулась широко, держа в руках шприц.

— Готова к следующей дозе, Cariffo?

Я переместилась в вертикальное положение, проклиная свою тяжелую голову.

— Нет... п-пожалуйста, не надо больше уколов. — Мои слова были невнятными, натыкались и перемешивались друг с другом.

Она села на краю кровати, протягивая руку к моей руке. Я крутанулась, сумев избежать ее захвата.

— Нет. Я сказал не н-надо.

Ее улыбка соскользнула с лица, сменившись гневом.

— Матео!

Дверь открылась, и в комнату вошел Шрам, держа бейсбольную биту. Он стал подходить, пока его колени не коснулись края убогого ложе.

— Не заставляй меня использовать это. — Он ударил битой по руке, угрожая мне. — Будь послушной и дай Софии ввести тебе лекарство, хорошо?

Его голос был настолько гладким по сравнению с КЖ. Создавая впечатление цивилизованного, хотя на самом деле он был худшим из них. Он был настоящим психопатом.

Горло забилося, и я стала заламывать негибкие пальцы, держа руки на коленях.

— Прошу вас. Деньги. Драгоценности. Я отдам вам...

«О чем я говорю? Я голодна. Попроси еды. Я замерзла. Может быть, если ты согласишься на укол, они дадут одеяло».

О, как же мне понравилась эта идея. Одеяло. Мне казалось, прошла целая вечность, с тех пор как мне было тепло в последний раз.

Я тяжело закашлялась, стараясь изо всех сил своих легких, чтобы перевести дыхание.

Кто-то толкнул меня, заставляя лечь, и мягкие пальцы взяли меня за руку, поворачивая ее. Мягкое нажатие на сгиб руки заставило сердце забиться быстрее.

— Нет! Стойте!

Слишком поздно.

Игла пронзила мою кожу, и женщина нажала на поршень. Мгновенно горячая, холодная, покалывающая, жгучая жидкость вошла в мое тело и начала свое путешествие, отравляя меня.

Мое состояние ухудшилось от того, что они мне дали, чем бы это ни было, поэтому у меня не было шансов.

Мои глаза больше не могли видеть, и я поплыла в темноту. Моя голова была шаром для боулинга массой в двадцать тонн.

Я вздохнула, слушая тяжелый стук сердца. Не было никакого другого шума, кроме моего поверхностного дыхания. Женщина и Шрам ушли.

Как давно? Я не знала.

«Пришло время, чтобы бежать! Вставай. Сделай это! Свобода!»

Я не знаю, как двигалась, но в один момент я валялась на пародии постели, а в следующий лежала мешком на полу.

Там же я и оставалась в течение нескольких часов. Я потратила Бог знает сколько времени в ужасающем цирке причудливых галлюцинаций, лежа на морозном бетонном полу.

Мои родители, которые никогда не любили меня, привиделись мне.

— Ты только посмотри на себя. — Моя мать с ее ухоженными седоватыми волосами наклонилась до моего уровня, отчитывая меня, обдавала ароматом талька, которым пользовалась. — Мы всегда знали, что что-то с тобой не так. А теперь? Ты отвратительна.

Употребляешь наркотики, избиваешь женщин и предаешься бурному сексу? Фу. Посмотри, как низко ты пала, дитя. Только ад теперь достаточно хорош для тебя.

Я не стала противостоять или разубеждать.

Мой отец в своем твидовом костюме и кожаной кепке посмотрел вниз, как будто я была дерьмом на его ботинке.

— Я согласен с твоей матерью. Избивать этих девочек. Ты убийца. Прими это. Ты не с нами. Ты одна из них.

Мерзлота в моих костях сменилась болезненным теплом. Комната превратилась из серой бетонной до ярко-красной, наполненной кровью.

Галлоны ярко-малинового — крови моих жертв. Литры и литры небрежно пачкали мои руки.

«Нет! Я и не думала этого делать. Я не хотел делать этого. Простите меня. Пожалуйста, простите меня».

Время продолжало бежать без оглядки на меня, пока я медленно умирала на бетонном полу и становилась желеобразной, безмозглой кляксой.

В один день появился Кожаный Жилет. Я провела в одиночестве столько времени, что мой ум жаждал человеческого контакта. Любого человеческого контакта.

Мое сердце ёкнуло, когда он пришел за мной.

— Пришло время для твоей следующей тренировки, путана. — Он толкнул меня ногой. — Вставай.

Я больше не знала, как говорить, двигаться или притворяться человеком. Мне было холодно и голодно, и я отчаянно хотела домой.

Я попыталась вспомнить образы Кью. Вспомнить его дом и теплые объятия Сюзетт. Но ничего не выходило. Все эти счастливые воспоминания были пустыми.

На глаза наворачивались слезы, но я так давно ничего не пила, и поэтому образовывалась только одна капелька.

Кто-то поднял меня на ноги. Холодный бетон был заменен холодным воздухом, поскольку КЖ подхватил меня, удерживая перед своей отвратительной фигурой. Мое тело, настолько холодное,

прижалось к нему, несмотря на то, что мозг, затуманенный наркотиками, сгорал от отвращения.

КЖ хихикнул.

— Я стал тебе нравиться? Хм, сука? — Он лизнул мою щеку и подошел к двери. — Ты полюбишь меня еще больше после сегодняшнего дня.

Мое сердце пыталось биться чаще, ужас, обуявший меня, попытался запустить адреналин, но мое сопротивление было сломлено. Прошло. Исчезло.

Один миг мы все еще были в моей комнате. В следующий оказались на полпути по коридору.

Потом мы были в другой комнате.

Потом в другом коридоре.

Прошла куча времени, оставив меня с калейдоскопом картинок.

«Сколько еще времени пройдет, прежде чем я сойду с ума?»

В один момент кто-то бросил меня на пол душевой кабинки и стал поливать из шланга. Через секунду я была одета в красное платье, короткое и распутное. Оно предназначалось для того, чтобы облегать фигуру и подчеркивать сексуальность, но не выполняло ни одну из функций — только показывало то, насколько тощей и болезненной я стала. Но, по крайней мере, ткань была чистой. После нахождения в домашней рубашке Кью в течение всех этих дней, — это был рай. Одиночество обернулось вокруг моего сердца, когда КЖ выдернул материал из моих рук и выбросил единственное, что у меня осталось от Кью. Последнее, что связывало меня с человеком, который владел мной полностью.

— Верни ее. — Я подалась вперед, пытаюсь добраться до мусорного ящика за Кожаным Жилетом.

Он оттолкнул меня на пол, смеясь.

— Ты не получишь того, что хочешь. Если тебе, конечно, не хочется моего члена.

Я свернулась калачиком на мокрой плитке, изо всех сил стараясь не перескакивать в другое измерение. Измерение, в котором мне больше не нужно было бояться каждый раз, когда я просыпалась, и страдать каждый раз, когда засыпала.

Время замерло, а ванная больше не существовала.

Что-то крахмальное было запихано мне в горло, а потом

последовала свежая, восхитительная вода.

Затем я стою над девушкой с дубинкой в руках.

Время снова замерло. Я отключилась.

Жидкость. Горячая, влажная жидкость с металлическим привкусом.

На мое лицо что-то плеснуло, и я мгновенно захлебнулась.

«О боже. Нет!»

Я уронила дубинку, сжимая живот, когда моя рвота превратилась в мучительный кашель. Кровь с губ попала в рот, и я лихорадочно пыталась отскрести язык.

«Это не ее кровь на моих зубах. Я не могла этого сделать!»

Кто-то схватил меня, поставил прямо. Я продолжала кашлять и раскачиваться, и, наконец, согнулась полностью. Слова, вырывающиеся из моего рта, прерывались жутким лаем. Я была не в себе. От меня не было толку. Они поняли. Они знали, что мой срыв означал начало конца.

Мой разум покидал меня. Я дошла до ручки, и вкус крови девушки во рту был последней каплей.

Я сделала ей больно. Я не знала, каким образом. Не помнила. Но я сделала что-то ужасное, и она страдала от моих рук.

Я не смогу жить с этим! Я все отчаяннее пыталась вырваться, извиваясь, кусая, кашляя, рыча.

— Черт, кто-нибудь дайте ей что-нибудь.

Я крутилась и дернулась, от одного только вида сжимающихся стен и удушливого ужасного кашля сотрясавшего мое тело.

Кто схватил меня за ноги, и я стала пинаться.

— Ой, ты, сука! — Оковы обхватывали мою голову, но я больше не была в этом теле. Я была в каком-то другом мире, где хотела умереть.

Игла проколола мою плоть, и мне ввели призрачно леденящее вещество, которое я теперь хорошо знала. Распространение этого белого смога сквозь мою кровь, украдо мое тело, убивая разум.

Мой кашель остановился, и я обессилено повисла в чьих-то руках.

— Так-то лучше. Пусть подействует. Она будет резать их как Пикассо уже через полчаса.

Видение того, как я, отрезая части тела, располагаю их в каком-то ужасном произведении искусства, стояло перед глазами, пока я медленно плыла к своей гибели.

Когда пришла в себя, я лежала на спине, хрипя, как девяностолетний курильщик. Мои ребра кричали от боли, а легкие, будто кто-то заполнил тиной.

Я попыталась подняться, чтобы убедиться, что на моем лице больше не было крови, но мои руки онемели.

— Она ожила. Принеси ее сюда.

Быстрая перемотка времени, и вдруг из положения лежа на спине я оказалась стоящей, покачиваясь с дубинкой в руках.

Быстрая перемотка вперед во времени, и мои уши начали функционировать снова, сразу же захотелось, чтобы они не слышали. Скуление и вой заполнили небольшую темницу.

Крошечная блондинка с татуировкой колибри на бедре лежала у моих ног. Ее лицо было в синяках, искаженное от отеков. Ее взгляд встретил мой, когда я ахнула в абсолютном ужасе.

Я хлопнулась на колени, когда увидела окровавленный зуб на бетонном полу.

— Прости! Мне очень жаль. Прости. Извини! — Я не могла справиться с этим. Старая злость во мне поднялась, давая отпор наркотикам, только чтобы швырнуть меня в болезненную тошноту.

Сжимая дубинку, я качалась и качалась.

— Стой. Останови это. Пожалуйста, Боже, останови это. Кью. Пожалуйста. Прости. Ты мне нужен. Кью!

Что-то треснуло глубоко внутри. Моя душа сложилась внутри меня как оборванный кусок оригами, отнимая всё доброе, что было во мне, оставляя меня ни с чем.

Мои воспоминания, мое счастье, сила и страсть к Кью все исчезло. Просто так.

О мой Бог. О мой Бог.

Это происходит. Это случилось. Я пропала. Я буквально смотрела на конец моей жизни.

Время остановилось, и я пришла в себя, когда Кожаный Жилет толкнул меня на блондинку с колибри. Она не двигалась, не издавала ни звука.

Он засмеялся.

— Ты так хорошо справлялась, сучка. Выполняла приказы как

профессионал. — Он присел на корточки передо мной, схватив за волосы, чтобы посмотреть мне в глаза. — Ты избивала ее, пока мы не приказали тебе прекратить. Ты махала битой, как будто она была нечистью, которую ты хотела убить. Ты помнишь, путана? Ты помнишь, что ты сделала? А?

Я блеванула и упала. Кашель начался с удвоенной силой. Может быть, я могла бы задохнуться от кашля, захлебнувшись чем-то в моих легких.

Райан пнул меня от блондинки с колибри и потащил прочь.

Я пыталась не заснуть и не позволять наркотикам сбить меня с толку, но время мерцало и потрескивало. Почему я борюсь? Забвение лучше, чем реальность. С тяжелым вздохом я позволила наркотикам поглотить меня.

Коридор.

Комната.

Другой коридор.

Райан бросил меня в комнату, отличающуюся от отвратительных подземелий и клеток. Большое грязное окно впускало великолепный поток солнечного света, который освещал зло и тьму в комнате.

Удар кулаком по моим лопаткам послал меня прямо на пол.

Вспышка красного огня осветила мою челюсть, и мои глаза распахнулись. Я моргнула, когда КЖ появился перед моим лицом. Его жирная кожа и сальные волосы необходимо было продезинфицировать: он вонял как мусорный контейнер.

— Ты знаешь, почему тебя связали, шлюха?

Я связана? Я посмотрела вниз, заметив пути вокруг моего запястья и ног, крепко прижатых веревками к ножкам стула. Опять темнота. Еще один фрагмент моей жизни потерян.

Я не ответила. У меня больше не было сил переживать. Препараты когда-то были на моей стороне, изолируя меня от внешнего мира, превращая в интроверта до тех пор, пока больше ничего не существовало.

Он прошептал:

— Мы собираемся сделать с тобой то, что ты делала с девочками в течение последних нескольких дней. Но мы собираемся показать тебе, чего мы ждем от тебя в следующий раз. Никаких больше робких слабеньких ударов. Мы ждем побоев... так что запоминай.

Я не могла дышать.

Дни? Я делала это в течение нескольких дней?

Райан пробормотал что-то на испанском языке, держа биты в руке постукивая ею по своей ладони.

— Готова увидеть профессионала в работе?

Он не дал мне подготовиться и напал.

Я шумно втянула воздух, когда он ударил меня в живот.

Я согнулась вдвое, почти падая. Веревки вокруг моих запястий было единственным, что держало меня в вертикальном положении.

Боль резонировала как марширующий оркестр в моем животе, но я приветствовала ее. Может быть, это конец. Может, они убьют меня.

«Пожалуйста, убейте меня».

Следующий удар был по бедру, треск раздался так громко, и я была уверена, что моя нога была сломана. Я приветствовала боль, добавив ее ко всему остальному. Усугубляя ритм моего сердца, пока скорость и сокращения не унесут меня ближе к обмороку.

Кто-то ударил меня по уху.

Потом в грудь.

Следующий удар пришелся на лодыжку.

Потом кулак прошелся по скуле.

Они делали мне больно, повергая в агонию, но не заходили слишком далеко. Они сдерживались, чтобы не убить меня.

Каждое следующее наказание было больнее предыдущего, и я откровенно рыдала. Каждая часть меня оплакивала утраченную свободу.

«Я не могу больше этого терпеть. Я хочу уйти. Хочу умереть».

И, наконец, что-то острое кольнуло мою кожу, и очередная доза лекарства отправила меня в аттракцион кошмаров.

Глава 11

*Ты зовешь меня господином, но на самом деле я раб — служу боли,
которую жажду...*

Кью

Время было моим врагом.

Я хотел разбить вдребезги все часы, отменить каждое тиканье их

стрелок. Каждая секунда была беспрестанным напоминанием, что я подвел Тесс, каждое минута была бесконечностью в тоске по ней.

Я существовал только на чувстве ненависти и неугасающей потребности отыскать ее. Я не мог есть. Не мог сомкнуть глаз. Все, что я делал, ощущалось предательством.

С каждым проходящим днем, мое самообладание все больше истощалась, пока в конечном итоге, я напрочь перестал быть хладнокровным бизнесменом, который владел этим миром, и еще больше превратился в монстра, которым был на самом деле.

Никто не изъявлял желания находиться подле меня. Я ругался и кричал, и неистовствовал. Каждый день я все больше погружался в ад, и мне было на это совершенно наплевать. Я приветствовал оцепенение, опустошение, потому что заслуживал этого.

Я не был достаточно хорош.

Я даже не был достаточно силен, чтобы выследить женщину, которую любил.

Я был гребаным неудачником, который заслуживал влачить свое существование в одиночестве.

Я был одержим отчаянным желанием выпотрошить Росомаху и рассмотреть его внутренности, как карты таро. У него были ответы, но я был слишком глуп, чтобы заставить его говорить. Я был слишком вспыльчив, и теперь он был мертв, как и шанс когда-либо найти Тесс.

Я склонил плечи и ткнул в рану на своей руке. Ноющей боли было недостаточно. Я заслуживал больше. Я заслужил быть казненным на электрическом стуле, быть безжалостно растерзанным свирепыми тиграми. Я заслуживал каждый ужасный способ, которым мог умереть человек. Я заслужил быть пристреленным за то, что не смог уберечь свою эсклаву.

Мои пальцы вырывали нитки швов. Какому-то студенту-медику посчастливилось совершить бесплатный полет на моем частном самолете G650, чтобы оказать мне первую необходимую медицинскую помощь на нашем обратном пути из Москвы. Нам удалось убраться оттуда до того момента, пока не расползлись слухи, но я не сомневался в том, что за моей головой теперь вел охоту больше, чем один долбаный торговец людьми.

Сидя за каким-то столом, в каком-то кабинете, в каком-то городе, хрен разбери какой стране, я склонил голову и обернул свои пальцы

вокруг головы. С неистовой силой я сжал их, впиваясь ими все сильнее и сильнее, причиняя себе боль, приветствуя подступающую мигрень. Я хотел вскрыть черепную коробку и остановить эмоциональную боль.

В какие-то мгновения мне было не под силу сделать ни единого вдоха от мысли о том, что происходило с Тесс. Я хотел задушить на корню все мысли о ней в своей голове до того момента, пока мне больше не нужно было бы терпеть такие муки.

Но сразу же следом за подобной жалостью и одиночеством, мной овладевал яростный гнев. Лютая ярость, что она оставила после себя. Я ненавидел, что она заставила меня чувствовать. Я ругал ее последними словами за то, что она превратила меня в сложное, извращенное существо, а затем просто исчезла без следа.

Прошло шесть дней.

Затем еще полторы недели.

Двадцатичетырехчасовые глыбы наслаивались друг на друга, создавая неподвижную гору, тем самым, отдаляя меня от поиска той единственной, о которой я больше всего заботился. Время создавало для меня препятствия в поиске моей гребаной второй половинки.

Я буду влачить свое существование в одиночестве. Умру в одиночестве. Я буду существовать в гребаном аду в полнейшем одиночестве, а все потому, что Тесс была похищена, а я был слишком бесполезен, чтобы уберечь ее от этого.

Бл*дь, Тесс, где же ты, черт возьми?

— Нам только что поступила конфиденциальная информация. Через час мы вылетаем в Сингапур, — проговорил Фредерик, стоя в дверном проеме.

Я поднял на него взгляд, всего еще отчаянно стискивая голову.

Я даже не мог вспомнить, в какой именно стране мы находились. Мы были повсюду. В России, Испании, Саудовской Аравии, Таиланде. Следя за вереницей слухов. За малейшими упоминаниями о том, что кто-то кого-то знает, и этот человек знает, где именно держат Тесс.

Это все напоминало непрекращающуюся погоню. Повсюду ложь. Все они скрывали правду.

Правда будет обнаружена только тогда, когда мы найдем первоисточник. Не подкупом криминальных информаторов или же угрозами слить их драгоценные имена местным властям. В моих руках была безграничная власть, но она не значила ни хрена, когда никто

ничего не знал.

Черт возьми. Ты чертов недоумок, Мерсер! Правда может быть получена только из первоисточника. Как я мог не видеть этого?

Это осознание было подобно тому, как если бы кто-то резко раскрыл занавески, приглашая проникнуть вовнутрь солнце, чтобы прогнать мрак нежилой комнаты.

Я так резко подскочил на ноги, что стул опрокинулся назад и ударился о плиточный пол. Теперь я вспомнил. Этот кабинет принадлежал Ли Чо. Мужчине, которому я построил два казино в Макао в обмен на четырех рабынь. Гонконг был сверкающим и гламурным, но под всем этим внешним лоском, он был точно таким же, как и все многонациональные города — скрывал жутко опасный и извращенный мир (прим.пер. Специальный административный район Макао — специальный административный район Китайской Народной Республики. По другому «китайский Лас-Вегас»).

И Ли Чо больше не был у руля этого мира.

Сейчас Ли гнил в позе эмбриона, запихнутый в свой шкаф.

— Меня не волнует информация, — прорычал я. — Я знаю, куда нам нужно отравляться.

Фредерик нахмурился, подходя ближе.

— Кью, когда ты в последний раз спал? Тебе необходимо поесть. Ты изможден. Ты не можешь существовать на чувстве мести и выпущенных пулях.

Нестерпимое желание ударить его взвилось во мне, но я подавил его.

— Больше никаких наводок. Они бесполезны.

Он покачал головой.

— Один из шестерок Чо дал нам имя человека, у которого есть гарем в Сингапуре. Он может знать, где находится Тесс.

Я потер лицо ладонями, стараясь из-за всех сил не сорваться на крик.

— Это будет пустая трата времени. У него не будет Тесс. Нам нужно вернуться к отправной точке.

— Отправной точке?

Я быстро устремился вперед, протискиваясь мимо Фредерика. Никто в привычном окружении не купил бы Тесс. Джеральд ни за что не продал был ее для того, чтобы ей воспользовались так... «по-

доброму». Он жаждал крови. В чем заключалась бы месть, если бы он продал ее не больному ублюдку, а тому, кто точно бы сохранил ее в живых? Нет, он точно продал ее тому, кто разрушит ее. Сломит. Тому, кто был твердо намерен раскошелиться, ради удовольствия разрушить ее.

Бл*дь. Какого хрена мне не пришло в голову это раньше
Это чувствовалось правильно. Я нутром ощущал, что был на верном пути.

— Собирайся. Мы вылетаем в Мексику.

Четыре дня.

Четыре гребаных дня мы тщательно прочесывали пронизанный грехом мир Мексики. Охотясь на наркоторговцев и трусливых воров, мы скрывались в барах и разнюхивали информацию, связанную с незаконной деятельностью. Неважно скольких мужчин Франко бы не пытал или сколько бы взяток я не давал, это никак не способствовало притоку информации.

Никто не имел понятия, кто похитил блондинку на скутере четыре месяца назад.

— Съешьте это, босс. — Франко подвинул тарелку с лапшой мне под нос тем самым, закрывая карту трущоб Мексики, которую я детально изучал в течение трех прошедших часов.

Тесс могла бы находиться, где угодно в этом грязном городе, а я мог спокойно проходить мимо любого из зданий, в котором ее насильно удерживали, и не знать этого.

И как бы меня не одолевал голод, мысли о еде, о поддержании жизни в своем организме, в то время, как Тесс могло больше не быть в живых, заживо сжирали мою душу.

Я проигнорировал его, отталкивая от себя тарелку.

Франко похлопал меня по плечу, когда Фредерик вернулся от барной стойки с тремя кружками холодного пива.

— Тебе понадобятся твои силы. Для нее. Твой разум начнет работать лучше благодаря подпитке.

Фредерик пролил пиво на мою карту, занимая свое место.

Я бросил сердитый взгляд, вытирая рукой бумагу, прежде чем

жидкость смогла бы повредить ее.

Фредерик кивнул.

— Я согласен. Поешь и подзарядись. Ты не поможешь ей, если потеряешь сознание от голода.

Животное внутри меня не нуждалось в таких мелочах, как питание. Оно нуждалось только в крови. Но я не гребаный супергерой, поэтому было необходимо подкрепиться.

Тяжело вздыхая, я попытался вернуться в реальность и сел прямее. Осознавая, что в их словах был здравый смысл, я принялся за лапшу и принудил себя проглотить. Я был путешественником. Жил в городах по всему миру, но в душе навсегда оставался французом, и я скучал по утке миссис Сукре и ее домашним багетам. Я тосковал по незатейливому совершенству. Тосковал по своей четко упорядоченной жизни. Тосковал по Тесс каждой гребаной частичкой себя.

Посреди трапезы я сдался и прорычал:

— Должен быть какой-то другой способ.

Я склонил плечи, хмуро смотря на капельки влаги на пивной кружке. Фредерик что-то пробормотал с набитым ртом, а Франко приподнял бровь.

— Например, что? Мы пытались подкупить людей, которые были задействованы в торговле людьми, из других мы пытались выбить информацию. Мы ругались, мы угрожали, умоляли. И тут два варианта: или же никто не имеет ни малейшего понятия, где она, или же слишком напуганы, чтобы сказать нам.

Я потер ладонью подбородок, позволяя разуму погрузиться в поиск подсказок, ответов, выводов, которые могли сослужить нам лучшую службу, чем наши существующие методы.

— Все мексиканцы, так или иначе, связаны между собой. Я читал, что этот город является одним из наиболее дружественных на земле, — отпустил комментарий Фредерик, вытирая рот салфеткой и делая небольшой глоток пива.

Ага, вероятно, за исключением ублюдков, которые промышляют похищением и продажей людьми.

— Там говорилось, что это является предметом гордости: иметь самую большую семью из всех возможных. Я говорю о бесчисленных родственниках и родственниках и еще раз родственниках. Тебе нужно проверить...

— Родственники. — Я подскочил на ноги, улыбаясь в первый раз за четырнадцать дней Фредерику. — T'es un putain de génie (прим. пер. с фр. Ты чертов гений).

Франко поднялся на ноги, осматривая толпу, грязный бар, убеждаясь в том, что моя резкая смена положения не привлекла не нужного внимания. Мои мышцы были чертовски напряжены от мысли о возможной драке в баре. Я отчаянно жаждал использовать свои кулаки, вытащить нож и раствориться во всепоглощающей ярости.

Как только он убедился, что горизонт чист, Франко пробормотал:

— Не желаешь поделиться мыслями?

Нет, мать вашу, я не желал делиться мыслями, потому что это будет трата времени впустую.

Вместо того чтобы ответить, я направился непосредственно к барной стойке и запрыгнул на нее. Мужчины похватали свое пиво, пялясь на меня во все глаза с раскрытыми ртами, руками защищая свой драгоценный алкоголь.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — проговорил бармен.

Я кинул ему банкноту в сто евро.

— Выключи музыку.

Бармен ответил недовольным ворчанием, но все-таки засунул банкноту в свой грязный фартук и потянулся за барную стойку, чтобы убавить громкость. Во внезапно воцарившейся тишине люди замерли на середине разговора. Все взгляды устремились ко мне, я же ждал до того момента, пока в помещении не воцариться полнейшая тишина.

В то мгновение, когда внимание всех было приковано ко мне, я четко заявил:

— Я заплачу любому, у кого есть информация о мужчинах, похищавших женщин в пригороде четыре месяца назад. Они похищали женщин из кафе и, возможно, совершали другие нападения по всему городу.

Я сжал ладони в кулаки, но я принудил себя продолжать говорить спокойным голосом:

— Я заплачу тридцать тысяч евро любому, кто даст мне имя. Все будет абсолютно анонимно. Мне не нужно совершенно ничего знать о вас. Предоставьте информацию и деньги ваши.

В качестве поощрения, я достал две банкноты по сто евро из кармана своего пиджака и развел их веером в руке.

— В благодарность за ваше внимание, ваша еда и напитки сегодня за мой счет.

Франко появился возле моих ног, посматривая вверх с напряженным беспокойством. Его глаза осматривали комнату в то время, как рука находилась наготове у нагрудной кобуры, готовая выхватить пистолет в любое мгновение.

— Время спускаться. Ты здесь легкая мишень.

Я кивнул, обращаясь к толпе.

— Я сижу в дальней части бара. Найдите меня, если у вас есть имя.
— На этих словах я спрыгнул с бара.

Франко выпучил глаза.

— Какого черта. Теперь ты идеальная мишень. Кто угодно может попытаться убить тебя.

Я поправил костюм и передал деньги бармену, чьи глаза загорелись, словно фейерверки.

— Это плата за всех на сегодня, понял?

Он кивнул. Я сомневался, что ему можно доверять, но на самом деле мне было похрену.

— Кто-то да донесет, Франко. Они всегда так делают, когда замешены деньги.

— Что если он пытается убрать тебя, ожидая найти больше тридцати тысяч евро в кармане?

Я усмехнулся, намереваясь пройти мимо него и присесть.

— Для этого ты здесь. Чтобы защищать мою жизнь от подобного тупого дерьма.

Он сердито хмыкнул, и музыка вновь увеличилась до оглушительных децибел.

Я двинулся к своему месту и уселся в ожидании жертвы, которая придет ко мне.

Шесть часов спустя бармен попытался выпроводить нас.

Никто так и не рискнул подойти к нашему столику, и у нас было столько пива, сколько мы могли выпить, прежде чем не снизилось бы наше внимание.

Мы заплатили бармену, чтобы остаться на ночь. Я не хотел

уходить. В моей голове крутилась мысль, что ценная информация, которая так мне необходима, уже была на пути ко мне, что значило, что было известно о награде в тридцать тысяч евро. Я представлял, как новости передавались из уст в уста, облетая гетто и огромные районы, переходя от родственника к родственнику. В конечном итоге кто-то да будет знать нужную информацию. И в результате кто-то да придет ко мне

Я отказывался думать по-другому.

К тому времени, когда утренние солнечные лучи забрезжили сквозь грязные окна, моя задница ощущалась плоской от непрерывного сидения, а спина неистово вопила от боли. Вот и наступил новый день.

День, когда я найду Тесс. День, когда я обрушу ад на землю мужчинам, которые думали, что могли украсть то, что принадлежало мне.

Вместо того, чтобы чувствовать себя несчастным и ни на что не способным, я ощущал нетерпение и готовность. В первый раз за много дней, я был на ступеньку ближе к тому, чтобы найти Тесс и оставить весь этот чертовый ночной кошмар позади нас.

В десять утра прибыл кухонный персонал, чтобы подготовиться к наплыву толпы во время обеда. К одиннадцати двери открыли и начали подтягиваться ранние клиенты, чтобы перекусить тем, что готовили в баре.

Принимая во внимание, что я не смыкал глаз в течение пятидесяти часов, я был буквально переполнен внутренней энергией. Мой взгляд не покидал двери, и каждый человек, который переступал порог, заставлял мое сердце биться быстрее.

Вот оно.

Это должно сработать

В любую секунду.

«Любая секунда» сменилась еще одним гребаным часом, и мое заходящееся сердце наполнилось яростью. Это должно сработать. Это был последний шанс.

Какого хрена я буду делать? Отправляюсь домой и буду жить, словно Тесс никогда не существовало? Притворюсь, что она не сделала

из меня лучшего человека и не научила меня, как быть счастливым?

Мой разум сосредоточился на внутреннем размышлении, что это будет значить для моего будущего. Я бы никогда не вернулся. Никогда не вернулся домой без Тесс подле меня. Я бы оставил позади образ Кью Мерсера и ...

— Черт возьми, Кью, — пробормотал Фредерик, его взгляд был прикован позади меня. — Это, мать твою, сработало. Я не могу поверить.

Я стремительно развернулся и уставился лицом к лицу на грязного ребенка, которому, как я полагал, было лет десять или одиннадцать. У маленькой девочки были дреды, достигающие до талии, ее кожа, возможно, и была лишена изъянов, но была покрыта сплошь грязью, и на щеке виднелся ужасный шрам.

Я не имею понятия, каким образом она прокралась незамеченной мимо меня, но точно знал, что эта та самая девочка, которая приведет меня к Тесс.

Мои руки дернулись от всеобъемлющего желания схватить и встряхнуть ее, потребовать, чтобы она поведала все, что ей известно. Но я сжал мои пальцы и держал их вне пределов видимости под столом.

Это действие потребовало от моего тела приложить каждую частичку немыслимого контроля, чтобы мягко улыбнуться и склониться до ее уровня. Мой голос был грубым и хриплым, но я сохранил свой тон беспристрастным.

— Bonjour. Ты пришла ко мне?

Она взглянула на Франко, который источал угрозу, а затем на Фредерика, на губах которого растянулась мягкая улыбка. Все трое из нас не брились на протяжении множества дней, наши глаза были красными и неистово блестели от пережитого горя и беспокойства.

Бедный ребенок, должно быть, была в ужасе, но у меня не было времени, чтобы успокаивать ее.

— Мы не обидим тебя. Скажи нам, что тебе известно, и я позабочусь о том, чтобы за тобой и твоей семьей приглядывали на протяжении долгого времени.

Она прикусила губу, переступая босыми ногами по липкому полу, залитому пивом.

— Я знаю, кто тебе нужен. Моя мама раньше убиралась на складе, прежде чем они сменили место, а также я пробиралась туда, чтобы

раздобыть еды, когда охранники отвлекались.

Мой желудок стянуло тугими узлами. Склад. Сколько, черт побери, женщин они продали? Я хотел спросить у нее так много вопросов. Я отчаянно желал сохранить жизнь каждой девушке.

Я тяжело сглотнул, отмахиваясь от вопросов в своей голове. Только единственный вопрос имел значение сейчас. За остальными я мог вернуться. Тесс была моя. Она нуждалась во мне, и я буду там до того, как этот день подойдет к концу.

— Этот мужчина внушал мне страх, но он дал мне конфету, чтобы я не мешала маме работать и посидела в углу. Он трогал других девочек моего возраста. Однажды пытался потрогать и меня, но моя мама остановила его.

Ее большие черные глаза встретились с моими, такие невинные, но совершенно лишенные даже намек на наивность. Она прекрасно понимала, что делала, говоря мне имя этого мужчины. Она знала, что ему не жить. Даже своим столь юным сердцем, она могла учуять запах гнусного зловония.

— Скажи мне его имя. — Я подался вперед, не в силах сдерживать больше свою настойчивость. Она исходила из моих пор, держа в напряжении мои мышцы. — Скажи мне, и я позабочусь о том, что ты больше никогда не увидишь его вновь

Она потупила взгляд и напряженно сглотнула. Секунды пролетали в то время, как девочка смотрела неподвижно в одну точку. Наконец, ее взгляд осмотрел помещение бара, и она придвинулась ближе. Прикладывая свою крошеную ладонь к моему уху, коснулась губами моей кожи, когда прошептала:

— Его имя — Смит, но его больше нет в городе.

Смит?

Чертов Смит? Самое распространенное имя во всем мире. Во сколько гребаных тупиков должен был я угодить?

Гнев и удовлетворение было двумя равными составляющими. У меня было имя ублюдка, но я не приблизился к тому, чтобы найти его.

— Это очень хорошо, *ma chérie*. — Я улыбнулся, ощетиниваясь от напряжения. — А тебе случайно неизвестно, где он живет сейчас?

Она покачала головой, покрытой дредами, бормоча:

— Но я знаю, где он работает.

Я так чертовски сильно старался вести себя терпеливо, медленно

кивая.

— Замечательно. Можешь сказать мне? Я заплачу тебе сверх обещанной суммы, чтобы твоей маме больше никогда не пришлось работать.

Ее глаза распахнулись, и она вновь приложила ладонь к моему уху.

— Я слышала, что моя мама говорила, что он перебрался в место под названием — Рио. Но я не знаю где это.

Рио.

Черт возьми, гребаное Рио.

Тесс была в Бразилии.

Я больше не мог сдерживать себя. Я схватил ребенка и отчаянно сжал в своих объятиях, прежде чем предать ее Франко.

— Заплати девочке и убедись в том, что она получит все, что захочет. Купи дом, меня не волнует, просто отплати ей.

Девочка взвизгнула, когда Франко сгреб ее в охапку и зашагал прочь из бара, направляясь к яркому солнечному свету.

Наконец-то солнце больше не насмехалось надо мной. Оно не говорило мне, что моя жизнь пройдет без женщины моей мечты; теперь оно говорило мне оправляться на решающую охоту. Решающую битву, чтобы освободить ее.

Направляясь на пятках к двери вместе с Фредериком, я пробормотал:

— Тебе следует уехать, Ру. Тебе не нужно быть частью этого.

Я спланировал обагрить свои руки. Я буду гореть в аду, за то, что собирался сотворить с ублюдком Смитом.

Фредерик пробормотал:

— Я никуда не собираюсь уезжать. Я хочу посмотреть на то, как ты разорвешь этого ублюдка на части.

Моя душа неистово горела от желания убивать. Больше не осталось ни капли человечности — сегодняшняя ночь была посвящена убийству.

Я иду за тобой, мудака.

И я позабочусь, что ты, мать твою, будешь рыдать, прежде чем я закончу.

Глава 12

*Спаси меня, плени меня, но не поддавайся мне.
Зли меня, козырай мной, уничтожь то, что преследует меня.*

Два дня? Неделя? Месяц? Год?

Я потеряла счет времени, сколько уже существовала в этом аду.

Больше не имело никакого значения, так как мое тело было изувеченным, а разум не подлежал восстановлению.

Я существовала в хаосе и горе. Я потеряла в весе, потому что больше не ела. Мои кости отчетливо выпирали из-под кожи, а во рту всегда было сухо. Наркотики никогда не предоставляли мне мгновений умиротворения — унося меня от ужасающей реальности в кошмары, наводнявшие разум. Туман, дымка удерживали меня от понимания, насколько близка я была к своему концу.

Кожаный Жилет продолжал насмехаться надо мной, заставляя причинить боль двум блондинкам, пока я беспрекословно не повиновалась его приказам. Если бы я не стала избивать их, это бы сделал он.

Если бы я не избивала их бейсбольной битой, то тогда это сделал бы он.

Если бы я сломалась и заплакала, тогда он начал бы избивать их сильнее, ломая кости или заставляя истекать кровью.

Я пребывала в наркотической дымке и извинялась, и рыдала. Он же смеялся, заставлял и угрожал причинить боль.

Он заставил меня презирать себя за то, что я была жива. Он заставил меня сомневаться во всем том, кем я была, и во всех своих хороших чертах. Больше ничего не осталось.

Кто мог полюбить меня, если я была приспешницей дьявола?

Мой разум истязал меня образами более счастливых мест: кровать Кью, смех Сюзетт и тепло.

Я отчаянно хотела оказаться дома. Желала спать в месте, залитом солнечным светом, и никогда больше не испытывать холода. Мне никогда еще не было так холодно.

Воробьи часто посещали меня в моих снах. В самом начале они помогали мне упорхнуть отсюда, поднимали меня вверх, и позволяли мне быть вне досягаемости от Кожаного Жилета, но чем больше меня пытали, а я, в свою очередь, остальных, тем сильнее на смену сочувствию в их черных глазах приходила ненависть. Теперь их крылья больше не были моим спасением. Они клевали мою плоть своими острыми крошечными клювиками, кружа вокруг меня, как крошечные стервятники.

Каждый раз, когда мои мысли устремлялись к Кью, я закрывалась. Боль была невыносимой, и я просто не могла совладать с презрительной ненавистью, которая сверкала в его взгляде.

— *Твоя душа прогнила, эсклава. Была порабощена тьмой, и я больше не смогу спасти тебя. — Он склонился надо мной, источая аромат свежести и чистого цитруса. — Je ne suis plus à toi (прим.пер.фр. Я больше не принадлежу тебе).*

Эти слова помогли мне отыскать выход в остатках моего растерзанного разума. Я больше не принадлежала Кью. Я вновь не принадлежала никому, и вместо того, чтобы пробудить во мне былую боль, все, что я почувствовала, было облегчение. Облегчение, потому что скоро меня больше не будет в живых. Скоро я умру, и затем мне больше не придется истязать невыносимой болью других.

Что-то резко вернуло меня в настоящее. Я опустила взгляд на свои переступающие ноги, моя рука была заключена в неистовой хватке Райана.

Еще один пласт времени канул в лету. Никогда ему не быть восстановленным в памяти или же запечатленным в воспоминании. Что я делала прежде, чем пошла?

Принуждая мой язык двинуться, я пробормотала:

— К-куда ты ведешь... — Затем мои силы покинули меня, и я больше не могла вспомнить, что же хотела узнать у него.

Внезапно передо мной возник образ моей матери, взирающей на меня со скрещенными на груди руками, в то время как я неуклюже переставляла ноги, приближаясь к ней.

— Взгляни на себя, дитя. Тебе нужна ванна. Ты выглядишь, как бездомная оборванка. Сколько я тебе твердила есть? — Ее озабоченность моим благополучием ощущалась хорошо до того момента, пока она злобно не прорычала: — Если в тебе только кожа да кости, что же тогда достанется росахам на ужин?

Иллюзия разлетелась на осколки, когда Райан резко втянул меня в комнату, которая находилась в дальнем конце бесконечного коридора.

— Пришло время преподать тебе последний урок, прежде чем ты закончишь обучение, милая. — Он погладил мою голову, будто я была его любимой зверушкой. — Я скучаю по нашим играм и забавам. Твои ногти такие острые. Люблю наблюдать за тем, как ты царапаешься, словно крошечный котенок.

Я покачивалась на месте, униженно наслаждаясь его поглаживаниями. После огромного количества времени, проведенного во тьме, наедине с ледяным бетоном, который являлся моей единственной компанией, чувствовать утешение другой руки приносило необъяснимое ощущение удовольствия. Даже несмотря на то, что эта же рука забила девушку практически до смерти.

Глубоко внутри я уповала на то, чтобы найти в себе силы и отшатнуться прочь.

Кожаный Жилет появился из ниоткуда, посмеиваясь.

— Все еще борешься, даже после всего этого времени, шлюха. — Он сжал мое лицо в ладони, и я прикрыла глаза. Я не желала видеть его и его пронзительный черный взгляд.

— Тесси, почему ты меня покинула? Ради этого? Ты ушла прочь от моей доброты и уважительного отношения ради этого? Чтобы гнаться за жизнью полной боли и разрушения? — Брэкс материализовался в нечто реальное передо мной; Я тяжело сглотнула. Брэкс олицетворял все, кем я больше не являлась.

Он был неприкасаемым и чистым и милым, а я была даже не достойна того, чтобы он говорил со мной.

— Не смотри на меня! Пожалуйста! — Я спрятала свое лицо в ладонях, но Брэкс подошел ко мне и отвел мои пальцы, чтобы взглянуть в мои глаза.

Его небесно-голубой взгляд заставлял меня ощущать себя беспомощной.

— Может быть, я не понимаю твоего решения, Тесси. Но я навсегда останусь твоим другом. Я всегда буду для тебя тихой гаванью.

Кожаный Жилет в одно мгновение разрушил мое видение, вызванное действием наркотика, хватая меня за волосы и остервенело бросая на пол.

Было больно. Унизительно. Мне было безразлично; я просто лежала на полу.

Кто-то бросил в меня чем-то тяжелым. Это больно угодило мне по позвоночнику, прежде чем отлетело от него и со стуком упало на пол.

Я свернулась клубочком, неистово вздрагивая всем телом от какой-то болезни, которую подхватила. Кашель становился все более интенсивным, и мои легкие медленно наполнялись все большим и большим количеством жидкости, пока мне не стало казаться, что я покачиваюсь на волнах океана, так же как и в тумане.

— Возьми его, мразь. — Кожаный Жилет толкнул носком ботинка мое бедро. — Сейчас. Не заставляй меня говорить тебя дважды. Тебе известны последствия.

Я не думала, что у меня была сила подчиниться, но в один момент я лежала, в следующий уже сидела на коленях, смотря безучастным взглядом на пол испещренный трещинами.

Что-то холодное было в моих руках.

Что-то тяжелое и черное и зловещее.

Пистолет.

Мое сердце начало биться быстрее в первый раз за много дней, неистово заходясь в борьбе против сонного состояния от наркотиков. Почему я держу пистолет?

— Последний урок. — Кожаный Жилет указал на девушку передо мной. Нежную блондинку с аккуратной грудью и татуировкой колибри в районе тазовой кости.

Во рту у нее был вставлен кляп, и ее красные глаза были сухими.

Она прекратила плакать еще много дней назад, когда Райан сломал ее левую руку. Было похоже на то, словно разум уже покинул ее.

Я попыталась выдавить улыбку, мы обе были заперты в этой ужасной тюрьме, но она просто смотрела на меня пустым взглядом.

— Убей ее, сука. Или я буду отрезать ей пальцы на руках и ногах до того момента, пока она медленно не сдохнет.

Ни одни наркотики не могли сдержать моего ужаса. Я отбросила пистолет и отползла прочь.

— НЕТ!

— Нет, — он рассмеялся. — Ты что только что сказал мне «нет»? — Он встал передо мной, его ноги загораживали проход. — Тебе и правда, следовало бы ответить «да». — Он посмотрел поверх моей головы. — Райан.

Неистовый крик заставил меня испытать рвотный позыв, когда Райан отрезал один из пальцев девушки.

Я не смогла посмотреть.

Я не могу смотреть.

Не смотри.

— Тесси, покинь это место. Это не то, чего ты хочешь, — пробормотал Брэкс.

— Эсклава, ты не одна из них. Если ты даже допустишь тень мысли о том, чтобы сдаться и умереть, тогда я буду преследовать тебя на протяжении вечности. — Страсть, с которой говорил Кью, поразила меня. На протяжении многих дней он твердил мне о том, чтобы я умерла. Сдавалась и позволила себе уйти. Или же это все проделки моего разума, который таким образом говорит мне не быть такой слабой? Может ли Кью все еще заботиться обо мне после всего того, что я натворила?

— Пристрели ее, — Кожаный Жилет толкнул меня к жертве. — Давай же.

Пролетело еще одно мгновение, и раздался еще один крик.

Я продолжала держать глаза опущенными, но это не остановило меня от того, чтобы увидеть лужу крови, которая растекалась вокруг девушки. Даже несмотря на то, что она надрывно кричала о пощаде, она все еще не пролила не слезинки.

Мое сердце неистово сжалось от мысли, что она даже не может найти успокоение в слезах. Ее жизнь покинула ее. Независимо от того пристрелю ли я ее или нет, ее жизнь была кончена.

Она просто не выживет.

«Спаси ее. Пристрели. Освободи ее».

— Говорю в последний раз, шлюха. Пристрели ее. — Кожаный Жилет присел на пятки, чтобы наши глаза были на одном уровне, располагая пистолет в моей ладони. — Сделай это. — Он поднялся на ноги и отошел назад.

Последняя капля благопристойности испарилась. Чтобы вырвать девушку из лап ужаса, мне предстояло отнять ее жизнь.

С трясущимися руками, я подняла голову и спустила курок.

Некая божественная сила взяла под свой контроль, выпущенную пулю, отправляя ее прямым ходом ей в лоб. Жизнь во взгляде девушки погасла в тот же момент, и крошечная улыбка растянулась на губах, прежде чем она повалилась на бок в полной тишине.

Я сделала это. Убила птичку, ради спасения которой Кью сделал бы что угодно. Я на самом деле была дьявольским отродьем и больше не могла мириться с собой.

«Сделай это еще раз, Тесс. Ты освободила ее. Освободи и себя».

Да. Таким образом я могла бы сбежать от всего.

Я развернула пистолет, направляя его в свой рот, втягивая дуло пропитанное запахом серы, и спустила курок во второй и последний раз.

— Так получается, ты ударил ее, потому что она попыталась покончить с собой?

— Да, босс. Я сделал так, как вы и сказали, и вставил только одну пулю в пистолет, но она все равно постаралась быстро провернуть этот трюк.

— Хорошо сработано. Ты добился успеха. Сильная стерва никогда бы не попыталась провернуть такое трусливое дерьмо, чтобы расстаться с жизнью.

Голоса смешивались и переплетались воедино, заставляя меня испытывать головокружение.

Постоянная пульсация в виске пробудила меня из безмятежного

забытья, погружая в состояние невыносимого холода и изнуряющей реальности.

— Она приходит в себя. Нам нужно покончить с этим сегодня вечером. Она бесполезна для меня.

Я резко распахнула глаза как раз тот момент, когда Белый Человек склонился надо мной. Он улыбался своей хищной улыбкой.

— Я слышал, что ты пыталась пристрелить себя, как собаку, так малышка?

Я издала стон, потянувшись к своей голове. По какой-то причине боль была намного сильнее, чем ранее, туман больше не был таким густым или же липким.

Наркотики... их действие ослабевало. Ясность начала возвращаться наряду с нестерпимой дрожью, что сотрясала мое тело. Мои челюсти сжались, когда я пыталась сражаться с дрожью.

— А известно ли тебе, что это за состояние? — Белый Человек погладил мою щеку. Моя реакция была быстрой, и я резко дернулась назад. — Это первые признаки ломки. Ты стала зависима от того, что мы тебе давали. Это идеальное решение, чтобы поддерживать твое подчинение.

Он вздохнул, поддевая пальцем мой грязный локон волос и накручивая его себе на палец.

— Известно ли тебе, что произойдет, если в ближайшие час или два ты не получишь дозу?

— Тебя будет так сильно бить дрожь, что ты, возможно, можешь откусить свой язык, — заявил радостно Кожаный Жилет, добавляя: — Ты будешь настолько поглощена желанием получения дозы, что будешь лезть на стены. Отдирать свои ногти... Ты по своему желанию будешь торговать телом, чтобы только получить сравнительно небольшую дозу того, в чем так нуждаешься.

Я оттолкнула Белого Человека в сторону, роняя голову в свои ладони.

Это правда? Произойдет ли это?

Но мне даже не нужно было верить им, что это моя будущая реальность. Моя кожа уже зудела от желания получить освобождение, а рот наполнился слюной от ожидания чего-то отличного от пищи. Я больше не могла существовать в этом мире. Я отчаянно желала пребывать в бесконечной дымке теплого утешения, обеспеченного

забвением.

Я подняла свой взгляд. Я сидела на столе в большой комнате, с изношенным ковровым покрытием, которым был устлан пол, и окружающими меня шкафами для хранения документов. Жалкая, покрытая патиной люстра, висела в центре комнаты.

Я сощурилась, стараясь сосредоточиться. Я не знала было ли причиной моего рассеянного внимания наркотическое опьянение или же мое недоедание, но мое видение стало размытым.

Громко кашляя, я едва не упала со стола, сотрясаясь неистового приступа кашля. Я хрипела, и каждое выступающее ребро впивалось в кожу исхудалых боков. Мне даже не нужен был доктор, чтобы знать наверняка, что у меня пневмония.

Постоянное ощущение озноба, тяжелое, вялое движение рук и ног, режущая боль в моих легких, когда я меняю положение с лежачего на стоячее, — это все были признаки болезни.

Белый Человек зацокал языком. Он стоял надо мной, выглядя царственным и собранным, в своей светло-голубой рубашке поло и джинсах, резко контрастируя с истинным злом, что таилось внутри него. По крайней мере, Кожаный Жилет демонстрировал свои намерения в каждом сантиметре тела. А Белый Человек выглядел, как любимый дядюшка или же уважаемый бизнесмен.

— Ты выучила свой последний урок сегодня. Ну и каково чувствовать себя убийцей?

Я втянула глубокий вдох, стараясь остановить воспоминания, переполняющие мой разум.

Громкий хлопок выстрела пистолета.

Отдачу тяжелого оружия.

Запах пороха и расплывающееся красное пятно на лбу невинной девушки.

Я крепко зажмурила глаза, когда ногтями расцарапывала свои предплечья, находя в этом действии какое-то облегчение от медленно нарастающего зуда.

Белый Человек не оставлял меня в покое.

— Испытала ли ты удовольствие, ломая девушке ногу?

Резко закрывая ладонями уши, я принуждала себя забыть.

Забыть сильный удар биты об ее бедро.

Хруст кости, когда она сломалась под натиском этой силы.

Я завывала от рыданий, раскачиваясь на столе.

Белый Человек схватил мои руки и осмотрел мои ногти. Сломанные, неаккуратные, под которыми находился огромный слой грязи.

— Понравилось ли тебе расцарапывать кожу на груди этой девушки, пока ее не испещрили кровавые царапины? Потому что именно ее кровь под твоими ногтями.

Мой рот открылся, когда я уставилась на ужасающее доказательство своих деяний.

Образы того, как я царапаю ее, рыдая, в тот момент, когда мои когти проходились по ее животу и груди, неустанно преследовали меня. К тому времени, когда Кожаный Жилет позволил мне остановиться, она выглядела так, словно столкнулась один на один с леопардом.

Я хотела растечься лужей и разрыдаться. Отчаянно желала, чтобы моя душа просочилась через мои глаза и избежала этого краха. Воспоминаний того, что я сотворила.

Белый Человек погладил меня по щеке.

— Ты хорошо справилась. А твои действия сегодня доказали мне, что ты готова. — Его губы изогнулись в садисткой усмешке. — Ты хотела бы узнать к чему готова?

Я внутренне сжалась. Мое сердце затрепетало от ужаса. Я не знала и не желала знать. Я бы просто не смогла выслушать еще больше злодеяний. Соленая слезинка сорвалась с моих покрасневших глаз.

Пинаю ее.

Ударяю ее.

Расцарапываю ей кожу.

Убиваю ее.

И я сделала это.

И делала это вновь и вновь.

Я вновь пережила мгновения, когда стала игрушкой Кожаного Жилета — его послушным монстром. О, боже мой, я помнила их мучения. Их ужас. Звук ломающихся костей в их телах, который проигрывался, словно чудовищная симфония в моей голове.

Больше крови. Больше криков. Больше... намного больше.

— Оставьте меня! Оставьте меня!

Белый Человек мягко проворковал:

— Вот, вот так. Хочешь что-нибудь, чтобы унять боль? Чтобы

заставить все это уйти?

Да!

Нет!

Они владели мной. Держали меня под контролем. На данный момент наркотики были моим единственным спасением. Моя реальность была чем-то, что я больше не могла выносить, потому как я запятнала ее, разбила на осколки и заполнила свою душу преступлением.

Секунды пролетали, а я дрожала настолько сильно, что все мое тело тряслось, словно с меня только что содрали плоть до костей.

— Скажи мне, что ты хочешь, и я дам тебе это. — Он погладил мои волосы, опускаясь рукой до моей груди.

Я издала тихий стон, отстраняясь прочь, но он уцепился за мой сосок, заставляя меня тем самым оставаться на месте.

— Ты можешь предпринять попытку и бороться с этим, но тебе известно, что в конечном итоге, тебе не одержать победу. Ты уже испытываешь жажду. Мы давали тебе большую дозу... тебе предстоит еще долго падать, малышка

— Ч-что в-вы х-хотите? — пробормотала я, расцарапывая до крови руки грязными ногтями. Зуд распространялся, поглощая меня.

Он облизал свои губы.

— Какой милый вопрос. Но тебе и так известно, чего я хочу. Я хочу, чтобы ты умоляла.

Я задрожала еще сильнее, сотрясаясь всем телом оттого, что последствия этого сказывались на мне. Он хотел, чтобы я умоляла о чем? О наркотиках? О сексе? Для того, чтобы он мог делать со мной что угодно?

Я не могу.

Не буду.

«Но ты знаешь что сделаешь... в конечном итоге».

Леденящий страх превратил мою дрожь в потряхивание. Я захрипела, когда мои легкие заболели от количества жидкости и болезни.

— Пожалуйста. Просто отпустите меня.

Он погладил мои волосы, притягивая к своей груди до того момента, пока моя щека не расположилась на его плече.

— Скоро, малышка. Совсем скоро мы продадим тебя, но ты еще

недостаточно сломлена для этого. Я совершил ужасную ошибку, продав тебя несломленной, и это принесло мне множество проблем. Я больше не совершу подобного промаха.

Его голос успокаивал меня, в то время как слова выносили мне смертный приговор.

— Когда я продам тебя, ты будешь настолько зависима, что мастер с легкостью сделает, что угодно с тобой, и ты будешь этого желать. Твой разум будет ощущаться настолько бессвязным, что ты будешь принимать приказы, словно от них будет зависеть твоя жизнь, потому как больше тебе будет не под силу принимать решения самостоятельно.

Я беззвучно зарыдала, ненавидя обещание в его голосе, ненавидя, что все из сказанного им исполнится. Я была так близка к тому, чтобы стать идеальной рабыней. Мою страсть к Кью затмила непреодолимая потребность ощутить вновь дымку и устрашающую теплоту. Я еще никогда не была так близка к потере самой себя.

Я уже потеряна.

Это лишило меня жизни.

— Пожалуйста... пожалуйста... — я больше не знала, о чем молила.

— Это уже близко к истине, — Белый Человек пробормотал. — Игнасио.

Кто-то схватил мою руку, и крошечный укол иглы ощущался чистой эйфорией. Мне больше не нужно было слышать, как ломаются кости или течет кровь. Я медленно погрузилась в состояние безразличия и отрешенности.

— Прелесть, я наслаждался этим путешествием с тобой. Ты еще не готова, но после того, что произойдет сегодня вечером... возможно, будешь готова. — Белый Человек оставил поцелуй на моем лбу, когда мое тело расслабилось и безжизненно повисло в его руках.

Ложное ощущение тепла поприветствовало меня, и я вздохнула, позволяя своему телу погружаться глубже, падать быстрее.

И на самом дне пропасти меня поджидал Кью.

Его руки были скрещены на сильной груди, костюм ослепительно поблескивал черным, напоминая бархат.

— *Это не ты, эсклава. Моя Тесс никогда не была настолько слабой.*

Я захихикала, покачиваясь в тумане, позволяя ему заключить меня

в свои химические объятия.

— Я больше не твоя Тесс. Я — ничто.

— Не говори так. Я иду за тобой. Черт побери, борись. Не обесценивай мою поездку, организованную для твоих поисков.

— Слишком поздно. Ты опоздал. — Мягкое облако закружилось передо мной, и я устремилась к нему, падая лицом вниз.

Разгневанный Кью бросился ко мне, его идеальные туфли отбрасывали в стороны клочки тумана.

— Черт побери, борись же! *Se battre comme vous le faites toujours* (прим.пер. Борись с присущей тебе силой!)? — Его голос просочился сквозь мое бесчувственное состояние, заставляя меня презирать себя.

И вместо того, чтобы прокричать в ответ, я понурила свою голову и позволила его гневу обрушиться на меня.

— Я не могу. Я не в силах. Со мной все кончено.

— С тобой ничего не кончено. Ты слышишь меня! Борись! — его команда в каком-то роде вдохнула в меня некую энергию, но тем самым лишь усиливая боль от моих ран, и с новой силой пробуждая отвратительные воспоминания. Я глубже погрузилась в состояние небытия. Захлопнула дверь перед прекрасным лицом Кью. Освободила себя, таким образом мне больше не нужно было претерпевать страдания.

— Прости меня. Я не была настолько сильной.

Мир канул во тьму, когда облако тумана унесло меня.

— Прощай.

В первую очередь меня пробудил холод.

Ощущение жгучего холода на моих сосках.

Я застонала, пытаюсь сглотнуть тяжелое ужасное послевкусие в моем рту. Все мое тело ощущалось чужеродным, замерзшим.

Где, мать вашу, я находилась? Я полагала, что в преисподней должно царить адское пекло?

С жаром я могла бы совладать. Мои легкие ощущались еще более тяжелыми от жидкости, что скопилась в них, и каждый вдох, который вырывался со свистящим звуком, давался мне с большим трудом. Наказания в виде избиений и оскорблений превратили мое тело в

бесплезную вещь, которое больше было совершенно непригодно ни на что, кроме как быть мусором.

— Она очнулась. Ты можешь приступить, Игнасио.

Мое сердце застучало быстрее, стараясь отчаянно угнаться за остатками тумана, в котором я пребывала. Мой разум заработал на полную силу, и я огляделась вокруг.

Черт.

Я находилась в какой-то сумасшедшей по виду спальне: дьявольской спальне. Черные занавески висели по бокам заколоченных окон, ободранные обои свисали со стен, словно наполовину сорванное с тела платье, и красная лампочка в безобразной люстре превращала всю комнату в не что иное, как жуткие тени.

Мой желудок скрутило, когда я взглянула вниз. Я была привязана к грязной кровати, совершенно голая, если не считать впивающейся в кожу веревки на запястьях и щиколотках.

Рвота поступила к горлу, но я сглотнула ее. Если бы меня вырвала, то я могла задохнуться и захлебнуться ею.

«Хорошо. Захлебнись. Смерть будет намного лучшим существованием чем то, что должно было произойти, Тесс».

Хныкающий звук раздался рядом со мной, и я взглянула налево. Блондинка с пирсингом и царапинами, которые порывали всю ее грудь, находилась в таком же лежащем положении. Наши глаза встретились, и ее губы задрожали, когда она попыталась бороться со слезами.

— Помоги, — прошептала она.

Я хотела потянуться к ней и крепко обнять. Хотела защитить ее. Сказать, что все будет хорошо; что это все лишь ужасный сон.

Я покачала головой, прикусывая мою губу, чтобы не расплакаться.

Она зажмурилась, стараясь предотвратить водопад слез. Шмыгнула носом, стараясь уткнуться головой в плечо.

— Какую ты хочешь первой, Игнасио?

Мой взгляд устремился к Кожаному Жилету, когда он расхаживал с краю кровати. Белый Человек сидел на цветном выцветшем стуле у стены с оборванными обоями.

Кожаный Жилет усмехнулся, его взгляд скользнул по каждому сантиметру обнаженной кожи.

— Я, пожалуй, начну с толстушки. Пусть мразь посмотрит, что случится с ней, как только я закончу.

О, господи.

Я затрясла головой, стараясь вырвать свои руки и ноги и освободиться.

Я заплакала, когда женщина, которая делала мне татуировку, помахала мне рукой, стоя около кровати. Она одарила меня ужасной усмешкой.

— Пришло время отправляться в лучшее место. — Она присела у моего плеча и воткнула иглу в исколотую вену. Когда нажала на поршень, Белый Человек пробормотал:

— Этот наркотик отличается от того, что мы кололи тебе до этого, малышка. Этот будет... скажем так, вести игру с твоим разумом. Потому как это именно та часть, которую нам необходимо сломить.

Ледяной жар заструился по моим венам, устремляясь неминуемо к моему сердцу, чтобы взять под контроль тело.

Белый Человек поднялся на ноги и направился вперед. Похлопывая мою обнаженную ногу, толика жалости промелькнула в его взгляде.

— После сегодняшнего дня, ты будешь продана. Я выполнил свою часть сделки. Хотя, признаюсь, я буду скучать по тебе. Я привязался к твоей силе. Для меня было честью разрушить тебя.

Он двинулся вперед, накрывая ладонью мою щеку.

— Не волнуйся. Я скажу твоему новому владельцу, что тебе нравится жесточе. О тебе хорошо позаботятся.

Я задохнулась, когда один из самых ужасных кошмаров стал претворяться в жизнь.

Жуки.

Пауки.

Насекомые со своими челюстями и клешнями уничтожали мои внутренности, стремительно прогрызая их. Все мое тело зудело и горело, и я неистово кричала. Затем я закашляла, потому что в моих легких не было достаточно кислорода. Я плакала и кашляла, пока хрипела, стараясь сделать вдох, но, несмотря на это, насекомые ощущались только сильнее.

Какого хрена происходит?!

— Прекратите!

Кожаный Жилет и Белый Человек наблюдали, в то время как ощущение стало распространяться вверх по моим рукам, устремляясь в мои пальцы, спускаясь в пальцы ног, переходя на живот и затем

накрывая грудь. Мое сердце кишело тараканами. Язык пожирала саранча.

И затем это ощущение достигло моего сознания.

Я закричала так неистово, словно моя душа могла свободно выпорхнуть и освободить себя из темницы моего тела. Темница стремительно наполнялась смертоносными тараканами и жуками. Белый Человек обратился в огромного грызуна, а его идеальные зубы удлинились, превращаясь в желтые клыки. Кожаный Жилет трансформировался в шакала, исходящего слюной и смеющегося, рычащего и свирепствующего.

Девушка рядом со мной так и осталась чистой и девственной, излучая белое и серебристое свечение добра всего мира, в то время как комната начала растворяться, стены таять, краска капать с потолка, обжигая меня, когда приземлялась на мое обнаженное тело.

Кожаный Жилет со своей шакальей мордой начал раздеваться. Он снял свой черный жилет и бросил его на стремительно разрушающийся пол. Языки пламени поглощали ужасный ковер, отправляя огненные дорожки к нам.

Я не могла дышать. Я могу дышать. Этого не могло происходить на самом деле. Это не может быть на самом деле.

Как только Кожаный Жилет-Шакал снял свою футболку и брюки, он спустил отвратительные трусы и стоял со своим крошечным скрюченным членом, который виднелся в густых зарослях темных волос. Его промежность кишела пауками, большое количество которых ползало между его ног.

Я прикрыла глаза, но образы настигли меня и там тоже. Если это, конечно, возможно, они стали еще хуже.

Появился Кью, и он обратился из своего нагого совершенства с его татуировкой с воробьями в разъяренного зверя с черными крыльями. За его спиной простирались трехметровые крылья, поблескивая черными, как смоль, с гладкостью вороньего крыла перьями. Его бледно нефритовые глаза излучали ярость.

Он покачал головой, отягощенный разочарованием и развернулся ко мне спиной. Его крылья заключили его в черный кокон до того момента, пока он не превратился в миллион птиц и те не разлетелись.

Он оставил меня.

Оставил меня с Шакалом и Грызуном.

Что-то схватило меня за щиколотку, и я широко распахнула глаза. Белый Человек-Грызун проводил кончиками пальцев вверх по моей голени, поднимаясь по бедру, прямо к тазовой кости. Разрезая меня своим прикосновением словно бритвой, хотя в его руках не было никакого оружия. Призрачная кровь текла оттуда, где он прикасался, отчаянно стекая красными каплями.

— Это для твоего собственного блага. — Он замахнулся кулаком и обрушил мощный удар на мою челюсть.

Моя голова резко откинулась в сторону, и я вперилась в глаза Блондинки. Она задыхалась, выглядя безумно и дико. Ее глаза были ясными и наполненными страхом. Она выглядела словно ангел, и мое отчаянное желание защитить ее сменилось желанием защитить себя

«Пожалуйста, спасите меня».

Еще один удар, но на это раз в живот. Нахождение в лежащем положении спровоцировало то, что удар, пришедшийся по животу, отдался в мою печень и почки.

Кожаный Шакал забрался на кровать и начал приближаться к нам на четвереньках, пялясь на Белокурого Ангела и меня. Его колено расположилось между моих разведенных в стороны ног, и я закричала, когда он погрузил свой омерзительный звериный язык в мой пупок и скользнул им ниже. Он прикусил мой клитор, слюнявя его обжигающей слюной.

Я кричала вновь и вновь, в то время как его слюна обратилась в языки пламени, сжигая меня дотла. Это было больно. Черт побери, как же больно. Сделайте так, чтобы это прекратилось!

Белый Грызун приказал:

— Сосредоточь свое внимание на другой. Пусть действие наркотиков немного поутихнет. Иначе она не справится.

Шакал кивнул, глубоко и хрипло дыша. Одна из его длинных лап схватила меня между ног, исследуя, сминая мою плоть. Он издал стон, когда протолкнул внутрь меня свой обломанный коготь.

— Ты недолго будешь оставаться такой сухой, путана. Подожди, когда твои наркотики прекратят действие. Вскоре после этого ты будешь умолять меня. — Его прикосновение исчезло, и он взобрался на несчастного Белокурого Ангела. Она зарыдала, когда он расположился между ее ног. Его волосатая бледная задница жестко подавалась вперед, когда он расположил локти с двух сторон от ее лица.

— О-отпусти ее, ты ублюдок! — Это что была я? Этот неясный, сломленный, безумно звучащий голос принадлежал мне?

Белый Грызун ударил меня еще раз, на этот раз удар пришелся по грудной клетке. Я закричала, когда мое в прошлом сломанное ребро заняло от нестерпимой боли. Он что, сломал его еще раз? Чувствовалось именно так — каждый вдох будто прокалывал мои легкие. Позволяя образовавшейся жидкости вытекать, заполняя мое тело слизью.

— Каждый раз, когда ты будешь говорить Игнасио прекратить, я буду бить тебя. Ты меня хорошо слышишь? Ты должна усвоить, что разговор без разрешения равносителен боли. Тебе необходимо понять, что подчинение — это единственный вариант, который у тебя остался. Ты это понимаешь, малышка?

Я подняла глаза, чтобы взглянуть на огромного грызуна, который нависал надо мной в голубой рубашке-поло и джинсах.

«Почему крыса была одета? Она говорила со мной».

— Он здесь, чтобы изнасиловать тебя, Тесси. Сделать с тобой такие вещи, которые бы я никогда не сделал с тобой. Ты оставила меня, — бормотал Брэкс в моем разуме.

Я знала, что это происходило не на самом деле, но как бы сильно не старалась вырваться, просто не могла сделать это. Ужас не позволял мне освободиться.

Кожаный Шакал поцеловал Белокурого Ангела, потираясь своей ужасной мордой об ее лицо. Она зарыдала еще сильнее и начала извиваться.

— П-прекратите это! — прокричала я.

Внезапно хлесткая, звучная пощечина обрушилась на мою щеку.

— Что я только что сказал, прелесть? — Белый Грызун покачал головой, предостерегая меня. — Тебе необходимо учиться.

«Он сказал что-то насчет боли? Неповиновения? Нельзя было проявлять неповиновение?»

— Не подчиняйся. Борись. Я иду за тобой, Тесс! — Кью неистовствовал в моей голове.

Но если я буду сопротивляться, тогда пострадаю. Почему я должна

потворствовать такой боли? Это же глупо.

— *Вот, кто ты есть на самом деле. Ты слишком сильная, чтобы позволять им делать это с собой.*

Кью испарился, на его место вернулся Белый Грызун. Он спросил меня:

— Ты еще со мной, малышка? — Он пристально вперился в мои глаза, но я не могла сосредоточиться на нем. Его образ оставался размытым и пылающим огнем.

Шакал плюнул на свою лапу и потер когтями между ног Белокурого Ангела. Ее хныканье сменилось на рваное тяжелое дыхание и мольбы.

— Прекратите. Пожалуйста. Я сделаю все, что вы хотите. Пожалуйста. Не нужно делать этого.

— П-послушайте ее! П-прекратите!

Удар в грудь.

Бл*дь, этот ощущался больнее всего. Чувствительные ткани горели и вопили от нестерпимой боли.

— Учись, девочка. Противостояние приравнивается к боли. В следующий раз я не буду таким добрым.

«В следующий раз? В какой следующий раз?»

Связные мысли покинули меня, и я еще глубже погрузилась в дымку.

Я замерзла. Так замерзла. Насекомые поглотили мое тело. Я явственно чувствовала, как они ползали в моей крови. Пожирали мой мозг.

Белокурый Ангел внезапно взревела от боли и разразилась отчаянным криком. Я смотрела с жутким страхом, как Кожаный Шакал толкнулся своим отвратительным членом внутрь нее. Он издал глубокий стон и облизал губы, смотря пристально в мои глаза.

— Ты следующая, гребаная сука. Смотри, как я трахаю ее. Ты будешь на ее месте. — Он толкался вновь и вновь в ее тело. — О, да. Ты примешь меня целиком. Я отплачу сполна тебе за твое сопротивление.

Страх полностью поглотил меня, наводняя еще большим количеством пауков и саранчи.

Белокурый Ангел была смертельно спокойной. Ее тело

покачивалось от того, что Шакал толкался в нее, и из ее глаз, не переставая, струились слезы, но ее выражение лица выражало безразличие, когда состояние шока завладело разумом. Я буквально услышала щелчок, когда ее разум сломался.

Нет!

Я обезумела.

Я вырывалась и кричала, не заботясь о том, что мое тело не сможет выдержать момент, когда на него обрушатся побои. Ничего больше не имело значения, кроме желания освободиться. Я хотела убить Кожаного Шакала. Хотела спасти Белокурого Ангела.

«Пошли прочь от нее. Это не честно! Бедная девочка».

Ярость одержала верх над наркотиками на единственное драгоценное мгновение, и я закричала:

— Отвали от нее! Отвали от нее, ублюдок!

Боль.

Распространяющаяся боль.

Меня вырвало, вызывая неистовую боль в груди. Мучения кружились вихрем в голове, угрожая погрузить меня в состояние беспамятства.

Белый Грызун стоял надо мной с плоскогубцами. Его глаза были мрачными, а челюсти сжатыми.

— Смотри, что ты вынуждаешь меня делать. Учись!

Я взглянула вниз, вновь поглощенная галлюцинациями под действием наркотика.

Мой средний палец был сломан надвое. Кость торчала из кожи, а кровь хлестала. Черви появились из раны, извиваясь в воздухе.

Пульсация становилась все хуже и хуже. Я хотела оторвать руку, чтобы избавиться от пульсации.

— Нееееееет!

— Да. Бл*дь, да. — Кожаный Шакал тяжело дышал, сильнее вдавливаясь в свою жертву. Она зажмурила глаза и претерпевала мучения.

Я рыдала. Это было извращенно, так извращенно. Я отрыла рот, чтобы сказать Кожаному Шакалу остановиться. Оставить ее, но петля из страха душила меня.

«Противостояние означает боль».

Мой язык онемел, и взгляд устремился к Белому Грызуну. Он

помахал плоскогубцами перед моим лицом.

— Ты еще не усвоила урок?

Несмотря не на что, да, я усвоила урок. Мое тело было перестроено. Разум был подчинен химическим веществам.

Все, что я полагала, мне было известно до этого момента, было перепрограммировано. Боль была отвратительной. Боль была мерзкой. Я хотела убежать от боли и скрываться от нее вечно. Больше никогда я бы не пожелала почувствовать вновь тонкую грань между страстью и сладкими муками.

Никогда больше я не позволю Кью прикоснуться ко мне вновь.

Ни за что на свете, я бы не пожелала вновь обнаружить себя в том хаосе, который представляла из себя. Я была совершенно потерянной.

Кожаный Шакал застонал, вдавливаясь сильнее, заставляя раскачиваться кровать, когда он кончил. Белокурый Ангел отчасти вздохнула, отчасти всхлипнула, когда он вышел из нее.

Небольшое чувство облегчения от того, что он закончил с ней, было разрушено, когда он перевел взгляд на меня.

— Дай мне пять минут, путана. Затем я весь твой.

Мои губы растянулись, чтобы я могла издать рычание, но холодное прикосновение металла окружило мой мизинец. Белый Грызун пробормотал:

— Ты уверена, что хочешь сказать, что собиралась?

Я стиснула глаза. Если я отвечу «да», могу подтолкнуть их к тому, чтобы они убили меня. Я могу заставить их освободить меня.

«Скажи это, Тесс. Покончи с этим».

— Она, вероятно, нет, но отвечу за нее.

Этот голос.

Сквозившая в нем мягкость, идеально граничившая с жестокостью.

Я знала этот голос. В другой жизни. В более счастливой жизни.

Мое сердце забилося в своем медленном ритме, настолько замученное от усталости, что оно едва стучало. Потребовалась вся моя оставшаяся энергия, чтобы я могла повернуть голову в сторону двери.

Восхитительный ангел с черными крыльями, который был родом из моих галлюцинаций, вновь вернулся. Его трехметровый размах крыльев заполнил всю комнату, сияя черным огнем и смертельной яростью. Стая ворон порхала вокруг него, превращая исчезающую комнату в водоворот перьев.

Белый Грызун развернулся и встретился лицом к лицу с новым видением. Я вздохнула и отчаянно хотела, чтобы оно было реальным. Я хотела, чтобы он был настоящим, чтобы я могла, наконец, расслабиться и быть в безопасности.

— Как, мать твою, ты попал сюда? — прорычал Белый Грызун, кидаясь вперед к плоду моего воображения, вооруженный плоскогубцами. Вороны начали пронзительно каркать и нападать на него сверху, обрушивая свои небольшие черные бомбы с глазами-бусинками, но это не остановило его.

Райан-людоед появился позади моего видения, бросаясь на ангела. Но Кью стремительно развернулся, и громкий звук выстрела заполнил комнату.

Череп Райана взорвался, разлетаясь в стороны крохотными капельками тумана, когда его тело рухнуло на пол. Белый Грызун отпрянул назад, бросая на пол плоскогубцы, в тот момент, когда еще больше ангелов ворвалось в комнату.

Чернокрылый ангел Кью подлетел ко мне в ту же секунду, шелестя перьями, а его глаза с ужасом скользнули по мне. Я хотела сказать моему видению, чтобы он забрал меня с собой. Чтобы он спас меня. Мне было совершенно похрену, если уйти — это значило умереть. Только не тогда, когда я могла уйти с ним.

«Забери меня. Я готова уйти. Я готова отправиться с тобой».

— Франко. Attrape ce fils de pute (прим.пер. фр.Держи этого сукиного сына).

Я сморгнула, когда мужчина появился позади черных крыльев Кью. Его мускулистая грудь блестела золотистым мехом, и изумрудные глаза сверкали как две полные луны.

— С огромным удовольствием, — пробормотал Золотой Человек.

— Постой. Не делай этого, — проговорил Белый Грызун, плотно прижимаясь спиной к стене, на которой проступала плесень.

Золотой Человек ударил его точно в челюсть, издавая стон удовлетворения, когда он рухнул на землю.

Мой взгляд устремился от Золотого Человека к Ангелу Кью, когда он втянул рванный вздох.

— Тесс... — Его наполненный терзаниями голос прокатился по моему телу. Я задрожала. — Бл*дь. Прости. — Он протянул руку, чтобы прикоснуться ко мне, но остановил себя. Его лицо исказилось

страданиями, он был преисполнен ненавистью к себе. — Это, мать твою, моя гребаная вина.

Еще один мужчина появился рядом с ним. Источая сапфировый свет, его старомодная красота заставила меня улыбнуться.

— Кью. Только не здесь. Тебе нужно оставаться собранным, мужик. Ничего еще не кончено.

Кью поднялся на ноги и резко оттолкнул его, крича в состоянии ярости.

— Ты что не видишь? Ты что не видишь что они, черт побери, сделали?

Сапфировый Человек схватил Кью за щеки своими большими ладонями, принуждая его посмотреть в его глаза.

— Да, я вижу это. Но у тебя есть работа, помнишь?

На мгновение все выглядело так, словно Ангел Кью был готов разорвать мужчину в припадке ярости на части, но в конце концов он стиснул свои челюсти и вырвался из его хватки.

— Ты прав.

Он развернулся лицом ко мне. Сильная боль в его глазах исчезла, до того момента, пока в них не осталось ничего, кроме неумолимой решимости.

Я вздохнула, смотря на него, отчаянно желая погладить его перья, ощутить мягкость крыльев.

Как только мои запястья были освобождены, он пробежался своим большим пальцем по коже, где была татуировка, его лицо исказилось отчаянным сожалением.

— Я положу свою жизнь на то, чтобы сохранить тебя в безопасности, Тесс. Tu es à moi (прим.пер.фр. Ты моя.). И больше никогда я не подведу тебя.

Освобождая меня, он занялся моими щиколотками.

— *Он пришел за тобой, Тесси. Это прекрасно. Он сделал больше, чем когда-либо делал я.*

Я отчаянно покачала головой.

— *Он не настоящий. Я наконец сломалась, Брэкс. Я не смогу стать прежней после всего этого. Я ухожу. Умираю. Мне безразлично, сколько мне предстоит прожить еще такой жизнью.*

Он покачал головой.

— *Ты сможешь спастись. Тебе всегда удавалось это.*

Видение рассеялось, когда Кью наклонился надо мной, прижимаясь лбом к моему. Я вдохнула его глубокий аромат, утопая в мускусном и каком-то пряном — более грязном запахе пота и крови и тяжелого труда.

Выражение лица Кью исказило душераздирающее страдание.

— Я собираюсь убить мужчин, которые сделали это с тобой. Я, черт побери, заставлю их кричать. — Его гнев обрушился на меня, заставляя мое сердце зайтись.

— *Он собирается ударить тебя. И ты заслуживаешь за то, что сделала. — Возник образ моей матери.*

Кью нежно прикоснулся к моей щеке, но я издала крик. Ожидая больше боли. Ожидая больше мучений.

Он резко отстранился, в его глазах стояло раскаяние.

— Кто-нибудь, мать вашу, дайте мне одеяло.

Его лицо вновь оказалась над моим, бледные глаза искали мои.

— Тесс. Я собираюсь поднять тебя. Клянусь могилой своей матери, я не причиню тебе вреда. Тебе нечего бояться. Я клянусь.

Нечего бояться.

Нечего бояться.

— *Как он смеет говорить это, когда именно он хлестал тебя, Тесси? Он заставил тебя истекать кровью. — Брэкс бросил злой взгляд на Кью, скрещивая руки на груди.*

— *Я сама просила этого. Я желала этого. Молила об этом. — Даже когда проговорила эти слова, я не могла вспомнить, почему просила о таких мучениях.*

— *Так и было, Тесси? Я не уверен...*

Время стремительно рвануло вперед, и еще один блок информации был украден.

Пронзительная, острая боль в моем пальце поглотила меня. Кто-то обернул кусочек простыни вокруг него, но тут же кровь пропитала хлопковый материал.

Тяжело сглатывая, я заметила, как что-то теплое и колющее

укрывало меня, уничтожая пронзительный холод, в котором я жила на протяжении многих недель. Жесткие мускулы окружили меня; Кью пробормотал:

— Я собираюсь забрать тебя домой и исправить это все, эсклава.

Эсклава.

Это слово вывело меня из наркотического забытья. Кью нес меня к двери, его черные крылья переливались всеми оттенками, когда он проходил под висящими лампочками.

Его подбородок был покрыт более густой щетиной, границы которой резко выделяли его рот, а глаза выглядели усталыми и измотанными от недостатка сна. Переутомленное состояние не соответствовало его идеальному образу в моем воображении.

Почему мой ангел выглядел так... так по-человечески?

Мои глаза искажали факты, наполняясь другими видениями. Образ Кью в грязном помятом костюме, пока он нес меня так, словно я была давно утраченной драгоценностью. Чем-то, что он больше не намеревался упускать вновь. Гнев циркулировал вокруг него, в то время как печаль сочилась из каждой поры.

Мое сердце застучало в характерном ему слабом ритме.

Кью нашел меня. Он здесь.

— Не будь такой тупицей. — Моя мать глумилась надо мной. — Ты не была главным приоритетом в его поисках. Никто не хочет тебя, Тесс. Прекрати выдвигать такие смехотворные предположения.

Мои легкие сокращались в попытке сделать вдох, в то время как боль рикошетом отдавалась по всему моему телу.

Зачем он тогда пришел? После всего я должна была быть его врагом. Я причиняла женщинам боль. Под моими ногтями была засохшая кровь, и моя душа запятнана убийством.

— Ты н-настоящий? — прошептала я, вздрагивая от неистовой боли в легких.

Кью дрогнул, его бледные глаза встретились с моими. На протяжении бесконечного момента, он просто пристально смотрел в мои глаза, пока не пробормотал:

— Я настоящий. Все кончено, Тесс. Ты в безопасности.

Я попыталась улыбнуться, но многоножки обглодали мои губы. Я

задрожала, нечетко пробормотав:

— Это хорошо. Видишь, Брэкс. Он все-таки пришел.

Брэкс вновь появился, пробегаясь нежным прикосновением руки по моим волосам.

— Так и есть, Тесси. Но ты не можешь быть такой наивной, чтобы считать, что тебе будет под силу возвратиться в прошлое. Только не сейчас, не после того, что ты совершила.

Мое сердце расколосось на миллионы осколков. Он был прав.

Мышцы Кью сжались под моим телом, приподнимая меня выше, прижимая грудь к его лицу. Он содрогался всем телом, когда прошептал мучительные слова в мою шею:

— Твой разум не сломлен. Твой разум не сломлен, мать твою.

Так или иначе, я не думала, что его слова были адресованы мне.

Он забормотал на французском языке:

— Si vous me l'enlevez, je le jure devant Dieu je vais ... Je vais (прим.пер.фр. Если ты забереешь ее у меня, я клянусь, мать твою, Господом Богом, я... я)... — Он не закончил сказанное. Вместо этого опустил меня ниже в своих руках, укутывая сильнее, и зарычал на Белого Грызуна: — Ты, мать твою, полагал, что это может сойти тебе с рук? Изнасилование женщин? Их продажа в сексуальное рабство? Накачивание наркотиками? Да, ты, бл*дь, труп и единственное место, куда отправишься — ад. Я обещаю тебе, что твой труп будет разрублен на мелкие кусочки. — Кью четко произносил каждое слово. Его гнев был осязаем, наполняя комнату тяжелым напряжением.

Я посмотрела вверх, околдованная яростным шелестом его крыльев и тем, как он непреклонно и непоколебимо стоял. Он посмотрел на Франко.

— Возьми их. И плоскогубцы тоже.

Кью развернулся на пятках и направился прочь из комнаты. Я вжалась сильнее в его тело, когда коридор сомкнулся вокруг нас, заставляя меня чувствовать себя, словно я нахожусь в животе у огромной змеи. Мой сломанный палец грозил отправить меня в состояние беспамятства вновь, но я стойко держалась. Появилось еще больше насекомых, которые пожирали мой мозг, а вереница видений следовала за нами по пятам. Моя мать, отец и Брэкс — все преследовали

нас, когда Кью уносил меня в безопасное место.

Кью склонил голову.

— Я заставлю их заплатить соразмерно тому, что они сотворили, эсклава. Попомни мои слова, они будут жалеть, что не были мертвы к тому моменту, как я нашел их.

Прилив тепла наполнил меня, когда его черные крылья окружили нас, заключая, словно в кокон. Его жар ощущался, словно пожар у моей замерзшей кожи, и он нес меня, как будто я была перышком.

Поврежденным и маленьким перышком.

Я больше не доверяла происходящему. Это не могло быть на самом деле. Я не сделала ничего, чтобы заслужить такое спасение.

Если только это не было миражом. Если только меня не уносили прочь. Возможно, я умирала. Возможно, мой разум воспроизводил свою собственную проекцию моих последних мгновений. Прощание с Кью. С величественным Кью с его черными крыльями и стаей воронов.

— Ты умираешь. Покайся в своих грехах сейчас, или же ты никогда не будешь принята в рай. — Моя мать заломила свои руки. — Признайся, как ты разрушила свою жизнь. Как ты сломала жизнь собственному брату. Как ты разбила сердце мужчине. И просто сдохни, в конце концов.

Я задохнулась от невероятной ненависти, которая сверкала во взгляде матери. Я не могла поверить в ту боль, которую она причиняла.

— Я никогда не х-хотела быть обузой. — Слезы, которые я стойко сдерживала все это время, брызнули из глаз. Как только они потекли, их было уже не остановить.

Кью замер на месте.

— Нет, эсклава. Прекрати. Ты никогда не была обузой. Никогда.

Я вытянула дрожащую руку и сжала одно из черных блестящих перышек в его крыльях. Они затрепетали, когда он обернул их сильнее вокруг нас словно щит. Я провела пальцами по стержню пера.

— Я каюсь во всем. Я ни на что не годная и желаю умереть.

Затем я потеряла сознание.

Глава 13

Ты моя одержимость, я твоя собственность. Ты владеешь самой глубокой частью меня.

Кью

Слова утратили все значения.

Я превратился в существо, претерпевающее лишь боль.

Тесс желала умереть. Моя Тесс. Женщина, которая заставляла мое сердце биться, решила прибегнуть к последнему возможному варианту.

Она хочет умереть.

Она желает покинуть меня навсегда.

Она не справилась с тем, что пережила. Ушла сильная женщина, которую я знал, на ее место пришла жалкая тень, поврежденная копия той, которой она была.

Мои руки сжались с огромной силой, и я испытал страх, что могу разломить ее надвое. Все мое тело испытывало панический ужас от мысли, что даже несмотря на то, что держу ее в своих руках, я потерял ее.

Я опоздал.

Образ гребаного обнаженного ублюдка с его жалким членом и образ несчастной блондинки рядом с Тесс подвергали страданиям мой разум.

Мое сердце вспыхнуло от ужаса, когда я увидел, насколько похожи были блондинка и Тесс. Их цвет волос был настолько схож, что это разрывало мою душу на кусочки от мысли, что я мог прийти слишком поздно. Слишком поздно, чтобы предотвратить изнасилование Тесс. Слишком поздно, чтобы она избежала повтора трагедии.

Но я проверил. Когда Тесс потеряла сознание, в то время как я

обернул какую-то тряпку вокруг ее пальца, я убедился, что ею не воспользовались. Меня убивала мысль посягать на интимность ее личного пространства, но мне было необходимо знать.

Мне необходимо было знать. Я бы не смог жить с собой в мире, если бы узнал, что над ней вновь надругались. Только не после Лефевра. Не после того, через что я заставил ее пройти. Ни один человек не должен испытывать столько боли, как Тесс.

Я хотел выть на кровавую луну и сбросить человеческую оболочку в обмен на что-то устрашающе ужасное с клыками и когтями и не имеющее гребаной совести. Я хотел быть дьяволом.

В моем разуме не было ни одной разумной мысли. Я не мог ясно соображать. Я сомневался, смогу ли вообще быть нормальным. Но тот факт, что Тесс не кровоточила между ног, помог мне оставаться человеком чуть дольше.

Тесс ощущалась легче перышка в моих руках, когда я нес ее туда, откуда мы пришли. Она так сильно исхудала, что выглядела, как приведение. Приведение со светлыми волосами и с огромным количеством синяков, что покрывали ее тело, заставляя ее выглядеть, как долбаное домино.

Мое тело не прекращало содрогаться, в то время как каждая эмоция заставляла меня чувствовать себя на пределе. Я желал убивать. Я испытывал отчаянное желание убивать снова и снова.

Тесс забилась в моих руках, когда ее выражение лица исказилось из-за какой-то галлюцинации, от которой она страдала в данный момент. След побоев на ее руках давал ясное представление о том, что ей пришлось пережить.

Я продолжал молить вновь и вновь. О том, чтобы ее разум не был сломлен. Ее разум не должен быть сломлен. Еак только наркотик выведут из ее организма, она будет в полном порядке. Я должен был верить в это.

Мои зубы отчаянно сжались, когда я вспомнил, что она сказала. Она, мать вашу, говорила с Брэксом. Он продолжал жить в ее разуме, нашептывая что-то ей, обеспечивая ее комфортом. Почему она не грезила обо мне? Я бы отдал что угодно, чтобы она думала обо мне. Чтобы она находила утешения в воспоминаниях обо мне.

«Ты никогда не был с ней ласковым. Ты был господином, который вел игры с ее чертовым разумом. Как она могла относиться к тебе с

любовью?»

Я не мог ответить на этот вопрос, и это убивало меня еще сильнее.

Достигая развилки коридора, я свернул налево, направляясь к огромному производственному цеху, откуда мы и проникли вовнутрь.

Мы обнаружили старый рыбоперерабатывающий завод на следующий день после того, как подкупили главного шефа полиции. У него были принципы, и потому он отказывался поддаваться некоторое время, но потом мы узнали через другие источники, что Смит отстегнул сотрудникам аэропорта, чтобы провезти груз.

Я признаю, что обезумел от мысли, что Тесс вновь ускользнет от меня. Я схватил шефа полиции за горло и достал свой проверенный нож, пока Франко наблюдал за тем, чтобы нас не потревожили.

Столкнувшись со страхом потерять свою жизнь, полицейский ублюдок выложил все. Он прекрасно знал Смита. Он знал достаточно, чтобы вызвать во мне отчаянное желание уничтожить и его. Однако, как только он слил всю информацию, мы поспешно ушли. Кто-то другой обязательно бы убил его. А я хотел забрать жизни других мужчин.

Моя кожа не прекращала покрываться мурашками с того самого момента, как мы ступили на территорию, передвигаясь под покровом тишины и тьмы. В момент, когда я обнаружил Тесс, мое сердце мгновенно разорвалось на кусочки.

Я никогда не чувствовал себя таким образом прежде. Таким слабым. Таким напуганным. Беспомощным.

Мое горло сжалось сильнее, когда я взглянул на женщину находящуюся без сознания в моих руках. Кровь просачивалась через материал ткани, которой был обернут ее палец, и я больше никогда не смогу стереть образ того, как сильно выпирали ее кости.

Ее челюсть была припухшей и покрасневшей, в то время как остальные синяки покрывали идеальную кожу. Каждый синяк пробивал брешь в моей душе.

Если бы я только не решил пойти на работу. Если бы я был настолько мужественным, чтобы открыться ей, и сказать Тесс, насколько сильно она была небезразлична мне. Был бы достаточно храбрым, чтобы разделить с ней каждую тайну и поклясться сдержать каждое обещание.

Если бы только я попросил ее показать, удалила ли она долбаный трекер.

Из-за моих действий Красный Росомаха догадался и отомстил мне за счет Тесс. Ему удалось одним махом отрезать мои яйца и похоронить меня заживо, забрав у меня одного единственного человека, без которого я не мог представить своей жизни.

Я совершил это, потому что был эгоистичным. Я хотел ее настолько сильно, что не мог отпустить, но именно благодаря моим действиям она находилась в постоянном страхе. И ситуация будет лишь становиться хуже. Пошел слух, что я убивал мудаков, которые занимались торговлей женщинами. Начали поступать угрозы расправы, и я знал, что мне придется их убить раньше, чем это сделают они.

Я прижал Тесс ближе к себе, желая, чтобы мой жар заполнил ее продрогшее тело. Появился Франко, направляясь ко мне, неся на руках девушку блондинку, у которой вся внутренняя сторона бедер была покрыта кровью. Она была бледной, как труп, и в ее глазах стояло выражение, которое было слишком хорошо мне известно: выражение, что была пройдена точка невозврата. Она представляла из себя пустую оболочку, где свободно перемещалась душа, в попытке сбежать от реальности.

Так много рабынь попадали ко мне с таким же взглядом. И их было наиболее тяжело восстановить. Вернуть их обратно в свои тела и не позволить им погрязнуть в небытие, когда они теряли волю к жизни.

Франко сжал челюсти и не проговорил ни слова.

Я обнял Тесс еще крепче и направился к дальней части завода. Все место было черным от грязи и вони. Неиспользованное на протяжении многих лет, оно нашло новое применение: продажа людей.

При других обстоятельствах, если бы обнаружил место подобное этому, то я бы послал Франко и пару его лучших людей. Я бы позволил им зачистить место и замарать свои руки. Моя деятельность в виде руководителя компании была слишком известна всем, чтобы рисковать, становясь мстительным убийцей.

Но сейчас с этим покончено. И я мог не отказывать себе в небольшом удовольствии «убить долбаного торговца людьми».

На этот раз я разорву каждого ублюдка своими руками. Я буду танцевать в лужах их остывшей крови, когда сожгу все место до основания. Кью Мерсера больше не существовало. Меня больше не волновали ни мой имидж, ни компания.

Теперь все, что меня заботило, — убить каждого ублюдка, который

причинял боль женщинам. Который причинил боль моей женщине.

Теперь убийства были моим приоритетом. Это будет первый раз, когда я полностью выпущу зверя, и я не желал никаких свидетелей. Я намеревался раствориться в процессе убийства. Насладиться этим, мучить свою жертву до того момента, пока она не будет молить о пощаде. И затем, когда они больше не смогут говорить от пережитых мучений, я убью их без намека на жалость.

— Фредерик взял группу Альфа для того, чтобы окончательно разыскать и собрать всех оставшихся ублюдков, в то время как группа Бета обнаружила больше двадцати девушек в бесчисленных комнатах.

Тесс закашляла, издавая громкие хрипы в моих руках. Мое сердце дрогнуло от этого звука. Это было не к добру. Она была больна. Ее бледность и жар чертовски пугали меня.

Франко пробормотал:

— Она будет в полном порядке. Нам просто нужно отвезти ее домой.

Дом.

Место, где я привык быть свободным, но теперь это было не так.

В тот момент, когда Тесс вошла в мою жизнь, она завладела мной. И я никогда не буду снова свободным. Я никогда не захочу быть свободным вновь. Если Тесс решила, что она покинет меня, покончив жизнь самоубийством, то она будет презирать меня вечно, потому как я сохраню ее жизнь.

Позади нас слышались шаги, Франко и я повернулись к толпе людей, которые направлялись к нам со стороны коридора. Разбитый пол завода со старым ржавым оборудованием и изношенной конвейерной лентой приветствовал, как рабынь, как и их торговцев.

Фредерик шел рядом с истощенными и грязными женщинами. Они моргали, когда подошли ближе ко мне.

Франко пробормотал девушке, которая была в его руках:

— Ты можешь стоять самостоятельно?

Девушке понадобилось немного времени для ответа, и даже когда она ответила — это был слабый кивок. Франко опустил ее на ноги, убеждаясь, что одеяло прикрывало тело.

Все девушки остановились, сжимая друг друга за руки, лихорадочно осматривая комнату.

Теперь когда его руки были свободны, Франко направился к своей

группе, которая держала автоматы направленными на десять или около того торговцев людьми, которые продвигались вперед со смесью вины и ненависти.

Когда голый ублюдок, который насиловал блондинку, прошел мимо, Франко нанес ему удар по голове. Я еще никогда не видел такого безжалостного взгляда в глазах Франко. Он всегда был так хорош в сокрытии этого, но полагаю, сегодня был вечер, когда мы совершали что-то впервые. Он будет убивать и получать удовольствие от этого действия, а я позволю ему это. Тут было достаточно мразей для нас двоих, чтобы насытить наш смертельный голод.

Жестокость была позволительна, когда существовали такие ублюдки.

— Куда нам их отвести? — спросил Франко, смотря на меня взглядом, в котором плескался гнев.

Я переместил Тесс в своих руках, располагая ее чуть выше, в то время как изнывал от желания пойти и закончить то, что обещал.

Осматривая лучшее место для убийства, я указал ему подбородком.

— Выстрой их в линию вон там. — Указывая в центр завода, с конвейерными лентами, которые находились позади их спин, и окнами перед ними, стекла которых были расписаны граффити. Никто ничего не увидит, и в два часа ночи, я сомневаюсь, что кто-то что-то услышит. Но на всякий случай стоит подстраховаться.

— Заткни им рты. Всем.

Франко напряженно улыбнулся.

— Черт побери, без проблем.

Я стоял на месте с беспокойной, пребывающей в бессознательном состоянии Тесс в моих руках, в то время как Франко приказал каждому опуститься на колени и указал своим парням из команды заткнуть им рты старым упаковочным материалом, прежде чем заклеить их скотчем.

— Выведи женщин наружу, — приказал я парням Франко. Им не следует видеть это.

Парни кивнули и двинулись в сторону женщин, чтобы вывести их на улицу. Они уходили, оборачиваясь через плечо, смотря на своих похитителей в последний раз.

Как только они ушли, голый насильник попытался подняться на ноги и оказать сопротивление.

— Ты не сможешь уйти безнаказанно. За вами придут люди и

перережут ваши глотки во сне. Они покарают вас.

Франко оттолкнул его, практически запихивая кулак ему в глотку, когда заталкивал ему в рот материал, набивая его словно Рождественскую индейку.

— Мы учтем это, ушлепок. Чем больше таких, как ты, мы сможем истребить, тем лучше.

Мужчина в голубой футболке и джинсах — очевидно, их долбаный главарь — тихо проговорил:

— Ты совершаешь огромную ошибку, мой друг. Просто забирай свою девчонку и проваливай, а нас оставь в покое. Мы сделаем вид, что этого никогда не происходило, и я не скажу ничего Росомахе.

Мои руки сжались вокруг Тесс. Это был именно тот ублюдок, который приказывал сделать каждое бесчеловечное действие с моей женщиной. Все мое тело задрожало от ярости, принуждая восстановить контроль над собой, чтобы не навредить хрупкому телу Тесс.

— Ты не мой сраный друг, и да, я заберу свою женщину и уйду, но я не собираюсь оставлять вас в живых. — Я сделал шаг ближе. — Росомаха уже мертв. Как, впрочем, и ты.

Женщина захныкала; мое сердце превратилось в камень. Ее длинные черные волосы были спутаны, щеки стягивал скотч, которым был заклеен ее рот. Женщина была причастна к торговле женщинами? Я не мог предположить ничего более предательского. Она будет первой, кто умрет.

Некоторые мужчины плакали, некоторые стонали, остальные умоляли, хныча через свои кляпы во рту, но это все натыкалось на глухую стену безразличия.

Никто из моей команды не испытывал никакой жалости. Мы находились здесь, чтобы оказать человеческому роду одолжение в виде истребления такого зла.

Мои челюсти сжались. Настало время заняться делом. Пришло время обогреть мои руки кровью, свершая месть за женщину, которая владела мной.

Я двинулся в сторону Фредерика. Он понимающе кивнул мне, когда его взгляд опустился на Тесс.

Ее голова была откинута на мое плечо, как у тряпичной куклы. Я не мог вынести мысли о том, что мне придется опустить ее. Но у меня не было выбора.

Фредерик посмотрел на меня, безмолвно спрашивая разрешения на то, чтобы взять ее на руки.

Я отвел взгляд в сторону, так отчаянно желая поцеловать Тесс и заставить все исчезнуть из ее разума. Я желал, чтобы она очнулась здоровая и невредимая. Но я никогда не смогу жить с собой в мире, если не убью всех ублюдков до последнего. Но пока что, мне необходимо отдать ее.

Медленно я развернул свое тело к другу. Фредерик придвинулся ближе, касаясь своими руками моих, когда приготовился принять вес ее тела в свои руки.

— Стой, — резко отчеканил я.

Фредерик не произнес ни слова, отступая назад. Я размял шею, стараясь сосредоточиться.

Я простил горло, откашливаясь, встречаясь лицом к лицу с мужчинами и женщинами, которые зарабатывали себе на жизнь, забирая жизни других. Полиция не наказала их. Карме было наплевать. А мне? А мне, мать вашу, было до этого дело, и они вскоре получат по заслугам.

— Видите эту женщину? — Я приподнял Тесс выше, возводя свои руки таким образом, словно она была возложена на погребальный костер, готовая вспыхнуть пламенем. — Это вы сотворили с ней. — Мои глаза подернулись поволокой, вспоминая борца, восхитительную женщину, которая пленила мое сердце, а не бескрылую птицу, которая находилась в моих руках. Мой голос ожесточился, огрубел от ненависти, сквозившей в нем. — Вы отняли у нее все. Украли ее жизнь не единожды, а, мать вашу, дважды. Я не имею понятия, что происходит у вас в голове. И я не имею долбаного желания знать это. Я всегда позиционировал себя, как честного человека, несмотря на то, что каждый день сражаюсь со своими желаниями. Я могу понимать, какое удовлетворение может приносить такая торговля. Я могу понять денежное искушение, которое манит и темный зов похоти, что вызывает к вам. Но я не смогу понять, как вы могли потерять столько человечности, что позволили себе сдаться. Вы противны мне. Вы вызываете отвращение у меня, и я могу поклясться, что всем будет наплевать, когда вы сгниете в своих безымянных могилах.

Десять или около того мужчин в линии извивались, стоя на коленях, проверяя на прочность веревки, что связывали их запястья,

предпринимая попытки вытолкнуть кляпы. Женщина опустила голову, но продолжала смотреть на меня из-под бровей с одичавшей злостью. Она была настоящей психопаткой. Полное отсутствие чувств или представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Я двинулся в сторону к Фредерику, чтобы передать ему в руки Тесс. Он направился навстречу и развел свои руки, располагая их под моими. Мое тело разлетелось на миллионы осколков, когда едва ощутимый вес Тесс перешел из моих рук в его. Он обернул свои руки вокруг нее с таким состраданием, что я испытал мучительный укол отчаянной ревности.

Я вскинул руку, оборачивая пальцы вокруг руки Тесс.

Фредерик замер, смотря на меня осторожно.

— Она твоя, мужик, я это понимаю. Она всегда будет принадлежать только тебе. Я просто обеспечу ей безопасность, пока ты будешь мстить за нее.

Мне стоило огромных усилий, чтобы ослабить хватку и кивнуть.

Я протянул руку по направлению к Франко, который стоял справа от меня.

— Дай мне плоскогубцы, Франко.

Фредерик втянул вдох и торопливо отступил назад, укладывая голову Тесс к себе на плечо. Франко в то же мгновение повиновался, передавая инструмент, который использовался, чтобы сломать моей женщине палец.

Я направился вперед, пока не остановился перед линией торговцев людьми. Психопатка напряглась — слишком глупая, чтобы испытывать страх.

— Разрежь ее веревки и подними на ноги.

Франко повиновался без вопросов, разрезая узлы. Хватая за длинные черные волосы, он поднял ее на ноги. Ее ноздри затрепетали над кляпом, и первые признаки страха проявились во взгляде.

Франко обернул свою большую руку вокруг ее плеч, тем самым заставляя женщину оставаться на месте.

Я приблизился еще немного, постукивая плоскогубцами по своей руке.

— Каково это быть предательницей своего женского рода? Ты получала удовольствие от этого?

Она метнула в мою сторону озлобленный взгляд, скидывая

подбородок в неповиновении.

Холодно улыбаясь, я убрал плоскогубцы в карман и потянулся к ремню. Достал из-за пояса нож, который использовал, чтобы убить Росомаху и его сына. Рукоятка ощущалась правильно в моей ладони, вынуждая меня использовать его. С помощью кончика невероятно острого лезвия, я разрезал скотч. Она дернулась всем телом, когда я преднамеренно задел ее лезвием и на ее коже появилась крошечная красная царапина.

Я должен был услышать ее мысли, прежде чем она умрет. Я должен был понять, что толкает людей совершать такие вещи.

Сплеывая мешковину, она прошипела:

— Отправляйся к черту, урод. Я вижу, какой ты на самом деле. Ты думаешь, что если носишь модный костюм, то отличаешься от нас. Ты заблуждаешься. Ты — тот, кто желает причинять боль и продавать женщин.

Это не было тем ответом, который я желал получить.

Я дал ей пощечину. Ее голова резко откинулась в сторону, и она покачнулась всем телом.

Фредерик двинулся вперед, защищая Тесс в своих руках.

— Ты веришь в искупление грехов, сука? — Мой голос был бесстрастным, убийственно-хладнокровным, четким.

Она скривила губы, отказываясь отвечать мне.

Я ударил ее за ухом. Она пробормотала:

— Да. Я буду прощена.

Мои губы презрительно скривились. Я схватил ее за руку, дергая вперед. Она старалась сопротивляться, но это ничего не изменило. Франко вытянул руку, чтобы забрать мой нож, в то время как я достал из кармана плоскогубцы. Быстрым движением, я вставил ее палец в ужасное приспособление.

Она втянула вдох, безуспешно извиваясь в смертельной хватке Франко.

Я прошептал ей:

— Я заберу твою жизнь. Ты умрешь и превратишься в ничто. О тебе не останется даже крупинки мысли или ни намек на второй шанс. Я хочу, чтобы ты знала, что когда я заберу твою жизнь, я прокляну тебя до самых недр преисподней. Я наложу на твою душу такие проклятия, что она никогда не вознесется на небеса.

Моя рука сжала плоскогубцы, и женщина издала чудовищный крик. Ее палец изогнулся, когда я сломал кость, и Франко оттолкнул ее от себя. Он кинул мне нож, и одним взмахом я перерезал ей яремную вену. Как и Росомахе.

На одну миллисекунду ее шея казалась не поврежденной, затем кожа раскрылась, зияя ужасной кровоточащей раной, покрывая мою грудь ярко-красными брызгами крови. Горячая и с характерным запахом, она хлынула так, будто больше не могла находиться в ее теле.

Руки женщины взметнулись к горлу, палец изогнулся в противоположном направлении в попытке остановить кровь. От нее исходили булькающие звуки, нежели крики.

Ее стремительно заходящееся сердце только ускорило смерть, когда литры темно-красной жидкости выливались через ножевую рану.

Связанные и заткнутые кляпами торговцы людьми все замерли, смотря на происходящее в ужасающем понимании. В понимании, что им от меня не уйти. Они встретят свой смертельный приговор и им остались считанные минуты жизни.

Женщина повалилась на колени, прежде чем упасть лицом вниз, когда последний источник живой силы покрыл бетонный пол.

Она дернулась в предсмертной агонии. Мой голос прозвучал отчетливо и громко.

— Ваша кровь смешается сегодня. Всех вас. Вы работали вместе, и умрете вместе.

Я взглянул на Франко, который кивнул.

— Парни, — обратился он к своей команде. В то же мгновение, облаченные в черное наемники заполнили пространство звуками оружия, которое они вытаскивали из кобуры.

Качая головой, я проговорил:

— Слишком безлично. — Поднимая вверх окровавленный нож, я добавил: — Никаких пистолетов.

— Вы слышали его. Опустите свои пушки, — рявкнул Франко. Звук ножей, которые доставали из ножен, свистом разнесся по комнате.

Я указал на гребаного главаря в его разорванной голубой футболке

— Только не его. — Затем перевел взгляд на голого ублюдка, который изнасиловал блондинку. — И не его. Оба мои.

Наемники двинулись вперед, заходя за спины жертв. Блэр, один из самых преданных парней Франко, который выглядел, как норвежский

бог войны, расположил свой нож у горла торговца людьми, его плечи напряглись и приготовились.

Тьма взывала внутри, взвиваясь стремительно и мощно; я позволил поглотить себя.

«Это ради тебя, Тесс».

Я никогда не испытывал желания быть таким кровожадным, но тут отдавало приказы животное. И оно жаждало крови. Оно желало долбаный олимпийский бассейн, заполненный до краев кровью.

— Объединенные в смерти, вы будете неразрывно связаны в чистилище. У меня к вам нет ни капли сострадания. — Мои глаза встретились со взглядом Франко. — Выполняйте.

Это была омерзительная развлекательная программа, которая пошла совершенно не по плану, когда наемники одним махом перерезали шеи жертв. Умиравшие невнятное нытье и молитвы были заглушены благодаря кляпам.

Водопады красного цвета хлынули вперед, распространяя влагу по бетонному полу. Одно за другим их тела дергались и сотрясались в предсмертных конвульсиях, выплескивая кровь из вен на пол.

Франко приблизился ко мне и пробормотал на ухо:

— Могу я взять на себя насильника? — Его глаза сверкнули тьмой, и я ощутил дух товарищества, который не испытывал до этого момента. Как у монстр к монстру.

Я кивнул.

Жуткая смертельна картина разворачивалась перед нами. Воздух стал насыщен металлом и ржавчиной. За этим последовало сладкое зловоние смерти, когда их сердца перестали биться.

Мой взгляд устремился к Тесс, которая все еще пребывала в бессознательном состоянии в руках Фредерика. Ее наспех обернутый в материю палец покоился сломанным поверх колючего коричневого одеяла. Щека прижималась к черной футболке Фредерика. В любом случае, она выглядела хуже, чем раньше — ее кожа была бледной, пепельного цвета.

Мне необходимо было прикоснуться к ней. Убедиться, что она была жива и останется таковой. Проходя через лужи крови, я напрямик устремился к Фредерику и оставил как можно более нежный поцелуй на лбу Тесс.

Фредерик крепко удерживал ее в руках, в то время как я ласково

поглаживал ее щеку и пытался успокоить свое заходящееся в груди сердце. Она все еще была жива.

Ее серо-голубые глаза распахнулись, зрачки были все еще настолько расширенными, что я испытывал страх, что наркотики могли убить ее. Но ее взгляд остановился на моих глазах настолько осознанно, сражаясь за то, чтобы вырваться из наркотического плена.

— Т-ты покрыт кровью... — Она замолкла на полуслове, тяжело дыша и хрипя от удушающего кашля. Черт побери, мне необходимо было доставить ее к доктору.

Видеть ее в таком состоянии было словно удар ниже пояса. Я нежно улыбнулся.

— Эсклава. Мы скоро уйдем отсюда. Я отомщу, и затем мы полетим домой.

Фредерик нахмурился.

— Что серьезно, Кью? Называешь ее рабыней в такой момент? — Его негодующий взгляд чертовски разозлил меня.

— *Tu ne sais rien* (прим. пер. Тебе не понять). — Я старался находиться в уравновешенном состоянии, но ярость заставила меня пробормотать, — Не смей меня осуждать. — Он не понимал этого. Слово «эсклава» стало проявлением привязанности. Преисполненное нежностью, выражая в себе все, что происходило между нами.

Тесс пробормотал что-то бессвязное, и я провел кончиками пальцев по ее горячей от температуры щеке.

— Тесс, что мне сделать? Какая жертва подарит тебе исцеление? — Я прижался своей склоненной головой к ее. — Скажи, эсклава, и я сделаю это. Скажи мне, что заставит прекратиться твои кошмары и вновь вернет тебя ко мне.

На протяжении некоторого времени, она не отвечала. Затем ее глаза распахнулись, и голос задрожал от ярости.

— У них нет с-сердца. Я хочу убедиться так ли это на самом деле.

Фредерик напрягся всем телом.

— Кью... не воспринимай ее слова буквально.

Как можно сказать такую глупость. Естественно, я воспринял их буквально. Я мог представлять, как держу его безжалостно вырезанное сердце в своих руках, в то время пока главарь будет умирать.

Мои глаза сузились, когда Тесс вновь погрузилась в бессознательное состояние. Она выглядела так невинно, такой

сломленной в своем забвенье, но темная часть меня узнала темную часть ее.

«Насколько жестокой ты можешь быть? Насколько мы на самом деле похожи друг на друга?»

Ее единственная просьба сказала мне о Тесс больше, чем любой из вопросов, что я мог задать. Она хотела их сердца. Она желала получить неотъемлемую часть человеческого тела — единственный символ того, что олицетворял сострадание и любовь. Она желала, чтобы они были вырезаны из груди тех мужчин, что издевались над ней.

Бл*дь, с превеликим удовольствием.

Я выпрямился, мой рот наполнился слюной в ответ на желание воплотить ее просьбу в жизнь.

Фредерик отошел немного назад, качая головой.

— Кью. Не стоит. Просто положи этому конец и все. Она не вспомнит своих слов.

Я прорычал.

— Суть не в том, что она не вспомнит. Все дело в том, что она просила, и я пообещал. Я поклялся, что брошу трупы похитителей к ее ногам. И я собираюсь это сделать, бросив их к ее ногам по частям.

Обещание Тесс отдалась в моей голове: Сердце за сердце. Жизнь за жизнь. Быть вместе, пока смерть не остановит наши сердца.

Это было правильным. Это было честным. Пришло время принести ей сердце мужчины, который похитил ее, оставить прошлое позади.

— Уходи, Ру. Я не хочу, чтобы ты находился здесь. Уноси Тесс обратно в самолет и будь готов отправляться домой.

— Ты не сможешь сбежать от воспоминаний, если совершишь это, Мерсер. Его смерти будет вполне достаточно.

— А что бы делал ты, если бы Анжелика попросила тебя отрезать член мужчине, который изнасиловал ее?

Он опустил свою голову, прежде чем ответить:

— Я бы отрезал его член и заставил сожрать его.

— Именно. Прощай, Фредерик.

Он развернулся, намереваясь уйти, и тогда я повысил голос, чтобы был слышен во всем помещении.

— Все уходите. Ждите нас в аэропорту.

Мужчины вытерли свои ножи о материал мешковины, который находился на конвейерной ленте, и беззвучно покинули комнату.

Фредерик покинул помещение вместе с Тесс в своих объятиях. Как только они ушли, я направился к Франко. Он держал в своей хватке главаря и насильника, оба были связаны и с кляпами во рту, смотря на меня с нескрываемой злостью.

Хватая главаря за плечо, я проговорил:

— Можешь делать все, что ты хочешь с ним. Но не приходи в противоположную часть завода. Я вернусь сам, когда закончу.

— Понял.

Мы разошлись в свои стороны, и главарь начал сопротивляться, когда я подтолкнул его к мрачной стороне помещения. Противоположная часть помещения находилась не далеко, но там царила тьма. Идеально.

Я толкнул его на конвейерную ленту.

Он развернулся лицом ко мне, с широко распахнутыми глазами, пытаюсь сказать что-то с кляпом во рту.

Я сорвал скотч, приподнимая бровь.

— Есть что сказать напоследок, прежде чем я прирежу тебя?

Сплеывая материал мешковины, он прорычал:

— Так ты и есть тот господин, который не позволяет себе играть?

Моя ладонь сжалась сильнее вокруг рукоятки ножа; кровь и пот сделали его поверхность скользкой.

— Я мужчина, который может отличить плохое от хорошего.

Он рассмеялся.

— Нет, ты живешь в отрицании. Однажды ты увидишь правду. Но сейчас ты убиваешь тех, кто преклоняется перед своими желаниями. — Он подался вперед всем телом, но я оттолкнул его назад.

Он улыбнулся.

— Это случится. Ты не можешь вечно игнорировать того, кто ты есть на самом деле. Однажды решение уже не будет зависеть от тебя, и когда это произойдет, наша деятельность будет единственным спасением для тебя.

Его слова, словно пули раз за разом попадали прямоком в мое сердце. Я не должен был позволять его словам влиять на меня, но позволил, потому что он был прав. Он сказал все верно, и именно поэтому я так отчаянно боролся.

Мысль о том, что предлагали эти места со сломленными, послушными женщинами соблазняли тьму внутри меня и заставляли

мое тело изнывать от дрожи желания, но сейчас я был намного сильнее, чем когда-либо.

Тесс научила меня, что, возможно, я испытываю нужду причинять боль другим, но ее сила сдерживала меня.

Каждый день я волновался, что поддамся искушению, что сорвусь и стану, как мой отец. Тогда я мог бы наконец стать собой. Принадлежать к этим бездушным ублюдкам и больше не сражаться в постоянной войне желаний.

Но сейчас я больше верил в себя. Это заслуга Тесс. Она доказала мне, что во мне должно существовать что-то хорошее, раз я заслужил такую женщину, как она.

Она спасла меня во многих смыслах, а я этого даже не осознавал до настоящего момента.

Моя грудь наполнилась гордостью.

— Я сильнее, чем когда-либо будешь ты. У меня есть женщина, которая видит свет внутри меня. И я никогда не прекращу стараться стать лучше ради нее.

— Этого не достаточно. Рано или поздно ты не сможешь сдерживаться. Ты убьешь ее и станешь, как мы.

Я задрожал от переполняющего меня гнева.

— В тот день, когда сдамся, я убью себя. — Я хотел произнести это, как угрозу, но это звучало, как клятва. Я поклялся, что убью себя, если когда-нибудь стану таким, как они.

Мужчины прищурил глаза и прижался сильнее к конвейерной ленте, ища глазами способ сбежать.

— Просто отпусти меня, и я дам тебе все, что ты хочешь.

— Нет ничего, что я хотел бы получить от тебя. — Я провел лезвиям по своим кончикам пальцев, добавляя: — Кроме твоего сердца.

Он сглотнул. Он знал, что этот момент настанет и, наконец, осознал, что действие не будет быстрым

В тот момент, когда ужас вспыхнул в его глазах, я бросился на него, нанося удар в челюсть, и кинул его на конвейерную ленту. Обвязка для ящиков с рыбой валялась на полу. Хватая пару веревок, я быстро привязал его тело к ленте конвейера

Он дернулся, проверяя на прочность силу моих узлов.

— Стой. Я дам тебе все что угодно!

Крики наполнили помещение предприятия с другого темного угла.

Франко начал расправляться с насильником, и его вопли успокаивали мою душу. Он заслуживал все, что с ним сделает Франко, и даже больше.

Я схватил воротник мужчины и быстрым движением лезвия разрезал его надвое.

— Пожалуйста. Я дам тебе все, что угодно. Просто назови цену. Ты хочешь спасти женщин? Отлично, я раскрою тебе имена мужчин, с которым мы продавали женщин более года.

Я не купился на его уловку. Я знал, что парни Франко обыскивали каждый кабинет и нашли каждую крупницу информации в этом богом забытом месте.

Все, что могло мне понадобиться для будущих спасательных операций, и так было моим.

Я равнодушно слушал его бессвязные мольбы, когда скинул с себя пропитанную кровью блейзер и расстегнул запонки на манжетах.

Каждое движение было хищным и неспешным в попытке растянуть его последние пару мгновений жизни. Я закатил рукава, убеждаясь, что не замажу огромным количеством крови с моих рук черную рубашку.

От стен эхом отразился еще один крик и за ним последовал быстрый безжалостный смех. Мое сердце забилось мощнее, затем замедляясь. Разум сосредоточился, пока перед моими глазами не остался только этот мужчина.

Я не думал о Тесс.

Я не задумывался о последствиях такого жестокого возмездия.

Все, о чем я думал, была кровь.

Я опустил глаза и позволил себе вырваться на свободу. Я выскользнул из плена своих стен, открывая клетку, и зарычал как бешеное животное, которым и был. Притворство прекратило свое существование. Настоящий я был готов.

Главарь задрожал, его кожа стала бледной.

— Я ошибался, когда говорил, что ты такой же, как мы. Ты не такой.

Я рассмеялся, беря в руки нож. Провел кончиком лезвия по его груди, обводя круг вокруг того, что просила принести меня Тесс для нее.

— Нет, я не такой, как ты. — Я надавил на нож и мужчина закричал, когда я пронзал его грудь дюйм за дюймом. Естественно,

существовали более простые способы. Я мог бы разрезать его диафрагму и вести ножом вверх, пока бы не достиг сердца. Но я хотел тяжело потрудиться, ломая его грудную клетку, пока бы подбирался к своей цели.

Он не умрет легкой смертью. Я хотел, чтобы он был жив все то время, пока я буду резать его.

— Je suis pire (прим.пер Я намного хуже).

Глава 14

Оставь свою метку, расцарапай мою кожу, я преклоняюсь перед тобой, мой король.

Тесс

— Ну что ж, надеюсь, ты счастлива. Возможно, ты даже не умрешь, — моя мать прошептала мне на ухо.

Я прекратила понимать, что происходило на самом деле. Пребывала в состоянии постоянной боли, которая исходила от моего пальца и резких ощущений в легких. Я больше не имела понятия, где нахожусь, и привиделся ли мне ангел Кью или нет.

— Не слушай ее, Тесси. Я рад, что они вовремя нашли тебя. — Брэкс бросил злой взгляд на мою мать. Он всегда недолголюбил ее. Я никогда не винила его в этом. Она не была приятным человеком.

Время вновь потеряло свой счет, и разрозненные образы начали вспыхивать отрывистыми кусочками.

Теплые руки мужчины, который нес меня.

Мужчины... множество мужчин. Все они сидели в каком-то шикарном месте, с окровавленными руками, которые располагались на их коленях.

Двигатели и невесомость, когда самолет уносил меня прочь от моих кошмаров.

— Оставайся со мной, эсклава. Мы почти дома. — Кью стоял подле меня, его черная рубашка блестела от красной влаги, что пропитала ее. Руки покрывали пятна, и капельки темно-красной жидкости виднелись на лице.

Он выглядел, как монстр. Как мужчина, который совершил убийство ради меня.

Мое сердце зашло от страха.

«Было ли возможно, что он убьет и меня? После всего, что совершила, я заслужила ту же участь».

— Ты сделал это? Сделал то... о чем я просила тебя?

Кью поднял что-то ужасное. Нечто покрытое прослойкой жира и мышцами, неистово истекающее кровью в его ладони.

— Я вырезал его сердце. Я отнял все у него, Тесс. — Он

приклонился на колени у моих ног, располагая наводящую ужас мышцу на полу. — Это для тебя. Может, это придаст тебе сил, чтобы вновь вернуться ко мне.

Шум лопастей вертолета разрушили вдребезги мою крошечную мечту, и впервые за много времени, я задумалась о сексе. Я задумалась о том, как Кью шлепал и трахал меня в вертолете. Задумалась о том, как он держал мои запястья и заставлял меня таким образом чувствовать себя уязвимой.

Но не было никакого намека на легкий чувственный жар внизу живота. Никакой потребности испытать прикосновения Кью, которые ранее наполняли меня желанием. Я чувствовала только пустоту.

Время слилось в одну огромную спутанную галлюцинацию, когда лопасти вертолета разорвали меня на части, воздушные двигатели поглотили только для того, чтобы вытолкнуть остатки, сгоревшие до обугленного состояния, и все еще неохваченные пламенем.

Толчок пробудил меня ото сна, и я застонала от ужасной боли в руке. Пожалуйста, кто угодно, просто отрежьте ее. Я больше не могла терпеть эти пытки.

— Несите ее вовнутрь, — кто-то проговорил. — Я уже вызвал доктора.

Я не могла сосредоточиться совершенно ни на чем. Не могла вырваться из клетки, которой на данный момент стал мой разум

«Учись, девочка. Противостояние приравнивается к боли. В следующий раз я не буду таким добрым».

Слова Белого Человека прогремели в моей голове. Воспоминания того, как я претерпевала боль, заняли центральное место в моем беспомоществе, проигрываясь, атакуя меня вновь и вновь жестокими уроками, что преподавались мне до того момента, пока я не начала бояться своих собственных мыслей. Я не могла проронить ни слова. Не могла даже думать. Что, если я заговорю без разрешения? Бедная блондинка будет мертва, а мне причинят мучительную боль.

Медленно туман обратился в дрожь, и зуд который терзал меня ранее, вновь проник под мою кожу, и я издала стон. Я не смогла бы пережить ломку. Она бы обратилась против меня. Они бы отказывали в наркотиках, пока бы я не сделала то, что они хотели. А я бы сделала все, что угодно, настолько я была слаба. Так чертовки слаба.

— У нее судороги. Быстрее!

Мое тело подпрыгивало и покачивалось в каком-то странном переносном транспорте. Ушибы неистово вопили, а мои легкие хлюпали от жидкости. Я тяжело закашляла, разрывая свое горло мокротой. Я не знала, что происходит, но моему телу это не нравилось.

Повышенная температура вызвала приступы галлюцинаций. В одно мгновение меня обдавало холодом ледяной Антарктиды, в другое окунало в кипящую лаву вулкана.

Жуки вернулись; их крошечные усики и лапки щекотали мои внутренности, заставляя меня желать, чтобы я могла выцарапать свои мозги.

— Нет! — Я заметалась, и кто-то замер, усиливая свою хватку на мне.

— Тесс. Оставайся со мной. Пожалуйста. Помощь уже тут. Ты будешь скоро в полном порядке. — Голос Кью проник через заполненный насекомыми туман, и я из-за всех сил схватилась за него.

— Опустите ее. Я не могу работать, пока она находится в ваших руках.

Я почувствовала в одно мгновение тошноту и головокружение, в следующее жажду и готовность к борьбе. Действие наркотиков рассеялось, оставляя меня в состоянии хаоса.

— Держите ее. Она причинит себе больше вреда своими движениями.

Что-то прижало мои плечи, и я взвилась, пребывая в состоянии ярости.

— Не прикасайтесь ко мне! Только не снова! Пожалуйста, не нужно снова. — Слезы катились из глаз, и я всхлипывала, вспоминая хруст сломанных костей и кровь, принадлежащую другим девушкам под моими ногтями. — Нет! Пожалуйста! Я больше не буду делать этого. Я больше не буду причинять боль колибри. Я не стану. Лучше убейте меня. Я хочу умереть! — Я сотрясалась в приступах кашля вновь и вновь, не способная сделать вдох через огромное количество жидкости в моих легких. Мои пальцы сжались, и я начала раздирать лицо, пытаясь содрать кожу, чтобы добраться до пожирающих жуков в моем мозгу.

Я ощутила давление ремешка на груди, когда кто-то прижал меня к чему-то мягкому.

— Бл*дь, мне так жаль, Тесс. Прости меня, — раздался измученный голос Кью в моем ухе, когда он схватил мою руку, и я почувствовала

иглу, что пронзила кожу.

Он.

Он был точно такой же, как они. Накачивал меня наркотиками. Удерживал в зависимом состоянии.

Я уплыла в царство грез, проклиная его до самых глубин ада.

Глава 15

Ты пробралась в мою тьму, освободила моего монстра, так кричи же, истекай кровью, взывай ко мне, но никогда не смей говорить остановиться, никогда не убегай...

Кью

Сюзетт заломила руки от отчаяния, когда доктор ввел обезболивающее средство.

Франко ждал в коридоре, наблюдая за тем, как я распадаюсь на части. Я не мог сконцентрироваться, мое сердце отчаянно колотилось в груди, а тело ощущалось так, словно никогда не найдет своего успокоения.

Я держал Тесс за руку, когда она погрузилась в сон, пока желал бросить сердце главаря, которое вырезал из его груди, в огонь и наблюдать за тем, как его будет поглощать пламя.

— Отойдите в сторону от пациентки. Мне необходимо место, пока я занимаюсь ею, — отчеканил доктор, отталкивая меня в сторону.

— Ни хрена подобного. Я, мать ваш, остаюсь здесь. — Я скрестил руки на груди, смея противиться его решению. Ярость внутри меня была настолько сильна, что я мог размазать его одним ударом, если бы он попытался разлучить меня с Тесс вновь. Мы яростно вперились друг в друга взглядами, прежде чем его глаза опустились на мою покрытую кровью одежду.

— Это не гигиенично для вас находиться рядом, когда я буду

проводить медицинские манипуляции. Примите душ и возвращайтесь. Ваша горничная может наблюдать, пока вас не будет рядом.

Сюзетт сморгнула, выходя из шока от состояния, в котором находилась Тесс. Я не винил ее за то, что она выглядела так будто перед ней призрак — Тесс была в совершенно неузнаваемом состоянии. Ее золотистые волосы лежали на подушке все в колтунах. Ключицы выпирали из-под кожи от недоедания, а прекрасные покрытые синяками скулы выглядели невероятно острыми для ее красоты. Материал тряпки, обернутый вокруг ее сломанного пальца, был покрыт засохшей кровью, и это даже еще без осмотра перелома.

Я отшатнулся от кровати, держа свою голову в руках.

— Вылечите ее, черт побери. Только вылечите ее.

Я не мог находиться здесь, в то время как доктор будет раздевать Тесс и осматривать ее раны. Только одна мысль о том, что другой мужчина будет касаться ее, заставляла мою кровь бурлить. Поэтому я сделал самую разумную вещь в данной ситуации.

Указывая пальцем на Франко, я приказал:

— Наблюдай за ним.

Франко отрывисто кивнул, проходя чуть дальше в комнату. Не оборачиваясь, я направился в ванную и хлопнул дверью. В то мгновение, когда я не мог видеть Тесс, беспокойство обернулось вокруг моего позвоночника. Я жаждал возвратиться обратно и убедиться, что она находилась именно там, где я ее оставил — лежала, как долбаный труп на моей кровати.

Моя комната в башне, где Тесс и я предавались играм с кровью и порке, которые казались мне шуткой на данный момент. Это больше не даровало мне удовольствия или удовлетворения; все, что я мог видеть, была Тесс — такая крошечная и истощенная, истекающая кровью и накачанная наркотиками.

Возможно, я больше никогда больше не получу обратно свою сильную эсклаву. Возможно, я больше никогда не подвешу ее на цепях или же не выпорю, потому что мы оба получали удовольствие от нашего обладания друг другом.

Может быть, я и отыскал ее, но это еще ни черта не значило.

— Бл*дь! — я прорычал, ударяя кулаком плиточную стену. В то же мгновение мои костяшки взревели от неистовой боли, и я потряс рукой, чтобы ослабить ее. Доктор был прав. Я не должен находиться рядом с

Тесс, когда с головы до пальцев ног покрыт кровью другого мужчины. Ее иммунная система и так уже перенесла огромную нагрузку.

Скидывая свою одежду, чтобы сжечь ее позже, я шагнул под душ и начал отчаянно тереть каждый дюйм тела так, словно я мог стереть этим действием последние семнадцать дней из жизни. Заставить все исчезнуть и притвориться, что Тесс была подле меня все это время, всегда в безопасности, и никто не причинял ей боли, кроме меня.

Как только помылся, я вновь повторил процесс, пока моя кожа не пылала от того, настолько тщательно я очищал ее, а ванная не наполнилась паром. Швы на моей руке от пулевого ранения доставляли неудобство, но, что удивительно, не болели. Шрам, что останется после этого, будет постоянным напоминанием, что я сделал, чтобы вернуть Тесс обратно. Я буду носить его на своем теле с гордостью.

К тому времени, когда я вошел в спальню вновь, одетый в джинсы и черную футболку, доктор уже омыл с Тесс с помощью Сюзетт и забинтовал ее грудь.

Он увидел, что я смотрю.

— У нее два сломанных ребра от кашля. Она сильно обезвожена и нуждается в курсе антибиотиков, чтобы вылечиться от пневмонии.

Пневмония.

Долбаные ублюдки-насилъники.

Я просто не мог стоять спокойно. Я стиснул зубы, проводя руками по волосам, в то время пока ходил из стороны в сторону.

— Она должна находиться в больнице, но потому как вы не позволяете этого, мне придется оставить здесь двух медсестер, чтобы они обеспечивали постоянный уход.

Черт возьми, так и есть, я не позволил бы увезти ее в больницу. Ей необходимо было получать лечение здесь. Где имеется самая современная охранная сигнализация и команда парней, которые сначала готовы убить, а затем уже задать вопросы. Она больше никогда не выйдет из поля моего зрения.

— Сколько пройдет времени до того, как она вновь почувствует себя нормально?

Доктор наблюдал за мной с раздражением во взгляде, словно я был собакой больной бешенством, которая крутилась у его ужина.

— Время — лучший лекарь. Вам нужно проявлять терпение.

Я остановился на месте, смотря на него яростным взглядом.

— Не пудрите мне мозги. Как долго?

Он вновь обратил взгляд на Тесс, нанося обезболивающую мазь на ее неглубокие порезы и синяки, которые покрывали все тело.

— Это займет столько времени, сколько потребуется. До того момента, вам необходимо быть с ней нежным. Не торопить ее. Она будет очень хрупкой, когда наркотики полностью выйдут из ее организма. Ей будет необходим кто-то сильный и уравновешенный, а не... — Он прекратил наносить мазь на раны и поднял взгляд, указывая на меня тубиком обезболивающего, — ...а не такое дикое животное, которое выглядит так, будто готово вырвать ей глотку

Сюзетт двинулась вперед, гнев исходил от ее крошечного тела.

— Мой хозяин нашел ее и вернул обратно. Не смейте говорить, что он...

Я вскинул руку. Сюзетт была милой, но я не нуждался в ее вмешательстве.

— Я бы никогда не причинил ей вреда, доктор. Делайте то, что от вас требуется.

Сюзетт взглянула на меня со слезами в глазах, а я отвел взгляд в сторону. Я не мог смотреть на нее прямо сейчас. Только не тогда, когда так отчаянно цеплялся за свое здравомыслие. Если бы кто-то проявил ко мне жалость или же сочувствие, я, вероятно, сделал бы одну из двух вещей: или бы отчаянно избил их или бы разразился долбаными слезами.

А я не плакал.

Никогда.

Никто не сказал ни слова, когда доктор поставил капельницу и выписал Тесс курс антибиотиков.

— Без наличия результатов анализа крови, которые мы получим в течение пары дней, я точно не могу сказать, какой именно наркотик ей вводили, но я добавил пару медикаментов, которые нейтрализуют эффекты ломки. Она все еще будет чувствовать себя не очень хорошо, но переносить будет терпимо.

Терпимо? Я не желал, чтобы Тесс претерпевала это процесс. Я хотел, чтобы ее вылечили, и к ней вернулось хорошее самочувствие. Я хотел, чтобы она отдыхала в спокойствие, а не претерпевала нестерпимую боль.

— Дайте ей что-нибудь посильнее.

Доктор покачал головой.

— Я оценю ее состояние, когда она вновь придет в себя. Не учите меня, как мне делать мою работу, и тогда я не буду спрашивать у вас, как вы измазались в чьей-то крови. — Его взгляд ожесточился; между нами происходила словесная борьба желаний.

Сюзетт прочистила горло, тем самым нарушая тишину.

Я направился к окну, пристально смотря на улицу. Мне необходимо было сделать что-то, что не позволило бы мне сойти с ума.

Доктор не торопился с полным осмотром, затем он уделил свое внимание восстановлению пальца Тесс. Он поежился, когда развернул повязку.

— Кто, черт побери, были эти люди? — прошептал он.

Моя грудь преисполнилась гордости. Он использовал слово «были». Прошедшее время. Даже будучи идеальным доктором с его принципами, он отлично понимал, что ублюдки уже были мертвы.

Именно так. Я поджег спичку. Я облил их бензином. Украл их жизни и заставил полыхать пламенем на старом рыбном заводе в Рио.

Воспоминание о пылающем пламени помогли мне немного очистить разум от того, что я сделал. Как если бы я поставил огромную жирную точку в конце мрачного и тревожного предложения. Произошедшее там будет жить во мне вечно, но пламя помогло этому всему исчезнуть.

Доктор промыл руку Тесс в оранжевой обеззараживающей жидкости, и Сюзетт закрыла платком рот, издавая рвотный звук от ужасного зрелища. Она резко подскочила на ноги.

— Я, э... Я сейчас вернусь.

Франко отошел в сторону от дверного проема, позволяя Сюзетт покинуть комнату. Я показал ему жестом, что он тоже может идти. Он кивнул и удалился.

Я стоял на своем месте, когда доктор вправил кость и сделал пару стежков в том месте, где кожу Тесс пронзила кость. Как только он закончил, то промыл еще раз оранжевой жидкостью поверхность раны и наложил на палец шину и повязку.

— Она сможет пользоваться пальцем в дальнейшем? — Мой голос был спокойным, но на самом деле я хотел впечатать кулак в стену.

Сокрушительный вес вины украл весь кислород из моих легких. Я сделал это с Тесс. Я позволил, чтобы ее похитили. Я позволил ей ходить

повсюду с гребаным отслеживающим устройством в шее.

Как я собирался жить дальше с этой переполняющей виной?

Тесс полюбила не того мужчину — бесполезного мужчину, который никогда не сможет простить себя.

Доктор кивнул.

— Со временем, да. Не ждите чуда прямо сегодня, но человеческий организм обладает восхитительной способностью срастаться и справляться с травмами, которые казались нам совершенно безнадежными.

Я вышел из себя.

— Со временем. Со временем! И это все, что вы можете сказать. — Я вскинул руки вверх, озлобленно смотря на занавеску, которая скрывала за собой Х-образный крест, где я хлестал плеткой Тесс.

Обычно мой член сразу становился тверже. Он дергался и набухал от мысли, как я причинял ей боль, но сейчас не было никакой реакции. Никакой реакции, потому что сильная женщина, которая заставляла меня желать ее только одним своим ответом мне, исчезла. На смену ей пришел кто-то, кто больше не в силах принимать такое количество боли.

Я потерял борца и взамен получил сломленную птичку, и если говорить начистоту, я даже не имел понятия, что это означало для меня.

Зверь внутри меня отчаянно оплакивал потерю — вырыл яму, чтобы свернуться там, потому как он больше никогда не будет свободным.

Да, я исцелил тысячи женщин, платил за их лечение, возвращал их к жизни — но я никогда не стоял у их кровати и не нянчился с ними. Я не тянулся к чему-то слабому. Болезнь и уязвимость были теми явлениями, рядом с которыми я не мог находиться, но все же, я не мог бросить Тесс выздоравливать самостоятельно. Я буду рядом с ней на каждом этапе.

Но видеть ее настолько слабой, убило мое желание, заставило исчезнуть мою потребность причинять ей боль. Она больше не могла бы дать мне того, в чем я так отчаянно нуждался.

Тесс со мной, но этого недостаточно.

Доктор поднялся на ноги, стягивая покрытые кровью перчатки, печально улыбаясь мне.

— Она справится. Теперь, когда находится в тепле и в безопасной

обстановке, ее организм будет восстанавливаться.

Он собрал свои медицинские инструменты и направился к двери.

— Я приду вновь и проверю ее состояние через пару часов.

Я не сводил своего взгляда с Тесс.

— Вы забыли одну вещь.

Он приподнял бровь, смотря на свою пациентку, которая пребывала в бессознательном состоянии.

— Какую?

Я указал на ее шею.

— Извлечь это.

Его распахнутые глаза встретились с моими.

— Простите что?

Он, вероятно, подумал, что я сошел с ума. Без сомнения я звучал именно так.

— В ее шее находится трекер. Таким образом они вычислили ее. Я хочу, чтобы его извлекли. Немедленно.

— Чтобы выполнить это, мне необходимо сделать надрез. Я не уверен, что нам стоит делать это процедуру, основываясь на том состоянии, в котором пребывает ее тело.

Я покачал головой.

— Вы не слушаете меня. Сейчас, доктор. Я не буду просить дважды. — Я позволил моему гневу показаться на поверхности. Я был готов заставить его под дулом пистолета, если того требовалась. Я уже однажды потерял ее по гребаной глупости. И больше не позволю этому произойти.

Он задохнулся.

— Отлично. Но я хочу, чтобы вы покинули комнату.

— Ни за что. — Предоставляя ему утешительный приз, я направился в дальний конец комнаты и уселся в кресло с высокой спинкой. — Я буду сидеть здесь и не произнесу ни слова, но я не отойду от нее ни на шаг.

Мужчина вздохнул, направляясь обратно кровати.

— Вы точно не способствуете созданию хорошей рабочей обстановки. — Он потянулся к сумке со всякими медицинскими инструментами и расстелил зеленую клеенку на кровати рядом с шеей Тесс, прежде чем положить скальпель, упакованный в стерильную упаковку, поверх клеенки.

Натягивая чистые одноразовые перчатки и вытаскивая скальпель из упаковки, доктор отодвинул волосы Тесс в сторону, готовый преступать к работе.

Она ни разу не пошевелилась, пребывая в глубоком сне, но все уже у доктора заняло вечность, чтобы он провел острым лезвием вниз по ее шее.

Я сжимал подлокотники кресла, пока кожа удерживаемая скобой не лопнула, и материал не отошел от шва.

Кровь.

Ее кровь.

Мой рот наполнился слюной от желания попробовать ее, затем меня настиг приступ тошноты.

«Ты долбаный извращенный ублюдок. Ты никогда больше не попробуешь вновь ее кровь, потому что ты посвятишь всю свою жизнь тому, чтобы оградить ее от еще большей боли».

Я бы защищал Тесс от себя самого. Я бы заботился о ней, относился к ней с нежностью, но никогда бы не полюбил ее так, как в том нуждался. Никогда больше я бы не причинил ей боль.

Тонкая струйка красного цвета, когда доктор вставил пинцет в ее разрез на шее, вернула меня прямиком на завод.

— *Остановись!*

— *Никогда, — прорычал я, вонзая свое лезвие глубже в его плоть. Нож вошел между ребер, и я разрезал его хрящ, покрываясь потом от прикладываемых усилий. Я вскрывал его тело дюйм за дюймом; он кричал громче с каждым движением ножа.*

Я вырезал отверстие в его гребаной груди и облизал свои губы в тот момент, когда он испустил последний вздох.

Ощущение его горячей влажной грудной клетки, в то время, как я вытаскивал его сердце, заставило меня переродиться во что-то чудовищное. Его сердце теряло свое жизненное тепло, в то время как покоилось на моей ладони.

Моей первой и единственной мыслью было: я должен отдать это Тесс.

— Что вы хотите, чтобы я сделал с этим? — спросил доктор, со звякающим звуком опуская трекер на хирургический поднос, разрушая

мои видения.

Вскакивая на ноги, я бросился к нему и схватил поднос, переворачивая его, я позволил разрушающему жизнь устройству упасть мне на ладонь. Тонкие полоски крови покрыли мою чистую ладонь.

Доктор скривил губы в отвращении, но не произнес ни слова.

Я не мог ждать больше ни секунды, направляясь к двери, я обнаружил Франко в коридоре, бедный парень выглядел усталым. Глаза были запавшими, лицо осунулось, с напряженными чертами, которые бы заставили испугаться любого, кому было известно, что он сделал с насильником прошлой ночью.

Я видел то, что от него осталось. Я переступил через отрезанные пальцы рук, ног и член, в то время пока держал истекающее кровью сердце своих руках. Мы были устрашающей парочкой в работе, но посредством убийства мы вдвоем получили успокоение, которого не достигли бы, если бы извращенцев отправили отбывать наказание за решетку. Мы подвергли их справедливому правосудию. Покончили с ними.

— Она в порядке? — спросил он, смотря на мою стиснутую руку.

— Да, доктор сейчас накладывает швы. Мне нужно, чтобы ты остался с ней, пока я не вернусь. *Vous, ça va* (прим.пер. с фр. Ты в порядке)? — Я не мог вспомнить, когда кто-то из нас спал в последний раз. Не потребуется много времени, прежде чем мы все свалимся от усталости.

— Нет. Я сделаю это. — Он прошел мимо меня, похлопывая по плечу. — Приятно работать с тобой, Мерсер.

— Аналогично. — Я улыбнулся ему натянутой улыбкой и направился вниз по лестнице.

Мне удалось сохранять спокойствие на протяжении всего передвижения по дому. Так же мне удалось выдавить улыбку нескольким девушкам, которых мы спасли из Рио, в то время как миссис Сукре и Сюзетт организовывали все для временных гостей, чтобы убедиться, что у них всех есть комнаты и все им необходимое.

Я прошел размеренной походкой через входную дверь и продолжал двигаться так за пределами дома, но в тот момент, когда оказался вне пределов их зоны видимости, я побежал.

Я, черт побери, стремительно бежал, пересекая территорию, направляясь в сторону одной из множества построек, которые

находились в дальней части собственности. Птицы взлетали, крича в возмущении, и свежескошенная трава заполнила мой нос свежестью.

Резко останавливаясь снаружи одного из многочисленных перестроенных амбаров, где находились бесценные машины моего отца, я ввел пин-код на цифровой панели и вошел в безмолвный мир механики.

Я ненавидел эти машины и никогда не пользовался ими. Но я не желал продавать их, потому как полагал, держать их в гараже было еще одним способом подгадить моему отцу. Кроме того, когда ярость одерживала надо мной верх, мне доставляло удовольствие вымещать свой гнев на безупречной обшивке и идеальной обивке салона.

Я направился к дальней части гаража, прямиком к заставленному инструментами помещению, где любой плотник бы буквально обкончался от вида суперсовременных инструментов.

Нагибаясь, я положил покрытый кровью трекер на бетонный пол и направился к сетке, где висели все молотки. Я выбрал самую мощную, тяжелую кувалду с сетки и развернулся к электронному кошмару, который лежал на полу.

Издав неистовый крик, я размахнулся со всей яростью, которая таилась во мне, и обрушил гнев с помощью кувалды по нему.

Он разлетелся на миллионы крошечных кусочков. Затем крошечные кусочки обратились в микроскопическую пыль, но я не верил, что зло было уничтожено.

Я обрушивал мощные удары вновь и вновь. Я размахивался, пока моя спина не раскалывалась от боли, и пот не катился под рубашкой.

Все, что у меня стояло перед глазами, — это Тесс, привязанная к кровати в Рио. Ее покрытая потом, бледная кожа. Ее выпирающие кости и увеличенные зрачки. Ее мучения были вызваны чертовым крохотным электронным устройством.

«Vous avez tout pris de moi (прим.пер.фр Ты отнял все у меня)!»

Я ударял и ударял. Рычал, напрягался, сыпал проклятьями.

Я не прекратил до того момента, пока в бетонном полу не появилось углубление размером с шар для боулинга в том месте, куда я ударял. Тогда я, наконец, осознал, что устройство больше не было в рабочем состоянии.

Тяжело дыша, я уронил кувалду и позволил ей лежать там, куда она упала. Последние две с половиной недели прошли в спешке, и я

отшатнулся к стене, моя голова закружилась от усталости; кости неистово вопили, моля о кровати.

«Ты можешь отдохнуть. Тесс в безопасности».

Я, бл*дь, думал так же в последний раз, думал, что она была в безопасности. Но она не была.

«Ты истощен. Тебе необходимо отдохнуть».

Я позволил своему телу рухнуть на пол и склонился над согнутыми коленями.

В первый раз в жизни, я позволил слабости и скорби взять надо мной верх. Я скорбел об утраченном, когда Тесс была похищена. Скорбел о себе и тому, что было украдено у меня.

Потому что она вещь была абсолютно точно ясна мне.

Тесс изменилась.

И я боялся, что никогда не верну ее обратно.

Глава 16

Привяжи меня к стойке или поставь на колени, ты мой господин, и я рада тебе услужить. Владей мной, бери меня, ты никогда не сможешь сломить меня...

Тесс

Первое что я сделала, когда очнулась, закричала.

Сон покинул меня, погружая в мир невыносимой боли. Мой палец, мои ребра, моя... шея. Это было слишком. Слишком!

Затем жуки выползли из своих укрытий, находя пристанище в моей коже, пожирая изнутри. Личинки извивались в волосах, термиты пожирали ноги.

Я закричала с такой отчаянной силой, словно моя душа хотела вырваться наружу. Я кричала от каждой ужасной вещи, которую пережила, когда они настигали меня с силой грузовика.

Неизбежная вина душила меня, оборачиваясь вокруг моего разума и сердца, чертовски сильно сжимая в своих тисках. Эти девушки. Что я натворила. Я не могла жить в мире с самой собой.

— *Застрели ее, илюха.*

— *Бей ее сильнее. Сильнее!*
— *Я трахну тебя следующей, мразь. О да, я разорву тебя надвое.*
— *Видишь, Тесс. Больше никто тебя не хочет. Давай же, сдохни.*
— *Я всегда здесь для тебя, Тесси. Не сдавайся.*
— *Ты разрушила жизни всех, Тесс. Ты заслуживаешь смерти за свои прегрешения.*
— *Ты сильная, любимая, но это ее кровь у тебя под ногтями!*

Я не могла дышать. Я не могу сделать вдох!
— Убирайтесь. Пошли прочь! Прочь! — Я подскочила на кровати, затем вновь рухнула на нее. Мои ребра причиняли мне отчаянную боль, и я увидела звезды перед глазами, погружаясь в бессознательное состояние. Влажный кашель неистово стискивал легкие, в то же самое время, как вина погружала меня все глубже в безумное состояние.

Наркотики. Мне необходимы наркотики. Мне было необходимо что-то, чтобы подавить эту эмоциональную пытку. Мне был необходим туман, который бы унес меня далеко, так далеко, чтобы мой разум не разлетелся на куски.

— Я желаю умереть. Заслуживаю смерти. Я причиняю им боль. Всем этим птичкам. Я сделала это. Я выполняла то, что они говорили. Дай же мне что-нибудь. Хоть что-нибудь!

Тяжелое давление опустилось на мои плечи; мои глаза распахнулись.

— Черт побери, Тесс. Успокойся. — Наполненный страданиями взгляд Кью встретился с моим. Его вид только еще больше заставлял меня погружаться в сумасшедшее состояние.

Он нашел меня. Я знала, что он сделает это. Но теперь я была не достойна его. Я убивала. Причиняла боль женщинам вместо того, чтобы спасти их. Я была полной противоположностью Кью, и он бы убил меня, если бы узнал это.

Я начала задыхаться от переизбытка воздуха.

— Не нужно. Пожалуйста. Я не хотела делать это. Я знаю, что ты не можешь простить меня. Но только не убивай. Не делай этого.

Жуки сильнее стали пожирать мою плоть, вырывая из легких еще один крик.

— *Тебе нужно умолять, если ты хочешь, чтобы жажда*

прекратилась, малышка.

Появился Белый Человек, и я знала, что мне необходимо делать.

Я схватилась за Кью, сжимая его своими жаждущими руками, так отчаянно желая спокойствия, что даровал туман. Я сделаю все, что угодно. Буду кем угодно. Буду умолять. Воровать. Лгать. Убивать.

О, господи. Я была готова убить вновь, если бы это помогло мне избежать этого сумасшествия.

— Дайте же мне то, что мне так необходимо.

Кью выругался, усаживая меня своими сильными руками. Жидкость в моих легких, которая пребывала в горизонтальном положении, сменилась на вертикальное, заставляя меня заходиться кашлем еще отчаяннее.

Он сжал мои плечи.

— Не волнуйся. Тесс. Прекрати. Ты в безопасности. Ты в безопасности со мной, mon amour (прим.пер. Моя любовь).

Он лгал. Я никогда не буду в безопасности. Никогда не буду свободна от подлости, что совершила.

«Не смотри на меня. Чтобы не видеть ужаса, что я натворила».

— Тесс. Черт побери, эсклава. — Он тряс меня, отчаянно впиваясь пальцами в плечи. Его прикосновение несло с собой жуков, которые извивались, впиваясь в меня, пожирая заживо.

Если меня не убьет вина, то жуки станут моей гибелью.

— Остановись. Прекрати. Ты причинишь себе вред. — Кью схватил меня за подбородок, заставляя оставаться на месте, и каждое отвратительное действие, что я совершила, душило меня, отправляя в свободное падение.

Я нажала на курок.

Замахнулась бейсбольной битой.

Я оцарапывала.

Пытала.

Я причиняла бесконечные муки тем девушкам.

Мое сердце разрушало себя с каждым воспоминанием, не в силах выдержать боль. Белый Человек ворвался в мои мысли.

— *Что я говорил тебе насчет боли? Скрывайся от нее, как хорошая рабыня. Делай все что угодно, чтобы избежать этого. Будь хорошей девочкой. Послушной. Или же я сделаю это в двадцать раз*

хуже для тебя.

Он отбросил в сторону плоскогубцы, которые держал, и начал размахивать сварочной лампой в непосредственной близости от моего тела.

Я хотела свернуться в клубок и умереть. Я ожидала ожога, что расплавит мою кожу. Я заслуживала, чтобы меня подожгли... сожгли, как ведьму. Я была ведьмой. Проклятой и преисполненной злом.

— Сделай же это! Прикончи меня! Я не заслуживаю жить!

— Бл*дь, Тесс, ты убиваешь меня. Вернись ко мне. Прекрати это сейчас же! — голос Кью сорвался с умоляющего на крик.

Я задрожала, я еще никогда не была так близка к смерти. Чувствовала себя так, словно была в шаге от могилы. Все, что мне предстояло сделать, — это позволить вине всецело поглотить меня, и затем я была бы благословенно свободна. Тарантулы ползали по мне, передвигая своими пушистыми лапками, и я окончательно сдалась. Я утратила всякое благоразумие.

Кью, возможно, и нашел меня, но я потеряла свой рассудок из-за того, что совершила. И никакое количество помощи или лечения не поможет мне исцелиться.

Я позволила себе ослабить крепкую хватку, которой цеплялась за жизнь, и упала. Падая, падая вниз, окруженная смертью.

Но затем что-то произошло.

Внезапно из ниоткуда возникла стена. Возвышаясь в своем строении, быстрее и быстрее. Кирпичик за кирпичиком, скрепляемые мазок за мазком раствором — огромный, несокрушимый барьер, который вырос между мной и всеми отвратительными воспоминаниями. Между мной и той, кем я стала. Между мной и Кью.

Я упала глубоко в самый центр этой, только что воздвигнутой башни. Там было пусто. Темно. Царили отзвуки цепей и оков — место было окружено колючей проволокой и было совершенно непроходимым.

В то мгновение, когда шум прекратился, и башня была полностью воздвигнута, все что я ощутила, было полное облегчение. Ничего не могло затронуть меня. Ни вина. Ни боль. Ни воспоминания того, что я совершила.

Я была свободна.

Открывая глаза, я пристально уставилась, всматриваясь во взгляд Кью, стараясь разобраться в том, что произошло. Он искал мой взгляд, его выражение лица было напряженным и таким невообразимо привлекательным.

— Ты в порядке? — прошептал.

Его ладонь на моем лице ощущалась так знакомо, но его прикосновение не имело ничего общего с лаской. Он причинял мне боль и страдания. А в моей башне такие вещи были непозволительными.

Остатки моей души устремились, чтобы укрыться в глубине башни, вытягивая из меня все до последней эмоции, все до последней капли, что я когда-либо чувствовала.

Пустота ширилась, создавая ров между внешним миром и моим непреступно-огороженным разумом. Вина ушла. Боль и воспоминания были скрыты. Как и все остальное.

Я ожидала почувствовать атмосферу дома. Любви, которую я когда-то чувствовала к Кью, или хотя бы чувство страха. Но я не было ничего, кроме огромной глубокой и глухой дыры. Все, что делало меня мной, исчезло глубоко внутри моего безопасного убежища.

Ров заполнился жуткими ползающими жуками, когда вернулся постоянный зуд от нужды кое в чем. Мой разум, может, и был в безопасности, но тело заживо пожиралось насекомыми.

Кью вздохнул, поглаживая щеку. Его бледные глаза никогда не пребывали в покое — одолеваемые таким множеством эмоций.

— Ты в безопасности. Я не позволю, чтобы с тобой вновь что-то произошло.

Обещание источало вину. Он уже давал до этого мне обещание и нарушил его. Мои эмоции больше нельзя было рассмотреть — они были спрятаны за этой толстой стеной, я находилась здесь, не чувствуя ничего.

Абсолютно ничего

Мое доверие к Кью было бесповоротно утрачено. Моя вера в то, что он будет всегда здесь, рядом со мной — мой монстр в темноте — была потеряна.

Но в то же время, я понимала, что это ощущение должно было вырывать мне сердце, но я чувствовала только пустоту, холод, забвение.

Я хотела игнорировать холод, который чувствовала по отношению к нему. Я хотела, чтобы тьма и стена исчезли. Хотела помнить. Но если

бы я позволила себе помнить, то умерла бы под гнетом вины. Погибала бы от всего совершенного мной.

Сосредотачиваясь на внутренних эмоциях, я забарабанила по двери недавно воздвигнутой башни, желая найти выход. Но из нее не было выхода. Не было ключа, чтобы выбраться на свободу. Что бы ни сделал мой разум, чтобы защитить меня, он отгородился от всего остального, что окружало меня

Мое сердце было закрыто и лишено чувств. То же самое сердце, которое сходило с ума от любви и отчаянного желания к Кью. Тот же самый орган, который был переполнен безумными ощущениями по отношению к мужчине, который хлестал меня, трахал, желал меня.

Теперь оно было опустошенной, ссохшейся вещью, бесполезно находящейся у меня в груди.

Кью скользнул рукой по моей щеке, избегая прикосновений к повязке на шее. Его подушечки пальцев невесомо скользнули вниз по руке, прежде чем он схватил меня за руку. Он вздрогнул, когда я сжала пальцы, чтобы избежать его прикосновения.

Я не желала, чтобы ко мне прикасались. Я не хотела контакта. Мне было не нужно это. Все, чего я желала, чтобы меня оставили в покое. Навсегда одну в моей башне, полностью лишенной чувств.

Боль отразилась в глазах Кью, когда он тяжело сглотнул. Легкой щетины, что покрывала его подбородок, было больше чем обычно, его волосы были взъерошенными и длинными. Он не сводил глаз с моей руки, прежде чем наклонился, нависая надо мной. Его рука прижалась к моим лопаткам, сжимая меня в сокрушительном объятии.

Я сжалась, когда меня заключила в свою хватку клаустрофобия, затем последовало напряжение, когда я принудила себя обеспечить ему комфорт. Я, может, и не хотела этого, но он хотел. А я не была настолько мелочной тварью, чтобы отказать ему в этом.

Каким-то образом я превратилась из Тесс, которая испытывала чувства, в бесчувственную копию, и у меня не было совершенно никакого желания становиться прежней. Тогда я бы не смогла пережить груз прошлого.

Кью сжал меня в объятиях сильнее, причиняя боль моим ребрам, потревожив ушибы. Я не отстранилась, но и не предприняла ответных действий, чтобы утешить его. Его большое тело жестко прижалось к моему, а все, на чем я могла сосредоточиться, так это на пустоте, в

которой в данный момент пребывала моя душа. На пустоте, которая царила глубоко внутри меня. Благодаря которой мне больше не нужно было страдать.

Я заслужила в полной мере мучиться от боли. У меня не было права забывать все, что я сделала. Боль была моим пожизненным бременем.

Боль.

— Боль — это плохо, малышка. Беги от боли. — Образ Белого Человека сверкнул в моем разуме, скрадывая меня из кольца рук Кью и безопасности его дома, и низвергая меня обратно в зловонную камеру.

Внезапно состояние апатии исчезло, но за ним последовал резкий всплеск уничтожающей боли. Последствия приема наркотиков, кошмары от выполнения их приказов — все вернулось, нанося сокрушительные удары молотов, пронзая меня кольями.

— Нет, я не могу выносить этого!

Мое горло сжалось, легкие заполнились жидкостью, и я будто обезумела. Я не могла вернуться обратно. Я просто не могла пройти через это все вновь. Я хотела вернуться в мою башню. Я желала вернуться в пустоту и больше никогда не испытывать таких страданий.

Жуки застрекотали и увеличились в количестве, стремительно покрывая мое тело, их челюсти и лапки утягивали меня вновь в ад. Я пыталась бежать, но что-то крепко удерживало меня. Крепко удерживало, чтобы меня могли обнаружить насекомые.

— Ты отняла мою жизнь! Ты такая же, как они. — Образ блондинки с татуировкой колибри появился перед моими глазами с кровавым отверстием на лбу. — Ты сделала, что они сказал. Почему? Почему мне пришлось умереть?

— Боль должна была быть твоим единственным спасением, не так ли? — Белый Человек возник позади плеча Кью, грозя мне пальцем. — Чему я тебя учил? Боль — это плохо. Не вынуждай меня использовать плоскогубцы

Руки сжались вокруг меня, и я забилась в отчаянии.

— Нет. Нет. Не надо. Не надо делать этого. Я буду послушной. Обещаю.

— Бл*дь, эсклава. Прекрати это! — Кью встряхнул меня с такой силой, что мои зубы сильно клацнули, ударяясь друг о друга.

— Оставайся со мной. Не слушай ничего, чем бы тебя ни искушало воображение. Пожалуйста, я умоляю тебя. Я, черт побери, умоляю тебя, борись!

Я распахнула глаза от звука его голоса пропитанного болью. У Кью были красные глаза, под которыми залегли тени на его измученном лице. Его челюсти были крепко сжаты, а лоб нахмурен от невыносимого беспокойства.

— Борись. Только не сдавайся. Хорошо? — Он склонил голову, едва слышно шепча слова у моих губ. Его взгляд пленил меня. Я замерла, пытаюсь восстановить свое поверхностное дыхание у его губ.

— Я сделаю все, что угодно. Скажи мне, что сделать, чтобы исправить это, — молил Кью.

Я и скала ответ в своем разуме. Искала то, что помогло бы вернуть меня обратно из состояния хаоса, в котором пребывала. Но ничего не имело смысла. Я не видела быстрого решения. Не было никакого выхода из лабиринта, в котором я была поймана ловушку.

— Опустите ее. Вы причиняете боль ее ребрам.

Кью стрельнул злым взглядом в сторону двери, где появился мужчина в белом халате, наброшенном поверх повседневного костюма. Я свернулась в клубок, стараясь изо всех сил стать невидимой. Я ненавидела незнакомцев. Ненавидела, потому что не знала чего ожидать от них, — они могли притворяться милыми, но на самом деле могли желать убить и изнасиловать меня.

«Позвольте мне вернуться обратно в башню».

Меня окатило чувством боли и страха, наряду с виной, черт побери, с виной, которая приходила ко мне, как угрюмая старуха-смерть с косой, разбивая меня на осколки.

Кью посмотрел на меня, привлекая ближе к своему телу, не слушая указания мужчины.

— Она, мать вашу, напугана. Вы должны ей дать что-то, чтобы у нее прошли галлюцинации.

Мужчина подошел ближе; я всхлипнула.

— *Он здесь для того, чтобы прикончить тебя. Ты ослушалась. Он здесь, чтобы причинить тебе боль. — Рассмеялся Белый Человек.*

Я больше никогда не сдамся без боя. Чувство страха сводило меня с ума, и я укусила Кью прямо за плечо.

— Отпусти меня. Я просто хочу вернуться в свою башню!

Он втянул вдох, но не оттолкнул меня и не ударил. Вместо этого, посмотрел на доктора с отчаянной болью, что стояла в его глазах.

— Просто дайте ей хоть что-то, чтобы пережить самую ужасную часть этого. Я не могу видеть ее в таком состоянии.

Мужчина кивнул, я же попыталась выбраться из кольца рук Кью. Мою борьбу не могли остановить ни боль в ребрах или же в шее, или же в пальце. Я больше не смогла бы пройти через это. Не смогла бы. Мой разум и так был уничтожен, я уже никогда не смогу стать прежней.

Я застонала, когда кожа покрылась липким потом, заставляя меня чувствовать холод. Яркие вспышки взорвались всплесками света под моими прикрытыми веками, когда мое отчаянное желание усилилось.

Желание к чему-то, от чего сводило зубы, от чего рот наполнялся слюной. К чему-то тягучему и сладкому и обволакивающему дымкой. К чему-то, что я не могла точно обозначить, но, бл*дь, мое тело желало этого.

— Пожалуйста. Я сделаю все, что вы хотите. Только дайте мне их.

— Что с ней происходит? — спросил Кью, но его голос раздавался в отдалении.

— Она достигла крайней стадии ломки. Они, скорее всего, давали ей высокую дозу, именно поэтому она так быстро подседа.

Огромная волна насекомых поглотила меня, извиваясь и стрекоча, в то время как стремительно ползали в моем мозгу.

— Дай мне это. Я пересплю с тобой. Я сделаю все, что угодно.

Руки отпустили меня, и я повалилась на кровать. Я закричала от боли, но это не могло больше равняться с жаждой.

— Вы должны ей дать что-то. Я сойду с ума, слушая все это.

— Хорошо. Мне кажется это даже к лучшему, если она проспит худшую часть этого.

Сон. Да. Я смогу сдержать себя во сне. В беззаботном, беспробудном сне.

Что-то ледяное заструилось по моим венам, медленно распространяясь по телу. Вместо ужасной дымки, это было чем-то ясным и свежим, и даровало мне крылья, чтобы унести прочь от мерзких воспоминаний и оставить все это позади.

Я нашла башню, вернулась в нее, запирая себя глубоко внутри.

Я была в безопасности внутри. Под защитой.

Я больше никогда не покину свое убежище вновь.

После того первого утра, моя жизнь стала осколками отдельных фрагментов.

Просыпалась с всепоглощающей нуждой.

Проваливалась вновь в сон.

Приходила в себя, неистово кашляя.

Погружалась в сон.

Просыпалась посреди ночи, чтобы обнаружить измученного Кью, распростертого рядом со мной

Вновь погружалась в сон.

И каждый раз, когда я просыпалась, численность насекомых уменьшалась, поэтому я больше не хотела ни с кем переспать, чтобы получить то, в чем так отчаянно нуждалась.

Однажды днем я проснулась от проникновенной, наполненной страданиями музыки, мелодия которой разносилась по дому.

Ты говорила мне, что достаточно сильная. Достаточно храбрая.

*Но сейчас ты лежишь рядом со мной, и все, что я могу делать, —
оберечь тебя.*

*Я здесь для тебя. Я буду рядом с тобой. Помогу тебе преодолеть
каждое препятствие.*

Но что бы я ни делал для тебя, я не вижу этому конца.

Слова этой песни нашли отклик в какой-то оцепеневшей части моего сердца, но никаких эмоций не проникло в мою башню. Еще с того самого первого дня, когда я едва не умерла от психического припадка, я решила для себя, что никогда не покину ее. Башня была единственной вещью, которая помогал поддерживать жизнь во мне.

Было ли это результатом состояния потрясения или слабости, которые заставили меня уйти глубоко в себя? Я не имела ни малейшего понятия. Я не желала знать, потому что независимо от того, что сподвигло меня к жизни позади мощных стен крепости, я никогда не собиралась покидать ее.

Я знала, что меня ожидает, если я когда-нибудь сделаю это. Я просто не переживу.

Кью находился подле меня, не прекращая своих ночных дежурств. В какое бы время я не просыпалась, он был здесь, чтобы подать мне стакан воды или помассировать виски, если у меня болела голова после

лекарств.

Он общался со мной с бесконечной нежностью, которая только существовала в этом мире.

Я улыбалась и благодарила его. Я давала ему понять, что ценю его нежность, но на самом деле я желала, чтобы он ушел. Кью не был ни врачом, ни сиделкой. Для предыдущей моей версии он был зверем, мужчиной с несгибаемой волей, который бы никогда бы не позволил мне разрушить его таким образом.

Каждый раз, когда я видела его, — он менялся. Его бледные глаза утратили свое яростное сияние — они ничего не выражали, потускнели, сохраняли бесстрастное выражение и были сосредоточены на внутренних размышлениях.

Если я заперла себя в башне, то тогда он сковал своего монстра цепями и позабыл, кем является на самом деле. Мы оба существовала в другом измерении, в котором никогда не будет «жили долго и счастливо», а также из которого я хотела как можно скорее выбраться.

Я прекрасно понимала, что Кью начал отдаляться от меня, но мне было наплевать. Я хотела, чтобы это было не так. Но в то же время хотела находиться в моей лишенной эмоций башне. И поэтому я позволила ему заботиться обо мне, ухаживать за моим телом, чтобы вывести его из сломленного состояния и привести в здоровое, в то же время, говоря своими действиями безмолвное прощай.

Я позволила ему отдалиться от меня.

Часы сменялись днями, и мои легкие, к счастью, избавились от болезни. Кью почти никогда не отходил меня, но мы никогда не разговаривали. Он чувствовал, что я покидаю его. Когда он смотрел на меня, то прекратил искать моего взгляда, прекратил срываться на мне, чтобы вывести меня из этого состояния.

Я не разговаривала о его делах или же о том через, что ему пришлось пройти, чтобы найти меня. Мы сосуществовали, как незнакомцы — наша расстановка ролей сменилась от любовников до пациентки и сиделки.

К счастью, жуки превратились из мерзких насекомых в назойливых мотыльков и бабочек. Отчаянное желание все еще присутствовало, сводя от боли мои зубы, но я могла его игнорировать.

Даже в моих снах не было эмоций и мыслей. На самом деле, сон был единственной вещью, которая так и не вернулась ко мне. Я

старалась дремать, отдыхать время от времени, но по ночам, когда Кью лежал рядом со мной вздрагивая от кошмаров преследовавших его, я пялилась в потолок.

Понимаете, это ненормально. Вы должны горевать. Преодолеть стадии, в течение которых вы справляетесь с виной и находите прощение за содеянное.

Я полностью игнорировала себя. Таким образом, чувствовала себя сильнее. Таким образом, я была живой.

Кью пошевелился рядом со мной, бормоча во сне.

— Я убью тебя. Я убью тебя, мерзавец. — Сжал простынь в кулаке и прорычал: — Я, черт побери, убью... — Он переместил ногу таким образом, что она коснулась моей. Это не причинило боли, но в то мгновение, когда они соприкоснулись, я вновь отправилась прямиком в ад. Моя башня треснула, позволяя вине и страху, и никогда не иссякающему презрению, поглотить меня.

— *Ты думаешь, что ты избавилась от нас. Нет, это не так. Мы идем!*

— *Он не любит тебя. Никто не смог бы.*

— *Умри, сука. Мы разрежем тебя на куски.*

В моей голове застучало, и мой желудок скрутил приступ тошноты; меня вывернуло, но в ответ вышел лишь воздух. Башня оставила меня в незащищенном состоянии и в очень, очень неподходящий момент.

— Нет. Я хочу обратно. Не заставляй меня вспоминать, — простонала я, когда еще один приступ тошноты скрутил меня.

— Тесс? — пробормотал в полусонном состоянии Кью. — Черт. — Он мгновенно встал на колени, помогая мне присесть. Схватил чашку, которая стояла на ночном столике, и собрал мои волосы на затылке, в то время, как меня выворачивал вновь и вновь в приступе тошноты. Я бы так хотела, чтобы в желудке было хоть что-то, чем можно вырвать. По крайней мере, так я могла бы через какое-то время прекратить. А так каждая волна мучительной болью стискивала мои ребра, пока мое виденье не стало размытым, при попытке смотреть вбок.

— *Ты убила меня. Как ты могла! Известно ли тебе, что моя семья теперь никогда не сможет отыскать мое тело?* — рыдала блондинка с татуировкой колибри.

В моем разуме, я ударяла кулаками в стену башни, заставляя их все больше кровоточить, одержимая отчаянным желанием попасть

вовнутрь.

Вина становилась все глубже и глубже, раскалывая мой разум, заставляя мое сердце биться быстрее вопреки успокаивающемуся сердцебиению.

— Все хорошо, Тесс. Не сопротивляйся этому. Все хорошо, — успокаивал Кью, впитывая мою панику.

После череды безэмоциональных дней, я была уверена, что он наслаждался хоть какими-то эмоциями от меня. В первый раз его глаза вновь светились жизнью, его тело было напряжено и полно надежды.

Затем дверь в мою башню широко распахнулась, позволяя мне вновь погрузиться в безопасность — обеспечивая мне тем самым освобождение от вины. Рвота прекратилась, и я отодвинула в сторону большую чашку, заставляя Кью ослабить хватку на моих волосах.

— Спасибо.

Кью пристально посмотрел на меня, медленно качая головой.

— Как ты это делаешь? Ты что-то чувствуешь. Я ощущал это. А теперь ты словно пустая оболочка. Ты улыбаешься, говоришь, выздоравливаешь с удивительной скоростью, и все же ты словно не здесь. — Он отбросил в сторону чашку, ярость проглядывалась в каждом его движении. — Поговори со мной, Тесс. Скажи мне, что там произошло.

Я отвела взгляд в сторону.

— Нет. Не спрашивай меня.

Казалось, что тьма в комнате увеличилась, когда Кью бушевал от ярости. В одно мгновение испарился заботливый мужчина; я увидела проблески монстра, который был покрыт кровью в Рио.

Он отдал мне сердце. Он положил сердце Белого Человека к моим ногам. Внезапное воспоминание заставило меня испытать тошноту, и я закрылась в своей башне только сильнее. Я выходила за пределы моей безопасной зоны дважды, и все это принесло мне только боль. Я больше никогда не покину это место по своей воле.

Ни ради Кью.

Ни ради себя.

Ни ради чего-то.

— Ты должна поговорить со мной, эсклава.

Мой взгляд устремился к его.

— Я больше не твоя эсклава. Прости Кью, но то, что было у нас,

безвозвратно утрачено.

— Только потому, что ты отказываешь бороться за это. Я был свидетелем того, как множество женщин преодолевали потрясение, которое ты пережила. Это займет время, но я с тобой. Я никуда не отпущу тебя вновь.

Я вздохнула, желая, чтобы мне не пришлось делать этого. Я не хотела разбивать его сердце, но ему было необходимо понять. Жизнь, которую я раньше вела, ушла в небытие. Было неважно пройдет ли неделя, год или целый век. Я больше никогда не выйду за пределы моей башни вновь. Потому что я бы взорвалась от горя, а я не была достаточно сильной, чтобы справиться с такой болью.

— Я слабая, Кью. И я не хочу причинить тебе боль. Но я не пребываю ни в каком состоянии потрясения. Это то, кем я стала.

— Бред. Ты — боец. Так, черт побери, борись же, Тесс. Я начинаю уставать от того, что ты закрываешься от меня. Ты хоть знаешь, на протяжении какого времени это происходит? Девять дней! Девять долбанных дней, в течение которых я наблюдаю за тем, как твое тело исцеляется, а твой разум уплывает все дальше и дальше.

Он схватил меня за руку, крепко стискивая.

— Я не позволю тебе сделать этого. Только не после того через, что я прошел.

— Я не смогу выразить тебе всю благодарность, что я испытываю, но ты должен понять...

— Я не должен ничего, мать твою, понимать. Все, что тебе необходимо знать, — я заставлю тебя вернуться ко мне. Я не убил монстра внутри себя для того, чтобы быть в состоянии излечить тебя, и не только твое тело. — Он провел руками по волосам. — Я бросил все к твоим ногам не для того, чтобы ты жила неполноценной жизнью!

Мне было нечего ответить на его слова. Поэтому я просто промолчала. У меня не было желания разбавлять какими-то словами напряженное болезненное молчание. У меня не было стремления поцеловать Кью и тем самым забрать его боль.

— Я хочу остаться одна, — прошептала.

Кью хмыкнул.

— Одна. Хочешь, черт побери, остаться одна. А как насчет того, что я хочу? Как насчет того, чтобы поговорить со мной? Помочь понять мне через что ты прошла, чтобы я мог помочь тебе пережить это.

ПОГОВОРИ СО МНОЙ!

Я втянула глубокий вдох и вернула себе вновь угасающую ярость.

— Я никогда не буду ни с кем разговаривать об этом. Ни с тобой, ни с мозгоправом, или же Сюзетт, или с кем-то еще. Этого никогда не случится. Этого не произойдет. А если ты и дальше будешь давить на меня, то этим только убьешь.

Грудь Кью напряглась, взмывающие ввысь воробьи на его татуировке были охвачены теми же эмоциями, что и мужчина.

Я тяжело сглотнула.

— Ты что, хочешь стать причиной моей смерти? Потому что если это так, то продолжай давить на меня. Продолжай, заставляй меня жить с чувством вины. Я никогда не скажу тебе ничего, потому что если это произойдет, ты в любом случае убьешь меня. Поэтому просто оставь меня в покое. Уходи. Позволь мне пребывать в состоянии покоя.

Кью размял плечи и вскинул свою руку. Он ударит меня? Я выпрямила спину на тот случай, чтобы быть готовой принять его удар.

Но ощущение борьбы, что бушевало в нем, покинуло его, и он поднялся с кровати.

Не произнося ни слова, пересек огромную спальню и вышел прочь. Я не сдвинулась с места, когда дверь за ним захлопнулась. Я не чувствовала облегчения или сожаления, или еще какой-то другой эмоции, кроме пустоты.

Мой разум, в первый раз за огромное количество времени, был чист. Я больше не страдала от ломки после приема наркотиков, или же не ощущала боли от страдания. Мое тело выздоравливало, и я больше не желала ничего постороннего в своей кровеносной системе.

Я сжала капельницу, которая была подведена к обратной стороне руки, выдернула катетер и сбросила его с кровати. Он упал, и одна крошечная капелька пролилась на ковер.

Проходили часы, пока я смотрела в темноту.

Не чувствуя ничего

Безразличная ко всему.

Одинокая.

— Господин, уже прошло несколько недель. Вам нужно прекратить винить себя. Это не ваша вина.

Что-то ударилось о стену и разлетелось на осколки.

Кью свирепо прокричал:

— Это все моя вина. Тесс была идеальным человеком, за которым нужно было охотиться, чтобы преподать мне урок. И это, черт побери, удалось, потому что сейчас я хочу покончить с собой из-за того, что произошло с ней. Посмотри на нее, Сюзетт. Она могла бы с таким же успехом быть мертвой, потому как вся жизненная сила покинула ее.

Сюзетт пробормотала.

— Она придет в себя. Вы сделаете так, чтобы она вновь стала прежней, вот посмотрите.

— Не смей, черт побери, наставлять меня. Я устал от этого. Я уже был и терпеливым, и нежным. Я спал возле нее. Я предлагал ее выслушать и помочь. Но ничего из этого не возымело действия, потому, бл*дь, она закрывается от меня, я не могу найти способ, как подступиться к ней.

Раздался вновь громкий звук, и я еще крепче зажмурила глаза.

— Я устал. В тот момент, когда девушки будут готовы, мы сразу отправим их домой. Я не хочу никакого долбаного напоминания о том, что произошло. Я просто хочу, чтобы, бл*дь, все ушло.

Я отважилась немного приоткрыть глаза. Кью метался по комнате, проводя в тревожном жесте по своим длинным волосам. Они не были похожи на элегантную гладкость, которую обычно он предпочитал — теперь волосы были длинными и торчали в разные стороны.

Сюзетт стояла у двери с подносом в руках.

— Позвольте, по крайней мере, накормить ее?

— Она спит. Поверь мне, я не сводил с нее глаз на протяжении всей ночи. Ожидая, пока она откроет свои пустые глаза, чтобы заставить ее поговорить со мной.

Он говорил правду. Все ночь напролет он смотрел на меня, и на протяжении всей ночи я притворялась спящей. Даже несмотря на то, что я говорила ему, что хотела остаться ночью одна, он все равно не слушал.

Если он делал это наперекор мне для того, чтобы получить от меня реакцию, тогда это не сработало. Я не собиралась ругаться. У меня просто не было сил на споры.

Сюзетт плавно прошла вперед, улыбаясь мне.

— Она не спит, господин. Я удивлена, что вы не заметили, что она

притворяется.

Если бы внутри меня остались хоть какие-то эмоции, я бы нахмурилась в ответ на слова Сюзетт.

Кью развернулся, чтобы посмотреть на меня, затем бросился к краю кровати. Он взял мою руку. Как бы я хотела, чтобы он прекратил прикасаться ко мне. Он сжал мои пальцы.

— Скажи мне, что я могу сделать, чтобы исправить это. Черт побери, скажи мне это сейчас. Я устал ждать, когда ты сама выйдешь из этого состояния.

Я ждала, когда во мне проснется сильная потребность обнять его или оттолкнуть. Но моя башня хорошо скрывала меня от всего. Я погрязла бесконечности небытия.

— Просто, иди. Возвращайся к работе.

Он пристально уставился в мои глаза, но его не излучали нежность и мягкость.

— Моя работа разрушена. Тебе известно это? Я очернил репутацию компании и все в обмен на то, чтобы спасти тебя.

— Прости меня. Тогда, иди живи той жизнью, которая была у тебя прежде, чем ты узнал меня. Пока я не разрушила все окончательно для тебя.

Он отвел взгляд в сторону и прорычал:

— У меня не было никакой жизни до тебя! Ты — моя жизнь. Без тебя я, возможно, пустил бы себе пулю в голову и присоединился к тебе в могиле, потому что, Тесс, если ты оставишь меня, если ты настолько слаба, чтобы бороться, значит, меня ждет именно эта участь. Ты разрушишь меня.

Он придвинулся ближе, принося с собой аромат цитруса и отчаяния.

— Поэтому давай, эсклава. Забирай мою жизнь, если я больше не нужен тебе.

Отбрасывая мою руку в сторону, он пронесся мимо Сюзетт и захлопнул дверь позади себя.

То, что существовало между нами раньше, было окончательно и бесповоротно утрачено. Я была сломлена. Моя душа неуверенно и с робостью коснулась стены башни, желая свободы, чтобы устремиться за ним. Но я убила эту часть себя. Если я выйду за пределы крепости, чувство вины обязательно найдет меня. Призраки настигнут меня. Я

умру от потока обрушившихся эмоций.

Я подняла взгляд, чтобы сосредоточенно посмотреть на Сюзетт.

Она направилась к краю кровати с подносом в руках. Еда источала аромат супа с куриной лапшой и свежего багета. На ее милом лице царил взгляд полный понимания.

— Не хочешь поговорить о том, что только что произошло?

Я покачала головой. Как я могла говорить об этом, когда была дьяволом? Когда я калечила и убивала? Никто бы не захотел слышать о тяжелой участи, что выпала на мою долю. Я не заслужила этого.

— Я знаю, что ты, должно быть, презираешь меня за то, что я причиняю боль ему, но я не буду говорить об этом. — Мой взгляд выражал решительное предупреждение.

Она не произнесла ни слова, когда поставила поднос на моих коленях. Когда ни одна из нас не двинулась, Сюзетт прошептала:

— Я даже не смею предположить, что они сделали с тобой, Тесс. Но если тебе когда-нибудь понадобится поговорить, я здесь. Я не рассказывала тебе мою историю, и не знаю, следует ли делать это, но твой сломанный палец был похож на десять сломанных моих, когда я была продана Кью.

Я в ужасе уставилась на Сюзетт.

«Я отгораживалась от боли плоскогубцев с помощью башины, но как это делала Сюзетт?»

— Кто бы тебя ни похитил, больше они этого не сделают. Кью позаботился об этом. — Добавила Сюзетт. — Ты не веришь мне?

— Он и до этого мне говорил, что они не похитят меня, но им удалось это. Он лгал, Сюзетт. Но ничего из этого больше не имеет значения, потому что он нашел меня. Это не было его виной. Я была той, кто мешалась у жизни под ногами, и именно я забыла извлечь трекер. Я разрушила бизнес Кью. Я сама навлекла это на себя. — Мой голос звучал монотонно, в нем не слышались перепады эмоций. — Я знаю, ты думаешь, что я поступаю глупо, но я на самом деле не могу говорить об этом. Не перекладывай груз ответственности со своих плеч на другие, или как там говорится в этой дурацкой пословице. Но я чертовски серьезна, когда говорю, что прошлое остается в прошлом, и поэтому я отказываюсь думать или чувствовать или даже осознавать, что произошло.

Сюзетт откинула каштановый локон со своего лба.

— Я понимаю больше, чем тебе кажется. Но я не могу заставить тебя выйти за пределы зоны комфорта, которую ты создала. Просто приложи усилия и вспомни все то, чем ты пожертвовала.

— Я...

Она подняла руку.

— Давай не будем думать об этом. Ты достаточно окрепла, чтобы принять душ. Это поможет тебе почувствовать себя в разы лучше. — Она ласково улыбнулась. — Потому что если уж на то пошло то, от тебя ужасно воняет.

Мои губы скривились из-за ее слов, и я позволила ей убрать поднос и одеяло, чтобы я могла подняться на свои ослабшие ноги.

Она помогла мне выпрямиться, предоставляя мне время откашляться, в то время, когда последние остатки влаги скопились в легких.

— Каждый шаг, что ты делаешь, приближает тебя к тому, чтобы ты вновь чувствовала себя хорошо, Тесс. И я буду рядом с тобой так долго, как ты будешь нуждаться во мне.

Я улыбнулась ей и позволила проводить меня в ванную.

Глава 17

Хныкай и стони, пока я буду восседать на своем троне. Мы можем быть монстрами вместе, поэтому никогда не будем одиноки.

Кью

Я больше не мог смотреть на бессмысленные предметы без желания разбить их на крошечные кусочки.

Все меня раздражало. Гнев постоянно кипел во мне, и беспомощность, которую я испытывал, когда дело касалось Тесс, убивала.

Она закрывалась от меня. Категорически отказывалась разговаривать со мной — рассказывать, что с ней произошло, чтобы я мог помочь ей побороть кошмары, которые преследовали ее. Она смотрела на меня так, словно я был долбаным незнакомцем.

Я имел в виду каждое произнесенное слово. Если она сдалась, если она махнула на себя рукой, на нас, значит, мне больше ничего не оставалось. С таким же успехом она могла умереть в Рио. Я мог бы сорваться и начать убивать каждого, пока кто-то бы не избавил меня от страданий.

Но это было не худшим. Самым ужасным были кошмары и сокрушительная мигрень, которая отказывалась проходить. Я держался на кодеине и противовоспалительных, чтобы стараться и дальше функционировать, быть уверенным, что я был здесь для Тесс.

Одна моя физическая слабость грозила уничтожить меня, в то время как Тесс грозила вырвать мое изнывающее от боли сердце.

Независимо от того, что я делал, ничего не работало. Я спал подле нее, нянчился с ней. Я умирал внутри. Мой монстр ненавидел видеть ее такой покорной и сломленной, в то время, как мужчина во мне учился новому виду сочувствия — заботе. Но день за днем, час за часом, страсть и потребность, что я испытывал по отношению к ней, превращалась из любовной в братскую. От всепоглощающей до сбивающей с толку.

Я понимал, что больше не мог причинять ей боль, и разумная часть меня не желала этого. Но та часть, которая понимала, что Тесс больше не вернется, испытывала отчаянное желание убить ее, как можно быстрее. Чтобы, наконец, положить конец мучениям.

Она смотрела на меня таким отсутствующим взглядом, что это только заставляло меня еще глубже погружаться в ад. Я больше никогда не смогу прикоснуться к ней. Никогда не смогу пустить кровь или продемонстрировать ей, как сильно желал использовать плетку или флоггер. Все осталось позади, и я скорбел по этому. Зверь внутри меня оплакивал, что мне больше никогда не обладать Тесс, задыхающейся на грани удовольствия и боли, находящейся полностью в моей милости. Но теперь я скорбел по более глубокому чувству.

Я создал ей самые лучшие условия, сдувал пылинки с нее на протяжении двух недель. Я наблюдал за тем, как ее тело реагировало на лечение, как сходил синяки, как легкие прекращали хрипеть. Я прекратил ходить на работу, только для того, чтобы находиться с ней каждый час. Я махнул рукой на свою жизнь, но она не хотела меня.

Тесс не желала мужчину со зверем внутри, который жаждал ее криков.

Она также не хотела мужчину, который заботился о ней с нежностью и никогда бы не причинил ей боли.

Она не хотела меня.

Никакую из моих сторон.

Фредерик занимался делами компании, и мне не оставалось ничего другого, как прятаться в доме, будучи окруженным огромным множеством травмированных и сломленных женщин. Зверь внутри дрожал и сворачивался в клубок. Он ненавидел все. Он умалил меня оставить все. Бежать.

Франко обнаружил меня в тот момент, когда я собирался выйти на улицу.

— Сэр, доктор и его команда закончили ежедневный осмотр женщин. Вам нужно от них еще что-то, прежде чем они уедут? — Он подошел ближе, пристально смотря на меня.

Франко не оставлял меня одного с того самого времени, как Фредерик сказал ему наблюдать за моими мигренями. Он наказал моим работникам следить за мной. Я сокрушался на то, что Фредерик перешел границы, но Франко просто преследовал меня. Ублюдок.

Франко всегда смотрел на меня с гребаным уважением; теперь его взгляд граничил с дружбой и жалостью. Даже после всего, что мы сделали на заводе, он думал, что я слаб.

Я, бл*дь, ненавидел это. Ненавидел это все. Я ненавидел всех. Виной этому всему Тесс. Тесс вырвала мою чертову душу, оставила меня ни с чем.

— Скажи им, что они свободны. Они не нужны мне. — Если мне суждено умереть от мигрени, значит, так тому и быть. Может быть, тогда я найду покой.

— Вы уверены?

Я прорычал:

— Не стоит, Франко. Не забывай свое место.

Он опустил глаза, сделав шаг назад.

— Я не хотел злить вас. — Он ушел, не сказав больше не слова, а я пронесся через дом, который больше не был личным убежищем, а был больницей для более чем двадцати женщин, которых мы привезли с собой из Рио. Я захлопнул позади себя входную дверь.

Пять женщин должны были уехать сегодня. А двое покинули дом сразу, как только мы прилетели, несколько девушек были больны, и четыре страдали от последствий ломки, как и Тесс, но никто не был так ранен, как моя женщина. Не было никакого смысла в том, чтобы портить товар, который предназначался для продажи. Так же была найдена одна жертва: блондинка с пулевым ранением в голову.

Я бесцельно бродил снаружи огромного особняка. У меня не было больше цели или направления. Я просто нуждался в пробежке, или же в том, чтобы выложиться в спортзале на тренажере. Но все, о чем я мог думать, была Тесс.

У меня не хватало гребаной смелости, чтобы вернуться навестить

ее. Я не мог больше смотреть в ее пустые, мертвые глаза. Больше бы не смог вынести слов о том, чтобы я уходил. Я мог бы сорваться на нее. Мог ударить ее, и тогда я бы был ничем не лучше тех ублюдков, которые похитили ее.

Вместо того, чтобы броситься в бой, призывая рвануть обратно, чтобы связать Тесс, зверь забился еще дальше в угол, склоняя свою жалкую голову. Он хотел сорваться с места. Убежать и больше никогда не возвращаться.

Отчаянное желание бежать заполнило мои конечности, и я понесся. Я не был одет для бега — в джинсах и черной футболке, — но больше не мог терпеть страх.

Я направился в сторону полей, убегая прочь от мыслей о Тесс.

Я остановился под многовековыми деревьями, вдыхая полные легкие воздуха, в тот момент, когда вновь побежал прочь от своих демонов. Прочь от воспоминаний о ее галлюцинациях и бессмысленном бормотании. Я старался забыть, что она говорила с Брэксом во сне, с родителями.

Сжал ладони в кулаки и ударил по дереву, когда пробежал мимо. Кора впилась в мои костяшки, но мне было наплевать.

Мне было наплевать на все остальное. Я бежал вперед.

Два часа спустя, едва передвигаясь, я захлопнул дверь библиотеки позади себя. Опускаясь в кресло с высокой спинкой, я попытался восстановить дыхание, вытирая покрытое потом лицо краем футболки.

Мне нужно было в душ, но я не мог решиться на то, чтобы подняться вверх в свою комнату. Мысли о том, что увижу Тесс, чертовски ранили.

Обводя хмурым взглядом библиотеку, вспомнил, почему я избегал проходить сюда. Слишком много воспоминаний, которые были связаны с этим местом: Тесс, стоящая перед полицией, когда думала, что они пришли меня арестовывать; Тесс вернувшаяся обратно, чтобы предложить свою любовь.

И теперь эта долбаная любовь исчезала. Если уже не исчезла.

Я поднял тяжелый подсвечник с настенного столика, со всей силы

бросая его в камин. Он согнулся и раскололся о кирпичную кладку, жестокость пробудила во мне желание, и я отчаянно жаждал свернуть кому-то шею за то, что у меня украли что-то столь ценное.

Я стиснул челюсти, пока мои зубы практически не раскрошились в пыль. Я отчаянно нуждался в борьбе. Отчаянно желал убить, чтобы очистить себя от этой... этой чуждой эмоции. От изощренной растерянности.

Все внутри меня больше не имело никакого чертового смысла. Когда Тесс просыпалась, кашляя и сражаясь со своими снами, я называл ее своей любимой. Я называл ее такими ласковыми словами, какими не называл никогда и никого в своей жизни, но она даже не обращала на это внимания.

Я добровольно открыл свое сердце перед ней и, наконец, признал, что не просто заботился о ней. Не просто был влюблен в нее. Я достиг самого дна и любил ее каждой клеточкой гребаной души.

И ничего.

Ее уязвимость и болезнь пробудили во мне совершенно другую сторону личности. Строну, которая отвечала за то, чтобы быть защитником и добытчиком. Моя потребность смачивать ей лоб и обнимать ее, пока она выздоравливала, заставила пробудиться скрытые стороны, подталкивая их к тому, чтобы развиваться.

Я чувствовал, что абстрагировался, отступил от сути жесткого любовника, который желал причинить боль чему-то более нежному. Становился мужчиной, который лег бы костями, который бы содрал свою кожу, если бы это означало, что Тесс поправится. Но эта неотъемлемая нужда в заботе причинила вред животному, я больше не видел в Тесс бойца.

Просто своим словами она заставляла меня отстраниться.

Она смотрела на меня без тени эмоций, не как на любовника, который пускал ее кровь и находился глубоко в ее теле. Я нанес вред нам обоим. Она смотрела на меня так, будто уже попрощалась со мной.

Я поднялся на ноги, не в силах больше находиться в сидячем положении. Хватая пару книгодержателей, кинул их на стол. Раздался громкий звук, когда они повредили деревянную поверхность, это сподвигло меня к тому, чтобы устроить еще больший погром.

Превращаясь в животное, я направил сокрушающую мощь на комнату.

Я смахнул книги с полок.

«Все кончено».

Я разрывал редкие экземпляры.

«Я влюбился только для того, чтобы все так стремительно закончилось».

Я сбрасывал статуэтки и пинал бесценные артефакты.

«Она никогда больше не будет вновь сильной эсклавой».

Когда комната пребывала в полном хаосе, я опустил на кресло.

подаваясь вперед, я массировал виски, стараясь избавиться от мигрени.

Образ Тесс стремительно ворвался в мой разум. Как ее голова откинулась назад, пока я вылизывал ей киску. Как она стонала, когда я трахал ее. Как ее кожа горела красным румянцем, когда хлестал ее плетью

Я ожидал пока зверь издаст рык, потребует от меня, чтобы я сделал еще более ужасные вещи. Чтобы я поднялся туда, вновь стал ее вселенной, пока буду причинять ей боль.

Но мой член оставался незаинтересованным, и я проигнорировал эти образы. Все, что я мог видеть, — это женщину, за которую мог умереть, женщину, которая заплатила за мои грехи своими страданиями, и все, что я хотел сделать, так это обернуть ее в шелка и обрядить в дорогие наряды, и больше никогда не подходить к ней.

— Эм, ничего себе. Кажется, мне понадобится немного помощи, чтобы убрать все завтра.

Мои глаза резко распахнулись, и резкая усиливающаяся головная боль вновь возвратила меня в мир несчастья и ужаса.

Сюжетт прошла по темной комнате, ступая по мусору, избегая наступать на осколки разбитых ламп.

— Вы в порядке, господин? Могу я вам принести что-нибудь. — Она разгладила фартук, отказываясь смотреть на беспорядок, что царил вокруг нас. Женщина, вероятно, полагала, что я совершенно спятил.

Я выпрямился, проводя ладонью по лицу, стараясь слегка ослабить головную боль, что удерживала меня в тисках. Моя одежда ощущалась грязной от пота; я чувствовал себя дряхлым стариком.

— Она в порядке? — мой голос напоминал рык. Я откашлялся, прочищая горло.

Сюзетт прикусила губу, прежде чем ответить:

— Она будет в порядке. Ей просто нужно время.

Я напрягся от тона ее голоса. Она не договаривала.

— Qu'est ce qu'il y a, Suzette (прим.пер. с фр. Что случилось)?

Женщина отвела взгляд, прежде чем подошла еще немного ближе.

— Она спросила меня, позволите ли вы ей пользоваться ноутбуком и Интернетом?

Я подскочил.

— Она считает, что я не позволяю ей общаться с окружающим миром! Она не моя долбаная пленница. Конечно, она может взять ноутбук. — Я направился к столу и взял запасной, который всегда находился тут.

Если Тесс проявила интерес к чему-то, может, она вновь станет прежней. Я не мог позволить надежде разрушиться во мне — даже несмотря на то, что знал наперед, что это могло причинить мне еще большую боль.

— Возьми. — Я передал его Сюзетт.

Она взяла его, но не двигалась. Наконец, подняла глаза, и мое сердце ухнуло вниз.

— Что еще?

— Это не мое дело, но я не думаю, что вам стоит позволять пользоваться им. — Она попыталась вернуть мне ноутбук обратно, но я отпрянул. — Я не думаю, что это пойдет на пользу ее выздоровлению.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что это не пойдет на пользу? Я сделаю все, что угодно, если это будет означать, что она сможет вновь найти себя. — Я задрожал, когда вспомнил холодную пустоту в ее глазах. — Если это то, чего она хочет, тогда дай ей ноутбук, Сюзетт.

Она прикусила губу.

— Я хотела бы дать вам надежду. Сказать, что когда-то это случилось и со мной, и в этот раз все будет в порядке... но при данных обстоятельствах, я не уверена. Мне кажется, что тут нужны решительные меры, прежде чем вы окончательно потеряете ее.

У нас с Сюзетт всегда была тесная связь. Ей удавалось безнаказанно говорить мне вещи, которые я ни за что не желал

обсуждать, но как бы я не хотел решить проблемы связанные с Тесс, говорить начет того, с чем мне приходится жить, я просто не мог.

Я не собирался обсуждать чувства, которые испытывал по отношению к Тесс, или же мое состояние отчаяния.

Издавая крошечный вздох, Сюзетт вышла из библиотеки, забирая с собой ноутбук. В то мгновение, когда она ушла, меня одолел страх, а что, если она права. Что, если я принял неправильно решение, разрешая Тесс иметь доступ к окружающему миру.

У тебя нет долбаного выбора, она не твоя рабыня.

Не в первый раз, я желал, чтобы она была ею на самом деле. Тогда ничего из этого бы не случилось, потому как, она бы никогда не покинула мой дом. Я мог бы чертовски сильно выпороть ее за то, что она вела себя таким отстраненным образом. Я мог бы научить ее как сделать так, чтобы она вернулась ко мне — ее господину. И она бы не смогла ослушаться.

Но она не была моей рабыней.

Она была той самой женщиной, которая украла мое сердце, я сомневался, что когда-нибудь смогу вернуть его обратно.

Вероятно, мигрень решила не убивать меня, потому как, когда я занимался звонками пару часов спустя, она отступила. Я пытался работать. Внести вклад в предстоящие сделки, беседуя с Фредериком по телефону, но все, о чем я мог думать, — это Тесс, которая находилась наверху в моей кровати, сидела в Интернете, общалась хрен пойми с кем.

Я не был ревнивым мудаком, но пребывал в ужасе, что она еще сильнее отдалится от меня. Я был не властен над ней, а слабость — не то чувство, что я привык ощущать.

Дом погрузился в тишину, когда я поднимался по лестнице. Я не имел понятия, который час; все уже отправились спать.

Когда добрался до двери комнаты, я страдал от чудовищного чувства болезненной утраты. У меня, может, и получилось вернуть Тесс обратно, но ее сердце было потеряно. Я потерял женщину, с которой хотел бороться, и которую желал хлестать и любить до конца своих дней, и я не имел понятия как мне вести себя с со сломленной

незнакомкой, которая находилась в моей кровати

Я накричал на нее ранее. Было ли ей до этого дело? Я желал, чтобы она сделала это же в ответ, — чтобы мы схлестнулись — что угодно, что вырывало бы эмоции из ее мертвой души.

Моя ладонь легла на ручку двери, и у меня заняло целую вечность, чтобы повернуть ее и войти вовнутрь.

«Прекрати быть трусом.

Прекрати ощущать боль, от которой изнывает твое сердце.

Пойди убей кого-нибудь, тогда ты почувствуешь себя лучше».

Тени поглотили комнату, когда я отворил дверь и прошел на цыпочках по ковру. Как какой-то бесхребетный трус, я дождался, пока Тесс не уснет, чтобы вновь вернуться.

Я блуждал во тьме, не включая света. Она спала с чуть приоткрытым ртом, и ее волосы пребывали спутанными на подушке. Выющиеся локоны сейчас были красивыми и чистыми. Ее тело слегка источало аромат моего апельсинового геля для душа.

Она больше не выглядела, как душевнобольная, которой нужны были тяжелые наркотики, чтобы справиться с происходящим. Она выглядела так невинно. Но в то же время под этой фарфоровой кожей и золотистыми волосами таилась демоница, соблазнительница, которую я так отчаянно хотел увидеть вновь живой. Продолжала ли она существовать в этой оболочке девушки?

Мог ли я вызволить настоящую Тесс? Показать ей, что она теряет, закрываясь от меня?

По крайней мере, я мог наблюдать за ней, пока она спит, в это мгновение я мог притвориться, что она все еще принадлежит мне.

Огненная страсть, которой она была одержима, канула в небытие. Это понимание вонзилось в мою темную душу и заставляла принять, что все умерло.

Я сжал кулаки, жалея, что закопал отвратительное сердце главаря под одним из розовых кустов снаружи. Я хотел вырвать его из груди вновь. Оно было единственной его частью, которую я мог сохранить. Если Тесс попросила бы его, то я был бы наготове, чтобы дать ей.

Возможно, это помогло бы вновь вселить в нее огонь борьбы, страсть, которую мне было так необходимо видеть.

Но было поздно. У меня была чертова куча времени на прошлой неделе, и на протяжении этого времени, все чего мне хотелось, — лечь

рядом с Тесс на кровать. Но душевное напряжение, которое сопровождалось головной болью, гарантировало мне, что не смогу уснуть.

Мои руки легли на ремень, невольно расстегивая, готовясь для того, чтобы лечь в кровать. Кожа ощущалась теплой в моих руках, я нежно погладил ее, как если бы она была старым другом. Это был тот же ремень, который ввел Тесс обратно в мой мир. Возможно, он сможет сделать это вновь.

Я замер. Зверь внутри меня поднял свою голову, обдумывая внезапное открытие.

Если бы я разбудил Тесс резкой болью, то сомневаюсь, что моя эсклава поприветствовала бы меня. Сломленная девушка, которая не знала меня, могла разбиться на мелкие куски или даже хуже. Я бы помешал ее выздоровлению.

Нет ничего хуже, чем пустота, в которой она живет.

Возможно, для меня настало время спать в другом месте. Оставить все так, как она мне говорила. Но если сделаю это, то никогда не верну ее. Я не хотел признавать поражение.

Я еще никогда в жизни не был так растерян.

Тяжело вздыхая, я выпустил из рук ремень, отстраняясь от ощущения соблазнительной кожи в моих руках. Образы распятой Тесс в игровой комнате бушевали в моем разуме. Отзвук ударов ремня, что опускался на ее кожу, отдавался в моих ушах. Я тяжело сглотнул, смотря на силуэт женщины, которая заставляла меня жить в постоянных муках, принуждая меня находиться на грани желания и отвращения.

Затем отчаянное желание сделать что-то извращенное улетучилось, оставляя лишь холод ненависть по отношению к себе из того, что я такой двинутый ублюдок.

Тесс больше не была достаточно сильной для подобного дерьма, и это понимание заглушило все, пока нужда, что я испытывал, не испарилась до последней капли.

Я принудил себя смотреть на Тесс — на самом деле посмотреть на нее, и мне не понравилось то, что я видел. Исхудалая, с признаками печали, которая отбрасывала тень на нее, даже когда она спала. Каждая частичка меня желала лечь рядом с ней и обнять ее. Предложить ей защиту моего тела, но вместо этого я стоял как вкопанный.

Мои ладони так и не разжались, когда я боролся с огромным

количеством желаний, которые совершенно не имели смысла. Я еще никогда не чувствовал себя уязвимым. Таким подавленным. Я ненавидел отсутствие контроля, что длилось на протяжении последних недель. Я ненавидел тот факт, что эта хрупкая женщина имела надо мной власть, как никто другой. Она и так сломала меня на кусочки, пребывая в таком отстраненном состоянии.

Зверь внутри меня, тот, что жаждал ее криков и крови, тяжело дышал, пребывая в замешательстве. Он все еще хотел ворваться в тело Тесс, заявить на нее свои права, заставить ее кричать, но в то же время он хотел убежать как можно дальше, скуля, и забыть о том, что она вообще существовала.

«Я так отчаянно хочу причинить тебе боль, Тесс, но в данный момент сама идея того, чтобы слышать твои крики, заставляет меня испытывать чувство тошноты.

Кью ты меняешься. Прежде тебя никогда не заботили последствия. Только погоня, охота, удовольствие».

Это и было тем, что принято называть любовью? Эта слащавая слабость? Меняющая сознание действительность, которая оставляла меня потеряннным и сбитым с толку?

Если это так было, я ненавидел это чувство.

Я утратил хладнокровность, которую выстроил, как непробиваемую крепость. Я утратил легкость.

Тесс застонала во сне, отчаянно дергаясь из-за какого-то кошмара.

Мое сердце ускорило бег, когда ее глаза внезапно распахнулись, только для того, чтобы вновь так же внезапно закрыться.

— Нет, прошу тебя, Кью. Ты не должен ненавидеть меня. Не нужно.

Мои колени подогнулись, угрожая мне падением на пол. Она думала, что я ненавижу ее? Это было так далеко от правды. Все ее тело дрожало, затем она повернулась на бок, сворачиваясь в крошечный клубок.

Закрытый ноутбук на ее ногах сдвинулся, и я успел подхватить его, прежде чем тот бы соскользнул с кровати на пол.

Белая повязка на ее шее помогла успокоить меня, по крайней мере, трекер, который привел к этому хаосу, был уничтожен и извлечен из ее тела. Эти ублюдки больше не причинят зла никому вновь, но другие могут попытаться сделать это.

Франко были предоставлены исключительные полномочия следить за торговцами людьми, которые слышали, что я разделался с Красным Росوماхой. Угрозы расправиться со мной накапливались, и, вероятно, вскоре на моих руках будет еще больше крови.

Чувствуя себя извращенным ублюдком, который наблюдает за Тесс в темноте, я взял ноутбук и присел на стул у окна. Комнату не освещал лунный свет, что вполне устраивало меня. Я не заслуживал лунного света за то, что собирался сделать.

Бросая внимательный взгляд на Тесс, я открыл крышку и подождал, пока ноутбук загрузится. В ту же минуту, я кинулся проверять историю, и мое сердце болезненно сжалось, когда передо мной открылся ее почтовый аккаунт.

«Черт возьми, ты уверен, что хочешь сделать это?»

Естественно, я не был уверен, что хочу сделать это. Я был не из тех, кто любил совать нос в чужие дела. Я ненавидел, что мне было необходимо знать, о чем общалась Тесс. Но я не мог находиться в неведение. Она была так глубоко ранена внутри и к тому же закрывалась от меня. Она отказывалась говорить. Возможно, это был единственный вариант, который мог мне помочь понять, насколько сильно был травмирован ее разум, и мог помочь ей вновь вернуться ко мне. Я хотел излечить ее, и не только для того, чтобы вернуть ее душевное равновесие, но и свое.

Я больше не смогу выживать без нее.

От: Тесс Сноу

Время: 20:22

Кому: Брэксу Клиффинстоуну

В тот же момент на моей коже выступил пот. Я устремил взгляд на спящую Тесс. Какого хрена она писала своему бывшему?

С болью на сердце, я прочитал.

Привет, Брэкс,

Долго не общались, не так ли? Ощущается странно, потому что я чувствую себя так, словно не разговаривала с тобой целую вечность. Я даже не знаю, почему пишу тебе. Я просто... черт, не знаю.

Давай я начну сначала. Как ты? Как Бьянка? Ты сходил с ней на то

свидание? О, а как там Близард? Он все так же грызет мои туфли, которые я оставила?

Как бы то ни было... я просто хотела сказать привет. Так что вот, привет.

Такое бессвязное сообщение, у которого совершенно отсутствовал всякий смысл. Она считала, что не могла поговорить со мной о всякой чепухе? Я бы с великой радостью выслушал все, что она захотела бы мне, черт побери, сказать. Да я бы хотел провести всю свою жизнь, слушая ее болтовню о туфлях или о любых других банальных вещах, если бы она мне позволила сделать это

Мой живот скрутило, когда я пролистал ниже и заметил ответ.

От: Брэкса Клиффинстоуна

Время: 20:38

Кому: Тесс

Привет!

Ничего себе, я знаю, ты сказала, что не против остаться друзьями, но я не знал, серьезно ли ты говорила. Классно получить от тебя весточку, Тесси. Должен признаться, что чертовски скучал по тебе. Я до сих пор продолжаю просыпаться в холодном поту, представляешь? Думая, что ты все еще похищена, и я не могу найти тебя. Но затем я вспоминаю, что ты сбежала, чтобы быть с каким-то парнем, без которого не мыслишь своей жизни, в которого чертовски сильно влюблена, и счастлива с ним. За что, кстати, я очень рад. Я хочу, чтобы ты была счастлива. И отвечая на твой вопрос, я ходил с Бьянкой на свидание неделю назад. Она предложила дать мне время, чтобы я был уверен, хочу ли этого на самом деле. Она просто потрясающая, я начинаю на самом деле что-то чувствовать к ней, но я всегда буду чувствовать что-то по отношению к тебе.

Спишемся!

Меня совершенно не утешал тот факт, что он стал встречаться с другой девушкой, только не тогда, когда он скучал по ней и до сих пор питал слабость по отношению к женщине, которая спала крепким сном в моей долбаной постели. Она принадлежала мне, черт возьми. Я хотел разбить сраный ноутбук о стену. Я хотел встряхнуть Тесс, чтобы она

проснулась, и потребовать от нее объяснений.

Вместо этого продолжил читать.

От: Тесс Сноу

Время: 20:45

Кому: Брэксу Клиффинстоуну

О, ты онлайн. Это замечательно, что вы хорошо проводите с Бьянкой время. Я рада, что хоть один из нас счастлив.

Черт бы ее побрал, эта строчка едва не вырвала мое сердце. Я не мог ничего поделать, кроме как иронично усмехнуться на эти слова. Она звучала, как подлая королева драмы. Я прекрасно знал, что у нее было право чувствовать себя таким образом, но после всего, что я сделал, после всего что сделал для нее, это ощущение застряло в моем горле, словно там находилась таблетка, которую было трудно проглотить.

Письмо переходило в переписку. Я не мог сдерживать сокрушительное чувство печали, что заполняло мою грудь.

Брэкс: Ты в порядке? Сообщение было немного странным.

Тесс: Да, я в полном порядке. Просто последние пару недель выдались немного сложными.

Брэкс: Хочешь поговорить об этом?

Брэкс: Тесс, ты здесь?

Брэкс: Если ты не хочешь говорить об этом, тогда не стоит.

Тесс: Я не хочу говорить об этом. Я просто не могу. Прости.

Брэкс: Я могу как-то помочь?

Тесс: Да нет. Просто поговорить с кем-то нормальным уже своеобразная помощь.

Брэкс: ЛОЛ. Ты что, сейчас намекаешь, что твой новый парень ненормальный?

Брэкс: Ну вот... опять, тебе не нужно отвечать, если я сую нос не свои дела.

Тесс: Кью — предел моих мечтаний, и даже больше. Он идеален для меня.

Брэкс: И почему я слышу в этом предложении «но»...

Тесс: Нет, не слышишь. Прочисти уши.

Брэкс: Хаха. Что случилось на самом деле, Тесси? Ты заставляешь

меня волноваться.

Тесс: Я...

Брэкс: Да...

Тесс: Я опустошена.

Брэкс: Так, ничего себе, эм, звучит так, словно ты нуждаешься в том, чтобы поговорить с кем-то. Я не привык мириться со странными ответами по типу этих.

Тесс: Прости. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Брэкс: погоди. Он причинил тебе боль? Ты вообще в порядке? Если он причинил тебе боль, да поможет мне Господь, я позабочусь о том, чтобы он страдал.

Тесс: Это не он. Он замечательный. Он показал мне сторону, о которой я даже и не предполагала.

Брэкс: Врешь и не краснеешь, Тесси. Не избегай правды.

Брэкс: Послушай, я не буду давить на тебя, но, может, мне стоит приехать и забрать тебя?

Тесс: Это так мило, но не стоит.

Брэкс: Черт, мне нужно идти, но я нервничаю, мне кажется, с тобой что-то не так. Обещай, что ты напишешь мне в ближайшее время. Хорошо? Даже если просто поболтать о дураке Близарде.

Тесс: Обязательно. Спасибо...

Брэкс: В любое время. Чао!

Время на панели инструментов пролетало, сменяясь часами, в то время как я просто сидел на месте. Слишком оцепеневший, слишком поглощенный болью, чтобы двигаться.

Тесс ничего не чувствовала.

Тесс ничего не чувствовала по отношению ко мне.

Что ж, бл*дь, хреново, я чувствовал себя на грани того, чтобы разовратиться на мучительные кусочки.

Тесс закричала на рассвете, вырывая меня из дремы, переводя в состояние, нацеленное на полное уничтожение.

Моя спина нестерпимо тянула от того, что я уснул на стуле, и я вскочил на ноги так стремительно, что ноутбук упал на пол.

Взгляд Тесс устремился ко мне; остаточные эмоции от ее сна исчезли, сменяясь пустотой.

Перепрыгивая через ноутбук, я устремился к ней. Ее волосы прилипли к влажному лбу, и все, чего я хотел, смахнуть их. Нежно прикоснуться к ней, поцеловать, приласкать ее, напомнить себе, что она все еще находилась в моей кровати, даже, несмотря на то, что мысленно находилась далеко от меня

Мне никогда в жизни не было ни до чего дела. Да, я держал птиц и кормил местных лесных животных, но я никогда в жизни не заботился о больном человеке. Никогда не изъявлял такого желания. Рабыни, которые доставлялись мне избитыми и ранеными находились под наблюдением домашней медсестры. Я не желал находиться рядом с чем-то настолько слабым, потому что не доверял себе, что смогу закончить работу и помогу им выкарабкаться из пучины отчаяния.

Но Тесс. Черт, она была другой.

— Ты в порядке. Je suis là (прим. пер. фр. Я с тобой).

Она посмотрела на меня безэмоциональным взглядом.

— Я думала, что ты пошел на работу. Я уже говорила тебе, что тебе больше не обязательно заботиться обо мне. Я чувствую себя намного лучше.

— Ты не чувствуешь себя лучше, иначе бы ты уже поговорила со мной.

Тесс опустила голову.

— Давай не будем начинать. Я уже сказала тебе. Я никогда не стану разговаривать с тобой о том, что произошло. Поэтому прекрати давить на меня.

Я склонился над ней, находясь практически нос к носу.

— Я буду давить на тебя, черт побери, любым из имеющихся способов, если это будет значить, что ты сломаешься и встретишься с тем, что скрываешь от меня.

Я хотел ударить ее. Чтобы она оттолкнула меня, чтобы ударила меня в грудь, закричала, заплакала... сделала хоть что-нибудь.

Но она медленно моргнула, но не произнесла ни слова. Ее взгляд покинул мой, устремляясь в окно.

— Ты пользовался ноутбуком прошлой ночью?

Я посмотрел виновато на ноутбук, что лежал на ковре. Я не хотел лгать, но и не хотел, чтобы она знала, насколько заставляла меня

чувствовать себя отчаявшимся, поэтому, тяжело сглатывая, проговорил:

— Я проверял уровень цен на бирже. Я тщательно отслеживаю это, чтобы быть в курсе, не повлияет ли произошедшее с Красным Росомахой на акции в других ценных бумагах, в которые вложены деньги.

Рот Тесс распахнулся, в той же время как глаза стали с размером с блюдца.

— Росомаха, мужчина, который приказал похитить меня... для того, чтобы отомстить тебе?

Мать вашу. Она знала.

Я провел рукой по волосам и сделал шаг назад. Она заслужила знать всю историю. Услышать, что именно произошло. Мне нужно было столько всего рассказать ей.

— Нам необходимо поговорить, Тесс. О многом. — Я придвинулся, протягивая руку, чтобы взять ее в свою. — Ты можешь рассказать мне, что произошло?

Она напряглась еще до того, как я даже прикоснулся к ней. Моя рука безвольно опустилась, больше не предпринимая попыток.

— Я вырвал его сердце для тебя. Как ты мне сказала сделать. Я объехал весь мир в поисках его. Я дал много взяток, а людей истязал и того больше, я убил достаточно, чтобы обеспечить себе место в аду на бесконечное пребывание там. Но мне наплевать, потому что все, о чем я думал, — это как вернуть тебя вновь в свои объятия. — Я посмотрел на руки, наконец, осознавая, что они больше никогда не заключат ее в свои объятия. — Ты не вернешься ко мне. Не так ли?

Она вскинула подбородок, вся ее манера поведения была холодной.

— Да. Я никогда не вернусь. Не смогу. Мне жаль.

Женщины, которую я, черт побери, любил, больше не было. Мой позвоночник покалывало от тяжелого чувства разочарования. Я мог ударить ее. Упрашивать. Подкупить или же молить, но это бы не сыграло никакой разницы.

Я кивнул, сглатывая ком печали, что стоял в горле.

Я больше не мог находиться здесь. Больше не мог позволять ей убивать меня часть за частью.

Я с силой распахнул дверь и покинул комнату.

Глава 18

Возьми меня, используй, ты никогда не потеряешь меня.

Тесс

Прошла еще одна неделя.

Долгие семь дней, в течение которых я жила в подвешенном состоянии. Ноутбук всегда находился поблизости, а тихий звук оповещения о входящих сообщениях занимал меня. Я жила в Интернет-мире. Смотрела шутки, забавные видео, фильмы о любви, драматические сериалы. Я смотрела все, что только могла, ожидая хоть какой-то реакции взамен пустоты, что царила во мне.

Но ничего не провоцировало отклик.

Я устала от этой комнаты. Устала ничего не чувствовать. Мое тело окрепло. Мой кашель пошел на убыль, и я хотела уйти.

Мне нужно было уехать. Я не хотела быть свидетелем того, как мучается Кью. Это была его комната. А все, что я делала, омрачала ее болезнью и плохими воспоминаниями. Пришло время убраться из его жизни, чтобы он наконец смог ступить на путь того, как забыть меня.

Открывая ноутбук, я прочитала ответ Брэкса.

От: Брэкса Клиффинстоуна

Время: 14:25

Кому: Тесс Сноу

Привет! Решил написать и убедиться, что ты точно в порядке. От тебя не было вестей уже некоторое время, поэтому надеюсь, ты там все еще жива (дерьмовая шутка). Как бы там ни было... мы с Бьянкой начали официально встречаться, и поэтому я хочу, чтобы ты была так же счастлива, как и я. Ну что ж поехали дальше. Может, тебе что-то нужно? Не важно что. Может, тебе нужно прислать что-то австралийское? Я уверен, что французская еда то еще дерьмо после наших-то первоклассных пирогов.

Ответь мне.

Я вздохнула. Как же сильно я хотела рассмеяться. Почувствовать себя вновь человеком, но для того, чтобы разделить счастье, я должна была позволить разорвать себя надвое вине. А этого я не могла допустить.

Я существовала в неизменном ледяном состоянии. И на данный момент, все было так как должно было быть.

Я: Должна признать, что скучаю по «Мармит» (прим.пер. представляет собой коричневую пасту с ярким вкусом и запахом).

Брэкс: Фуу, отвратительно. Эта штука мерзкая на вкус. «Веджемайт» рулит (прим.пер. Веджемайт — Густая паста тёмно-коричневого цвета на основе дрожжевого экстракта, национальное блюдо Австралии).

Я: Фуу.

Как я могла шутить и притворяться, что пребываю в нормальном состоянии, когда ничего не чувствовала.

Брэкс: Так... как ты себя чувствуешь?

Я: Нормально.

Брэкс: Просто нормально?

Я: Все еще опустошенной.

Брэкс: Что нужно сделать, чтобы ты вновь ощутила себя цельной?

Я: В этом вся и проблем. Я не думаю, что это можно как-то исправить.

Брэкс: Так не похоже на Тесси, которую я знаю.

Я: Ты никогда не знал меня на самом деле.

Я: Прости меня. Это было грубо.

Брэкс: Нет, я понимаю. Я не знал. Не совсем. Но только, потому что ты не говорила со мной. Ты обрушила это на меня, а я повел себя как придурок.

Я: Это была моя вина. Я никогда не знала, чего на самом деле хотела.

Брэкс: А теперь ты знаешь. Ты хочешь того мужчину, к которому сбежала в другую часть мира, чтобы только увидеть его.

Я: Думала, что так.

Брэкс: Ты вновь захочешь.

Я прекратила набирать сообщение, ожидая, что распустится надежда на то, что Брэкс был прав. Что эта холодная пустота вновь скоро заполнится светом и любовью, но этого не произошло. Я оглядела спальню Кью и внезапно ощутила переполняющее желание покинуть комнату.

Я больше не могла оставаться здесь. Я больше не могла быть такой больной.

Я: Если бы я сказала, что собираюсь вернуться в Австралию, чтобы

ты на это ответил?

Брэкс: Я бы сказал, что у тебя всегда есть место где спать, и мы с Бьянкой поможем тебе во всем, в чем будет нужно.

Я улыбнулась. У меня совершенно не было намерения вступать в их новые любовные отношения. Никто не хотел, чтобы его бывшая девушка спала на диване. Я могла бы пойти куда-то еще, без разницы куда. Мне было наплевать.

Сюзетт появилась в комнате, направляясь к кровати. Она несла тарелку с горячим бутербродом с лососем и немного охлажденного чая.

— Ланч. Надеюсь, ты проголодалась. — Ее глаза опустились к мигающему сообщению от Брэкса. Она замерла, пробегая взглядом по тексту.

Женщина покачала головой, награждая меня уничтожающим взглядом, в котором читалось обвинение в предательстве.

— Ты так легко опускаешь руки?

— Это не то, что ты думаешь, Сюзетт.

Она резко поставила тарелку на кровать.

— Что ты имеешь в виду под «это не то, что я думаю»? Вот тут же все черным по белому написано. — Она яростно постучала пальцем по экрану. — Ты намереваешься уйти! После всего. После всего, Тесс. Ты намереваешься покинуть нас! — Она тяжело дышала, явственно стараясь взять свой гнев под контроль. — Я понимаю. На самом деле понимаю. У меня заняло не один год, чтобы пережить то, что произошло со мной, и я прекрасно понимаю, что тебе необходимо больше времени. Но тебе нужно находиться среди людей, которые тебя любят.

Я опустила голову.

— Время не поможет. Что-то случилось со мной. Я никогда не смогу быть свободной, пока не позволю себе страдать за все то, что совершила. А если я позволю себе страдать, не смогу пережить всех воспоминаний. Если бы ты только знала, что я совершила Сюзетт... — Мой голос опустился на октаву и в первый раз за много дней груз вины старался проникнуть в мою башню.

Я запаниковала, стараясь стремительно заполнить брешь, оборачивая ее еще большим количеством цепей.

Страх от того, что совершила, с каждым часом все увеличивался, заключая меня в ловушку моего разума.

Сюзетт замолчала.

— Что они сделали с тобой? Отчего ты испытываешь такой страх?

— Речь о том, что я делала с другими, с чем не смогу жить. — Я вновь вернулась к состоянию опустошения, к счастью, полностью свободная от чувства вины.

— Не уходи, Тесс. Останься. Кью снедаем страданиями. Он любит тебя, а ты даже больше не можешь пересилить себя, чтобы прикоснуться к нему. — Она замолчала, смахивая слезинку. — Останься ради него.

— Но именно из-за него я и ухожу. Нечестно мучить его таким образом.

Сюзетт вздохнула, взгляд вспыхнул болью.

— Я советую тебе подумать над твоим решением, потому что в тот момент, когда ты переступишь порог этого дома и вырвешь сердце господина из его груди, в тот день, ты потеряешь меня, как друга. Ты не заслуживаешь Кью, если ты покидаешь его. — Она направилась к двери, поворачиваясь ко мне в последний раз. — Я знаю ты способна вернуться к жизни вновь. Тебе нужно просто поверить, что ты достаточно сильная для этого. — И затем она тихо прикрыла дверь позади себя.

Достаточно ли сильная, чтобы встретиться лицом к лицу с женщинами, которым я причиняла боль? Позволить дымке наркотических воспоминаний погрузить меня в чувство вины и страдания?

Нет, я не такая сильная.

Это был единственный выход.

Этой ночью Кью не пришел в постель.

Я привыкла засыпать и просыпаться посреди ночи, обнаруживая его спящего на животе, полностью одетого. Как будто он желал быть всегда в состоянии защитить меня. Я прекрасно знала, что даже во сне он страдает от мигрени. Напряженные морщинки вокруг его глаз никогда не покидали его. Это был еще один способ, которым я заставляла его страдать.

Но сегодня, когда я проснулась, чтобы направиться в ванную, кровать была пуста.

Точно так же, как и кровать, я ощущала себя пустой.

На следующий день я приняла решение уйти.

Мой палец больше не болел, только немного тянул, а также доктор снял швы с шеи. Он мне сказал, что Кью приказал ему извлечь трекер, пока я спала; за что я была безгранично благодарна ему. Знание того, что эту дьявольскую штуковину извлекли из моего тела, было первой вещью, которая подарила мне небольшое чувство облегчения.

Мои ребра ныли, но ничего такого с чем бы я не смогла справиться, а всякий раз, когда воспоминание или образ пытались выманить меня из моей башни, я стремительно отгораживалась. Я стала настоящим мастером в том, чтобы сковывать разум цепями и замками, я сомневалась, что когда-либо смогу открыть их.

После того как приняла душ и неуклюже переоделась в пару шорт для бега, которые принадлежали Кью, и футболку, я вышла из комнаты.

Направляясь по коридору, я старалась сделать вдох, а мои легкие напрягались от остаточных явлений после пневмонии. Ступеньки были бесконечными. Я продолжала идти, останавливаясь время от времени, пока не достигла подножья лестницы. Одна ступенька за один раз. Плавно и не спеша.

Возможно, я недостаточно окрепла для того, чтобы покинуть дом. Мои силы серьезно истощены.

Коридор был таким же, как я его помнила, с парадным входом и широкой лестницей, покрытой темно-синим ковром.

Мои глаза расширились, когда я вошла в гостиную, обнаруживая там четырех женщин, сидящих на диване. Двое из них читали, а другие две склонили головы, разговаривая.

В тот момент, когда я вошла, они замерли и уставились на меня.

Сюзетт резко остановилась, когда появилась из кухни, неся поднос с напитками.

— Тесс. — Ее голос выражал нечто среднее между холодностью и обеспокоенностью. Я мельком улыбнулась ей.

— Мне нужно было выйти из комнаты. — Кивая в сторону женщин, я добавила: — Привет.

Девушки опустили глаза, делая вид, что меня не было здесь.

Хорошо, что ни одна из них не была блондинкой. Я не имела

понятия, что бы произошло с моей тщательно выстроенной безопасной зоной, если бы я столкнулась с девушкой, которую изнасиловал Кожаный Жилет.

Сюзетт замешкалась, когда поставила напитки на стол. При других обстоятельствах я бы занервничала, попыталась бы что-то поспешно сказать, чтобы заполнить тишину, но у меня не было желания исправлять неловкость между нами. Все, что я хотела, остаться одной.

Я кивнула, поворачиваясь вновь в ту сторону, куда направлялась

Что-то затрещало и раздался шум. Я замерла, когда музыка полилась из динамиков.

Я убийца, убийца, убийца. Ярко-алая кровь покрывает мои руки.

Я привык жить ради насилия, насилия, насилия, но теперь я блуждаю в одиночестве.

Принуждаю себя быть нормальным, нормальным, нормальным, ломая свою природу, чтобы быть добрым.

Теперь я живу в муках, муках, муках, брошенный с пережитками прошлого, воспоминаниями, оставленный ни с чем кроме праха.

Кью.

Он использовал музыку прежде, чтобы достучаться до меня; он воспользовался этим вновь. Песни, которые он ставил до этого, заставили меня влюбиться в него. Я понимала внутренние мучения, которые исходили из слов песен, словно направляя меня узреть его истерзанную душу.

Я стиснула кулаки, когда рев отчаяния сбил меня с ног. Я скучала по нему. Так чертовски сильно. Я хотела обнять его. Поцеловать его. Позволить ему спасти меня от моих грехов.

— Ты убила меня! Я никогда не влюблюсь! Ты разрушила мне жизнь. — Блондинка с татуировкой колибри ворвалась в мой разум.

— Прости меня! Я никогда не хотела быть убийцей!

Кожаный Жилет насмешливо прорычал:

— Puta, ты вступишь нас. Мы достали тебя на этот раз. Мы заставим тебя заплатить.

Я резко кинулась обратно, тяжело дыша, устремляясь вновь к моей башне. Я не могу. Я не могла сделать этого.

Еще больше цепей обернулось вокруг меня, а также поверх ряда замков.

Моя любовь к Кью исчезла под толщей защитных стен, а я рухнула

навзничь, доведенная до полного истощения.

Как бы я хотела, чтобы был какой-то способ закрыть все плохое и выпустить мою любовь к Кью на свободу. Я не могла отделить хорошее от плохого, а также не была достаточно храброй, чтобы встретиться с более страшными последствиями.

Продолжая бежать по дому, я толком не знала, куда направлялась. Мне просто нужно было двигаться.

Проходя мимо всех фотографий, на которых была запечатлена империя Кью, я не остановилась, чтобы воздать ей должное. Я не позволяла думать себе о будущем, в котором я работала с ним, как мечтала до того, как начался весь этот кошмар. Здания больше не интересовали меня. Дома больше не были моей страстью. Я больше не хотела ни рисовать, ни помогать Кью с новыми проектами.

Оранжерея радушно приняла меня в свои теплые объятия, и я издала крошечный вздох. По крайней мере, здесь меня никто не найдет. Я могла бы прятаться за огромными растениями и порхать словно воробушек.

Шум раздавшийся в глубине насторожил меня; я двинулась вперед так тихо, как только могла. Мое дыхание было поверхностным и слегка хриплым, но тело достаточно гибким, чтобы позволить мне пригнуться под невысокими пальмами и папоротниками.

Оказывается, не одна я искала укрытия внутри, заставленного растениями, места.

Кью стоял у огромного вольера. Его руки были подняты над головой, пальцы просунуты между решеток. Его голова была склонена, и все тело выражало поражение. Его черные джинсы и серая футболка были мятыми; длинные волосы отчаянно нуждались в стрижке.

Он не заметил меня, в то время как я стояла там, смотря пустым взглядом на птиц, которые бились в клетке.

Я принудила себя пробудить нежные воспоминания внутри. Я так отчаянно желала положить конец его страданиям, остановить возрастающее отторжение моих чувств к нему.

Но ничего не произошло. Весь страх и вина убили бы меня, если бы я позволила себе вспомнить, остаться за пределами запертой башни. Поэтому, я просто стояла, опустошенная, наблюдая за мужчиной, которого сломала, не в силах что-либо поделать с этим.

Двадцать минут пролетели слишком быстро. Мое тело начало

уставать. Я была еще не готова находиться на ногах такое продолжительное количество времени. Слова песни раздавались где-то позади, но я совершенно не обращала на них внимания.

— Она улетает, — прошептал Кью, заставляя меня замереть на месте. Он поднял голову, чтобы посмотреть на воробья, который опустился на решетку рядом с его рукой. — Она скоро уйдет, и я не думаю, что смогу это пережить.

Птица прочирикала и почистила клювом перья, прежде чем вновь взлететь.

Я ждала не в силах двинуться с места, желая дать знать о своем присутствии, чтобы оставить не произнесенными его мучительные признания. Но подобно наблюдателю, я не двигалась с места.

— Бл*дь, — выругался он, ударяя по решетке. Птицы пронзительно закричали, улетаая к противоположной стороне клетки

«Уходи, Тесс. Прежде чем он увидит тебя».

Я не хотела смущать его.

Внезапно Кью двинулся, отталкиваясь от решеток клетки и направляясь напрямик ко входу в вольтер. Он открыл засов и вошел во внутреннее пространство клетки. Птицы защебетали громче, когда Кью остановился в самом центре их мира. Он сам выглядел, как мужчина, у которого отняли его собственные крылья. Как падший ангел, которому нет места на земле, и который ведет борьбу каждый день, в попытке отыскать его.

Я сделала шаг вперед. Должна была ли я сказать что-то? Утешить его? Мое сердце сжалось, испытывая отчаянное желание быть рядом с ним, но больше не в состоянии делать это, неважно, сколько добрых слов я бы не произнесла, Кью все равно увидел бы, что я больше не чувствовала себя живой внутри.

Моя душа звенела цепями и замками, спасая меня, но в то же время разрушая. Чем дольше я жила в своей башне, тем сильнее угасала наша связь и страсть.

Я ненавидела вирус оцепенения, что царил внутри, неспешно распространяясь, стирая все воспоминания, кем на самом деле была Тесс. Я была заменена на углеродную копию, что уплывала на ветру, у которой отняли ее убеждения и мысли. И все потому, что я была недостаточно сильной для того, чтобы столкнуться с тем, что совершила.

Кью выругался себе под нос, его грудь резко поднималась и опускалась из-за эмоций.

— Почему я должен держать вас здесь, когда вы не хотите быть тут? Вы здесь не из-за меня. Вы здесь, потому что я запер вас. Вы мои заключенные, мои пленники, мои трофеи.

Он опустил голову, прежде чем взмахнуть руками.

— *Allez vous-en. Je ne veux plus de vous. Elle ne veut plus de plus alors ça sert à quoi, putain* (прим.пер. с фр. Так улетайте же. Я больше не желаю вас здесь. Она больше не хочет меня, тогда какой, бл*дь, в этом смысл)?

Птицы сошли с ума, разлетаясь по клетке в разные стороны, вылетая на свободу через открытую дверцу. Они вырывались и разлетались по оранжерее, пролетая между растениями и элементами водного дизайна.

Когда я уклонилась от стаи малиновок, их крылья зашелестели.

— Улетайте прочь! — кричал Кью; птицы еще сильнее взметнулись. — Пошли прочь от меня!

Я сделала шаг назад, не желая видеть срыв Кью. Я отчаянно желала, чтобы это ранило меня, чтобы меня убило понимание, что я вырвала его сердце, но я чувствовала только пустоту.

Кью поднял взгляд и замер.

Его глаза вперились в мои, сверкая яростью и тьмой. Я уповала на какое-то озарение, чтобы я могла положить конец нашим страданиям. Я хотела одновременно показать всю мою любовь к нему, но и продолжать прятаться от чувства вины. Я хотела рассеять всю тьму, потери и ненависть в его взгляде, но была не в силах сделать это.

Склоняя голову, посмотрела вверх.

Кью выругался, выходя из птичьего вольера, переполненный яростью и гневом. Он направился ко мне, останавливаясь так близко, что жар его тела опалял мою кожу.

Я отпрянула, ожидая что он внезапно нанесет мне удар — схватит за волосы, даст пощечину, сделает что-то, чтобы пробудить меня.

Когда он не прикоснулся ко мне, я подняла взгляд. Кью пробормотал:

— Какого же ты низкого обо мне мнения. — Он поймал мой выющийся локон, нежно пропуская его между кончиками пальцев. — Улетай, эсклава, если это то, чего ты на самом деле хочешь. Я не буду

останавливать тебя. — Его тон был холодным и отстраненным.

Он отвернулся, направляясь к огромным двойным складным дверям, которые располагались в противоположном конце оранжереи. Сильным взмахом рук, раздвинул двери во внешний мир. В тот же момент, птицы вылетели, воспаряя высоко в открытое небо.

Кью тяжело вздохнул, его плечи были напряженными и сгорбленными, когда его любимые крылатые создания без оглядки улетали прочь.

Когда последняя крошечная голубая сойка улетела, он повернулся, и пристально уставился на меня. Морщинки под его глазами подчеркивали его усталость и печаль.

Я сглотнула.

— Кью... Мне так жаль.

Он покачал головой, как если бы не мог поверить, что это был на самом деле конец.

— Я устал, Тесс. На самом деле устал. Я сделал все, что ты меня просила. Сделал все, что сделал бы мужчина, любящий свою женщину. Но ты больше не хочешь меня, а мой зверь больше не испытывает желания причинить тебе боль. Что бы у нас ни было... это потеряно.

Я втянула вздох, когда он подошел ко мне ближе.

— Ты будешь отрицать это? Докажешь ли ты мне здесь и сейчас, что я совершаю огромную, мать его, ошибку? Что тебе просто нужно больше времени? — Он ударил рукой о ствол пальмового дерева, заставляя ветвь с листьями затрястись. — Скажи мне что тебе нужно! Я умоляю тебя поговорить со мной. Что ты скрываешь! — Он фыркнул. — А я тебе скажу, что ты скрываешь от меня. Что ты писала сообщения своему бывшему долбаному парню, вместо того, чтобы довериться мне! — Он устремил взгляд в потолок, содрогаясь от гнева. — Почему эсклава? Почему ты просто не можешь заплакать и выпустить все? Почему не можешь позволить мне исцелить тебя? Почему закрываешься от меня и убегаешь? Мать твою, почему?

Так много вопросов, на которые у меня не было ответа. Кью стоял, закипая от гнева. Я предложила ему самый простой ответ. Ответ, который не имел смысла, но это было все, что я могла ему дать.

— Они забрали мой разум. Больше не о чем говорить.

Я заслуживала умереть под грузом вины. Меня мучили. Я знала, что если буду держа все глубоко в себе, это будет снедать, подобно

раку, медленно убивая. Но я не могла освободить себя. Это было невозможно.

— Ты бы убил меня, если бы я тебе рассказала, — прошептала я.

Кью напрягся, стараясь проникнуть внутрь меня, разгадать мои секреты.

— Я бы никогда тебя не убил. Что бы ни произошло, это была не твоя вина.

Не моя вина! Естественно, это была моя вина. Я убила его драгоценных птичек. Я отняла человеческую жизнь.

Моя кожа покрылась мурашками, напоминая мне о том, что только моя башня могла защитить меня. Мне нужно было уйти, прежде чем он бы сломал мои барьеры.

— Ты должен отпустить меня, Кью. Я не желаю причинять тебе боль.

Он рассмеялся, но его смех был пронизан мраком.

— Ты не желаешь причинять мне боль? — Он шагнул ближе, вскидывая руку.

Наши взгляды ни на мгновение не покидали друг друга, и я стояла не двигаясь, не чувствуя ничего, ожидая его удара.

Он задрожал, раскрывая свою ладонь и сжимая ее от ярости.

— Как сильно я хочу причинить тебе боль, Тесс. Если бы я полагал, что именно это вернет тебя обратно, я бы связал тебя и не прекращал бить до тех пор, пока бы ты наконец не рассыпалась на мелкие осколки, чтобы я смог склеить тебя обратно.

Воздух сгустился от ощущения жестокости, и я боролась изо всех сил, чтобы ухватиться за свою пустоту. Кожаный Жилет возник в моем разуме, пытаюсь найти способ пробраться в мою башню. Бисеринки пота выступили на моей коже, когда я старалась сопротивляться.

Кью внезапно вздохнул, опуская руку. Он отвел взгляд в сторону, его вспышка гнева сменилась на принятие.

— Je ne vais pas te faire de mal parce je ne veux pas te détruire (прим.пер. Я не хочу причинять тебе боль, потому как не желаю разрушать тебя). Накрывая ладонью мою щеку, он провел пальцем по нижней губе. — И пусть я не могу остановить тебя от того, чтобы ты покинула меня, я не стану оставаться, чтобы смотреть, как ты уходишь. — Его прикосновение исчезло, когда он сделал шаг назад. — Я больше не желаю видеть тебя. Прощай, эсклава.

Он прошел мимо, не произнося ни единого слова.

Глава 19

*Ты моя эсклава, моя родственная душа, мы владеем друг другом,
ты моя навечно. Моя птичка, лети домой...*

Кью

Я вырвал человеческое сердце из груди, а теперь хотел вырвать свое собственное. Мои пальцы изнывали от желания вскрыть грудную клетку и вырвать его, останавливая биение. Я больше не желал жить с этой долбаной болью каждый раз, когда думал о Тесс.

Ей успешно удалось меня ранить сильнее, чем любому другому человеку в мире. Она поставила меня на колени и сказала мне правду, тогда как я ей сказал, что больше не желаю ее видеть вновь.

Я не мог.

Я больше не мог смотреть ей в глаза. Сюзетт рассказала мне, что произошло вчера. Как Тесс написала своему бывшему, что покидает дом, не удосужившись сказать мне об этом первому.

Когда Сюзетт сказала, что Тесс уезжает, я утратил контроль. Забыл, что я человек и разворотил всю кухню. Я бросил кофеварку за десять тысяч евро в дверь кладовой, разорвал пакеты с едой и оторвал кран с рабочей поверхности стола.

И только когда полностью выплеснул свою пронизанную переживанием энергию, Сюзетт позволила себе подойти ближе ко мне и сделать что-то, чего никогда не позволяла себе ранее.

Она обняла меня.

Ее крошечные руки обернулись вокруг моей талии, крепко стискивая, напоминая мне, что после всего случившегося я все еще человек, а не монстр.

После всего, что я сделал, этого было недостаточно. Оба мужчины и монстр одержали поражение.

Моей Тесс больше не было. Какого хрена они сделали с ней? Страсть и сила полностью исчезли. Теперь взгляд в глазах Тесс вызывал у меня ощущение дрожи и одиночества. Я не видел в нем ничего. Черт побери, совершенно ничего.

Она закрывалась, но я не мог позволить себе такую роскошь сделать то же самое. Как бы сильно я не желал, чтобы боль ушла, — как бы ни была соблазнительна мысль о том, чтобы избавить себя от этой ужасной боли, я просто не мог уйти.

Люди надеялись на меня. Рабыни. Персонал. Бесчисленное количество работников.

Я метался по дому, черт возьми, сходя с ума от мысли, что теряю женщину, которую люблю. Новый страх зародился внутри меня — ледяной, вскрывающий раны, которые нанесла Тесс своим предательством. Тьма, которой я позволил поглотить себя без остатка, когда я искал Тесс, вернулась с удвоенной силой. Ушло стремление заботиться о ней, сделать все, чтобы она вновь чувствовала себя нормально.

Все, чего я отчаянно желал, — это находиться как можно дальше, так далеко, чтобы она не могла видеть, как сильно сломала меня. Меня? Зверя без долбанных чувств, который находился на грани того, чтобы обернуть руки вокруг колен Тесс и молить ее, чтобы она вспомнила. Чтобы положила конец этому сумасшествию и взяла себя в руки. Она позволила оцепенению украсть свою жизнь. Сдалась на милость самой ужасной болезни.

Я видел, как такое происходило три раза. Три раза я возвращал бывших рабынь к их мужьям, и все три раза женщины улыбались и обнимали, но что-то было утрачено. Что-то важное, неповторимое. Мужья понимали все сразу. Они ощущали, что душа человека, которого они любили, была закрыта, запечатана и погружена в глубокую суть личности любимых женщин.

Я стоял рядом и испытывал жалость к беднякам, которые вновь потеряли своих жен. Как только разум достигает точки невозврата — он не ломается. Он закрывается, разделяется на уровни, пока каждая составляющая эмоций не исчезает. Пока их ужасное прошлое и все, что они пережили, не исчезает.

С самого начала Тесс была очень сильной. И сейчас она стала еще сильнее. Сильнее за счет своей отстраненности, и за счет того, что научилась таким образом отгораживаться от жизни. Она больше никогда не почувствует вновь: ни надежды, ни счастья, ни страха. Ее жизнь резко переменилась от избытка ощущений, становясь мрачной и пустой. Она не делала этого намеренно, но я заранее понимал, что тут

не было надежды.

В конце концов, я видел доказательства. Три женщины, которые вернулись к своим мужьям, впоследствии развелись с ними, разрушая мужчин вновь.

Распахивая дверь под лестницей в коридоре, я спешно спустился по ступенькам и схватил кий с держателя.

— Бл***дь! — прокричал, бросая его со всей силы в стену. Он ударился об нее, как дротик, издавая громкий звук о деревянную панель. Комната отдыха была единственным местом, где я хотел находиться.

Я не желал возвращаться в дом. Я хотел создать себе укрытие там, где мог бы притвориться, что никогда не любил и не терял.

Я провел прошлую ночь в оранжерее — после того, как услышал, что Тесс решила уехать, я не мог лежать рядом с ней. Я не мог заставить себя пройти через это. Вместо этого погрузился в прерывистый сон со звуками птиц усаживающихся на насест, что окружали меня, но когда проснулся, то обнаружил, что успокоение, которое они даровали мне, было ложным.

Они были здесь только потому, что я окружил их замками и проволокой. Они не были здесь из-за меня. Они были моими пленниками.

Я больше не смотрел на каждого воробушка и не видел в них женщин, которых помог спасти. Я больше не видел удовлетворения в каждом маленьком существе, которые олицетворяли собой все то хорошее, что я сделал. Они все были насмешками, все стали Тесс. Метались по клетке в поисках выхода оттуда.

Точно так же, как и чертова Тесс.

— Je ne peux pas plus faire ça putain (рим. пер. с фр. Я больше не могу делать этого)!

Я еще никогда не был так снедаем изнутри. Я отчаянно желал освободиться от одержимости внутри себя.

Алкоголь.

Если он не мог полностью стереть мои мысли, то он бы точно помог заглушить их. В тот момент, когда я принял решение напиться до забытья, я не мог двигаться достаточно быстро.

Я перемахнул через кий, который лежал на полу и практически бросился к хрустальному бару. Распахивая двери хьюмидора, я вошел в

пахнущее мускусом темное помещение, где на полках, в тени, покоились смехотворно дорогие бутылки с алкоголем. (прим.пер. хьюмидор — ящик, шкатулка (шкаф или комната) для хранения сигар, алкогольных изделий. Главной задачей хьюмидора является поддержание уровня влажности на уровне 68 —72 %)

Выходя на свет, я смахнул пыль с единственной бутылки чистосолодового виски из коллекции Macallan Fine & Rare. Если бы я продал эту бутылку, то мог бы, возможно, поиметь примерно до десяти тысяч евро с какого-нибудь идиота-коллекционера. Что ж хреново для них, я намеревался выпить целую бутылку больше в лечебных целях, чем для удовольствия.

Я не стал запариваться насчет стакана. Как и не стал заморачиваться над тем, чтобы смаковать глотки и неспешно потягивать. Я сорвал крышку и начал глотать.

Обжигающее ощущение заструилось вниз по горлу, опускаясь в мой пустой желудок, облизывая его алкогольным пламенем.

Я застонал, когда еще один глоток присоединился к адскому пламени, пока я не ощутил, что мой желудок грозит взорваться.

Я сделал еще четыре глотка, прежде чем мне пришлось остановиться, чтобы суметь восстановить дыхание. Мои гребаные глаза увлажнились, как у какого-то новичка в алкогольных утехах, и комнату уже начало заволакивать коричнево-красноватым туманом.

Моя надежда на сон существовала в поглощении всей долбаной бутылки. Может, тогда я смогу забыться сном, и когда проснусь, Тесс уже не будет здесь.

«Тесс собирается уехать. Сделай же что-нибудь! Прекрати ныть!»

Она уже приняла решение. Я сделал все возможное, что было в моих силах, и она все равно не хотела меня. Раньше я мог вынести много всего, до того, как превратился из нежного любовника, который хотел исцелить ее, в мужчину, который отчаянно хотел выбить из нее все дерьмо, потому что она так сильно ранила меня.

Направляясь в угол комнаты, я сел и уперся руками в колени. Тяжелая бутылка свисала с моих пальцев, и в те нечастые мгновения, когда я двигался, делал это только для того, чтобы наполнить бушующим огнем желудок.

— Кью? Мерсер? Где ты, черт бы тебя побрал?

До меня донесся голос через дымку пьяного забытья. Я замер. Кто бы это ни был, я не хотел, чтобы он нашел меня. Пусть проваливает. Оставит меня в покое.

— Я чувствую убийственный запах алкоголя, поэтому точно знаю, что ты где-то здесь, — пробормотал Фредерик, когда обогнул стол для бильярда, чтобы найти меня сидящим в скрюченном положении у стены. Стена была наиболее комфортным местом, чтобы двигаться куда-то еще. Я пребывал в теплом, комфортном и онемевшем состоянии.

Виски был моим единственным другом. Я притянул бутылку ближе к себе, обнимая ее, когда Фредерик нахмурил лоб, сморщил нос, затем вздохнул так, словно я был беспорядком, который ему предстояло разгрести.

К счастью для него, мне нравился мой беспорядок, а он мог просто валить на хрен.

Моя ярость окончательно и бесповоротно вышла из-под контроля; я прорычал:

— Fous moi la paix (прим.пер. с фр. Оставь меня в покое)!

Фредерик скрестил руки на груди и сердито посмотрел на меня.

— Сколько же ты выпил?

Я ухмыльнулся, махнув ему почти пустой бутылкой из-под виски так, словно он задал самый смешной вопрос, который мне только доводилось слышать.

Он тяжело выдохнул, закатывая глаза. Приподнял вверх перед слаксов, чтобы присесть на пятки рядом со мной. Желание ударить его, чтобы он завалился на задницу, буквально поглотило меня.

Его убранные назад волосы пребывали в идеальном состоянии, темно-голубой костюм был безукоризненным. В его глазах цвета сапфира отсутствовал даже намек на напряжение или беспокойство. Он выглядел, как парень с обложки про счастливый и удачный брак.

Чего у меня никогда не будет.

Ах, черт побери, болезненные мысли вновь вернулись. Я так удачно напился до состояния беспамятства немногим ранее, и ничего не существовало в моих мыслях, но теперь туманное сознание сменилось на болезненную усталость. Я вздохнул.

— Просто уходи, Ру. Я не хочу, чтобы ты был здесь.

Он покачал головой.

— Я не собираюсь бросать друга, свернувшимся в углу, обдолбанным виски, не имеющим понятия, что же мучает его. — Он приподнял бровь. — Так что же... не дает тебе покоя?

Ужасный груз, который я носил в себе на протяжении долгих недель, взорвался.

— Она ненавидит меня! Вот, что мучает меня! — Я вскинул руки и бутылка упала.

Фредерик успел поймать ее, прежде чем она упала на пол.

— Она не ненавидит тебя, Мерсер. Ты не представляешь, как далек от истины. — Он посмотрел на виски, прежде чем сделать глоток, морщась, когда жидкость устремилась вниз по его горлу. — Ты объехал весь мир, ради того чтобы найти ее. Убил бесчисленное количество мужчин, чтобы найти ее, и ты изощренно пытал мужчину, который похитил ее, только потому, что она тебя попросила. Ты провел каждый день рядом с ней, смачивая ее лоб, претерпевая все галлюцинации без единой жалобы. Ты был здесь ради нее, и она знает это. Она все еще любит тебя.

Я рассмеялся.

— О, я жаловался. Я разбил множество дерьма, потому что не мог выносить ее кошмары или терпеть пустоту в душе.

Фредерик улыбнулся.

— Я делал те же самые вещи, когда пару лет назад Анжелика тяжело заболела гриппом. Я чувствовал себя таким беспомощным. И то, что я разбивал вещи, было хорошим способом выпустить пар. Моя женщина тоже взяла меня за яйца, точно так же как и тебя Тесс.

Я нахмурился. Фредерик нарисовал образ мужчины, который потерял свою силу воли из-за женщины. Который впадал в неистовство, когда не мог получить ее, у которого не осталось другого выхода, как только заботиться о ней, чтобы она вновь выздоровела. Это, черт возьми, был не я.

Или я?

Это значило, что я заботился о ком-то больше, чем о себе. Я ставил ее нужды превыше своих.

Качая головой, я возразил:

— Ты ошибочно принимаешь меня за слабака. Я чертовски

пугающий сукин сын, который управляет международной компанией и спасает рабынь от извращенных ублюдков. — Я вырвал бутылку из его хватки и сделал большой глоток.

Фредерик хмыкнул, забирая у меня виски обратно.

— Забота о ком-то не делает тебя слабаком, идиот. Да, ты управляешь огромной компанией, как и я, но я могу возвращаться обратно к женщине, которую боготворю. Ты можешь быть одновременно сильным и нежным.

Мой мир состоял из жидкости и паров виски, я только отчасти заметил, что друг забрал его у меня, и у меня не было времени слушать его треп. Все, что я видел, — это мою прошлую жизнь. Как я работал на износ ради компании, отдавая все силы. Я жил одиноко, едва ли сопротивлялся существованию, но это лишь обозначало, что я очень устал, слишком сосредоточен на боли. Я даже не осознавал, насколько был одиноким, пока Тесс не появилась в моей жизни.

Всего этого не произошло бы, если бы я не отправил ее обратно к придурку парню. Но кто я был такой, чтобы удерживать ее? Только посмотрите, во что превратились наши жизни, а все благодаря моему гениальному плану.

Я склонил голову.

— Я только обманываю сам себя, Ру. Я не являюсь добрым человеком, который может быть нормальным.

Фредерик покачал головой.

— Ты прав. Ты не можешь. Поэтому прекрати пытаться им стать. Я знаю, Тесс на самом деле благодарна тебе за заботу, которую ты проявлял к ней на протяжении последних двух недель, но теперь она пошла на поправку. Пришло время показать ей мужчину, в которого она влюбилась. Господина. Доминирующего ублюдка, у которого есть садистские наклонности. — Он рассмеялся, добавляя: — В последний раз, когда был пьян, ты просто отправил ее обратно и поведал мне, каждую интимную деталь, все, что она позволила сделать тебе с собой в ту ночь, в твоей спальне.

Мой разум устремился к той ночи. Впервые, когда я позволил части себя вырваться на свободу, когда не сдерживался под действием алкоголя, когда подвесил Тесс и выпорол ее.

Я потерял всякий намек на контроль. Обнажая зубы, я опустил стену, что отделяла моих демонов, врываясь в нее. Не было никаких

мягких движений или нежного занятия любовью. Я вколачивался своими бедрами в Тесс, издавая стоны, обливаясь потом, одержимый сумасшедшей нуждой быть глубоко в ней. Мне нужно было причинить ей боль, пометить ее, сделать своей.

Пока мой член находился глубоко внутри ее тела, я с силой проводил ногтями по ее заднице, пуская кровь, возбужденный тем, как Тесс тяжело дышит и задыхается от нужды.

Кляп не позволял вырываться ее крикам. Она выгибалась в моих руках, грудь подрагивала при каждом толчке. Комната взорвалась звуками тяжелого дыхания и шлепающих звуков влажной кожи. Температура воздуха была слишком высокой.

*«Я кончаю. Бл*дь, я кончаю».*

Я подскочил, когда Фредерик шлепнул меня по руке. Мой затуманенный взгляд с усилием оставил эротические мечты и сфокусировался. Как бы я хотел быть сейчас глубоко в теле Тесс. Как бы я хотел избавиться от расстояния, что разделяло нас.

— Тесс — твоя половинка, Кью. Она живет ради острого удовольствия на грани боли, а ты живешь, чтобы давать ей это. Если и существуют два более подходящих друг другу человека, то это вы. — Он поднялся на ноги, увлекая меня за собой. — Так что тебе нужно что-то сделать с этим.

Ох, гребаный Господь, комната не стояла на одном месте. Где, черт побери, мои ноги. Виски бушевало внутри, отчаянно ища путь, чтобы вырваться наружу, но я тяжело сглотнул, стараясь изо всех сил оставаться в вертикальном положении.

Фредерик потянул меня по направлению к ступенькам и толкнул, чтобы я поднимался по ним.

Я схватился за перила, стараясь противостоять тому, что он толкал меня туда, куда я не желал идти.

— Какого хрена ты делаешь?

— Я ничего не делаю. А вот ты собираешься. — Он толкнул меня плечом в спину, подталкивая вверх, пока я ввалился через дверь, падая в коридоре. Остальная часть дома спала; в конце концов, было два часа утра.

Он потер свои руки, словно поздравляя себя с отлично выполненной работой.

— Поднимайся. — Он махнул мне в сторону лестницы. — Иди

исправь все.

Я покачал головой, игнорируя его глупые требования.

— А какого хрена ты забыл в такой поздний час у меня дома? Иди домой, к своей маленькой идеальной женушке. — Я не хотел звучать так, будто я завидую. Анжелика была красивой, идеальной женой, но из моих уст это прозвучало так, словно это было чем-то плохим.

Фредерик посмотрел на меня тяжелым взглядом.

— Я не ударю тебя только потому, что ты пьян. Если ты на самом деле хочешь знать, что я тут делаю, то я тут из-за Сюзетт, она позвонила мне, потому что ты выпустил всех своих птиц. Она разволновалась, что ты потерял контроль над собой. — Он вздохнул, тыча пальцем в мое лицо. — Она волновалась за тебя, мне кажется, ее поступок правильный, поэтому не ругай ее.

— Чертова прислуга, всюду сующая свой нос, — пробормотал я себе под нос.

— Может оказаться так, что эта чертова прислуга окажется твоим единственным спасением, если у тебя достаточно крепкие яйца, чтобы исправить все, что не так между тобой и Тесс.

Я развернулся, широко размахиваясь, с четким намерением ударить его. Если я больше не мог бить Тесс, замена тоже отлично подходила.

— Это нельзя исправить. Я пытался.

Фредерик увернулся и ударил меня, жестко, прямо в живот, именно туда, где находился весь сладкий, скрадывающий боль алкоголь.

— Прежде чем ты спросишь, это за то, что ты вел себя как мудака. Во-вторых, это была попытка вдолбить в тебя немного здравого смысла. Ты даже не пытался. Ты общался с Тесс так, словно боялся сломать ее. Разве поэтому она влюбилась в тебя?

Потирая живот, я покачнулся. Мне нужно было переосмыслить разрешение, которое я предоставил ему на управление компанией. Он задавал наитупейшие вопросы.

— Что?

— Тесс влюбилась в тебя, потому что ты добрый, милый и уравновешенный? — Он фыркнул, широкая усмешка растянулась на губах.

— *Bien sûr que non* (прим. пер. с фр. Конечно же, нет). — Даже я рассмеялся от такого идиотского предположения. Эти три слова никогда не описывали меня, даже в мои лучшие дни.

— Она влюбилась в тебя, потому что ты извращенный ублюдок, который шлепал и пускал кровь, чтобы быть единым целым?

— Merde, когда ты говоришь таким образом, я похож на долбаного идиота с комплексом вампира. — Вкус алкоголя в организме сменился со сладкого на кислый, и мне больше не нравилась мысль быть пьяным.

— Так и есть. Полностью согласен. Но в то же время ты мужчина, который по уши влюблен в женщину, которая желает эту сторону тебя. Ты же говорил мне, она хотела быть твоей рабыней. Она вернулась к тебе, Мерсер. Ни одна женщина бы не захотела пройти через это, если бы не видела в тебе хорошее.

Это только напомнило мне, что именно из-за меня все ужасное случилось с Тесс. Это все моя ви...

Фредерик ударил меня по щеке. Такое женское действие, я рассмеялся.

— Решил немного поэкспериментировать со шлепками?

Он рассмеялся.

— Просто останавливаю сумасшедшую вереницу мыслей. Я слишком часто видел в твоих глазах этот взгляд за последние пару недель. Это не твоя вина. Конечно, твоя жизнь полна опасных мужчин, но ты и сам достаточно опасный, чтобы суметь защитить ее. Просто это было неудачное стечение обстоятельств. Вот и все.

— Это не было неудачным стечением обстоятельств. Мы вдвоем сгруппили насчет трекера. Я думал, что она удалила его.

Фредерик кивнул.

— Я согласен. Вы оба повинны в этом. О чем это говорит тебе?

Ярость.

Резкий, ничем не прикрытый гнев, который струился по моим венам, сжигая алкоголь, заставляя меня видеть все четко впервые за прошедшие пару недель.

Фредерик сделал шаг назад, улыбка растянулась на его губах.

— Давай же...

Мой взгляд устремился вверх к лестнице, которая находилась над нами, я уже видел Тесс свернувшуюся под одеялом, полагающую, что она в безопасности. Но она не была защищена. Только не от меня.

— Она такая же испорченная, как и я. Ей надо извиниться. Она должна поблагодарить меня за всю кровь, что осталась на моих руках. Она должна мне вернуть то, что принадлежит мне.

— И что это? — пытался подтолкнуть он меня к действиям.

— Ее гребаное сердце.

Мои ноги двигались сами по себе. Я схватился за перила, спешно поднимаясь по лестнице, преодолевая две ступеньки за раз.

Я не мог двигаться достаточно быстро.

Фредерик позади меня. Я хотел сказать ему, чтобы он свалил, но у меня не было времени. Я и так потратил слишком много. У меня были наблюдатели, но мне было уже все равно.

Это разговор должен был произойти еще много дней назад. Тесс задолжала мне это. Черт побери, она была мне стольким обязана, и просто отгородилась от меня. Мне надоело быть отвергнутым.

Дверь распахнулась, когда я толкнул ее плечом. Тесс подскочила на кровати. Она вздрогнула, оставаясь на своем месте, ее перевязанный палец оставался лежать на простыни.

Я облизал губы в попытке найти в ее глазах единственную эмоцию, которую мне было необходимо увидеть. Страх. Она должна была испугаться моего прихода, но ее глаза были бесцветными в темноте. В них отсутствовал свет, паника и страх. Она выглядела так, будто уснула на долбаной церковной службе.

— Тесс, — прорычал я, направляясь к кровати.

Она позволила мне подойти. Не сдвинулась с места и не попыталась спрятаться под одеялом. Она склонила голову.

— Я думала, ты не будешь спать со мной. Не после того, что я тебе сказала.

Она все еще была одета в мою белую футболку, и я мог думать только о том, как раздеть ее, прежде чем распять на кресте — это все ощущалось так будто произошло сто лет назад. Тогда мы были счастливы. Я был терзаем и напуган, но счастлив, когда Тесс пообещала мне, что никогда не уйдет.

Я надавил пальцами на лоб, пытаясь взять под контроль свои мысли.

— Я не пришел сюда, чтобы спасти, эсклава. Нам нужно поговорить.

Она пристально посмотрела на меня, но все же кивнула.

— Хорошо.

Черт побери, где же был ее запал? Недовольство от того, что я поднял ее посреди ночи, чтобы поговорить о том, о чем она не хотела

говорить. Мне нужно было видеть ее стойкость и дерзость. Но ничего не промелькнуло на ее лице, ни грамма эмоций

Я зажмурил глаза, пытаюсь понять, какого хрена делал здесь.

— Кью...

Ее мягкий голос достиг моего сердца, я замер.

Я не хотел этого. Я не давал разрешения моей руке ударять ее по щеке. Это просто произошло. Сила ее власти надо мной сводила с ума моего монстра. Пребывающий в отрицании так долго, он сделал то, чего я так опасался на протяжении всего времени. Он забрал мой контроль — заставил меня ударить ее.

Мягкое покалывание в мой ладони и звук раздавшийся после того, как рука соприкоснулась с щекой Тесс, были чистым наслаждением. Я так долго скучал по этому. Я открыл глаза, смотря на красный отпечаток ладони на ее щеке. И в тот же миг мой член затвердел.

Это была первая эрекция с того момента, как я обнаружил Тесс такую сломленную и слабую.

Ее глаза широко распахнулись, когда я дотронулся до ее щеки нежным прикосновением кончиков пальцев.

Я ждал, облизывая губы, ожидая ее чистых слез, что были такими сладкими на вкус, но ее глаза оставались сухими. Ни соленых слезинок, ни изумления или же обвинения.

— Я знаю, что ты стараешься добиться от меня эмоций, Кью. Но... это бесполезно. — Она отвела взгляд. — Я пыталась. Я презираю себя за то, что делаю с тобой. Я люблю тебя и не могу вынести, что являюсь причиной твоей боли, но они заставляли меня... — Она сглотнула. — Мои мысли больше не безопасное место. Я не могу быть собой, потому что все, что в них происходит, наполнено злом. — Она подняла глаза. — Мне правда жаль, но тебе придется отпустить меня.

Алкоголь скрутил мой желудок, и я утратил всякий контроль. Я не гордился тем, кем стал. Я никогда не желал пребывать в таком бесконтрольном состоянии, но потерял все признаки мужчины и показал ей, как сильно зверь желал ее.

Я сорвал с нее одеяло и толкнул в центр кровати. Футболка приподнялась, обнажая плоский живот, и это вынудило меня укусить ее. Я хотел пометить ее слегка израненную плоть.

С рычанием, я впился ртом в живот Тесс. Она дернулась, когда я со всей силы прикусил ее. Я не прокусил кожу только лишь благодаря

чуду.

Я улегся на нее всем своим весом, вжимая в матрас. Глаза в глаза, рот в рот, бедра к бедрам.

Я сильно толкнулся в ее тело, издавая стон от того, как моему твердому члену было хорошо. Прошло много времени. Слишком много с того момента, как я в последний раз обладал этой женщиной... желал эту женщину.

— Чувствуешь это, Тесс. Это для тебя. Я хочу тебя. Так. Чертовски. Сильно. Пожалуйста, вернись ко мне. — Я прижался своим ртом к ее. Ее вкус пьянил меня больше, чем алкоголь.

Я принудил Тесс раскрыть губы, вынуждая, чтобы она ответила на мои ласки языка. Она приоткрыла рот, позволяя мне целовать ее, но сама не ответила на мою страсть. Это было подобно тому, как если бы я целовал труп.

«Прошу тебя. Мать твою, умоляю, вернись ко мне».

Замедляясь, я поцеловал ее, вкладывая в поцелуй все горе и потери, что томились внутри меня. Показывая ей, насколько я нуждался в сильной, яростной женщине, которая не терпела мои закидоны, но позволяла мне причинять ей боль, несмотря ни на что.

Я так отчаянно в ней нуждался.

Я открыл ей свое сердце...

Никакой реакции.

Мой желудок сжался, и я отстранился, смотря пристально в глаза Тесс. У меня не было слов, чтобы описать безучастную, опустошенную женщину, которая смотрела на меня в ответ. Никакого признака похоти, или страха, или же смятения.

Ноль. Абсолютно ничего. Пустота

Хватая за плечи, я потряс ее.

— Очнись же, эсклава. Выйди из своего долбаного укрытия, встретись со мной лицом к лицу. Тебе больше не нужно закрываться от меня.

В ответ она не проронила ни слова, тогда я прокричал прямо ей в лицо:

— ЗНАЕШЬ, ЭТО НЕ ТОЛЬКО МОЯ ВИНА! Ты оставила трекер в своем теле. Ты забыла его удалить. Ты должна была сказать мне! Должна была убедиться, что только у меня есть возможность быть с тобой.

Я приподнялся, увлекая ее за собой, в попытке привести в чувства каждым произнесенным словом.

— Ты подвела меня. Разрушила все. Черт побери, Тесс! Сделай же хоть что-нибудь!

Проблеск чего-то мелькнул в ее глазах, прежде чем вновь исчезнуть, уничтоженный вытягивающим жизнь вакуумом внутри нее.

— Я трахну тебя, и тем самым заставлю вернуться ко мне. Это то, чего ты хочешь? — Я схватил ее здоровую руку и сжал ею мой член.

Он налился желанием в хватке Тесс, горячий и твердый; изнывающий от жажды оказаться внутри нее.

— Я возбуждаюсь, только если ты даешь мне отпор, Тесс. Так, черт побери, борись же со мной, потому что я так отчаянно нуждаюсь в тебе. — Я прижался лбом к ее, шепча: — Прошу тебя, скажи, что ты не дашь мне прикоснуться к тебе, в то время как на самом деле изнываешь от желания, чтобы я сделал именно это. Пожалуйста, скажи мне, что ты никогда не позволишь мне сломать тебя, в то время как ты только сильнее возбуждаешься от этого. Скажи мне хоть что-нибудь, эсклава.

Я убрал руку с ее, уповая на то, что она сожмет мой член и будет поглаживать. Мое сердце разбилось, когда Тесс ослабила свою хватку.

Мое видение застлала ярость.

Хватая Тесс за горло, я сжал его, заглядывая так глубоко в ее глаза, в то место, где жила душа. И меня чертовски напугало то, когда я осознал, что там не было ни намека на ее душу. Ничего, что было связано со мной. Взаимосвязь, что мы делили, исчезла.

— Тесс, пожалуйста. Я умоляю тебя. — Прижимаясь губам к ее вновь, я не двигался, ожидая, когда она ответит мне на поцелуй.

Один вздох.

Два.

Муки ожидания, чтобы она смягчилась, приняла мою защиту, мое желание дать ей то, что она хочет, но Тесс только напряглась в моей хватке. Ее горячая кожа стала ледяной. Она отдалилась от меня еще сильнее. Связь, которую мы делили, ослабла, потому как она опустошила все, что только существовало между нами глубоко внутри, оставляя меня во тьме, совсем одного, вновь.

— *Воробей*, — прошептала Тесс.

Мой мир накренился; сердце прекратило биться.

Я никогда даже не задумывался, что что-то может меня ранить

настолько сильно. Я хотел вырвать свой мозг и прекратить существование. Одно это слово. Оно разрушило меня. Раздавило меня разрушительной мощью, оставляя в руинах, разбитым на осколки, стертым в пыль.

Я отшатнулся назад, поднимаясь с кровати. Тесс успешно отрезала мне ноги, вырвала сердце и оставила меня умирать.

— Воробей? — повторил я, мой голос надломился.

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Воробей, Кью. Мне так жаль. — Тесс опустила взгляд туда, где расстегнулась моя рубашка, открывая вид на татуировку. Она подалась вперед на коленях, делая знак рукой, чтобы я приблизился к ней.

Но я не мог сдвинуться с места. Она только что использовала стоп-слово и ожидала, что я подойду к ней?

Монстр внутри меня больше не пребывал в состоянии здравомыслия, он рвал свою плоть, дергал себя за волосы, желая освободиться от этого кошмара.

Когда я так и не сдвинулся с места. Тесс поднялась, спускаясь со смятого одеяла, и подошла ко мне. Она протянула свою крошеную руку, проводя по воробью на моем соске, и по тому, что был чуть выше — свободно взмывающему ввысь.

— Они заставляли меня причинять боль другим. Они вынуждали меня ломать их. Я больше не являюсь хорошей птичкой. Я не представляю, как мне с этим жить. Я опустошена. Растеряна. И время не излечит этого. Я больше не могу давать тебе то, чего ты жаждешь, даже если бы хотела. — Ее голос был хриплым, измученным. Я пытался не слышать или же не верить. Но вот оно. Это был конец.

— Ты не можешь иметь этого в виду. Ты оправишься. Позволь мне помочь тебе. — Мой разум был наполнен образами того, как я связывал ее, шлепал, пока она вспоминает, кем была. Я бы лег костями, если бы это означало, что она вновь будет моей. — Я сделаю все, что ты попросишь меня. Только дай мне еще время.

— Я уезжаю этим утром, Кью. Мне жаль.

— *Tu ne vas aller nulle part putain* (прим. пер. Ты никуда не поедешь)! — Я оттолкнул ее, смотря беспристрастно на то, как она распласталась на кровати. Почему она не вздрогнула или же не показала, что ей больно от предыдущих повреждений? Неужели она дошла до того, что больше не чувствовал даже свое тело?

Животное внутри меня ревело, отчаянно желая разобраться во всем. Я схватил ее ногу, проводя по ней ногтями.

Появились четыре кровавые полосы, и опять ничего. Тесс просто лежала на месте, продолжая спокойно дышать, выглядя отстранено.

— Тесс, не делай этого со мной! — Я потянулся к ней вновь — чтобы хоть что-то сделать, но не имел ни малейшего понятия что. Ударить ее, обнять, отшлепать, приласкать — все это было лучше, чем ничего.

Руки сомкнулись вокруг меня, отдергивая назад.

Фредерик пробормотал мне на ухо:

— Она сказала «нет», Мерсер. Ты больше ничего не можешь сделать.

Я сопротивлялся, бл*дь, я сопротивлялся, но Фредерик был силен. Хватка его руки усилилась, вжимаясь своими мышцами в мою ключицу, когда он оттаскивал меня прочь от Тесс.

Последнее, что я видел: Тесс, сидящую по-турецки на кровати, с ее длинными волосами, струящимися вокруг тела, и безжизненно сероглубыми глазами, которые смотрели, как меня уводили прочь.

Больше было нечего сказать.

Все было кончено.

Прекращено.

Завершено.

Каждая дверь в моем разуме, каждая стена и каждый барьер, который я когда-либо воздвиг, вновь поднялись в моем сознании. Я отделял свои желания от человечности, удаляя себя из уравнения. Я закрылся так эффективно, так холодно, что мне только оставалось гадать, не психопат ли я.

Тесс ушла.

Фредерик ослабил хватку на мне.

— Мне жаль, мужик.

Я не произнес ни слова, когда направился прочь.

Прочь от рабыни, в которую влюбился.

Прочь от своего мира.

Глава 20

Свяжи меня, дразни, позволь своим утехам ублажить меня. Рань меня, люби меня, но, пожалуйста, только не покидай.

Тесс

В то мгновение, когда дверь позади Кью закрылась, меня начала бить неконтролируемая дрожь.

Я использовала стоп-слово.

Слово, которое сломило Кью и разрушило последнюю связь между нами. Я никогда не задумывалась, что мне придется использовать его, когда он целовал меня, отдавал всю свою любовь и потребность мне. Я не хотела быть причиной таких мук.

Тошнота тяжело обосновалась в моем желудке. Как бы я хотела забрать назад то, что сказала. Я хотела побежать за ним и пообещать, что смогу разобраться, как вернуться к нему. Предоставить ему шанс выбить это из меня, всецело подчиниться его контролю, но чем дольше я сидела здесь, тем более нерешительной становилась.

Вина и боль накатывали, как штормовые морские волны, разбиваясь о стены моей башни, стараясь поглотить меня и отправить

прямым в ад.

— Подумай обо мне. Подумай о моем мертвом и гниющем теле, что лежит в могиле. — Блондинка с татуировкой колибри ворвалась в башню, разбивая мое сердце на тысячи осколков. — Ты выстрелила мне в голову. Ты причина, по которой во мне так много сломанных костей.

Вина распахнула свои жаждущие челюсти, втягивая меня глубоко.

Стискивая зубы, я боролась. Я задрожала, когда добавила еще один слой кирпичной кладки к башне.

— Прости меня. Я не могу.

Воспоминание поглотило меня.

— Давай. Сделай это.

У меня больше не было сил даже мысленно не повиноваться. Подаваясь вперед, я провела лезвием ножа вниз по руке блондинки.

— Срежь ее. Назовем это осмотром, и нам больше не нужен этот товар.

Девушка задрожала, отчаянно качая головой, сжимая губами грубую ткань во рту. Ремни вокруг тела удерживали ее на месте, в то время как я держала ее запястье и обводила кончиком ножа вокруг ее штрих-кода татуировки.

Наркотики запутывали меня. Почему я должна была срезать это тату? Это должно быть очень важно, но, может, тогда мне стоило срезать и мою тоже?

— Сделай это, puta. Или я просто отрежу ей руку.

Я прижала острие ножа к внешней части татуировки, позволяя острому металлическому лезвию вонзиться в границу татуировки, когда хлынула кровь.

Девушка металась и рыдала, а я всплывала и вновь тонела в наркотическом забытьи.

— Отличный порез. Теперь срежь ее. — Кожаный Жилет появился за моим плечом, проверяя работу.

Я кивнула и схватила ее руку, чтобы отрезать...

Тошнотворное зрелище разлетелось на кусочки, когда я рухнула на кровать. Рыдая, я почувствовала позывы к рвоте и стремительно потянулась за чашкой, что находилась на полу. Мой желудок вывернуло, кожа покрылась капельками липкого пота.

Звук открывающейся и закрывающейся двери не вызвал у меня ни

малейшего интереса, когда на меня обрушилась еще одна волна тошноты.

Парень из 20-х, которого я видела той ночью, что провела привязанной, нежно собрал мои волосы, ожидая, пока меня закончит выворачивать. И только когда я была точно уверена, что больше не осталось чем тошнить, он унес чашку в ванную, прежде чем вернуться и помочь мне улечься в кровать.

Когда я улеглась под одеяло, он стоял и печально улыбался.

— Ты помнишь меня?

Я кивнула.

— Ты удержал меня от потери равновесия, когда Кью подвесил меня на деловом ужине. — Впервые я не вздрогнула от мысли о Русском и его рукоятке ножа. Я никогда не узнаю, что стояло за действиями Кью.

— Так и есть. А также я коллега Кью и его самый близкий друг. — Он указал на край кровати, приподнимая вопросительно бровь. — Можно мне присесть?

Я пожала плечами.

— Конечно. — Не часто меня навещают джентльмены в безупречных костюмах с желанием присесть на край моей кровати в три часа ночи.

— Меня зовут Фредерик, и я знаю Квинси еще с закрытой школы-пансионата. Он никогда толком не откровенничал и не рассказывал мне свою историю, но мы пережили достаточно, чтобы я мог судить, что он воспринимает жизнь очень тяжело. Даже он не понимает на все сто процентов, почему такой, каким является, и все же ты полностью его приняла. Впервые в жизни он встретил женщину, которая любила не только мужчину в нем, но и его темноту тоже.

Фредерик отвел взгляд в сторону, словно сильно расчувствовался, чтобы продолжать дальше.

— Я должен признать, что всегда считал, что Кью не сможет найти то, в чем нуждался. Я предполагал, что он перестарается настолько, что рано сляжет в могилу. Строя империю, посвящая свою жизнь тому, в чем он верил, было его спасение, он никогда не найдет того, что находят все люди.

Я не произносила ни слова, позволив Фредерику вести в разговоре.

— Когда тебя похитили, Кью отвернулся от всего, за что так

отчаянно боролся. Он пожертвовал репутацией компании, отошел от образа, который с такой тщательностью создавал себе. Он даже отбросил в сторону человеческую часть себя, которую всегда старался оберегать.

Его глаза цвета аквамарина блеснули в темноте.

— Он искал тебя повсюду, Тесс. Убил бесчисленное количество человек — в большинстве своем варварским, хладнокровным способом, все это во имя твоей чести. Он проехал тысячи миль, заплатил сотням людей за информацию. Спустился в ад, чтобы вернуть тебя обратно, а теперь, когда ты в безопасности, он стал не нужен.

Что-то тяжелое образовалось в моем горле.

— Если ты на самом деле считаешь, что у вас нет надежды быть вместе, то тогда уезжай. Уезжай, как можно дальше от Кью, потому что своим пребыванием здесь ты стремительно губишь его. — Фредерик повернулся ко мне, встречаясь со мной взглядом, в котором горел гневный огонек. — Но если ты считаешь, что у вас есть хоть крошечный шанс — даже самый крохотный намек на надежду, что ты сможешь справиться с тем, что они сделали с тобой, тогда оставайся. Ты задолжала ему это.

Фредерик поднялся на ноги, разглаживая ухоженным руками костюм.

— А теперь, прошу простить меня. У меня есть жена, которая любит меня, и мне на самом деле нужно идти и сказать ей, насколько сильно я ее люблю. Наблюдать за тем, как такая идеальная любовь рушится между двумя людьми, чертовски ранит.

Не произнося больше ни слова, он направился к двери вышел прочь.

Остаток ночи прошел без сна. Я пялилась в темноту, сражаясь с тьмой глубоко в душе в попытке найти настоящую себя.

Фредерик был прав. Я задолжала Кью слишком много. Я была эгоистичной. Я могла быть достаточно сильной, чтобы встретиться лицом к лицу с преступлениями, в которых была повинна. Я должна была сосредоточиться на том, чтобы спасти мужчину, которого любила, которого до сих пор люблю.

Я перепробовала все. Заставляла себя вспоминать, что делала, вновь принуждала себя пережить все те ужасные моменты, даже вспоминала то первое похищение в Мексике и изнасилование, прежде чем Кью

нашел меня. Я заставила себя пройти через ужасные воспоминания. Я разбила свое сердце воспоминаниями из детства, когда мои собственные родители бросили меня.

— *Сегодня мы сводим тебя в зоопарк. Слушайся и будь хорошей девочкой. — Моя мать нагнулась, чтобы сурово посмотреть в мои глаза.*

Но я не могла сдерживать восторг в свои шесть лет. Меня еще никогда не водили никуда в хорошее место. По-видимому, я не стоила того, чтобы на меня тратили деньги.

— *Я буду хорошо вести себя, обещаю.*

Только когда мы пришли в зоопарк, моя мать не пошла со мной. Она дождалась, пока я не пройду ограждение при входе, а затем уехала.

Я возненавидела зоопарк. Каждое животное, казалось, чувствовало мое несчастное состояние; обезьяны потешались надо мной; львы рычали, чувствуя мой страх. Я провела ночь, притаившись в углу у мусорных урн. Никто не заметил шестилетнего ребенка в неурочные часы, и мать не приехала, чтобы забрать меня.

Наконец, уборщики нашли меня, и к огромному разочарованию моей матери, меня отправили домой.

Я принудила себя задуматься, насколько отвратительным был мой брат.

— *Это твои грязные игрушки? — Он поднял моего безголового мягкого медведя. Того самого, которого я нашла как-то снаружи Армии спасения.*

— *Отдай его. — Я вскочила, чтобы забрать игрушку, но брат был высоким. Он рассмеялся, отрывая мишке лапы и потроша набивку, прежде чем бросить этим всем в меня.*

Я сделала так, что мое сердце ожесточилось, понимая, что я никогда не найду отклика любви от этих людей.

Но все же я нашла любовь с Кью. Я нашла всеобъемлющую связь, которая заставляла казаться мое детство смехотворным.

Кью пробормотал:

— *Tu ne peux pas être à moi, mais je suis en train de devenir à toi.*

Мой желудок скрутило в узел, наполняя игристыми пузырями. Наши глаза встретились, и я не могла отвести взгляд. Кью коснулся своими губами моих так сладко, повторяя по-английски, заставляя меня

сглотнуть его слова.

Время остановилось.

Его признание обездвижило меня, украдо мой разум. Его пьяно состояние позволило увидеть мне глубину его чувств. Время начало свой отсчет сначала, сияя новыми возможностями. Мое тело больше не принадлежало мне, оно принадлежало Кью. Каждая вещь принадлежала Кью.

Как я могла позабыть, что всегда буду принадлежать Кью?

Нахмурившись, я ударяла кулаками и кричала в толстые стены моей защитной башни. Я хотела ощущать вину. Хотела чувствовать тошноту, хотела, чтобы полились слезы — потому что тогда бы это показало, что я все еще жива тут... где-то здесь.

Я больше не желала жить в пустоте.

Но как бы я ни пыталась разбередить старые раны, ничего не работало. Я добавила слишком много кирпичей, закрылась на слишком много замков.

Я потеряла все, даже не могла горевать.

К тому времени, как солнце согрело комнату и засиял новый день, я измотала себя настолько, что погрузилась в еще более ужасное безмолвное состояние, чем до этого. Я могла ранить себя в сердце и не почувствовать боли от этого, могла сломать каждую кость в теле и мне было бы все равно.

Я была на самом деле мертва внутри.

Фредерик был прав. Я больше не могла так поступать с Кью.

После того как приняла душ и надела пару джинсов и розовую блузку, которую взяла с овальной комнаты, я спустилась вниз только с паспортом в кармане. Я понятия не имела, как доберусь до Австралии. У меня не было денег, сэкономленных с того, что мне давал Кью. У меня не было плана, и мне было наплевать, что путешествие автостопом могло вылиться в то, что со мной приключилось до этого. Возможно, какие-нибудь насильники закончат свою работу, чтобы я наконец могла отдохнуть и не чувствовать такого ужасного холода.

Сюзетт стояла в коридоре, в то время как я спускалась по лестнице. Ее руки были скрещены на груди, взгляд полный печали и неверия царил на лице.

— Кью сказал, что ты покидаешь нас. И что ни я, ни Франко не

сможем остановить тебя. Прошу тебя не делай этого, Тесс. Дай немного времени. Мы можем подождать, мы можем помочь тебе найти путь обратно.

Я покачала головой.

— Это нечестно по отношению к Кью. У меня ничего не осталось, а он заслуживает всего. Несправедливо оставаться здесь и давать ему надежду. — Я печально улыбнулась ей. — Спасибо тебе, что так заботилась обо мне.

Не произнося больше ни слова, я открыла входную дверь и вышла на улицу. Мир казался таким нормальным. Лето уступило свои права осени, и восхитительные деревья в садах Кью уже ступили в ту стадию, когда зеленая листва сменяется красной, а затем золотой, прежде чем окончательно опадать на землю.

Я чувствовала себя высохшим листом, чья единственная цель была в том, чтобы упасть на землю и сгнить.

Ожидая на крыльце, я попробовала вновь, в последний и заключительный раз, найти в себе живую и не желающую уходить часть меня, но оцепенение было единственным ответом.

В попытке защититься, я обрекла себя на неудачу. Я, может, и не умру от чувства вины, но больше никогда не буду жить в любви и счастье вновь.

Мой первый шаг с крыльца Кью должен был вызвать у меня ощущение слабости в коленях, как будто мое сердце вырывали из груди, но я не ощутила этого.

Я больше никогда ничего не почувствую вновь.

Как только ступила на гравий, я обошла фонтан в виде лошади, направляясь дальше по длинной подъездной дорожке. Деревья нависали кронами надо мной, скрывая утреннее солнце. Я продолжала идти до того момента, пока не достигла дороги.

Налево.

Направо.

В какую сторону идти? Следовало ли мне вернуться вновь в Австралию? Зачем? Там для меня не осталось больше ничего. У меня не было желания ехать куда-то, за исключением желания покинуть эту чудесную жизнь, которая могла быть у меня.

Чтобы позволить Кью прийти в себя без меня. Чтобы позволить ему забыть и двигаться дальше.

Я сошла с подъездной дорожки Кью.

Глава 21

Ты моя одержимость, я твоя собственность. Ты владеешь самой глубокой частью меня.

Кью

Я не имел понятия, куда направился после того, как покинул Тесс. Я провел остаток ночи пляясь на какую-то ужасную вазу, не чувствуя совершенно ничего.

Алкоголь оставил свое действие над моим телом еще много часов назад, а Фредерик — мерзкий предатель — ушел после того, как я оставил Тесс.

Он говорил с ней. Я знал, что он сделал это, и если говорить начистоту, то это чертовски разозлило меня и вызвало желание убить его. Но Тесс сделала свой выбор. Она использовала стоп-слово, ради всего святого.

Она не могла мне причинить большей боли, чем ту которую уже причинила.

Я был сломлен.

Солнце медленно поднималось, освещая новый день, — день, в котором мне придется притворяться, что ничего не произошло. В котором я вернусь к работе и погружусь в изучение бумажной работы. В конце концов, кто-то должен был разобраться со слухами, что ходили вокруг меня. Дюбуа — шеф полиции — был верен своему слову и давал опровержения всем плохим публикациям по поводу «Холдинга Спэроу», но они могли длиться вечно.

Франко уже предотвратил одно нападение разгневанных торговцев людьми на мой дом. Станные вещи творились с моими акциями в других компаниях — не запятнанных рабынями и вложениями в порочный преступный мир — они росли. Оказывается, людям нравилось инвестировать в компанию, которая обладала моральными принципами, и где исполнительный директор владел комплексом по спасения.

Тесс сделала мне одолжение — она напомнила мне, что я недостаточно хорош. Я не мог ожидать, что могу иметь то, что другие получают, как данность. Я не заслуживал любви женщины или счастья, как остальные люди. Но у меня были другие цели, ради которых я

должен был жить. Я мог спасти больше рабынь, чем прежде. Я мог убедиться, что другие получили свое «жили долго и счастливо».

Это могло стать моим наследием.

Merde, а может, мне вообще стоило свернуть бизнес и податься в бесконечную череду погони. Может быть, это даровало бы мне счастье.

Сюзетт появилась в уголке, отведенном для чтения в гостиной, где я удачно скрывался последние пару часов.

— Она ушла, господин. — Она посмотрела в окно, без сомнения, видя, как Тесс удаляется от дома, направляясь вниз по подъездной дорожке. — Я сделала то, что вы мне велели, и просто дала ей уйти, но Франко не рад этому. Он подготовил машину, на случай, если вы решите поехать за ней.

Острый кинжал провернулся в моем сердце, но я стиснул зубы, заставляя себя оставаться на месте.

Я не побегу за ней. Не стану делать этого. Только не после того, как она использовала стоп-слово.

Когда я не сдвинулся с места, Сюзетт оставила меня скорбеть, и так прошел еще один час. Каждый раз, когда я задавался вопросом, где Тесс, это было похоже на то, как если бы мысль простреливала мне прямо между глаз. Я отказывался думать о ней. Отрицал изнывающее желание моего члена и томящегося зверя внутри.

Я повторял снова и снова, что не нуждаюсь в ней. Я не нуждаюсь в том, кто не хочет меня.

Мать вашу, она не нужна мне.

Машина остановилась резко, визжа тормозами, из-за чего гравий прилетел в стекло. Я выпрямился со своего сгорбленного состояния, чтобы увидеть, как Фредерик выскакивает из «Лексуса» и направляется ко входной двери. Его взгляд настиг меня. Спешно обходя мебель, он устремился ко мне и впечатал своим кулаком мне в челюсть.

— Ты тупой сукин сын. На самом деле, ты даже тупее, чем Тесс. — Фредерик ударил меня вновь, но в это раз я был готов к его удару. Я уклонился и пригнулся, с размаха ударяя его в грудь

Он втянул вдох, отчаянно крича:

— Я тебе сказал, что если ты хочешь, чтобы она осталась, тебя нужно сделать что-то решительное! — Он нанес мне удар вновь; на этот раз тот пришелся мне в плечо.

Огонь прокатился по моим венам, и я зарычал:

— Я уже сделал что-то решительное. Я ударил ее и потребовал, чтобы она вернулась ко мне — все это, бл*дь, было при тебе — и затем она использовала стоп-слово! — Я схватил ужасную вазу, на которую пялился всю ночь, и бросил ее через всю комнату. Она столкнулась со стеклянной вазой, полной цветов, и затем все это упало на пол, превращаясь в хаос разбитого фарфора. — Что еще я мог сделать? Я поклялся ей, что остановлюсь, когда она произнесет его.

Фредерик ткнул меня в грудь пальцем.

— Как минимум, ты мог бы хотя бы вытащить свою голову из задницы. — Он наотмашь ударил меня — ублюдок — и затем нанес удар своей ногой мне в ухо. Я осел, опускаясь на одно колено на ковре.

Я посмотрел на Фредерика ожесточенным взглядом, резко вскакивая, чтобы впечатать своими костяшками ему в челюсть.

Я забыл, почему мы деремся, и кинулся на него. Это был не первый раз, когда мы дрались друг с другом, и он также был далеко не последним. Соревноваться в драке для Фредерика означило донести все, что он имел в виду.

Я нанес несколько ударов по верхней части его туловища, пока у него не получилось сделать удушающий прием за горло, заставляя меня видеть звезды. Мы кашляли и издавали стоны, кружа вокруг друг друга, как два ведомых тестостероном идиота

Каждый удар, который он мне наносил, давал мне что-то, чего мне не хватало. Это давало мне причину подниматься и желание пинать его до потери сознания. Но я не сделал этого.

Даже несмотря, что жил ради жестокости, я умел сдерживать себя. Я не позволял себе стать убийцей. Я бы никогда в жизни не убил человека, которого люблю. И даже несмотря на то, что Фредерик сводил меня с ума от злости, я дорожил им достаточно, чтобы сохранить его жизнь.

Мы оба тяжело дышали, к тому времени, как Фредерик применил одно из своих идиотских карате движений, и я упал на задницу. Он встал надо мной, протягивая мне руку.

Мирное предложение разрушило напряжение, и я сжал его руку, позволяя ему поднять меня на ноги

Я провел языком по внешней стороне губы, с удовлетворением обнаруживая там рану.

— Ты становишься более агрессивным с возрастом, Ру, —

пробормотал я, проводя пальцем по ране.

Он фыркнул, проводя рукой по своим взлохмаченным волосам.

— Ты заслужил это. Это было за Тесс. За то, что ты ударил ее и вел себя, как придурок. Ты не вернешь ее, заставляя сильнее закрываться в себе.

— Но это то, на что она всегда реагировала! Она жаждала боли! Она жаждала того же, что и я. Она — зеркальное отражение меня, Ру, и я так сильно скучаю по ней. — Черт возьми, откуда это взялось?

Я бросил на него сердитый взгляд, желая, чтобы я мог держать рот на замке.

Фредерик кивнул, сияние медленно озарило его взгляд.

— Ты сказал, что она желала того же, что и ты. — Он склонил голову, отступая на пару шагов, прежде чем повернуться ко мне. — Ты когда-нибудь позволял ей бить себя? Хлестать плеткой?

Я схватил стакан с приставного столика и запустил им в его голову.

«Что за херню он нес! Позволить ей ударить меня! Ни за что. Исключено».

Фредерик уклонился от летящего стакана; он разбился о стену, присоединяясь к куче осколков фарфора и увядших цветов.

Друг поднял руки в знаке капитуляции, с идеей, блеснувшей в голубых глазах.

— Стой! Выслушай меня! А что, если ты ей разрешишь сделать те же самые вещи, что ты делал с ней?

Мои челюсти сжались, когда паника стремительно распространилась по телу. Ничего не страшило меня больше этого. Я напряженно сглотнул от мысли о Тесс, причиняющей мне боль, связывающей, унижающей меня — заставляющей умолять. Полностью доминирующей надо мной.

— Il n'y a pas moyen putain. Je ne peux pas faire ça (прим. пер. с фр. Ни за что. Я просто не смогу сделать этого). — Я покачал головой.— Исключено.

Но Фредерик не оставлял идею в покое. Он направился вперед, спешно говоря. Но я не желал слушать. Я бы сделал все, что было в моих силах, чтобы вернуть Тесс обратно, но отнять у меня все, что я сделал своим? Я даже не хотел думать об этом, это слишком ранило. Это было невозможно. Именно поэтому я даже не додумался до этой идеи сам.

Это бы убило меня.

— Тесс сказала прошлой ночью, что ее заставляли причинять боль другим. Ты сам сказал, что она достаточно сильная, чтобы справиться со всем, что ее заставляли делать люди. Но что, если она не настолько сильная, чтобы причинять боль другим? Что, если она закрывается, потому что не желает чувствовать боль, моменты, когда причиняла страдания другим, или что-то еще более ужасное?

Я отшатнулся, пытаюсь всеми силами игнорировать его логику.

Он загнал меня в угол около дивана, добивая.

— Если бы я был на твоём месте, и если бы постоянно говорил, что люблю ее так сильно, как постоянно повторяешь ты, я бы сделал все, что угодно.

— Я бы сделал все, что угодно, но только не это.

— А это, значит, не сделал бы? Подумай об этом, Кью.

Ярость от драки вновь вспыхнула во мне.

— Ты говоришь о том, что мне нужно, чтобы она причинила мне боль. Это то, что мне нужно сделать, чтобы вернуть ее обратно и сломать каждую стену, что она воздвигла. Ты говоришь, что мне нужно пожертвовать своей собственной кожей, моей собственной болью, чтобы вернуть ее обратно. — Я вздохнул, желая вымыть свой рот. — Ты просишь меня о невозможном, Ру.

Я сжал руками голову, когда внутри взревела гудящая головная боль, что взялась из ниоткуда. Монстр внутри меня рвал на части мой мозг. Никто не мог обладать такой властью надо мной.

Я не был достаточно сильным. Я бы не смог сделать этого.

Но я понимал.

Даже если я не мог признать этого.

Фредерик был, черт побери, прав.

Образы того, как стегаю Тесс, подвешиваю ее и жестко трахаю, завладели моим разумом. Она вверила мне свое доверие, целиком и полностью. Я владел каждой ее частью в этот момент. Ее глаза были наполнены абсолютным доверием, предоставляя мне самый сладкий дар — разрешение мне владеть ею.

Она должна была получить надо мной власть, чтобы найти путь обратно.

Мать вашу.

Фредерик похлопал меня по спине.

— Я сам уйду. Загляну к тебе через пару дней. Разберись с этим, Мерсер. Она твоя вторая половинка, и тебе нужно понять это до того, как просрешь все и закончишь свои дни в полном одиночестве. Мне нравится мужчина, которым ты стал с ее появлением

Я сморгнул, когда Фредерик улыбнулся мне в последний раз, и, оставаясь верным своему слову, покинул дом чрез парадный вход

Мысли стремительно кружились в моей голове. Я стоял на месте, как долбаный идиот, пытаюсь понять, что только что произошло. Откуда, мать вашу, он взял это? Произнося свои долбаные заклинания, как фея крестная. Черт побери, я ненавидел его, хотя мне нравилось то, что он заботился обо мне настолько, что вбил в меня в буквальном смысле здравые мысли.

Часы с кукушкой отсчитывали секунды в тишине, производя обратный отчет мгновений, которые у меня остались, прежде чем Тесс уйдет слишком далеко, чтобы отыскать ее. И прежде чем я предложу вариант, после которого вряд ли выживу. Прежде чем я преподнесу самый большой подарок, который когда-либо мог преподнести.

Я хотел забыть о прозрении, что озарило Фредерика. Конечно же, существовал какой-то другой способ вернуть ее обратно. Я, может быть, мог показаться мудаком, но только одна мысль о том, что мне предстояло сделать, пугала меня, превращая в бесхребетного придурка.

«Ты не можешь дать ей уйти. Только не сейчас. Не тогда, когда Тесс должна тебе всю себя. Только не тогда, когда ты больше не мог жить без нее».

— Черт побери.

Зверь внутри меня отказался повиноваться, оставляя меня на пепелище.

Презирая себя, я выбежал из дома.

Глава 22

Спаси меня, плени, но не поддавайся мне.

Зли меня, козырай мной, уничтожь то, что преследует меня.

Тесс

Я направилась в сторону деревни, куда в первый раз сбежала от Кью. У меня заняло некоторое время, чтобы добраться туда, но мне было все равно.

Ходьба помогала успокоить холодную пустоту внутри меня. Она мне предоставила то, на что можно было посмотреть, что-то, о чем я могла подумать помимо воспоминаний, который были накрепко закрыты внутри меня.

Я остановилась, чтобы взглянуть на красивого трубастого голубя, который взмывал вверх поздним летним днем, когда земля ушла у меня из-под ног, и воздух стремительно покинул легкие. Я вскрикнула, когда была закинута на сильное, широкое плечо.

Мои взгляд уперся в загорелую, идеально очерченную задницу Кью, пока он нес меня обратно по направлению к дому. Я выгибалась и толкалась, даже несмотря на то, что мои ребра болели, но защитная оболочка в которой находился мой разум, не позволяла мне поморщиться от боли.

Кью не издал ни звука, даже несмотря на то, что вся дорога была

засыпана ветками и сухими листьями. Каким-то образом он меня выследил, беззвучно подкрался, и теперь удерживал пленницей в своих руках.

Я ждала, что мое сердце забьется чаще от осознания и теплоты, что даже несмотря на то, что я так сильно ранила его чувства прошлой ночью, он не мог вынести мысли о том, чтобы отпустить меня.

Ничего.

Появилось только темное пятно, которое застлало мои мысли, напоминая мне о том, что под моими ногтями была кровь женщин, и если я испытаю какую-то одну эмоцию, мне придется пережить весь их спектр.

— Опusti меня, — проговорила я.

Кью не проронил ни слова, целенаправленно направляясь к дому.

Я ущипнула его за задницу, но он даже не дернулся.

— Отпусти меня, Кью.

— Никогда. Ты, черт побери, не уйдешь из моей жизни подобным образом. Только не сейчас. — Его голос звучал надрывно — яростно, гневно, и немного огорченно.

— Что ты делаешь? — Мне не нравилась энергетика, которая исходила от него — неуютная, тревожная.

Он издал грудной рык, ругаясь на французском, затем повысил голос:

— Прежде чем уйдешь, ты сделаешь кое-что для меня.

Я нахмурилась.

— Чего ты хочешь от меня?

— Я тебе скажу, когда мы вернемся в дом. И ты не в праве отказаться, Тесс. Потому что если ты сделаешь это, я, мать твою, убью нас обоих только для того, чтобы избавить от страданий.

Как отчаянно я хотела ощутить дрожь ужаса от его слов, увеличивающееся желание. Я подпрыгивала на его плече, убеждая себя обнаружить данные чувства, но все, что я могла, — это испытывать острый укол страха. Страх, потому что я не имела ни малейшего понятия, что у Кью на уме, а мне претила новизна. Новизна всегда была равна ужасу. Новизна подразумевала под собой избиения женщин и зависимость от наркотиков.

Мы больше не проронили ни слова, когда Кью нес меня обратно, как добычу, которую только что пристрелил. Я не хныкала, когда

ощущала, как мои легкие сжались, или не жаловалась, когда головокружение заставило меня испытать тошноту от того, что я висела вверх ногами.

Я не издала ни звука, когда мы вошли в дом, и не моргнула и глазом, когда Франко замер на месте, смотря на меня в руках Кью.

Кью перешагивал через две ступеньки за раз, его дыхание не сбилось ни разу за все то время, что он нес меня. Он не замедлил шаг, когда мы направились по коридору. Он источал запах алкоголя и напряжения, на нем даже виднелись следы крови, когда он пинком распахнул дверь и внес меня вовнутрь.

В тот момент, когда Кью ногой захлопнул дверь, он поставил меня на ноги. Его губа была разбита и рассечена, синяк виднелся под левым глазом, и он выглядел измученным и не выспавшимся. Какого хрена произошло?

Он смерил меня тяжелым взглядом, что стоял в его бесстрастных глазах, опрокидывая меня на кровать.

Я осмотрелась по сторонам. Я никогда прежде не была в этой комнате, окрашенной в красно-золотистые тона, что придавало ей немного пафосный, но, несмотря на это, экзотический вид. Кью направился к кровати с балдахином и стянул тяжелое одеяло и простынь, оставляя только голый матрас. Затем направился в ванную. Прежде чем вернуться оттуда с четырьмя полотенцами, которые расстелил на кровати, тем самым покрывая материал матраса.

Я стояла недвижимая, смотря, как он мечется по комнате. Когда он расправил и разровнял полотенца уже в пятый раз, то подошел, остановившись передо мной, тяжело дыша.

Мужчина выпрямился, будто собирая всю энергию из комнаты, в то время как та, казалось, растворялась в нем. Он пристально посмотрел в мои глаза, и я задохнулась от мук, что царили в его бледных омутках.

— Запомни, если ты откажешься, — я убью тебя.

Глава 23

Ты пробралась в мою тьму, освободила моего монстра, так кричи же, истекай кровью, взывай ко мне, но никогда не смей говорить мне остановиться, никогда не убегай...

Кью

Я стоял перед Тесс готовый сделать то, что никогда не делал в своей жизни. Кое-что, что я даже не представлял смогу ли пережить. Кое-что, после чего я не знал, смогу ли отойти.

— Merde. — Я склонил голову, проводя руками по своему покрытому синяками лицу. Весь путь, который я нес Тесс сюда, вымотал меня так, что я даже не думал о другом способе. О способе, где бы я смог сохранить свою извращенность нетронутой, но в то же время исцелить Тесс.

Но я не видел другого выхода.

Не было другого способа.

Я должен позволить ей завладеть моей властью, моей долбаной жизнью.

Тесс стояла с опущенными руками, ее светлые кудри были настолько дикими и свободными в сравнении с оцепеневшим

отношением.

Я ненавидел ее в этот момент — презирал холод, недостаток общения. То, как она меня оставила умирать с разбитым сердцем. Я отчаянно желал бросить ее на кровать и заставить кричать. Что я только не хотел сделать, чтобы вызвать ее реакцию. Я хотел причинять ей боль до того момента, пока она не использует свое стоп-слово снова, но в этот раз проигнорировать его. Я хотел вытолкнуть ее за пределы зоны комфорта и заставить узреть правду.

Я не мог. Я не смог бы нести ответственность за то, что разрушил ее разум.

Стискивая челюсти, я провел руками по волосам. Я не мог стоять спокойно. Я вел себя, словно школьник, который собирался лишиться девственности.

И в каком-то роде так и было.

— *Tu ne sauras jamais ce que ça me coûte* (прим. пр. с фр. Ты никогда не узнаешь цену этого), — пробормотал я. — Тяжесть этого отравляет.

Взгляд Тесс смягчился.

— Чтобы это ни было, тебе не обязательно делать это. Я и так принесла много вреда.

Я зарычал, ненавидя то, что я предложил ей так много, а у нее хватало наглости отказываться.

— Это не обсуждается, Тесс. Ты сделаешь это. Я просто даю знать, как сильно это ранит меня. Как я хочу рискнуть своей жизнью ради тебя.

Она замерла, ее ноздри затрепетали.

Слово «ошибка» вертелось на языке, но я подавил его. Это не было ошибкой. Я чертовски любил ее, и пришло время сказать ей это.

— Я тебя люблю, — прорычал так, словно это была какая-то ужасная вещь — мерзость.

Ее глаза расширились, и она отвела взгляд в сторону.

— Не делай этого, Кью.

Я приблизился к ней и сжал подбородок, принуждая посмотреть на меня. Я опустил все: каждую стену, каждую ложь. Я позволил ей видеть, кем являюсь. Весь страх, который я чувствовал, всю любовь, от которой сгорал.

— Ты можешь быть где угодно, и я все равно буду чувствовать боль, эсклава.

Ее глаза оставались холодными, даже после того, как я показал, насколько нуждался в ней. Она покачала головой, пытаясь освободиться.

— Я больше не могу дать тебе то, в чем ты нуждаешься. Я пыталась. Я пыталась так отчаянно высвободить себя с того места, в котором пленила себя, но это бесполезно.

Я провел носом по ее подбородку, вдыхая, запечатлевая в своей душе ее аромат мороза и орхидей. Когда Тесс сделает то, что я заставляю ее сделать, я сомневаюсь, что захочу быть рядом с ней.

— Это не касается того, что мне нужно. Это касается того, что необходимо тебе.— Я замолчал, собирая воедино мою разорванную в клочья смелость. — Я собираюсь дать тебе то, в чем ты нуждаешься.

Тесс втянула крошечный вдох.

Я дернулся, всматриваясь в ее глаза, пытаясь рассмотреть, чувствует ли она что-то, отреагировала ли она на то, что я сказал

Но ничего не блеснуло в ее глазах, ничего не вспыхнуло.

В этот момент я хотел разнести комнату в щепки. Я хотел убить ублюдков, которые сотворили с ней это вновь. Черт бы побрал этот гребаный ад. Чертовы ублюдки. Гребаный больной мир

Тесс прикоснулась к моей щеке.

— Ты в порядке? — Как бы мне хотелось, чтобы она спросила меня из-за беспокойства, но знал лучше.

— Как ты можешь спрашивать об этом? Как вообще можешь думать, что я в порядке? У меня было все, о чем я когда-либо мечтал, но потом они отняли это у меня. Я так чертовски сильно скучаю по тебе, но тебе нет до этого дела. Ты больше не любишь меня. Ты отняла все у меня, и у тебя еще хватает наглости спрашивать у меня «в порядке ли я»? — Я рассмеялся от мрачного юмора ситуации. — То, что я собираюсь сделать, — разрушит или исцелит тебя. Одно из двух, Тесс. Начинаем прямо сейчас. Это или поможет нам исправить все или оставит разбитыми на осколки.

— Что это?

— Я хочу, чтобы ты обладала мной. — Мой голос задрожал. Ну и трус. Я попытался вновь. — Ты можешь сделать все, что угодно со мной. Ты должна взять все, что я предложу тебе, любой ценой. — Я прижал свой рот к ее уху. — Ты сделаешь мне больно, Тесс. И ранишь меня, как можно сильнее.

Ее рот распахнулся. Она пристально смотрела на меня, отсутствующе, молчаливо.

— Я трахал тебя. Я хлестал тебя. Я любил тебя по-своему, но не достаточно, чтобы исправить тебя. Я не могу застегать тебя плеткой, пока то, что произошло с тобой не выйдет из тебя. Тебе нужно помочь себе, и я предлагаю себя в качестве того, на ком ты выместишь весь гнев и боль.

Воздух сгустился; я не мог сделать ни вдоха. Она поняла. Она была слишком умна, слишком сообразительна, чтобы не понимать, что я предлагал.

— Ты не знаешь, о чем просишь.

Конечно, я знал, мать вашу, о чем просил. Я собирался восстать против каждой клеточки в своем теле. Я собирался восстать против природы. Я застрелил зверя внутри себя и вручал власть над собой. Игнорируя каждый инстинкт. Каждое желание, которое когда-либо было у меня.

— Я точно знаю, что предлагаю, эсклава. Бери это. Прежде чем я изменю свое мнение. — Прежде чем я убегу с криком, как маленькая девчонка.

Прежде чем я потеряю тебя.

Прежде чем потеряю себя.

— Все не так просто. Даже если я причиню тебе боль, это не дает никакой гарантии, Кью. Нет причины проходить через что-то, что ты так ненавидишь.

— Она есть, если это поможет вернуть тебя обратно. Я не оставляю тебя, пока мы не разберемся с этим. Это просьба не так легко мне далась. Я не ожидаю, что ты отвергнешь меня. Ты задолжала мне.

Она закашляла.

— Я задолжала тебе?

— Да. — Я тяжело кивнул. — И я скажу тебе почему. Что бы ты не пережила — это ужасно, невообразимо и чудовищно, я понимаю это, и знаю, что ты не хочешь говорить об этом, именно поэтому я не давлу. Но постарайся подумать каково мне. Тебя выкрали из моего кабинета! Из-под моего крыла заботы и защиты. Тебя забрали у меня на долбанных семнадцать дней. Каждая зацепка, за которой я охотился, приводила меня в тупик, каждая надежда оказывалась гребаным поддразниванием. — Я с силой ударил себя в солнечное сплетение, проживая весь тот

ужас, панику от того, что не найду ее вновь. — Тебе не кажется, что для меня это тоже тяжело? Ты задолжала мне, так причини мне боль. Заставь меня страдать, потому что я не смог защитить тебя.

Моя грудь наполнилась воздухом и правда вырвалась наружу.

— Это все моя вина. Все это. Контракты на постройку. Спасение рабынь. Я считал себя неуязвимым. Я никогда не задумывался о врагах и том, что что-то может случиться с тобой. Я был чертовски эгоистичным мудаком.

Мне пришлось замолчать и сглотнуть ком, что образовался в горле.

— По моей вине ты чувствуешь себя так. Так что, если я тебе приказываю причинить мне боль, это меньшее, что ты можешь сделать. *Libère moi de ma douleur, Tess* (прим.пр. с фр. Избавь меня от боли, Тесс).

Я положил ладонь на ее щеку, утопая в ее глазах.

— Я однажды просил тебя отдать свою боль для моего удовольствия. В этот раз возьми мою боль для своего удовольствия.

Я опустился на колени, склоняя голову к ее бедрам.

— Пожалуйста, эсклава. Не заставляй меня умолять дальше. У меня нет на это сил. — Чувствовалось неловко и ужасно находиться в позиции подчинения, но в то же время, так правильно и идеально. Две взаимосвязанные эмоции, заставляли меня трепетать от предвкушения.

Я не двигался. Теперь все зависело от Тесс.

Казалось, что прошел целый год, прежде чем Тесс двинулась с места. Ее нежная ладонь опустилась мне на голову. Она скользнула пальцами в мои волосы, успокаивая мою непреходящую мигрень, вызывая у меня стон.

Сделал ли я хуже тем, что заставил ее? Принося больше вреда ее пострадавшему разуму?

— Я не могу, Кью.

Я поднял взгляд, смотря в ее глаза.

— Ты можешь. И сделаешь.

Она пыталась вырваться из моей хватки, но я усилил ее, не выпуская Тесс.

— Ты позволишь ублюдкам одержать верх, эсклава. Ты этого хочешь? Ты хочешь позволить им повелевать твоей жизнью? — Я поднялся на ноги, не отпуская ее. — Где борьба, к которой я так привык? Тесс, которую я знал, эсклава, в которую влюбился, никогда

бы не опустила руки и боролась бы не на жизнь, а на смерть.

Секунды пролетали, и сомнение залегло тенью на ее лице. Она прикусила губу, смотря куда угодно, кроме меня. Я был уверен, что она вновь воспротивиться, и мои мысли вышли из-под контроля. Я не имел понятия, что произойдет, если у нее это не получится.

Наконец ее взгляд нашел мой; она прошептала:

— Ты уверен? — Такая забота, такая нежность светилась на ее лице, даже несмотря на то, что там ничего не было — никакой души и никаких глубоких эмоций — я был счастлив от надежды.

Это сработает. Должно сработать.

Я выпрямился, склоняясь, чтобы оставить мягкий поцелуй на ее губах.

— Уверен. Je suis à toi, tout à toi (прим.пер. Я — твой. Весь в твоей власти).

Сделав глубокий вдох, она кивнула.

— Хорошо.

Я не собирался терять ни секунды. Схватив за руку, провел ее через комнату.

Она стояла там, где я поставил ее, — около кровати, в то время как я подошел к шкафу. У этой комнаты есть история. История, о которой я предпочел бы не думать, но она была заставлена приспособлениями и необходимыми вещами.

Открывая дверцы шкафа, я замер, ощущение паники устремилось вниз по позвоночнику.

Я намеревался сделать что-то, что могло покалечить меня. Я хотел стереть этот день из моего разума, как только он закончится. Я разнесу в щепки эту комнату и все, что находится в ней, чтобы мне больше никогда не пришлось вспоминать.

С комком нервов, что сдавливали мне горло, я достал веревки всех видов для банджа.

Тесс наблюдала отстранено, когда я нагрузил свои руки множеством вещей и направился вновь к кровати. Располагая их в изножье кровати на четырех столбиках, я взглянул на Тесс.

— Свяжи меня.

Я никогда не думал, что когда-нибудь произнесу эти слова. Но мне было необходимо, чтобы она связала меня. Или же я бы сбежал, как долбаный трус, или сорвался и причинил бы ей боль.

Она подняла кожаные манжеты, застежки на которых звякнули.
— Где?

Стараясь обуздать страх и злость, и множество других чувств, я принудил себя сесть на матрас и лечь на спину.

Мое сердце грохотало, как ненормальное, стуча миллион ударов в час; я не мог смотреть на Тесс. Я не мог смотреть никуда, кроме огромного балдахина, расположенного над моей головой. Четыре столбика кровати были массивными — шириной в половину долбанного ствола дерева — когда она привязывала меня, чтобы я не имел возможности освободиться.

Мой желудок скрутило, и я мог поклясться, что меня почти стошнило.

«Черт. О, черт. Кого хрена я творю?»

Тесс плавно приблизилась к кровати, похожая на бесцветное приведение. Она уставилась на манжеты, затем на мои руки. Мои кулаки были прижаты к бедрам, каждый мускул был напряжен.

Я не разделся. Наличие футболки и джинсов были моей единственной защитой; я хотел остаться одетым.

Я стиснул зубы, разводя ноги в стороны ради нее.

Тесс сглотнула и послушно обернула мягкую кожу вокруг моей щиколотки.

Черные точки появились перед глазами, когда она затянула застежку вокруг столбика кровати. Она закрепила ее, и я дернулся.

— Тебе следует затянуть сильнее. Или я освобожусь. — Я люто ненавидел каждое слово. Я хотел отрезать себе язык за то, что являюсь таким предателем, но я не делал этого для себя. Я делал это ради Тесс. Чтобы каким-то образом разрушить барьеры, которые она воздвигла. Если это требовало динамита, посредством которого я буду взорван, значит, так тому и быть.

Тесс кивнула, затягивая сильнее застежку, пока она не впилась в мою кожу. Жар пронесся вверх по моей ноге, заставляя меня задрожать от беспомощности.

Истязая меня трепетными прикосновениями и неспешностью, Тесс застегнула вторую лодыжку прежде чем тяжело вздохнуть. Она взглянула на меня с тысячами обещаний в глубине своих глаз и без намека на надежду. Направляясь к изголовью кровати, она выбрала длинную шелковую веревку.

Наши глаза ни на мгновение не покидали друг друга, когда она склонилась и сжала мою руку своей. В то мгновение, когда ее изящные пальчики прикоснулись к моему содрогающемуся телу, я дернулся. Моя эрекция пробудилась, и все, чего я желал, это поцеловать Тесс, трахнуть, никогда больше не отпускать.

Она прикусила губу, ее глаза стали на тон темнее.

— *Embrasse moi* (прим.пер. с фр. Поцелуй меня)! — потребовал я, хватая ее руку своей.

Мы смотрели друг на друга долго, напряженно. Я задавался вопросом, не умру ли, ожидая ее повиновения. Наконец, она склонилась, нагибаясь ко мне. Мои ноги, может, и были обездвижены, но руки и тело нет. В то мгновение, когда она была на расстоянии прикосновения, я обернул свои руки вокруг нее, притягивая сильнее ко мне.

Тесс издала едва слышный крик, прежде чем мои губы обрушились на ее. Я настойчиво протолкнул язык в ее рот. Она замерла на короткое мгновение, затем воспротивилась, тогда как я лишь сжал ее жестче. Она всхлипнула, когда я прикусил ее нижнюю губу.

Я застонал, когда ее вкус наполнил мой рот. Она напомнила мне о более счастливых временах, но больше всего о любви, что я потерял. Любви, которую я хотел вернуть обратно.

Она прижала ладони к моей груди, отталкивая меня.

Неохотно, я отпустил ее. Она резко выпрямилась, тяжело дыша. Мое сердце застряло в горле от вида паники в ее глазах.

Что-то рухнуло, показывая крошечный проблеск эмоций, которые были заперты внутри нее.

Качая головой, Тесс схватила меня за запястье и резко завела руки над головой. Я даже не сопротивлялся, несмотря на то, что зверь внутри меня желал разорвать ее на крошечные кусочки.

Ее пальцы неловко возились вокруг моих запястий, дергая их с каждым узлом веревки. Тесс скривилась, когда потянула сильнее, туже затягивая узлы до появления болезненного ощущения.

Я не сводил с нее глаз, когда она обошла изножье кровати и забралась на матрас, чтобы затянуть мою вторую руку. Я поднял конечность над головой, впитывая возросший страх Тесс — аромат дрожи и паники.

После недель холодности, стремительная лавина ее эмоций

опьянила меня лучше, чем любой виски. С каждой пролетавшей секундой, Тесс утрачивала тусклый незаинтересованный взгляд, утопая дальше в сумасшествии и страхе.

Это работало. Проклятие, которое околдовывало ее сердце, прекращало свое действие.

Тесс проверила веревку на одном из моих запястий, прежде чем спуститься с кровати и пристально уставиться на меня разрывающим душу взглядом в глазах, который уничтожил меня раз и навсегда.

Я чертовски сильно любил эту женщину не только в данный момент. Не только в будущем. А всегда. Отныне и навечно, я принадлежал ей.

Я кивнул, стискивая зубы.

— Сделай это, эсклава. Сделай все, что тебе хочется со мной. Я приму все, что ты мне дашь. Я буду жить и буду рад любым крохам, которыми ты позволишь мне довольствоваться. — Мой голос был грубым, пронизанным печалью, но я продолжил. — Я отдаю тебе всего себя, Тесс. Если это не сподвигнет тебя вернуться ко мне, значит это конец. Значит, это в последний раз, когда я могу находиться с тобой рядом, и я хочу видеть страсть в твоих глазах в последний раз.

Я ожидал слез, резкого движения, определенного осознания того, сколько я предлагал ей, но меня встретил только ужас. Она стояла напряженно, как долбаная доска, больше не смотря на меня, вновь находясь там же — в том месте, где обитают ее кошмары.

— Тесс... — Я хотел сказать ей, чтобы она не боялась, позволить им завладеть ею. Что я буду с ней на каждом шагу, но она покачала головой, сжимая с отчаянной силой волосы пальцами.

Она пробормотала что-то себе под нос, прежде чем стремительно направиться в противоположную часть комнаты, идя в сторону открытого шкафа.

Я старался рассмотреть, что она взяла, и мое сердце сжалось, когда она вернулась обратно с плетками, флоггерами, ножницами и крошечными пузырьками.

Она бросила это все между моих разведенных в стороны ног.

Ее глаза исказили свой цвет от серо-голубоватого до снежно-льדיстого, светясь ненавистью. Она больше не смотрела на меня глазами моей эсклавы — моей Тесс. Она обратилась в абсолютную незнакомку. Женщину с желанием мести, с желанием нести разрушение

и смерть.

Я кивнул в ответ на ее тяжелое дыхание.

— Где бы ты ни была, Тесс, не отступай. Переживи, что произошло, встретись со своими демонами, и причини мне всю ту боль, что желаешь. — Я, может быть, и звучал, как сильный мужчина, но внутри был все тем же мальчишкой, который похоронил свою мать и застрелил отца. Я чувствовал себя таким одиноким. Всегда одиноким.

Она прикрыла глаза, лавина ужаса накрыла ее. Ее энергетика сменилась со слабой и закрытой на яростную и злую, такую невероятно свирепую.

— Ты заставлял меня делать так много вещей. И ты до сих пор думаешь, что ты смеешь мне указывать вновь?

О, черт. Она покинула меня. Ее разум вернулся в прошлое — она четко делала то, что я велел ей.

Она фыркнула, беря в руку толстый палл, проводя им по внутренней стороне моего бедра.

Я не собирался двигаться. Я собирался оставаться на месте и позволить ей восстановить в памяти все, что ей нужно было, но зверь внутри меня не мог сделать этого. Я боролся, дергая запястьями, вздрагивая, когда веревка впилась сильнее в кожу.

— Ты думаешь, что сможешь выбраться? Ты не сможешь. Только не после того, что заставил меня делать. Только не после всего того. — Она взяла плетъ в другую руку, замахиваясь двумя девайсами. — Ты предпочитаешь распространяющуюся или резкую боль?

Мой взгляд сделался тяжелым, осознавая, что я спросил у нее то же самое, когда закрепил на кресте. Я знал, что она не хотела звучать чертовски странно, но она смахивала на маленькую заводную куклу, спрашивая меня какое смертельное оружие я предпочитаю,

Сколько еще продлится эта агония?

Столько сколько потребуется, чтобы она вновь вернулась ко мне.

Я прорычал.

— Все что угодно. Черт побери, используй все, что угодно, если это будет значить, что ты чем-то воспользуешься.

Она даже не дрогнула от моего гнева. Склонила голову, когда ярость окрасила ее щеки.

— Ты всегда был мерзавцем. Говоря мне бить и калечить и убивать. Но ты никогда прежде не позволял мне выбирать оружие — Ее взгляд

устремился к моему. Она издала рык: — Используй битку, малышка. Нажми на курок, сука. — Она склонила голову к плечу, когда высоко замахнулась рукой, держа паддл. — Давай посмотрим, придется ли тебе это по вкусу.

Она нанесла удар.

Он обрушился на мое бедро, покрытое джинсовой тканью, и я напрягся, вздрагивая от беспокойства. Сила, которая крылась за ударом, была не больше комариного укуса, но сам факт, что я добровольно позволил ей бить себя, заставил меня внутренне понемногу умирать.

Она вытянула руку, поглаживая там, где ударила. Ее улыбка выражала абсолютную ярость.

— Я делаю это правильно? Ты мне всегда говорил, что я делаю это не достаточно сильно. Кусай сильнее, малышка. Царапай глубже, сука. Всегда недовольный. Я не могла делать это. Ты мог.

Смотря на темно-красный балдахин сверху, я прокричал:

— Нет, ты все делаешь не так. — Это было неправильно. Это бы не помогло ей. Она определенно потеряла саму себя слишком глубоко. Я не смог спасти эту женщину передо мной — только не так... — Тесс, это была ошиб...

Жесткий удар обрушился на мое бедро из ниоткуда; мои глаза широко распахнулись.

Тесс тяжело дышала, указывая паддлом, как оружием.

— Так тебе нравится? — Она ударила меня вновь. Ярость вздымалась в ее взгляде, лелея презрение, страх, в котором она существовала на протяжении множества недель.

Я прекратил дышать. Видел ли я то, что хотел видеть, или это была правда?

Эта искра. То самое сияние. Льдисто-голубой сменился на проникновенно серый.

— Да, — пробормотал я, хотя мой ответ был «черт побери, нет». Я ненавидел это. Ненавидел быть связанным. Каждая клеточка моего тела ненавидела, но это была женщина, которую я любил. Это была женщина, с которой я хотел провести остаток своей жизни.

— Ударь меня вновь, эсклава. — Мои ладони сжались в кулаки; я задохнулся, когда она нанесла еще один жалящий удар. Она жестко ударила меня поперек живота, и я напрягся, сжимаясь, чтобы противостоять боли.

— От тебя вечно одни приказы. Знаешь ли ты, сколько раз я хотела убить тебя? Каждую секунду каждого дня я существовала в состоянии наркотического оцепенения, я всегда думала о способах уничтожить тебя.

Мое сердце застучало быстрее. Тесс больше не видела меня. Она больше не понимала, где находится, и ее это не заботило. Ее разум был сломлен, и я был одновременно рад этому и до ужаса напуган.

— Тебе нравится, когда я причиняю боль по твоей указке? Тебе нравится, когда я исполняю твои приказы? — Ее голос поднялся на октаву. — Тебе нравится, когда я убиваю для тебя?

Какого долбаного хрена? Она убивала для них? Она сломили ее тем, что заставили совершать убийства? Все, что случилось в последние пару недель, внезапно стало обретать смысл. Как она избегала любого человеческого контакта. Она прекратила чувствовать. Прекратила реагировать

Она отняла человеческую жизнь. Это каким-то образом повлияло на ее внутренний мир. Это необратимо изменило человека навсегда.

Бл*дь, я никогда не смогу вернуть ее обратно. Мне известно о тьме, которая появляется, когда забираешь человеческую жизнь. Я мог жить с этим — тьма была частью того, кем я являюсь, — но Тесс... она никогда не должна была быть таким монстром.

Ее рука дрогнула, вкладывая вес тела в удар. Лицо исказилось, когда она нанесла удар по паху.

Долбаный боже.

Мой член взвыл в агонии; яйца втянулись в тело. Боль распространилась по животу, заставляя меня испытать позыв к рвоте.

— Больно, не так ли? — прошептала она, ее голос был мрачным и зловещим.

Я не мог промолвить ни слова, только хватать воздух ртом, как умирающая рыба. Боль. Меня никогда не били так сильно в таких непредназначенных для ударов местах.

Ее язык тела сменился от яростного до источающего маниакальную ненависть.

— Ты, мать твою, заставлял меня причинять им боль. Заставляя меня жечь их, ломать. — Она вскинула руку и нанесла удар мне в грудь. — Ты заставил меня убить одну из них. Но с меня хватит. Я убью тебя. Я сделаю то, что мне следовало сделать много месяцев назад.

Я зажмурился, не в силах больше смотреть на то, как она распадается на части. Видеть ее боль, которую она сдерживала внутри себя, выплескивая, как черную заразную болезнь

— Я ненавижу тебя. — Она хлестнула мое колено.

— Я ненавижу тебя. — Она хлестнула мой бок.

— Я презираю тебя! — Она обрушила череду ударов на мою грудь.

Мои глаза распахнулись, когда она ударила мой член вновь. Я застонал от мук боли.

Каждый раз, когда она наносила удар мне, ее голос поднимался и ломался, пока наконец единственная вещь о которой я молил, которой я ждал, не начала течь.

Слезы.

Они придали блеска ее глазам, подрагивая каплями на концах ее нижних ресниц.

— Ты превратил меня в одно из своих подобий. — Она отбросила в сторону паддл и схватила широкий флоггер. Удар пришелся мне по лицу, глубоко врезаясь в кожу.

Я застонал от боли. Я не хотел ничего, кроме как наброситься на Тесс. Пригвоздить ее к полу и поменяться ролями. Причинить ей ту же боль. Я отчаянно желал ощущать ее подчинение. Я хотел ощущать возбуждение и трахать ее.

Ничего касаясь этого не было сексуально. Мой член не хотел быть частью этого. Это не было правильно в моем мире, и каждая часть меня кричала, чтобы я положил этому конец, но она нуждалась в том, чтобы ее кошмары были уничтожены.

Я должен был отдать ей мое тело, потому что она уже владела сердцем.

Я знал, в каком темном месте она жила. Я знал ужас от осознания, что ты являешься убийцей, и я ощутил тот момент, когда она полностью сдалась, позволила себе отпустить все ужасные воспоминания; она, скорее всего, не остановится, пока я не буду мертв. Но если это означает, что она сможет очиститься перед собой и выбраться из ада, тогда я сделаю это.

Я бы с легкостью пожертвовал собой ради нее.

Делая глубокий вдох, я прошептал:

— Je t'aime, Tess.(прим.пер. с фр. Я люблю тебя Тесс). Nous sommes les uns des autres. (прим.пер. с фр. Мы принадлежим вдруг

другу).

Тесс склонила голову, тяжело дыша из-за дорожек слез, что беспрерывно стекали с ее глаз. Они не были ею замечены, чему я был бесконечно рад. Я разговаривал с ее израненной душой, а не со сломленной женщиной.

Проглатывая гордость, и благородство, и каждую каплю приличия, которое у меня еще оставалось, я прорычал:

— Ты долбаное разочарование. Мы что так и не научили тебя ничему? Ты убивала, и что с того? Ты бесполезная. Жалкая.

Тесс издала сдавленный звук.

— Ты никчемная. Даже не можешь следовать приказам должным образом.

Ее рот скривился.

— Я вечно буду презирать тебя. Я ненавижу то, чем ты занимаешься. Я ненавижу твоё зловоние. Ненавижу твою одежду. Твой голос. Отсутствие человечности. — Ее глаза подернулись пеленой, поглощаемые все больше и больше кошмаром.

Сильное жжение начало нарастать в моем горле от осознания того, что я на самом деле потерял ее.

Тесс отложила в сторону флоггер и взяла в руки плетку девятихвостку. Ту самую, что я использовал, чтобы избавить ее от воспоминаний об изнасиловании.

Не было ни предупреждения, ни подготовки — просто хлесткий удар.

Многочисленные хвосты плетки разрезали со свистом воздух и ударили меня по одежде. Крошечные бусинки разорвали футболку.

Следующий удар хлестнул меня по бедрам, обжигая через джинсовую ткань. Тесс пришла в ярость; прикладывая двойные усилия с плеткой, она била и била. Невероятно яростный удар опустился на мое горло — это послало шокирующие волны боли по телу. Тесс пребывала в состоянии чистой ярости, избивая меня от всей души.

Время прекратило существовать.

Тесс хлестала, хлестала и хлестала.

Она рассекла мою кожу, и кровь свободно стекала по ней, пропитывая и марая полотенца подо мной.

Моя одежда разрывалась с каждым ударом, пока она не стала свисать лохмотьями. Боль распространялась, увеличиваясь и

увеличиваясь, пока каждая часть меня не сотрясала дрожь. Я хотел кричать и выражать ярость и ругаться. Мне нужен был выход эмоциям. Мне нужно было сбежать. Но я ни издал ни звука, когда Тесс хлестала меня, все приближая и приближая к смерти.

Через опухшие глаза, я больше не узнавал Тесс. Пот пропитал ее волосы и слезы блестели на щеках.

Мое сердце разбилось на миллион кусочков из-за того, что я сотворил с этой восхитительной женщиной. Я хотел защитить ее и не позволить подобному произойти с ней вновь. Я никогда больше не поднял бы и пальца на нее или причинил бы боли. Я всего лишь хотел, чтобы она была счастлива.

Следующий удар обрушился на мою израненную грудь, глубоко впиваясь в мою кожу

Я не мог больше терпеть, я тихо вскрикнул. Первый признак слабости, и Тесс купилась на него.

— Тебе нравится это, мерзавец.

Она наносила мне удары вновь и вновь.

— Умри, ты убийца. Сдохни же!

Боль от слез устремилась вверх по позвоночнику, причиняя боль глазам.

Я никогда не плакал.

Ни разу.

Я всегда думал, что был неспособен на это. И сейчас, когда лежал, принимая удары всего того, с чем жила Тесс, чувствовал, как ломаюсь. Я никогда не чувствовал стремления пожертвовать своей жизнью, чтобы сохранить другую. Я никогда не был слабым и не эгоистичным настолько, чтобы поставить чью-то жизнь превыше своей. Но влюбившись в Тесс, я лишился своей решительности, так же как и сердца, и в данный момент расплачивался за это.

Единственная слезинка ускользнула из-под моего контроля. Разъедающая боль от соленного ощущения, которое обожгло раны на моих щеках. Еще одна слезинка скатилась безмолвно, неподвижно.

Одна слезинка за то, что я утратил.

Одна слезинка за то, что приобрел.

Одна слезинка за состояние беспомощности.

Одна слезинка за то, что я влюблен.

Шесть слезинок, пока мое тело окончательно не сдалось, пока кровь

не остыла, и Тесс не забила меня до абсолютного забвения.

Холодная вода выплеснулась мне на лицо.

Я вздрогнул, когда мои глаза налитые кровью открылись, смотря на заплаканную, яростную Тесс, которая сидела на мне. Пустой стакан был в ее руке.

Я взглянул вниз, замечая, что был обнаженным, истекая кровью, и с пересекающимися рваными ранами. Она срезала пропитанную кровью одежду, оставив ее рядом со мной на кровати.

— Ты так будил меня каждое утро. Пришло время причинять боль еще одной, говорил ты. Но теперь с этим покончено. Я достаточно причинила тебе боли. Теперь я собираюсь убить тебя.

Она слезла с меня, поднимаясь, чтобы встать рядом с кроватью. Ее глаза больше не сверкали от ненависти и нужды причинять боль. Теперь в них стояло выражение решительности и удовлетворения.

Мое измученное сердце застучало, производя радостные удары. Может быть, я смогу ей помочь после всего. Моя жизнь в обмен на ее. Я счастлив.

— Это за тех женщин, которых ты заставил меня разрушить. За жизнь, которую ты заставил меня забрать. Я ненавижу тебя, и, надеюсь, ты сгниешь в аду. — Она подняла руки над головой, пальцами сжимая ушки острых серебряных ножниц, держа их словно кинжал над моим сердцем.

— Эсклава... — Я потянул веревку, которая оборачивала мое запястье, не готовый умирать. Я не был готов, черт побери, умирать.

Моя жизнь пронеслась перед глазами: сколько я всего упустил. Сколько у меня не хватило времени сделать.

Я не мог сделать этого. Я не собирался позволить ей отправить меня на тот свет. Не сейчас. Только не после всего пережитого.

И я сделал единственную вещь, которую клялся не делать.

Я закричал.

Глава 24

*Владей мной, бери меня, ты никогда не сможешь сломить меня.
Выбирай меня, используй, ты никогда не потеряешь меня...*

Тесс

Я существовала во тьме.

Ничего больше не проникало вовнутрь, кроме металлического запаха крови и вспышек безумия.

Кью вновь покинул меня.

Каким-то образом я перенеслась обратно в комнату, где застрелила блондинку с татуировкой колибри, только в этот раз, распятым и связанным был Белый Человек. Он прожигал меня взглядом и ругался, говоря мне, что я была недостаточно хороша. Что мне следует убить себя, потому что это все, на что я была способна.

Пустота внутри меня кружилась, подобно вышедшему из-под контроля урагану, сотрясая стены моей башни, отрывая мои цепи, разбивая кирпичи в пыль.

Я бежала от вины, что засасывала меня глубже, от которой я была буквально уверена, что мое сердце остановится. Я была убийцей, мучительницей, я заслуживала умереть, парализованной от сожаления.

Но судьба мне даровала шанс исправить неправильные поступки, что я совершила. Передо мной был кукловод, ненависть и ярость скользили в моей крови подобно рептилиям, и все чего я желала, была месть. Заставить его заплатить.

Волна эмоций, что я таила в себе, захлестнула меня. Топя в неумном отчаянии и сумасшествии.

Белый Человек олицетворял все зло мира, и я хотела забирать, и забирать, и еще раз забирать, пока не осталось бы совершенно ничего. Я хотела отнимать каждую каплю его жизни, пока бы он больше не существовал.

Убив его, я бы получила искупление. И, возможно, наконец, я смогу жить с виной.

Он не двигался, когда я обрушивала удары на него. Он просто ухмылялся. Мои мышцы болели от причиняемого насилия. С каждым ударом каждый следующий кирпичик выпадал из стен моей башни. С каждым хлестким ударом, уничтожалось и покрывалось трещинами мое чувство вины, позволяя мне дышать.

Параллельно всплывающие образы из прошлого составляли мне компанию, когда я наносила ему удары вновь и вновь и вновь. Я видела себя — истощенной, с затуманенным разумом от наркотиков, царапая и ломая... обрушивая ярость за невинных женщин.

Я всхлипывала и ударяла сильнее, потому что мое видение выстрелило в Блондинку с татуировкой колибри. Я приложила двойные усилия одолевая болью, когда смотрела на повторе себя, глотающую дуло пистолета, спуская курок, чтобы покончить со своей жизнью.

Никогда вновь. Я достаточно сильная чтобы выжить. Мне не нужна башня, чтобы жить. Я не сделала ничего плохого.

Мысль была словно комета, сверкнувшая правдой.

Я не сделала ничего плохого.

Это все они. Я же делала все, чтобы выжить.

Осознание того, что они заставили меня сомневаться, что они преисполнили меня грехом, наделило меня новой энергией. Я ударяла сильнее и сильнее, пока больше не могла узнавать Белого Человека из-за всех его ран и крови.

Каждый раз, когда я заставляла его истекать кровью, мне становилось легче, понимая, что этот человек больше никогда не сделает с остальными то, что сделал со мной.

Когда он потерял сознание, я подумала, что убила его. Я хотела убить его, но мне нужно было убедиться. Проверяя жив ли он, я выругалась, когда почувствовала, как его пульс бьется под моими подушечками пальцев. Я знала, что мне нужно делать.

Я разбужу его, посмотрю ему прямо в глаза, затем заколю его в сердце.

Это моя обязанность, моя честь, моя судьба.

Я преподносила ему уроки, которые он преподносил мне. Боль была равносильна власти. Боль была равнозначна удовольствию.

Когда я поднялась над ним с острыми ножницами в своих руках, готовая вонзить их в его грудь, он посмотрел вверх с такой паникой и любовью, что я замерла чересчур надолго.

Он закричал.

Крик отразился от бездны тьмы, разрывая пелену между мной и настоящим миром.

Видение затуманилось, выводя меня стремительно из тьмы к свету. Темница стала красивой комнатой с оттенками золотого и красного цветов — это казалось знакомым, но я не могла сообразить почему.

Я сморгнула, не в силах понять, где же я находилась.

«Где, черт побери, я нахожусь?»

Мое тело изнывало от боли, плечи подрагивали от готовности моих рук к удару. Мои руки свело судорогой, и они были скользкими от крови.

Затем мое сердце остановилось.

Кью лежал на кровати передо мной, его обнаженное тело покрыто кровью, пребывая в совершенно неузнаваемом состоянии. Он едва дышал, его лицо было распухшим, глаза ничего не выражали, припухшие от ушибов.

Я опустила ножницы; они выпали из моих рук, поцарапав бедро, и, отскочив, упали на ковер. Воздух наполнил мои легкие, и я не могла сделать ни вдоха.

Дрожь взяла начало в моих руках и ногах, и злые, неподдельные слезы, что я пролила, сменились ужасом.

— Кью... О, господи... — я потянулась дрожащими руками, чтобы

прикоснуться к его холодеющей груди. Его восхитительная татуировка с воробьями свисала клочками кожи, покрытая ранами и кровью. Его прекрасный член безвольно свисал, покрытый кровавым месивом между его ног.

— Что я наделала!

Затем я взлетела.

Моя передняя часть туловища соприкоснулась с кроватью, прежде чем меня отдернули назад и прижали, вдавливая в ковер. Кто-то вывернул мои руки за спину, прижимая щеку к коврику.

— Не двигайся, — приказал полный ярости мужской голос.

Мужчина присел мне на спину, удерживая тем самым меня на месте. Он сменил позу, чтобы иметь возможность посмотреть в сторону кровати. Затем втянул шумный вздох.

— Бл*дь, Кью. Что за херня.

Пронзительный женский крик только заставил мое тело трястись сильнее. Я сдалась на милость слезам, что превратились во всхлипы. Я сделала это. Я так сильно ранила Кью, что, казалось, он был на грани смерти. Как это произошло? Почему он позволил мне зайти так далеко?

— Merde. Кью. О, господи. О, господи, — плакала Сюзетт.

Мужчина поднялся с меня, оттолкнув, словно я была ничтожеством. Затем рывком выпрямился, подбегая к кровати.

Я попыталась сесть. Мне необходимо было знать, что Кью был все еще жив. Должен был быть способ исправить это.

Изумрудно зеленые глаза Франко вперились в меня, сверкая яростью.

— Твоих рук дело? — Он покачал головой, стараясь развязать узлы вокруг окровавленных лодыжек Кью. — Как ты могла?!

Мои легкие застряли в горле; я не могла говорить. Я не могла оправдать то, что сделала, или же хотя бы вспомнить, как это произошло. Я понимала лишь то, что больше не пребывала в безжизненном вакууме. Теперь я жила в бесконечной ненависти и боли. Я добилась своей цели и отомстила Белому Человеку за то, что произошло в Рио, но я бы пережила это ужас вновь, если бы это значило, что Кью не лежал бы безжизненно здесь, раненный от моей руки

— Кью! Пожалуйста, Кью, — я поднялась на ноги, протягивая руки, когда Франко освободил запястья Кью и аккуратно сложил его

руки по бокам. Кью вздрогнул и застонал, когда Сюзетт бросилась вперед с простыней, которую вытащила, набрасывая ее поверх него.

Сюзетт не сводила с меня взгляда, плача от печали и неверия.

— Почему, Тесс? Почему? После всего, что он для тебя сделал?

Я бросилась вперед. Я должна была обнять его. Сказать, насколько мне было жаль. Но Франко оттолкнул меня.

— Мне кажется, ты сделала больше чем достаточно, не так ли?

— Но... я должна и-исправить это. Я не хотела, чтобы так все вышло. Ты должен верить мне! — Мое тело сотрясилось от отчаянных рыданий. Я еще никогда так сильно не плакала. Даже тогда, когда меня насиловали, или я была похищена, или когда меня принуждали делать все те ужасающие вещи. Я рыдала так, как если бы моя душа могла бы покинуть тело в любой момент и оставить меня умирать на ковре.

Оказалось, что я умру не от вины, а от разбитого сердца.

Кью тихо застонал, облизывая потрескавшиеся губы.

— П-позволь ей...

Сюзетт заплакала сильнее, когда Франко развернулся лицом к нему, склоняясь ниже, чтобы слышать его.

— Я позвоню доктору. Мы поможем тебе, — он приказал Сюзетт:

— Иди, и приведи доктора Петерсона сюда. Сейчас же.

Сюзетт побледнела от шока, но сделала в точности то, что ей сказали, стремительно выскакивая из комнаты.

Мое сердце пронзило от отвращения к себе, и ноги подогнулись, когда я бросилась мимо Франко, направляясь к кровати. Мои глаза встретились с Кью, и я зарыдала.

Последний барьер внутри разлетелся на куски, позволяя всей неправильности покинуть меня. Я очнулась от последней финальной дымки, моя башня рухнула на землю грудой обломков, и мой разум наводило все, что я совершила.

— Кью! — Я бросилась на кровать, вздрагивая от его холодной кожи, липкой крови. Франко отодвинул меня в сторону.

— Пошла прочь, — оборачивая свои руки вокруг моей груди, он оттолкнул меня назад, оттесняя к входной двери.

— Нет! Мне необходимо остаться! Мне необходимо исправить это!

— Но его хватка так и не ослабевала. Я вцепилась руками в дверной проем.

— Постой, — приказал едва слышный голос.

Франко замер; я задрожала в его крепкой хватке.

— Кью. Мне так жаль. Я даже не знаю. Я не...

Кью втянул вдох, приподнимая себя вверх, удерживаясь на локтях. Дорожки слез очистили кровь на его лице. Он улыбнулся настолько нежно, настолько наполненный бескорыстной любовью, что я осела еще сильнее в руках Франко.

— Подведи ее сюда, — приказал Кью.

Спустя мгновение, Франко поднял меня и подвел к Кью. Он посадил меня на кровать. Я едва могла видеть сквозь пелену слез. Я не могла толком дышать из-за сильно сотрясающих меня рыданий, но Кью осторожно приобнял меня, слабо прижимая меня к своему израненному телу.

— Я прощаю тебя. Я сделал это ради тебя. Не плачь.

Осознанное принятие породило четкое понимание внизу живота. Оно накапливалось до того момента, пока не заполнило мою грудь, мое горло, пока не взорвалось в моем разуме. Всхлипы сотрясли меня сильнее, даруя идеальное освобождение.

Кью прижался своими губами к моему лбу, бормоча:

— Je t'aime, Tess. Je t'aime (прим. пер. с фр.: Я тебя люблю).

Боль сжала меня в тиски; я втянула воздух, но задыхалась от переполняющей нужды выплеснуть это.

Я рыдала так, как я не рыдала прежде.

Утыкаясь в Кью, я позволила себе отпустить все.

Я залила слезами кровать и позволила освободиться своей душе.

Своими рыданиями я обрекла себя на кошмары.

— Настоящим ты приговариваешься к жизни в тюрьме. Ты практически забила мужчину насмерть. Твоего любимого. Того, кого ты должна защищать и почитать прежде всех остальных. Что ты хочешь сказать в оправдание своих грехов?

Судья в его чрезмерно огромном белом парике сердито смотрел на меня. Я стояла на крошечном постаменте, плавно покачивающемся на волнах магмы и лавы, которые облизывали мои щиколотки. Это обжигало, и я знала, что буду мучиться в адском пламени на протяжении бесконечности.

— Мне нечего сказать. Я сделала то, что вы сказали. Я заслуживаю быть наказанной вечно.

Судья кивнул, смотря вниз на свой нос.

— И протяжение бесконечности ты будешь претерпевать страдания. Ты никогда не полюбишь, никогда не будешь счастливой. Твои улыбки всегда будут пронизаны печалью, сердце всегда будет погребено под чувством горечи.

Я склонила голову, желая броситься в лаву. Положить конец страданиям, покончить со своей гребаной жизнью, где я многим причинила боль.

— Да. Накажите меня. Заставьте меня страдать.

— Тысячу лет в аду. Где ты будешь гореть в огне, — земля разверзлась.

Черная тень закружилась, как ужасный тайфун, туша огненные волны и скрадывая жару ада.

— Я тот, кому она даровала свою жизнь. Она моя, и я говорю, что она не заслужила быть наказанной.

Я не осмеливалась поднять свой взгляд в ответ на такую добрую отсрочку от казни. Вместо этого, я сжалась в клубок, прижимая свой лоб к коленям.

— *Tu es à moi* (прим. пер. с фр.: Ты моя), — твердая рука легла на мое плечо. — Твоя жизнь принадлежит мне, и я говорю, что не готов отпустить тебя.

Я подняла взгляд, встречаясь глазами с моим спасителем, и зарыдала горячими ужасными слезами. Даже несмотря на то, что практически убила его, Кью стоял передо мной в безупречном черном костюме с улыбкой на своих идеально очерченных губах. Никаких открытых ран или стекающей крови. Он был совершенно в идеальном состоянии.

Он присел на пятки рядом со мной и накрыл ладонью мою щеку.

— Все кончено, Тесс. Это прошлое. Наше будущее это то, где мы живем сейчас, — он поцеловал меня в губы, шепча «Просыпайся, эсклава. Просыпайся. Не покидай меня. Только не после всего, через что мы прошли».

— Просыпайся.

— Просыпайся...

Я распахнула отекие и болезненные глаза. Мимолетное чувство растерянности обрушилось на меня, прежде чем я встретила с бледно-зелеными глазами.

В то мгновение, когда я посмотрела в восхитительно темную и одновременно с тем светлую душу, я сломалась опять. Мой рот искривился от ужаса того, что я натворила; мои глаза были бесполезными водопадами.

Я не могла сделать ничего, кроме как плакать и трястись, и стараться собрать по кусочкам свою разбитую душу.

Мы находились в кровати в овальной комнате. Теперь я вспомнила: доктор лечил Кью. Зашивая раны, которые были слишком глубокими, чтобы зажить самостоятельно, перевязывая неглубокие. Это все случилось только вчера?

— Я никогда не смогу простить себя, — пробормотала я, запинаясь в перерывах между водопадами слез.

Кью мягко покачал головой; его лицо блестело от россыпи не заживших шрамов и тех, что покрылись корочкой. Я сделала это с ним. Я испортила его темную красоту и окрасила его жестокостью. Я пометила его своей яростью, печалью, и каждый раз, когда я буду смотреть на него, буду вспоминать это.

Я никогда не забуду, что причинила боль мужчине, которого люблю больше себя самой.

Я прикрыла глаза, не в состоянии сносить больше мучения.

Но Кью нежно прикоснулся кончиками пальцев к моим векам, ласково моля их прикрыться.

— Не отводи взгляда. Я хочу, чтобы ты приняла меня. Люби меня таким, каков я есть.

Я не заслуживала этого мужчину. Я неконтролируемо замотала головой.

— Тесс. Подчинись мне, — его голос стал жестче, и я подняла глаза вверх, околдованная его яростью во взгляде.

— Не смей пренебрегать моим тяжким трудом. Ты чувствуешь вновь, и ты преодолеешь это все.

Он был прав. Ушел пустой вакуум, в котором я существовала. Теперь я жила в реальности, переполненной кинжалами. Вина поселилась в моих легких, отравляя каждый вздох.

Стискивая зубы, я провела пальцем по неглубокой ране на его скуле, мое прикосновение было неуверенным и нежным.

— Как ты мог простить меня за то, что я сделала?

Он сжал мою руку, прижимая ее сильнее к своей щеке.

— Как ты можешь простить меня после того, что я сделал? — Он склонил голову, целуя мою шею. — Я подвел тебя. Эти мужчины никогда не должны были забирать тебя у меня. Я подвел тебя тем, что не вернулся раньше. Я подвел тебя тем, что оставил себе. Я подводил тебя каждый чертов раз, когда связывал тебя и унижал. Я тот, кто должен просить о прощении.

Мы пристально уставились друг другу в глаза, пока мои глаза не защищало, и я не сглотнула поток слез, чтобы прекратить плакать.

— Я причинила боль птичкам, которых ты спасал, Кью. Я истязала их. Я ломала их кости, и убила девушку с татуировкой колибри на бедре, — признание облегчило часть вины, и я продолжила признаваться в своих преступлениях. — Они накачивали меня наркотиками, чтобы каждый день я считала, что ты бросил меня. Они превратили меня в своего работника, и я старалась вырваться. Я не повиновалась, но это только приводило к ужесточению наказания других девушек. Я не знаю, смогу ли вновь быть прежней собой, но ты учил меня, что я достаточно сильная, чтобы жить с последствиями своих поступков.

Я прижалась ближе к нему, желая пробраться в самую его суть.

— Я люблю тебя, Кью. Каждой клеточкой своего тела.

Он тяжело вздохнул, прижимаясь своими мягкими губами к моим.

— Я знаю, Тесс. Я знаю.

От: Тесс Сноу

Время: 19:35

Кому: Брэксу Клиффинстоуну

Привет,

Мне тяжело писать, потому что это показывает, насколько я была слаба, связавшись с тобой и заставив тебя волноваться. Все

разрешилось. Кью спас меня, Брэкс. Он сделал то, чего я никогда не предполагала. Он показал, как любит меня.

Спасибо тебе за то, что ты был здесь для меня, когда я пребывала в потерянном состоянии.

Я всегда буду рядом, если понадобится тебе, но сейчас, я должна исцелиться с мужчиной, который меня вернул к жизни.

*Всего самого наилучшего,
Тесс.*

От: Брэкса Клиффинстоуна

Время: 21:35

Кому: Тесс Сноу

Тесси,

Я так рад, что ты сейчас в лучшем месте. И это дарит мне душевное спокойствие знать, что ты находишься с мужчиной, который любит тебя. Как ему и следовало бы.

Поправляйся и будь счастлива :-)

*До скорой встречи,
Брэкс.*

Прошло три недели, пока пришла к тому, как собрать себя воедино вновь.

Кью назначил Фредерика постоянно управлять «Холдингом Спэроу», а сам находился дома со мной. Спустя пару напряженных разговоров с местной полицией, они больше никогда не беспокоили нас вновь расспросами о моем похищении, или же о том, что же сделал Кью, чтобы найти меня.

Он никогда не говорил о работе или о том, что происходило внутри «Холдинга Спэроу», но я сама была не готова поднимать эту тему. Я не хотела знать была ли я причиной того, что его на его репутацию была брошена тень.

Мы всегда находились рядом друг с другом. Наша близость исцеляла нас.

Мы разобрались с нашими недопониманиями, став для друг друга лечебным бальзамом. Мы лучше узнавали друг друга в эти дни перерыва. Спокойно разговаривая, интересуясь о простых вещах, к

примеру, таких как: наше любимое мороженное или же время года.

Сюзетт и Франко простили меня за все, что я сделала с Кью. Франко притворялся, что боится меня каждый раз, когда я подходила ближе, пока Кью не сказал ему отвалить.

Сюзетт предлагала в любое время выслушать меня, если мне понадобится поговорить, и, возможно, когда-нибудь я поделюсь своей историей, но не сейчас.

Вина еще была слишком свежа — кошмары слишком реальными. Но простое осознание того, что она понимает, заставляло меня любить ее, как сестру.

Кью и я играли в карты и слушали музыку. Мы постигали наполненную любовью тишину. Все между нами было ласково и заживляюще, связывая нас сильнее, чем наши тела, в том числе и разум тоже. В сущности, мы были близки, как никогда ранее.

Однако Кью ушел в себя на протяжении первых двух недель. Он размышлял, никогда не посвящая в то, что тревожило его. Я заметила, что он смотрит на меня с тревогой во взгляде, которая исчезала только тогда, когда он замечал, что я наблюдаю.

Он обращался со мной, как со стеклянным стаканом, не смотря на то, что что-то опасное таилось в нем. Я знала, что он страдает от того, что я совершила. Я жила в каждом действии, в каждом воспоминании, что вспыхивало на его лице. Я забрала что-то существенное из его рук и боялась, что он никогда не будет прежним.

Мое сердце то исцелялось, то разбивалось от осознания, что я могла быть повинна в том, что разрушила его.

Каждый день мы не находились на большом расстоянии друг от друга, но никогда не обменивались легким поцелуем или случайным прикосновением.

Мы никогда не предпринимали попыток заняться сексом.

Я думаю, мы были оба слишком уязвимы, все еще исцеляя самих себя посредством клейкой ленты. После того, как я позволила себе чувствовать вновь, я больше ничего не воспринимала как само собой разумеющееся. Даже пронзительная боль в моем сломанном плоскогубцами пальце что-то значила для меня — она значила, что я была достаточно сильной, чтобы выжить. И Кью точно знал, как вернуть меня обратно.

В физическом плане Кью быстро исцелялся. Возможно, он стал

даже более сексуальным, более живым и настоящим для меня. Как только швы были сняты с наиболее глубоких ран на его груди, его татуировка начала выглядеть темнее, наполненная болью и несчастьем, но в тоже время свободой.

След от пули на его бицепсе ужасным образом возвращал меня обратно к тому, что произошло. Кью получил его, в попытке найти меня, убивая за меня. Я никогда не смогу смотреть на него, не переживая прошлого. Без того, чтобы не вспоминать, каким образом мой разум обратился против меня. Как я могу жить без истории произошедшего, которую даже не могу вспомнить, а все благодаря наркотической дымке.

Но это было в его выражении лица, которое заставляло мое сердце сжиматься каждый раз, когда я смотрела на него.

Его идеальная, нетронутая кожа теперь блестела множеством шрамов. Из дня в день они превращались из розовых в серебристые и только прибавляли ему идеальности. Постоянное напоминание того, что я сделала и того, что он отдал взамен.

Кью поднял взгляд, усмехаясь.

— Я могу чувствовать, как ты раздеваешь меня своими глазами, эсклава.

Мой желудок сделал сальто, и я легко рассмеялась.

— Я должна признать, что мои мысли становятся грязными.

Ноздри Кью затрепетали, теплые дружеские отношения между нами переросли в наполненные страстью. Впервые за три недели простая химия переросла в жар.

Подаваясь вперед на шезлонге, где мы нашли убежище на патио снаружи гостиной, Кью пробормотал:

— Я скучаю по тебе.

Солнце во второй половине дня было теплым, но прохлада в воздухе обозначала, что мы должны были набросить шерстяные пледы поверх наших ног. Я могла представить нашу жизнь через пятьдесят лет с Кью, когда он будет благородным мужчиной в возрасте и меня рядом с ним. Никогда больше я не задумаюсь о том, чтобы уйти. Несмотря на то, как бы плохо не обстояли дела, я никогда больше отстранюсь и не забуду, что Кью моя причина, чтобы жить.

Мой взгляд устремился позади него на гостиную. Никого там не было. Все женщины, которые были из Рио, включая Сефену, были

возвращены по домам к их любимым людям, и в первый раз за месяцы, мы были на самом деле одни. Даже миссис Сукре, Франко и Сюзетт отправились в деревню, оставляя на свое усмотрение.

Дом был пуст, но я знала, что он не останется таким надолго. Кью найдет больше спасенных; он приведет их домой и исцелит. Точно так же, как он исцелил меня вопреки всему.

Мое сердце сжалось, и я поблагодарила за каждый способ, который он использовал, чтобы вернуть меня обратно. Я больше никогда не хотела жить в такой пустоте вновь.

Выражение лица Кью потемнело, и он отвел взгляд в сторону.

— У меня есть кое-что для тебя, но я не уверен, как ты это воспримешь, — он выпрямил спину, делая закладку на странице документа о недвижимости, который изучал. — Я хотел бы подождать чуть подольше, но не думаю, что смогу.

Любопытство и восхитительное ощущение возбуждения заставило меня почувствовать себя на грани. Откладывая скетчбук на колени, я слегка нахмурилась из-за беспорядочного расположения зданий и от того, как неаккуратно выглядели линии. Мой палец зажил, он потерял способность полностью сгибаться и это постоянно мешало.

Кью забрал скетчбук и бросил его на патио, вместе с отчетами о недвижимости. Он поднялся на ноги, протягивая руку, властная аура окружила его.

— Что? — Я улыбнулась. — К чему такая спешка?

Он покачал головой, сбрасывая одеяло с моих ног, добавляя его к тому, что уже лежало на полу.

— Я хочу кое-что показать тебе, пока смелость окончательно не покинула меня.

Когда вложила свою руку в его ладонь, он одним рывком принудил меня подняться. Я закашляла, и его глаза сузились. Даже после многих недель лечения, мои легкие все равно ощущались, словно я была курильщицей со стажем. Но Кью не торопил меня. Он так сильно заботился обо мне. Ни разу не попросил того, что я была бы не готова дать.

Один единственный раз я пыталась поцеловать его, надеясь на большее, но он оттолкнул меня, сказав мне, что ему необходимо время. Необходимо время, чтобы увидеть во мне сильную женщину, которой я была, а не инвалида, которым стала. Он сказал, что любит меня, но

извращенная часть его нуждалась в том, чтобы я окончательно излечилась и была готова сопротивляться тому, что он потребует, прежде чем он обратно пустит меня в свою постель.

Я поняла. Я приняла это как часть его и не давила, но никогда не прекращала желать его.

Но теперь, с его сильными пальцами, обернутыми вокруг моих, я надеялась, что мы, наконец, могли оставить прошлое позади и создать новые воспоминания.

Кью не произнес ни слова, пока вел меня через гостиную и поднимался вверх по лестнице, устланной голубым ковром. Когда мы достигли верхней ступеньки, он рывком притянул меня ближе. Я задохнулась, когда его губы жестко прижались к моим. Его руки опустились на мои бедра, удерживая меня на месте.

— Я хочу кое-что сделать с тобой, эсклава, — его мрачный голос проник в самую суть меня, оставляя меня пылающей от желания и влажной.

Я поцеловала его в ответ, открываясь, подталкивая его поцеловать меня сильнее. Он разорвал связь, увлекая меня дальше по коридору.

Мое сердце болезненно сжалось, когда мы прошли мимо комнаты, где я практически убила Кью. Как мне было известно, комнаты больше не существовало. Бригада рабочих занялась помещением, и Кью запретил мне когда-либо заходить туда.

Мы не остановились, пока не достигли восточного крыла, проходя мимо множества дверей.

Мой желудок сжался от нетерпения, когда Кью наконец замедлился и положил свою ладонь на ручку.

Он тяжело выдохнул, как если бы планировал это в течение некоторого времени, но только сейчас у него хватило смелости решиться на это. Для Кью быть напуганным значило, что он собирается сделать что-то радикальное.

Я напряглась, ожидая, что меня захлестнет переполняющее чувство страха предстоящей боли. Урок, которому меня научил Белый Человек — избегать ее всеми возможными способами, все еще не отпускал меня. Я жила с призраками того, что совершила, не в силах избежать внезапного стискивающего ощущения печали и ужаса.

— Я не принуждаю тебя. Ты можешь ответить «нет», — проговорил Кью, открывая дверь и подталкивая меня пройти внутрь.

Мой рот открылся, когда он провел меня в комнату и закрыл дверь.
— Ты сделал это? — прошептала я.

Все вокруг нас было огромной, замысловатой клеткой. Стены были выкрашены в виде серебристых прутьев, огромный серебристый замок свисал с потолка, в виде люстры. Потолок был зеркальным, в то время как нарисованные раскидистые ветви нависали сверху. В ковер были вжаты настоящие металлические решетки.

Мы находились в ловушке, заточенные, как его любимые птицы.

Кью прочистил горло, прожигая меня своим напряженным взглядом.

— Я хотел комнату, которая бы символизировала нас. Клетка — это обещание, — его тело в то время как моя потребность в Кью стремительно увеличивалась, пока мое сердце взволнованно не затрепетало. — Ты сказала, позволишь мне сделать это в этот раз. Я надеюсь, ты не откажешься.

Он сжал мои щеки своими жесткими пальцами, напоминая мне, что он, может, и вел себя нежно и по-доброму последние пару недель, но он не является таким мужчиной на самом деле. Он сдерживал гнев, тьму подальше от меня, тщательно ограждая меня от мыслей, которые посещали его.

— Я уже говорил тебе, что не смогу впустить тебя к себе в постель, пока не буду уверен, что все, что произошло, осталось позади. Ты знаешь, что мне нужен кто-то сильный, несгибаемый, смелый.

Я кивнула, мой пульс тяжело отдавался в венах.

— Я вижу прошлую Тесс. В первый раз за много недель, когда ты смотришь на меня, я вижу ее. Я хочу ее. Так черстовки сильно. — Он обрушился ртом на мои губы, заставляя мою нужду закружиться в неконтролируемом водовороте.

Кью разорвал поцелуй, издавая рык.

— Мне необходимо быть внутри тебя, но вначале нужно кое-что сделать.

Я едва выдохнула, стараясь понять, что же он хочет.

— Я дам тебе все, о чем ты просишь.

Его губы сжались, бледно-зеленые глаза загорелись тьмой, что царила внутри них.

— Это правда, эсклава? Пожертвуешь ли ты своей жизнью ради меня? Позволишь ли ты стегать тебя плеткой? Подвешивать тебя?

Подчинишься ли полностью моим приказам?

Я не могла остановить противоречивые эмоции, что наполняли меня. Прошлая Тесс, которая получала удовольствие от боли, желала все, что предлагал Кью. Но эта, более мягкая версия Тесс — та, которая убивала и причиняла боль — не желала иметь ничего общего с болью и криками до конца жизни.

Но это не имело значения.

— Да. Я согласна.

Кью отчаянно поцеловал меня, врываясь языком в мой рот, заставляя впитывать его нужду и страсть. Что бы он ни хотел спросить у меня — это много значило для него. Я могла чувствовать это.

— Ты принадлежишь мне, Тесс, но ты никогда не была на самом деле сабмиссивом. Каким-то образом, ты отдавала мне все что могла, но в то же время, не позволяя к этому прикоснуться. Ты чертовски сводишь меня с ума. И именно поэтому я должен сделать это.

— Тебе не нужно мое разрешение, — мой голос опустился до хриплого шепота; лоно сжалось от одной мысли, что он связывает и трахает меня. Мне нужно было ощутить связь. Я нуждалась в том, чтобы он был внутри меня. — У тебя уже есть оно.

Он развел в сторону свои руки, и я оказалась сжата в его объятиях. Для мужчины, который никогда прежде не обнимался, он обнимал меня довольно часто. Он обнимал меня не только с чувством любви. Он властно заключал в свои объятия, агрессивно, ведомый наваждением.

Кью отстранился, его челюсти были крепко сжаты.

— Это будет больно. Но ты мне дала свое слово.

Страх сменился любовью в моем сердце, когда Кью посмотрел на меня в последний раз, прежде чем направиться к камину. Со звуком щелчка, был включен газ, и ненасытное пламя возродилось к жизни, пылая внутри кладки камина, в которой располагались два длинных прута.

Кью взял один из них, возвращаясь ко мне вместе с ним в вытянутой руке.

— Возьми его.

Я прокляла себя за дрожь, но взяла прут, разворачивая его, чтобы рассмотреть знак клейма на конце. В то мгновение, когда я увидела его, сразу же вспомнила, что обещала. Что Кью может покрыть шрамами мою кожу, чтобы освободить свой разум. Что он может пометить меня,

чтобы всегда знать, что я принадлежу ему.

Я провела своими пальцами по знаку.

Кью застыл, излучая мрачную энергию, заставляя отстранить себя от желаний, которые я не могла выполнить. После того, что произошло в золотисто-красной комнате, он заключил себя в свою нервозность, его раздражительность, как в плащ. Я не имела понятия, как сильно я ранила его, но даже в тот момент, когда он был нежным и заботливым, он был переполнен тенями, живущими в том месте, которое я не была уверена, что смогу найти.

Знак представлял собой большую букву «Q» с воробьем, устремляющимся вниз, как и хвостик буквы (прим. пер.: заглавная буква имени героя Q, отсюда и знак на конце прута).

Мои глаза устремились к его, утопая во взгляде.

Мышцы его плеч напряглись, когда он отвел волосы с моей шеи, пробегаясь подушечкой большого пальца по всей длине шрама, оставшегося от трекера.

— Я хочу заклеить тебя. Я должен иметь что-то на твоей коже, что принадлежит только мне, — он склонил голову, чтобы оставить поцелуй на шраме. — Мне необходимо знать, что ты принадлежишь мне.

— Я твоя, тебе известно это.

Он покачал головой, несчастье отражалось в его глазах.

— Ты собиралась оставить меня. Мне пришлось вручить тебе свою жизнь, чтобы ты осталась. Мне нужно видеть, что ты принадлежишь мне каждый раз, когда я смотрю на тебя. Каждый раз, когда кто-то другой смотрит на тебя, мне необходимо, чтобы они знали, что ты занята. Назови это диким или ужасным и скажи мне, что я чертовски эгоистичный, но, Тесс, я нуждаюсь в этом. Я не могу вернуться к тебе по-другому.

Я не собиралась ждать ни секундой дольше. Если он нуждался в этой простой вещи, пусть будет так. Я хотела ее тоже.

Передавая прут в его руки, я проговорила:

— Сделай это. Для меня будет огромной честью носить твою метку.

Его челюсти сжались, когда он сдержал огромный груз эмоций. Его бледные глаза заблестели.

— Je te remercie du fond de mon cœur (прим. пер.: Спасибо тебе от всего сердца).

Вместе мы подошли к камину. Мой пульс участился, когда он поместил конец клейма в пламя.

Его пальцы сжали мои, когда он потянулся к другому пруту и передал его мне. Когда я взяла его у меня на глазах навернулись слезы.

На этом был знак заглавной буквы «Т» с клеткой, свисающей с нее. Абсолютный символ того, что я пленила его навеки.

Я пристально уставилась в его глаза.

— Ты уверен?

Он мягко покачал головой, забирая прут, и располагая его в пламени рядом с другим.

— Тебе даже не следует спрашивать, эсклава.

Мое горло сжалось, и мы не смогли произнести ни слова, когда металл от матово-темного накалился до раскалено-красного.

Кью отпустил меня, чтобы скрыться в ванной комнате. Он вернулся с охлаждающим бальзамом и медицинскими пластырями для последующей обработки.

Моя кожа разрумянилась от мысли насколько это должно быть болезненно, но я пресекла эту мысль на корню. После всего, что перенесла, ожог не напугает меня.

Когда все было разложено, Кью развернулся ко мне, указывая на пол.

— Преклони колени.

Я сделала, как он просил, склоняясь на колени перед мужчиной, который владел моим сердцем и душой. Который являлся всецело моим господином. Со сосредоточенностью, что царил в его глазах, и плотно поджав губы, Кью поднял раскаленный прут, и, не раздумывая, резко прижал его к моей шее.

Опаляющий, жгучий жар заставил на мгновение помутиться мое видение, отвратительный звук шипения на коже практически заставил меня вырвать. Но затем это ощущение прошло, и Кью поставил прут обратно в огонь.

Не теряя ни минуты, он взял медицинские принадлежности и нанес антисептический крем, затем закрепил пластырь.

Я не смела смотреть ему в глаза в то время, когда он ухаживал за мной. Я могла чувствовать его сильное желание, непередаваемое счастье от того, что он только что сделал.

Я хотела увидеть. Я хотела посмотреть в зеркало и проверить, как

он окончательно пометил меня, принадлежащей ему, но Кью поднялся на ноги и взял другой прут. Опускаясь на колени передо мной, он передал мне его за держатель. Я медленно поднялась на ноги.

Закусывая губу, я задрожала от мысли, что я причиню ему еще больше боли. Смогу ли я на самом деле сделать это? Моя собственная шея пульсировала от нестерпимого ощущения боли, опаляющей и пронзительной.

Сильными уверенными пальцами, Кью расстегнул белую рубашку. Как только он широко развел ее, открывая моему взгляду воробьев и колючую проволоку, провел пальцами на уровне своего сердца.

— Я принадлежу тебе, Тесс. Заклейми меня, чтобы ты тоже знала это.

Мой живот скрутило от мысли, что я нанесу ему ожог, но я напрягла свои мышцы и склонила под углом раскаленный знак чуть выше уровня его сердца.

Кью выпятил вперед грудь, стискивая кулаки, что покоились на бедрах.

— Резко и быстро, эсклава.

Я кивнула и прижгла. Знак выплавился на коже за считанные секунды. Едкий запах паленых волос заполнил комнату. Мгновение спустя я убрала прут, бросая ужасное клеймо обратно в огонь.

Кью застонал, когда поднялся на ноги, его рубашка повисла спереди, прилипая к обожженной коже. Я резко развернулась, чтобы взять крем и бинты, прежде чем поухаживать за Кью. Легким движением, сбрасывая с его плеч рубашку, я дернулась.

Он не отводил своих глаз от меня, в то время как я втирала охлаждающий бальзам в его рану. Дизайн метки был безупречный, каждая решетка глубоко отпечаталась на его коже; буква «Т» была выполнена женственным прописным курсивом.

Слезы непроизвольно катились, когда я заклеивала метку, прикрепляя к ней пластырь.

Он преподнес мне себя. Навечно.

Кью заключил меня в свои объятия.

— Я уже могу чувствовать тьму возрождающуюся к жизни. От осознания, что ты моя. Что ты по своей воле вновь преподнесла мне в дар свою боль, — он уткнулся носом в мои волосы, глубоко вдыхая. — Я думал, что утратил эту потребность. Потерял эту часть себя.

Мне не нужно было спрашивать, какую часть Кью потерял. Я всегда знала, что он жил с демонами в своей душе.

Кью двинулся, оттесняя меня спиной к кровати. Кровать больше не находилась на полу — она была выполнена в виде клетки уменьшенного размера. Свисающей с потолка на прутьях и цепях. Складки материала, окутывали пространство, словно идеальная ловушка — ловушка, которая сохранит нас в безопасности вместе.

— Я хочу тебя, — пробормотал Кью, его пальцы уже расстегивали крошечные пуговички на моей блузке. Все пробудилось к жизни. Я прильнула к нему, потираясь сосками о его костяшки.

Он вздохнул, опуская вниз чашечки моего бюстгалтера, покрывающие грудь.

Мои руки легли на его обнаженный торс, неспешно опускаясь к ремню. Он ожидал, пока я расстегну пряжку ремня, и вытащу его. Грудь Кью вздымалась и опадала, когда я взяла кожаный ремень в свою руку.

Его напряжение, настороженность достигли апогея, и я увидела мужчину, которого чуть не забила до смерти.

Кью, мой господин, хотел использовать свой ремень. И я хотела, чтобы он сделал это.

Со страстной мольбой в глазах и любовью, что взорвалась в моем сердце, я преподнесла ему ремень на вытянутых руках.

Глава 25

*Я жажду видеть, как зарумянится твоя нежная кожа —
исполосованная и в отметицах, она меня заводит,
я не могу сдержать это, ты выпускаешь меня на свободу...*

Кью

Я не знаю, как долго смотрел на Тесс.

Она стояла там, держа ремень, предоставляя мне его с таким доверием в ее глазах, что последнее сомнение, с которым я жил, растворилось.

Прошлый я. Я, который знал и думал, что потерял ее навеки, вновь ожил. После многих недель жизни в такой сокрушительной дезориентации, я думал, что навсегда обречен жить без монстра внутри, наедине с самим собой.

Темные желания исчезли, забирая с этим все остальное. Это было похоже на то, как если бы монстр покинул меня, чтобы я погряз в печальном одиночестве.

Я вырвал ремень из ее рук. Вздрагивая всем телом, я пропустил кожаный ремень через пальцы. Тьма ожила, принося с собой рычание и животные позывы. Я должен был быть счастлив, что они оставили меня в покое. Но я обнаружил, что скучаю по этому. Я скучал по пониманию того, кем являлся. Мне не суждено было быть нормальным. Мне не суждено было быть... человеком.

Тесс вздрогнула, ее грудь приподнялась. Я сглотнул, сопротивляясь сильному желанию.

На протяжении трех недель, я избегал всех мыслей о сексе. Я не мог стерпеть мысли, чтобы быть рядом с Тесс, когда я больше не узнавал себя. Я утратил что-то основополагающее, когда Тесс украла у меня мое достоинство, мой контроль, власть.

Тесс ранила меня, и я потратил три недели в попытке исцелить себя.

Отсутствие связи с желаниями монстра позволило мне стать ближе к Тесс, чем мне представлялось возможным ранее. Я мог утешить ее без

нужды стиснуть слишком сильно в своих объятиях, или позволять ей смеяться без того, чтобы опрокинуть ее на землю и трахнуть.

Отсутствие этих нужд позволило мне увидеть себя в другом свете. Я увидел, что могу быть нежным — забавно даже думать о таком — и я мог делать это, не принуждая себя.

Я предоставил Тесс пространство, чтобы она излечилась, и претерпела изменения от болезненно-больной до сильного человека, способного выжить. День за днем ее страсть и дух возвращались к жизни, и каждый раз, когда она становилась сильнее, мой зверь постепенно высовывался из своего укрытия, возвращаясь ко мне, отчасти напугано, отчасти нежеланно.

Мои глаза опустились к пластырю, который скрывал ее метку, и мой желудок скрутило от острого удовольствия. Я, наконец, понял, как сделать и монстра внутри меня и человека счастливыми, и это, кажется, работало. Одно осознание, что на Тесс находился явный знак того, что она принадлежит мне, помогало мне успокоить стремление наносить порезы на ее кожу и заставлять ее истекать кровью. Это подавляло переполняющую необходимость, позволяя мне дышать свободней, позволяя приручить себя.

С этого момента, я сделаю единственной целью в моей жизни создать новые воспоминания, похоронить прошлое, сохранить каждое счастливое воспоминание, которое мы с Тесс сможем создать.

Тесс задышала тяжелей, когда я сложил ремень в своих руках, щелкая кожей. Я посмотрел на нее, мой член стремительно стал жестче в моих джинсах.

— Ты уверена?

Когда-то я бы не дал ей выбора.

Мне было бы все равно на то, каков будет ее ответ.

Я бы сделал это, несмотря ни на что. Но теперь ее разрешение значило для меня больше, чем просто необходимость брать. Ее подчинение питало зверя больше, чем ее борьба.

Мы разрушили друг друга, и единственная возможность остаться цельными: сплести нас вместе, склеить рваные части, сшить наши души в одну.

Она кивнула.

Это было все, что мне было необходимо знать. Сжимая ее затылок, я приблизил ее к себе и поцеловал. Я вкладывал в поцелуй все, что

чувствовал. В благодарность за то, что она позволила мне пометить ее, и в облегчении от того, что, наконец, вновь почувствовал себя прежним.

Она вцепилась в мою грудь, притягивая меня ближе. Я прижался сильнее, позволяя ей ощутить, как сильно я нуждался в ней.

Издавая стон, она подняла вверх ногу, закидывая ее неуверенно на мое бедро. Я подхватил ее под колено, поднимая выше, подталкивая обернуть две ноги вокруг моих бедер.

В то мгновение, когда Тесс заключила меня в плен между своих ног, она потерялась об меня, прижимая восхитительный, пленительный жар к моему члену.

Я прекратил целовать ее, чтобы опустить голову и прикусить ее шею — ту сторону, которую не подверг клеймлению.

— Кью. Пожалуйста. Я нуждаюсь в тебе.

Я планировал, чтобы это было неспешно и страстно, но необходимость быть ближе застигла меня врасплох. Мне необходимо было быть внутри нее. Прямо сейчас.

Расцепляя ее ноги, я бросил Тесс на кровать и расстегнул пуговицу на брюках. Тесс начала неистово извиваться, когда я стягивал их по ее ногам. Она избавилась от своей блузки, сбрасывая ее с кровати.

Я пристально смотрел на нее.

Она была одета в простое белое белье. Ее тело было худым по сравнению с прежними формами, но ее живучесть поставила меня, черт побери, на колени.

Когда я забрался на кровать, цепи, удерживающие ее, начали раскачиваться, заставляя нас покачиваться и наклоняться. Тесс подняла взгляд, смотря на балдахин, и я воспользовался моментом отвлечения, чтобы наклониться и обрушить свой рот на ее киску.

Ее бедра качнулись в тот момент, когда мое горячее дыхание коснулось ее плоти. Издавая крик, она скользнула пальцами в мои волосы, заключая меня в плен, прижимаясь сильнее, требуя.

Ее приказ сделал со мной две вещи. Прежде, если бы мне было сказано, что делать я бы разозлился. Теперь, я хотел подчиняться ей — ублажать ее и делать все, что, черт возьми, она скажет. Животное все еще рычало и хмурилось, испытывая желание заставить ее извиниться за то, что она повелевала мной, но я мог игнорировать это. Впервые в жизни я нашел равновесие.

Присаживаясь, я резко стянул ее трусики и вновь склонился. Ее

вкус наполнил мою гребаную душу, когда я лизал неспешными и длительными прикосновениями языка.

— Кью. Черт возьми. Сильнее!

Я рассмеялся, когда Тесс выругалась и застонала. Наслаждаясь тем, что доставляю ей удовольствие, трахая ее языком, вытягивая из нее каждую каплю удовольствия и влаги.

Мой член изнывал от желания кончить. Я не притрагивался к себе с того самого времени, как в последний раз был с Тесс. У меня не было желания.

Но теперь я хотел. Бл*дь, как же я хотел.

С последним решительным прикосновением языка, я присел, избавляя себя от джинсов и боксеров одним рывком. Я хотел связать Тесс и использовать разные игрушки на ней. Я хотел, чтобы она кончала вновь и вновь, но сильная необходимость крепко стиснула меня за яйца, и все о чем я мог думать, как буду глубоко вдабливаться в нее.

— Встань, — приказал я, присаживаясь на колени, с ремнем, что все еще находился в моей руке.

Тесс в тот же миг повиновалась, и я зарычал от удовольствия. В тот момент, когда она поднялась, я указал ей на своей член.

— Сядь на него.

Ее губы приоткрылись и она замешкалась. Моя рука дернулась вместе с ремнем. Я позволил всего на мгновение взять надо мной вверх животному. Я хлестнул ее по бедру кожаным ремнем, влюбляясь в нее вновь, когда она дернулась, а затем задрожала всем телом от удовольствия.

— Сядь на меня, Тесс. Или я буду тебя бить до того момента, пока ты это не сделаешь.

Она склонила голову, позволяя кудрям ниспадать на лицо.

— Я хочу испробовать тебя. Как ты меня.

Мысль о ее губах вокруг моего члена была чрезмерной для меня. Я все еще не простил ее за то, что она заставила меня испытать такой неистовый оргазм ранее. Качая головой, я потянулся к ней, усаживая ее на мои бедра.

— Не сегодня.

Тесс прикрыла глаза, когда я потянул ее опуститься на себя. Ее влажные складочки соприкоснулись с моим членом, скользя глубже, обхватывая меня этой, черт побери, приятной тьмой.

Я застонал, когда она опустилась ниже. Мой член набух от желания неистово толкнуть в нее.

В тот момент, когда она полностью насадила себя, я отвел запястье в сторону и ударил ее по пояснице ремнем.

Она задохнулась, когда ее внутренние мышцы стиснули меня сильнее глубоко внутри нее.

— Черт, сделай так еще раз, — прорычал я, нанося ей удар кожаным ремнем.

Та же самая реакция — внезапное соприкосновение ремня с ее кожей, и она неистово обхватила меня, поглощая своими сильными мышцами.

Я толкнулся один раз и Тесс, черт побери, взорвалась. Ее пальцы глубоко скользнули в мои волосы, когда она приподнималась и опускалась, трахая меня, в то время как содрогалась, покачивалась, открывалась.

Ее удовольствие буквально заставило меня утратить контроль. Я стиснул зубы, сражаясь с потребностью.

В то мгновение, когда она прекратила кончать, я сорвал пластырь с ее шеи. Она вздрогнула, но я пробормотал:

— Просто позволь мне смотреть, в то время как я буду любить тебя. Позволь мне знать, что ты моя.

Она кивнула, дергаясь от предыдущего толчка вокруг моего члена.

— Я собираюсь жестко трахнуть тебя. Я так чертовски сильно скучал по тебе, — я пристально уставился в ее глаза. — Тебе следовало подождать, когда я кончу. Теперь я должен убедиться, что ты кончишь еще раз.

Ее губы приоткрылись; она задрожала, когда я толкнулся бедрами вверх.

— Черт побери, как хорошо, — мои глаза впились в ее шею и я промурлыкал. Я, черт побери, промурлыкал от удовольствия, наблюдая за моей меткой выжженной на ее коже.

Пальцы Тесс возились с пластырем над моим сердцем, и я наслаждался вспышкой обладания в ее глазах, когда она посмотрела на метку.

— Ты принадлежишь мне, — прошептала она. Ее киска сильнее сжалась вокруг меня, и я старался сделать вдох.

— Les uns des autres (прим. пер. с фр.: Мы принадлежим друг

другу), — удерживая одну ладонь на ее бедре, я нанес ей удар ремнем, когда толкнулся вверх. Не слишком сильно, но и не слишком нежно.

— Боль и удовольствие, Тесс. Запомни.

Ее глаза затрепетав, закрылись, когда я подстроился под ритм: толчок, удар, толчок, удар. Она стонала с каждым покачиванием, хватая меня за яйца, ускоряя мой оргазм, пока он не наполнил каждую часть меня.

Мое сердце ускорило бег, и мне понравилось покалывающее ощущение от желания разрядки. Когда я больше не мог удерживать ритм, я отбросил в сторону ремень, и притянул Тесс ближе к себе. Ее грудь прижалась к моей груди, раздражая обожженную кожу. Смесь удовольствия и боли разрушила меня.

Я усилил скорость проникновения, пока Тесс покачивалась в моих руках. Мои глаза были прикованы к ее шее. Красная, отчетливая буква «Q», навсегда выжженная на ее коже, принесла мне разрядку только от одного взгляда.

Это чертовки идеальная женщина принадлежала мне. И теперь каждому будет известно это.

Мой оргазм взорвался, расходясь огромными волнами, наполняя ее с каждым толчком. Мои глаза закатились, когда я существовал только для того, чтобы глубоко кончать внутри нее.

— Бл*дь, эсклава. Прими это. Прими это все.

Тесс издала вскрик, когда я погладил ее клитор. Второй оргазм взорвался, выжимая все до последней капли, поглощая меня, пока я не рухнул в ее объятия.

Мои бедра содрогались мелкой дрожь от толчков, и я чувствовал покалывания в икрах, но мне было абсолютно по хрену, когда мой член находился глубоко в женщине, которую я боготворил, и когда моя сперма была размазана по ее телу.

Тесс подалась вперед, целуя меня с нежностью.

— Я люблю тебя, Квинси.

Моя спина напряглась. Обычно я ненавидел свое полное имя. Это имя принадлежало моему отцу. Имя, которое бы я предпочел забыть навсегда, но в этот момент, я любил его. Я любил то, что Тесс любила меня. Я любил то, что Тесс принимала меня.

Я любил ее чертовки сильно.

— Je t'aime, — я прошептал ей в ответ.

Спустя некоторое время, я был разбужен хныкающей Тесс в моих руках. Ее кошмары не ушли, и каждую ночь она просыпалась с криками, вонзая мне в сердце нож. Я хотел проникнуть в ее сны и перебить всех до последнего ублюдка, что истязали ее.

Целуя ее в лоб, я пробормотал:

— Tu es en sécurité. Avec moi (прим. пер. с фр.: Ты в безопасности. Со мной).

Когда она успокоилась, я привлек ее ближе к себе. Просовывая руку под подушку, я хотел достать кое-что, что я оставил там пару дней назад. Когда я создал дизайн железных прутьев, я знал, что если Тесс позволит мне пометить себя чем-то настолько постоянным, тогда я пойду еще дальше, чтобы окончательно сделать ее своей.

С того момента, как я принял это решение, мои головные боли как по волшебству прошли. Как если бы весь стресс, которым жил, ушел прочь, давая мне знать, что я принял правильный выбор. Единственный выбор.

Я не собирался ждать дольше, чтобы связать мою жизнь с ней. Я бы ни за что не отпустил ее, и пришло время, чтобы остальная часть мира знала это.

Тесс пробормотала, открывая сонно глаза.

— Что ты делаешь?

Мягкий полумрак подчеркнул ее серо-голубые глаза, мерцая золотом в ее светлых волосах. Хотелось бы мне иметь камеру, чтобы запечатлеть ее безмятежную и неподвижную красоту. Она выглядела так хрупко, и я признавал два желания: первое, что хотел видеть, насколько она была бы хрупка, если бы я использовал плетку, и другое, в котором я хотел обернуть ее в воздушную оболочку и покрыть поцелуями.

Моя ладонь обернулась вокруг крошечной вещи, которую я спрятал под подушкой, и сел, поднимая вместе с собой Тесс.

Одеяло соскользнула с ее тела, обнажая идеальную грудь и розовые соски. В тот же миг мой член затвердел. Мне пришлось отвести взгляд в сторону, прежде чем я не набросился на нее и не забыл, что мне нужно сделать.

Тесс зевнула, встряхивая волосами.

Мой желудок сжался от нервов, принуждая меня изменить решение.

«Ты принимаешь правильное решение. Соберись, мужик».

— У меня есть еще один подарок для тебя.

Ее взгляд опустился на простынь, что лежала у меня между ног. Облизывая губы, она пробормотала:

— Второй подарок... это было бы замечательно.

Я рассмеялся, качая головой.

— Нет, ты маленькая секс-маньячка, мой член не относится к этому.

Она надулась, потянувшись вперед, чтобы схватить меня.

Легкое раздражение наполнило меня, и я отбросил ее руку в сторону. Черт побери, она не облегчала задачу.

Я покрутил подарок в своих пальцах, держа подальше от ее взгляда.

— Мне нужно, чтобы ты приняла и носила это точно так же, как и метку, которую я тебе сделал. Compris? (прим. пер. с фр.: Понятно?)

Она нахмурилась, но медленно кивнула.

Сейчас или никогда.

Я разжал кулак, протягивая руку к ней. На моей ладони лежало кольцо, дизайн которого я проработал до мельчайших деталей и заказал у местного ювелира.

Оно представляло все, кем я был. Всем чем, мы являлись. Всем, чем, я надеялся, мы станем.

В тот же день я отправился, чтобы забрать готовое изделие, я купил также пару голубей. В распоряжении счастливиц было предоставлено целый вольер, но я планировал добавить еще, как только вернусь к работе, занимаясь тем, что мне удавалось лучше всего.

Тесс отпрянула от кольца, словно оно могло укунить ее. Я нахмурил лоб, когда достал его кончиками пальцев и проверил ювелирную работу. Он сделал все идеально: два соединяющихся крыла, образующие вместе круг. Каждое перышко было выполнено вручную до мельчайших деталей и инкрустировано бриллиантами. Золотое кольцо было более массивным, чтобы...

— Это для меня?

Ее глаза наполнились слезами, и я схватил ее за руку, прежде чем она успела бы убежать прочь из комнаты. Она что, не хотела этого?

Как она могла не принять кольцо, когда она позволила мне выжечь метку на своей коже?

Ярость глубоко осела в моем желудке, стягиваясь узлом от ощущения отказа.

Тесс не произнесла ни слова, когда я взял ее руку, надевая обручальное кольцо на ее палец — то, которое символизирует серьезность намерений и духовное единение.

Она восполняла мои человеческие качества. Я бы никогда не смог отпустить ее.

Единственная слезинка сорвалась с ее ресниц, когда она приблизила руку, чтобы рассмотреть украшение.

Потребовалось ужасная цепочка обстоятельств, чтобы свести нас вместе. Наши отношения были далеки от понятия «нормальные», наши потребности и образ жизни уникально отражали нас, но после всего, что мы преодолели — я хотел большего. Я больше никогда не хотел просыпаться без Тесс рядом со мной. Я хотел, чтобы она была со мной, когда я буду охотиться за ублюдками, вовлеченными в торговлю людьми, и убивать их. И наконец, я хотел обрести смелость, чтобы показать ей, что мне было необходимо для полного счастья.

С отчаянно стучащим сердцем, я проговорил:

— *Veux-tu m'épouser?* (прим. пер. с фр.: Ты выйдешь за меня?)

Она втянула вдох, затем бросилась в мои объятия, отчего мы рухнули на кровать, и ее губы обрушились на мои.

Я чувствовал счастливые соленые слезы и страсть.

Впервые я чувствовал себя цельным, невероятно счастливым и крайне наполненным.

— Тебе не нужно спрашивать меня. Мой ответ уже дан.

Я улыбнулся, накрывая ладонью ее подбородок.

— Теперь, когда оно на твоем пальце, мне следует сказать тебе, что в нем находится отслеживающее устройство. Я больше никогда не хочу, чтобы ты была вдали от меня.

Тесс рассмеялась.

— Считаю себя предупрежденной, — она поцеловала меня вновь, но я оттолкнул ее, отодвигаясь к краю кровати.

Она наблюдала, как я поднял джинсы и протянул ей руку.

— Собирайся. Мы уезжаем.

— Уезжаем?

Когда она не двинулась с места, я схватил ее за щиколотку и подтянул к краю кровати, заключая в ловушку своих рук. Тьма и свет, и каждая гребаная эмоция бурлила внутри меня; я не мог ждать больше ни минутой дольше.

— Мы собираемся пожениться.

Глаза Тесс широко распахнулись.

— Сейчас?

— Сейчас. Нет смысла ждать. — Я заключил ее в свои объятия. — Я хочу начать нашу совместную жизнь, Тесс.

Ее губы накрыли мои.

— Она уже началась.

Я поцеловал ее в ответ, заставляя проглотить мои слова.

— Твоя жизнь — моя. Моя жизнь — твоя. Я хочу, чтобы это все было официально.

— Это и так официально. Ты заклеил меня, — она улыбнулась, прикасаясь к моему плечу.

— Это не официально, пока ты не предстанешь передо мной в белом платье, давая клятву подчиняться и служить мне до конца твоей жизни, — я шутил только отчасти. — Мне необходимо вручить тебе мою жизнь. Мне необходимо, чтобы ты стала моей женой.

Тесс кивнула.

— Я хочу видеть тебя в качестве моего мужа, отныне и навечно, пока смерть не разлучит нас.

КОНЕЦ

25.06.2018

Третья книга серии будет переводиться в группе

https://vk.com/bellaaurora_pepperwinters

Следите за обновлениями